

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР 3(112)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Последствия пандемии COVID-19 для России и мира
Implications of the Covid-19 pandemic for Russia and the World

*Современное российско-японское торгово-
инвестиционное сотрудничество*
Modern Russian-Japanese trade and investment cooperation

Формирование украинской идентичности
The formation of Ukrainian identity

Мирные переговоры в Брест-Литовске глазами участника
Brest-Litovsk peace talks through the eyes of a participant

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2021

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2021.03.00

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *О.Б. Константинова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Нефедов Б. И.
Понятие «правила» в доктрине
«международного порядка,
основанного на правилах» **6**

Хазыр У. Н.
Запад как образец?
Сравнительный анализ опыта
модернизации Российской и
Османской империй в турецкой
литературе **22**

Цоя С. А.
Рига в судьбе профессора
Д. Д. Гримма и его семьи **37**

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

Седлов А. П.,
Кубишин Е. С.,
Соболева И. В.
Рынок труда иностранной
рабочей силы в России:
Влияние пандемии **59**

Васильева Н. И.,
Кашуро И. А.,
Бузанов Н. А.
Стратегическое партнерство
и сотрудничество России и
Китая в условиях пандемии
COVID-19: Взгляд из России и
взгляд из Китая **73**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

Nefedov B. I.
The concept of «rules» in the
doctrine of «the world (international) order based on rules»

Hazir Ü. N.
The West as a Model?
The Comparative Analysis of the
Modernisation Experiences of the
Russian and Ottoman Empires
in Turkish Literature

Coia S. A.
The Riga period in the life of Professor D. D. Grimm and his family

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

Sedlov A. P.,
Kubishin E. S.,
Soboleva I. V.
Migrant Labor Market
in Russia: Influence of
the Pandemic

Vasilieva N. I.,
Kashuro I. A.,
Buzanov N. A.
Russian – Chinese strategic
partnership and cooperation
amid COVID-19 pandemic:
Russian and Chinese
insights

Кумо К., Коргун И.А. Стратегии экономического восстановления после пандемии Covid-19: Опыт Республики Корея и Японии	88	Kumo K., Korgun I.A. Strategies for post-Covid-19 economic recovery: Experiences in Republic of Korea and Japan
Мищенко Я.В. Современное российско-японское торгово-инвестиционное сотрудничество	114	Mishchenko Ya.V. Modern Russian-Japanese Trade and Investment Cooperation
Волкова А.И., Дорохин А.Г. Торгово-экономическое сотрудничество России и Италии и особая роль Москвы	132	Volkova A.I., Dorokhin A.G. Trade and economic cooperation of Russia and Italy and the particular role of Moscow
Жирун И.В. Формирование украинской идентичности: Гражданская, этническая или постколониальная?	145	Zhyrun I.V. Formation of the Ukrainian Identity: Civic, Ethnic or Post-Colonial?
Семенов М.Е. Итоги президентских выборов на Украине: Российский фактор в программах кандидатов	165	Semenov M.E. Results of the Ukrainian presi- dential election: Russian factor in the programs of candidates
<u>ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА</u>		<u>PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY</u>
Репников А.В., Ланник Л.В. Историк М.Н. Покровский о мирных переговорах в Брест-Литовске	180	Repnikov A.V., Lannik L.V. Historian M.N.Pokrovsky about the peace conference in Brest-Litovsk

**РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

*Дробот Г.А.
Как восхождение Китая
отличается от предыдущей
смены мировых лидеров?* **215**

*Телегин Д.С.
Евразийство как идейная
основа интеграции
на евразийском пространстве* **224**

*Манойло А.В.,
Спасов А.А.
Политические и военные
аспекты операций НАТО в
Республике Северная Македония* **235**

**REFLECTIONS,
COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

*Drobot G.A.
How climbing China is different
from the previous one global
changes leader?*

*Telegin D.S.
Eurasianism as an ideological
basis for integration
in the Eurasian space*

*Manoilo A.V.,
Spasov A.A.
Political and military aspects
of NATO's operations in the
Republic of North Macedonia*

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

*Ковалев М.В.
Русская историография
глазами венгерского
историографа: Размышления
над книгой Дюлы Свака* **254**

REVIEWS

*Kovalev M.V.
Russian historiography through
the eyes of a Hungarian
historiographer: Reflections on
the book by Gyula Szvák*

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

DOI: 10.31249/rsm/2021.03.01

Б.И. Нефедов

ПОНЯТИЕ «ПРАВИЛА» В ДОКТРИНЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВИЛАХ»

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы, связанные с выяснением содержания понятия «правила», на которых базируется мировой порядок, применительно к доктрине «международного порядка, основанного на правилах» с точки зрения общей теории права и теории общего международного права. Особое внимание уделяется понятию и видам социальных норм, понятию международной нормативной системы, вопросам верховенства в ней норм права, понятию общественного порядка, правопорядка и видов мирового порядка (мирового общественного порядка, мирового (международного) правопорядка, и глобального мирового правопорядка). В статье доказываем, что юридически обязательными социальными нормами из всех видов норм международной нормативной системы являются исключительно нормы международного права, а единственными юридически общеобязательными нормами международного права для всех государств и иных субъектов международных межгосударственных отношений – исключительно нормы *jus cogens*, т.е. нормы общего международного права. Делается вывод о том, что всем требованиям понятия «правила», существующего в рамках доктрины «мирового порядка, основанного на правилах», из всех видов социальных норм международной нормативной системы отвечают исключительно указанные нормы общего международного права. Основной вывод статьи состоит в том, что доктрина «международного порядка, основанного на правилах», обосновывая существование неких правил поведения, которые не являются нормами международного права, но при этом считаются юридически обязательными для всех государств, фактически направлена на отказ от общепризнанного верховенства международного права в регулировании международных (межгосударственных) отношений. Ее целью является либо трансформирование уже существующих международно-правовых норм, либо, когда речь идет о глобальном мировом порядке, отмена или изменение основополагающих международно-правовых норм *jus cogens* общего международного права.*

Ключевые слова: международный порядок, основанный на правилах; международная нормативная система; верховенство права; мировой порядок; нормы *jus cogens*.

Нефедов Борис Иванович – доктор юридических наук, доцент,
профессор департамента международных отношений
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: boris-nefedov@mail.ru
Researcher ID: F-4874-2016

Nefedov B.I. The concept of «rules» in the doctrine of «the world (international) order based on rules».

Abstract. *The article analyzes problems related to the definition of the concept of «rules» on which the world order is based, concerning the doctrine of «international rules-based order», from the point of view of the general theory of law and the theory of general international law. Special attention is paid to the concept and types of social norms, the concept of the international regulatory system, the supremacy of the norms of law in it, the concepts of public order, legal order, and the types of world order (the world public order, the world (international) legal order, and the global world legal order). The article substantiates that these are exclusively the norms of international law that legally bind social norms among all kinds of the international legal system norms. In contrast, the only legally binding norms of international law for all states and other actors of international interstate relations are exclusively the jus cogens norms, i.e., norms of the general international law. Therefore, the conclusion was made that all the requirements of the «rules» concept existing within the doctrine of the «rules-based world order» of all types of social norms of the international regulatory system correspond exclusively to the abovementioned norms of international law. The main conclusion of the article is that the doctrine of the international rules-based order, substantiating the existence of specific rules of conduct, which are not the norms of international law, but at the same time are legally binding for all states, in fact, is directed at the refusal from the universally acknowledged supremacy of international law in the regulation of international (interstate) relations. It aims to either transform the already existing international legal norms or, when it comes to the global world order, cancel or change the fundamental international legal norms jus cogens of the general international law.*

Keywords: *rules-based international order; international regulatory system; the supremacy of law; world order; jus cogens norms.*

Nefedov Boris Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor,
Professor Department of International Relations, National Research
University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: boris-nefedov@mail.ru
Researcher ID: F-4874-2016

Введение

Доктрина «rules-based international order», т.е. «международного порядка, основанного на правилах», была введена в широкий международный политический и дипломатический оборот в середине 90-х годов прошлого века.

В период «похолодания» в международных межгосударственных отношениях эта доктрина стала использоваться ведущими западными державами мира в качестве аргумента обвинения своих стратегических конкурентов и, прежде всего, России [см.: Тереза Мэй; EU will; и др.]. Одной из ее особенностей (кроме крайней политизированности) является отсутствие в современной науке и международной политической практике единого представления о том, что же представляет собой один из ее главных «компонентов» – те самые базисные «правила», на которых мировой порядок (или в его вариациях – «основанный на правилах международный порядок», «основанный на правилах глобальный порядок», «основанный на правилах многосторонний порядок», «основанная на правилах международная система» и др.), по мнению ее сторонников, должен базироваться. В настоящей статье мы попытаемся хотя бы частично исправить сложившуюся ситуацию.

Социальные нормы и правопорядок на национальном уровне

Поскольку вопросы регулирования общественных отношений различными социальными нормами в общей теории права разработаны более детально применительно к национальному уровню правового регулирования, прежде всего обратимся к широко известным и общепринятым выводам, сделанным именно в этой области правовой науки (тем более, что их никак нельзя признать излишне идеологизированными) и только после этого перейдем к уровню международному.

Начнем с того, что все созданные людьми *правила* можно условно разделить на две группы.

Первую группу составляют так называемые технические нормы, т.е. правила взаимодействия людей с природными ресурсами, техникой, орудиями труда и т.п. К ним также обычно относят правила выполнения определенных строительных работ, агротехнические нормы, технические стандарты и т.п. Понятно, что в нашем случае речь идет не о них.

Вторую группу составляют так называемые социальные нормы, целью которых является урегулирование общественных отношений, т.е. отношений с участием людей (физических лиц) и различных формируемых ими коллективов, путем установления для них тех или иных общих правил, образцов того, как они должны вести себя в обществе [Марченко 2016, с. 450–452; Общая теория 2018, с. 102–105]. Такие нормы регулируют волевые отношения, т.е. отношения, которые находятся под контролем сознания и воли участвующих в них субъектов и допускают возможность выбора ими своего поведения. При этом, естественно, само такое поведение должно поддаваться человеческому контролю и регулированию. Полагаем, что когда сторонники рассматриваемой доктрины говорят о «правилах», то речь идет именно

о социальных нормах, поскольку любые социальные нормы как раз и представляют собой *правила* поведения людей в обществе [Алексеев 1989, 216–217]. Так, норма права – это общеобязательное формально-определенное *правило* поведения, установленное или санкционированное государством, гарантируемое им. Нормы морали – это *правила* поведения, которые формируются в обществе на основе суждений о добре и зле, справедливости и несправедливости, о чести, совести, долге и т.п. Обычай – это *правила* поведения, исторически сложившиеся вследствие многократного повторения. Религиозные нормы представляют собой правила поведения, которые устанавливаются различными вероисповеданиями на основе соответствующих религиозных представлений и которые имеют обязательное значение для людей, исповедующих ту или иную веру и т.д. Аналогичный подход мы найдем при определении и других видов социальных норм (традиций и ритуалов, норм общественных организаций, норм политических партий, корпоративных норм и норм этикета, эстетических норм, норм малых групп (таких, как семья, дружеская компания, спортивная команда и т.п.), норм, устанавливаемых гражданско-правовым договором и т.д.

Другое дело, что разные виды социальных норм в значительной степени отличаются друг от друга. Они, например, по-разному устанавливаются, могут быть едины для всех членов общества (многие нормы права) и распространяться только на его часть (традиции, корпоративные нормы), могут по-разному регулировать одни и те же общественные отношения (нормы морали), являются различными по последствиям неисполнения их требований и т.д. Чтобы в этих условиях вся система нормативного регулирования общественных отношений в государстве не рассыпалась, в качестве ее цементирующего и объединяющего скелета, ее центральной части (как принято говорить – ядра) выступают нормы права, которые, в отличие от всех иных социальных норм, обладают признаком юридической обязательности и обеспечиваются государством. При этом во всех (правовых) государствах установлено верховенство права, которое на национальном уровне проявляется не только в равенстве всех перед законом, не только в том, что деятельность государственных органов и должностных лиц должна подчиняться праву, не только в установлении и осуществлении строгой иерархичности норм разных источников права и т.д. [см. подробнее: Доклад о верховенстве 2011], но и в том, что нормы права (установленные ими правила поведения) имеют верховенство над правилами поведения, установленными любыми другими социальными нормами.

И еще одна важная деталь. Правовые нормы, устанавливающие общеобязательные правила поведения и регулирующие наиболее важные общественные отношения в государстве (касающиеся принципиальных, основ конституционного строя, установленной системы государственных органов,

взаимоотношений государства, общества и личности, основ политической, правовой и экономической системы, системы мер обеспечения и защиты правопорядка в стране и др.), находят свое закрепление в конституции (Основном законе) государства, т.е. в особом нормативном правовом акте (иногда – актах), имеющем высшую юридическую силу.

Своеобразным показателем степени соответствия требований, установленных социальными нормами, их реальному исполнению выступают так называемые «порядки», которые как раз и представляют собой фактический *результат реализации* требований соответствующих социальных норм. Поскольку правила поведения в обществе устанавливаются разными по своей природе социальными нормами, то существуют и разные виды таких порядков. Так, порядок, отражающий результаты урегулирования общественных отношений *всеми* социальными нормами (т.е. являющийся результатом фактической реализации требований не только правовых норм, но и норм морали, обычаев, корпоративных, религиозных норм и др.) называют *общественным порядком*. Результат фактической реализации *только* правовых норм получил название *правопорядка*, который при этом выступает в качестве части (но только части) общественного порядка [Теория государства и права 2019, с. 533–537; Общая теория государства 2018, с. 202–204]. В то же время в рамках правопорядка на национальном уровне принято выделять *конституционный правопорядок* как результат фактической реализации наиболее общих, фундаментальных и единых для данного общества конституционных правовых норм [Голубева 2015, с. 29–31]. Состояние порядков определяется степенью исполнения или неисполнения тех или иных установленных в обществе правил поведения, в связи с чем эти порядки нуждаются в охране и укреплении.

И еще одно. Поскольку существует специфика распространения действия норм права во времени, пространстве и по кругу лиц, постольку можно говорить о состоянии правопорядка в тот или иной временной период, в той или иной сфере правового регулирования, на той или иной части государственной территории и т.п.

А теперь перенесем все эти общепризнанные в юриспруденции подходы на сферу регулирования международных общественных отношений.

Социальные нормы и виды порядков на международном уровне

Международные (в том числе межгосударственные) общественные отношения также регулируются различными видами социальных норм, всю совокупность которых принято называть *международной нормативной системой*. В эту систему входят нормы международного права, международной морали, международной вежливости, международные традиции, неправовые

международные обычаи, международные обыкновения, нормы так называемого мягкого права, международные договоренности, имеющие не нормативный, а индивидуальный характер [Тункин 1970, с. 76–81], религиозные нормы, нормы международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами [см.: Постановление Правительства 2003] и др. При этом (как и на национальном уровне) центральной частью международной нормативной системы, ее ядром и базисом являются нормы международного права, главными отличительными особенностями которых является то, что они (в конечном счете) всегда исходят от государств, что в них проявляется не индивидуальная, а согласованная государственная воля, что такие нормы являются формально-определенными, а также то, что предписания международно-правовых норм (так же, как и норм национального права) обладают юридически обязательным характером.

Среди международно-правовых норм выделяют нормы *общего международного права*. Их особенностью является то, что они обязательны для всех субъектов международных межгосударственных отношений, независимо от их вида, размера, политического значения, экономической или военной мощи и т.п., а также независимо от того, являются ли они участниками того или иного международного договора, в котором эти нормы закреплены. Что же это за нормы?

В соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. к *общеобязательным* международно-правовым нормам, составляющим указанное «общее международное право», относятся императивные нормы *jus cogens*, содержание которых включает в себя обязательства *erga omnes*, т.е. обязательства в отношении всего международного сообщества государств. При этом каждая такая норма «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» [Венская конвенция 1986].

Нормы *jus cogens* обязательны для всех субъектов международного права: для одних – как норма обязательного международного договора, а для других (тех, что в договоре, например, не участвуют) – как общепризнанный международно-правовой обычай, имеющий такую же обязательность, что и соответствующая договорная норма.

Примером таких международных договорных правовых норм, в частности, могут служить нормы, закрепленные в Уставе ООН, в том числе основные принципы международного права, обладающие высшей юридической силой и в совокупности с отраслевыми принципами международного права образующие понятие общепризнанных принципов этой правовой системы.

Здесь важно подчеркнуть, что юридически обязательными социальными нормами из всех видов норм международной нормативной системы являются исключительно нормы международного права, а единственными общеобязательными нормами международного права, отступление от которых является недопустимым для любых субъектов международных межгосударственных отношений являются исключительно нормы *jus cogens*, т.е. нормы *общего* международного права.

Как и на национальном уровне, на международном уровне существует верховенство международного права и между этими понятиями имеется много общего [см.: Верховенство права 2012, с. 35–43]. По крайней мере, и там и там требование верховенства права означает одно и то же: право должно соблюдаться (хотя на международном уровне это требование приобрело внешнее выражение в виде принцип *pacta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться).

Верховенство права на международном уровне проявляется в довольно многочисленных формах [см. подробнее: Доклад о верховенстве 2011, с. 12], но мы выделим здесь только некоторые из них:

- нормы общего международного права обязательны для всех субъектов международных межгосударственных отношений, но иные международно-правовые нормы обязательны только для тех субъектов международного права, что признали их для себя в качестве таковых;
- никакое государство или иной субъект международного права не может быть «наказан» иначе как в установленном международным правом порядке и только за нарушение международно-правовых норм, являющихся для него юридически обязательными;
- деятельность всех международных организаций, их органов и иных организационных структур, создаваемых на основе международно-правовых норм, не должна противоречить международному праву;
- существует строгая иерархичность норм международного права (и его источников), на вершине «пирамиды» которых находятся нормы *jus cogens*, которые, повторимся, не должны нарушаться;
- нормы международного права имеют верховенство над нормами всех других видов норм (т.е. *правил* поведения) международной нормативной системы.

С точки зрения общей теории международного права мировые порядки на международном уровне также представляют собой фактический результат реализации требований соответствующих социальных норм международной нормативной системы (подходы к определению мирового порядка в политологии, экономических дисциплинах, социологии, политической философии, исторической науке и др. здесь не рассматриваются). Когда речь идет о порядке, который складывается как результат урегулирования международных

отношений всеми видами норм международной нормативной системы, следует говорить о *мировом общественном* (публичном) *порядке*, схожем с понятием «общественный порядок» на национальном уровне. Когда мы говорим о порядке, который возникает в результате урегулирования международных межгосударственных отношений нормами международного права следует использовать термин *мировой (международный) правопорядок* [Мовчан 1996, с. 16; Громыко 2012, с. 18–32], аналогичный термину «правопорядок», применяемому на национальном уровне. Наконец, в том случае, когда речь идет о мировом порядке, который складывается в результате урегулирования основ международных межгосударственных отношений фундаментальными нормами общего международного права, то следует вести речь о *глобальном (общем) мировом правопорядке*, т.е. использовать термин, схожий по своему содержанию и статусу с понятием «конституционный правопорядок» на национальном уровне.

Отдельно подчеркнем, что для обозначения всех этих трех правовых явлений (и мирового общественного порядка, и мирового (международного) правопорядка, и глобального мирового правопорядка), несмотря на их принципиальные отличия, в доктрине, особенно в западной, применяется один и тот же термин – «мировой (международный) порядок», что не могло не привести в этот вопрос ужасной путаницы. Более того, полагаем, что именно это обстоятельство, прежде всего и привело к возникновению доктрины «rules-based international order».

Полагаем также возможным говорить о состоянии международного правопорядка в рамках тех или иных территорий, в той или иной сфере международно-правового регулирования или в тот или иной временной период. Так, международное право, как правовая система, состоит из большого числа подсистем и, например, в зависимости от пространственной сферы регулирования международных общественных отношений «можно выделить следующие типы международного порядка: глобальный (мировой); региональный; субрегиональный; международно-ситуационный; групповой; двусторонний. Каждый из них отличается от других степенью зрелости и механизмами поддержания» [Панченко 2008, с. 69].

В доктрине встречаются утверждения о том, что современный международный порядок не является единым и включает в себя несколько самостоятельных и, что важно, «равноправных» мировых порядков (правопорядков), как то экономический, информационный, правовой, экологический и иные, которые и приводятся в качестве образцов, основанных на правилах международных порядков [Chalmers 2019, р. 8]. Полагаем, однако, что во всех этих случаях мы имеем дело не с дроблением единого мирового порядка на самостоятельные составные части, а с определением состояния правопорядка в той или иной сфере международно-правового регулирования.

**Базисные правила, на которых, согласно доктрине
«rules-based international order», должен базироваться
«мировой (международный) порядок»**

Прежде всего (еще раз) следует отметить, что ни в доктрине, ни в дипломатической международной практике единого мнения о том, что же, собственно, представляют собой указанные базовые «правила» этого самого «мирового порядка, основанного на правилах», не сложилось. Более того, сторонники указанной концепции старательно избегают ответа на этот вопрос, постоянно используя указанную терминологию без какого-либо ее пояснения.

Ситуация усугубилась тем обстоятельством, что соответствующими исследованиями занимались, как правило, не юристы-международники, а многочисленные специалисты в области политологии, дипломатии, экономики, социологии, политической философии и др. В связи с этим не лишено любопытства высказывание по этому вопросу одного из самых известных представителей западной политической науки Г. Киссинджера: «Частые увещания, обращенные к прочим странам, призывы “внести посильный вклад”, играть “по правилам двадцать первого столетия” и быть “ответственными участниками процесса” в рамках общей системы координат отчетливо показывают, что не существует общего для всех представления об этой системе...» [Киссинджер 2015, с. 10], т.е. общего понимания этих самых «правил».

Тем не менее в отдельных работах приверженцев «rules-based international order» попытки определить понятие таких «правил» предпринимались. Приведем здесь одно из них, данное австралийскими сторонниками критикуемой концепции: «Международный порядок, основанный на правилах, в целом можно охарактеризовать как общее обязательство всех стран осуществлять свою деятельность в соответствии с согласованными правилами, такими как международное право, региональные механизмы безопасности, торговые соглашения, иммиграционные протоколы и культурные договоренности, которые развиваются с течением времени» [The United Nations 2015, p. 7]. Как видим, базовой основой такого порядка служит совокупность самых разнообразных норм, причем (подчеркнем это) как правового, так и не правового характера. Неслучайно один из известнейших западных политологов Петер Харрис после безуспешных попыток определить базовую основу мирового порядка, основанного на правилах, вынужден был прийти к выводу, что «истина заключается в том, что международный порядок – это беспорядочный, спорный и часто противоречивый набор предполагаемых правил и ожиданий; он, безусловно, не обеспечивает четкого и ясного набора принципов, которые могут быть объективно применены мировыми лидерами. Вместо этого международный порядок предлагает целый ряд нормативных предписаний, которые государственные деятели могут использовать и используют

для оправдания совершенно различных стратегий, как либеральных, так и явно нелиберальных» [Harris 2015].

Но поскольку из единичных высказываний подобного рода общего вывода сделать нельзя, для того, чтобы все-таки как-то определить сущность «правил», на которых, по мнению сторонников указанной концепции, должен базироваться «мировой порядок» и исполнения которых можно требовать от государств и других субъектов международных межгосударственных отношений, первоначально пойдем, как говорят математики, «от противного» и попытаемся самостоятельно сформулировать самые общие требования к этим самым «правилам», которым все они, по логике вещей, вроде бы должны обязательно соответствовать.

Во-первых, полагаем, что под этими правилами имеются в виду некие *социальные нормы*, способные регулировать международные отношения.

Во-вторых, требования таких норм должны быть четко, понятно и недвусмысленно сформулированы. Условно: «не убий...», «не укради...», «не возжелай...» и т.п., а также, во избежание проблем с их толкованием, иметь письменную форму. Иными словами, эти правила должны быть *формально определенными*.

В-третьих, в силу существования государственного суверенитета эти правила не могут быть навязаны акторам межгосударственных отношений какой-то надгосударственной силой (тем более, что ее, слава Богу, не существует) или быть результатом односторонних велений какого-либо одного государства, пусть и самого мощного в экономическом и военном отношении. Иными словами, они должны быть *результатом межгосударственных договоренностей*.

В-четвертых, эти правила должны быть *обязательными* для данного государства в силу либо его *согласия* на это, выраженного «в форме общепринятых процедур», либо в силу принадлежности соответствующих норм к нормам *jus cogens*.

В качестве пятого признака можно признать формулировку, высказанную министром иностранных дел Ирландии Б. Коуэном в его выступлении на конференции по разоружению в Женеве в 2004 г.: «A rules-based system is one respected by all» (система, основанная на правилах – это та, которую уважают все) [Conference on Disarmament 2004, p. 10]. То есть эти правила должны обладать *признаком общепризнанности*. При этом можно только согласиться с тем, что «наиболее авторитетными правилами, на которых базируется глобальный порядок, являются именно те, которые согласованы между государствами и имеют юридически обязательный статус» [Jorgensen 2018].

Но единственными социальными нормами международной нормативной системы, отвечающими всем этим требованиям, являются исключительно нормы международного права, а применительно к глобальному правопорядку –

нормы общего международного права. Других «правил», направленных на урегулирование международных (в том числе межгосударственных) общественных отношений и одновременно отвечающих признакам формальной определенности, общеобязательности, общепризнанности и при этом быть следствием межгосударственных договоренностей, просто не существует.

Как тут не вспомнить слова знаменитого отечественного юриста-международника Ф.Ф. Мартенса: «Ни идея разобщенности, ни идея преклонения перед физической силой, ни идея политического равновесия, ни, наконец, принцип национальности не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Ее руководящее начало – идея права» [Мартенс 2008, с. 26].

Если же отступить от этих требований, то речь может идти только о мировом *общественном* порядке, но в этом случае отсутствует признак общеобязательности всех регулирующих международные отношения норм, исполнения большинства которых в этом случае просто нельзя требовать.

Почему-то на национальном уровне в подобных ситуациях никаких вопросов не возникает. Так, в соответствии с положениями ислама каждый совершеннолетний мусульманин должен совершать намаз, т.е. пять раз в день произносить молитвы. Это – религиозная норма (т.е. правило поведения) и она участвует в урегулировании соответствующих общественных отношений. Но никому в голову не придет с пафосом возмущаться поведением, например, христианина (или атеиста), который вовсе не рассматривает это правило поведения для себя обязательным, тем более что оно и не обладает юридической обязательностью.

Основная проблема доктрины «rules-based international order» как раз и состоит в том, что ее сторонники, говоря о мировом порядке, имеют в виду вовсе не мировой *общественный* порядок, а мировой *правопорядок* или (что бывает значительно чаще) *глобальный* мировой правопорядок, в рамках которых речь может идти исключительно о реализации норм международного или общего международного права. Следствием этой ситуации является то, что несмотря на дискуссию, продолжающуюся более двух десятилетий, ни один из сторонников указанной доктрины не дает ответа на вопросы о том, какие же именно «правила» (помимо международно-правовых норм) должны соблюдаться, каков механизм разработки и утверждения этих правил, каковы формы обеспечения их исполнения, а главное – чем же отличается мировой порядок, основанный на правилах (rule-based) от мирового порядка, основанного на праве (rule of law).

Поскольку дальше призывов «снять с порядка, основанного на правилах, облако двусмысленности» [Ng 2019] ситуация за все эти годы ни по одному из указанных вопросов так и не прояснилась, попытаемся ответить на некоторые из них в рамках настоящей статьи.

Так, исходя из контекста использования сторонниками критикуемой доктрины понятия «rules-based international order» допустимо сделать выводы о том, что:

- основанный на правилах мировой порядок означает, что государства в своей деятельности должны руководствоваться неким сводом правил, четкого перечня которых не существует;

- этот перечень является более широким по сравнению с перечнем правил поведения, установленных международным правом, не говоря уже о правилах поведения, установленных общим международным правом;

- в указанный перечень включаются в качестве юридически обязательных правил поведения те или иные (в зависимости от представлений того или иного автора) *неправовые* социальные нормы международной нормативной системы, в том числе юридически необязательные политические положения, существующие в виде так называемого «мягкого права» и даже правила, установленные не субъектами международного права;

- в число таких обязывающих государства «правил» входят, в том числе, нормы международного права, не являющиеся юридически обязательными для данного государства.

Здесь следует согласиться с тем, что «термин «порядок, основанный на правилах» стирает различие между обязательными и необязательными правилами, создавая впечатление, что все государства и международные субъекты должны подчиняться этому порядку, независимо от того, согласились ли они с этими правилами или нет» [Talmon 2019]. Вопрос о том, как при этом быть с положениями таких основных принципов современного международного права, как суверенное равенство государств, воздержание от угрозы силой или ее применения, невмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию других государств и др., остается без вразумительного ответа.

Неудивительно, что «аспектом многочисленных мнений о смысле и важности «основанного на правилах мирового порядка» стало «относительное молчание в этом вопросе юристов-международников». Кому же захочется продемонстрировать кроме политической лояльности еще и профессиональную безграмотность?

И еще одно. Если международный порядок, основанный на правилах, не требует согласия с этими правилами тех, кто должен будет их исполнять, то не только у отечественных, но и у зарубежных авторов «возникает вопрос о том, кто в конечном счете устанавливает эти правила и определяет их содержание?» [Talmon 2019]. Здесь следует согласиться с тем, что это никак не может быть «воля немногих (западных) государств», поскольку в таком случае мировой порядок неизбежно «может стать порядком сильного» [Talmon 2019].

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Является бесспорным тот факт, что, вступая в международные (межгосударственные) общественные отношения, все субъекты таких отношений (в том числе государства) должны руководствоваться определенными правилами. При этом юридически обязательными такими правилами могут быть исключительно правила поведения, установленные нормами международного права. Никаких других юридически обязательных «правил» не международно-правовой природы, о которых говорит доктрина «международного порядка, основанного на правилах», не существует. При этом качеством обязательности для каждого конкретного государства обладают не все нормы международного права, а только те из них, что данное государства либо признало для себя в качестве таковых, либо те, что являются обязательными для исполнения всеми государствами в силу императивного характера их требований (нормы *jus cogens* общего международного права).

2. Многие сторонники доктрины мирового порядка, основанного на правилах, не осознают, что когда они призывают создать международный порядок, основанный на правилах, а также изменить или отменить такие правила, то они фактически призывают к созданию новых, изменению или прекращению действия уже существующих международно-правовых норм. Когда же они заявляют о необходимости разработки новых базисных «правил» для глобального мирового правопорядка, то независимо от того, что они сами об этом думают, они фактически призывают не к соблюдению каких-то мифических «правил игры», а предлагают отменить, изменить или «дополнить» не что иное, как нормы Устава ООН или иные основополагающие международно-правовые нормы *jus cogens* общего международного права.

3. Являются взаимоисключающими заверения в своей приверженности верховенству международного права и утверждения о том, что существуют некие «правила» не международно-правовой природы, которые могут изменить, отменить и даже заменить любые нормы международного права, в том числе нормы *jus cogens* общего международного права. Поэтому в том случае, когда отдельные сторонники доктрины «rules-based international order» настоятельно требуют исполнения (соблюдения) вместо норм международного права (в том числе норм *jus cogens*) неких «умышленно неюридических, ни к чему не обязывающих “мертвых” правил» [Воронин 2020, с. 94], то это не может быть расценено иначе как попытка отказа от общепризнанного на сегодняшний день верховенства международного права в регулировании международных отношений.

Библиография

- Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит. 1989. 288 с.
- Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. № 37. Ст. 772.
- Верховенство права: Руководство для политиков. 2012. Лунд; Гаага: Институт по правам человека и гуманитарному праву и Гаагский институт по интернационализации права. 2012. 45 с.
- Воронин Е.Р. Либеральный порядок, основанный на «правилах», и международное право // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 88–95.
- Голубева Л.А. Конституционная законность и конституционный правопорядок: содержание терминов // Теория и практика современной юридической науки. Сборник научных трудов. Самара, 2015. № 2. С. 29–31.
- Громыко А.А. Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 18–32.
- Доклад о верховенстве права Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы. Принято на 86 пленарном заседании Венецианской Комиссии (Венеция, 25–26 марта 2011 года. Страсбург, 2011. 4 апр. 19 с. URL: https://www.studmed.ru/view/evropeyskaya-komissiya-za-demokratiyu-cherez-pravo-venecianskaya-komissiya-doklad-o-verhovenstve-prava_9a4197356bd.html (дата обращения 12.12.2020).
- Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 226 с.
- Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Том 1. М.: Зерцало. 2008. 209 с.
- Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016. 640 с.
- Мовчан А.П. Международный правопорядок. М.: ИГиП РАН. 1996. 102 с.
- Общая теория государства и права: учебник / Под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт. 2018. 392 с.
- Панченко М.Ю. Международный порядок: сущность и механизмы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 9. С. 68–77.
- Постановление Правительства РФ от 07.02.2003. № 79. «Об подготовке и подписании международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 февраля 2003 г. № 7 ст. 647. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40980/ (дата обращения 12.12.2020).
- Теория государства и права: учебник для вузов / Под ред. В.К. Бабаева. 4-е изд., М.: Юрайт, 2019. 582 с.
- Тереза Мэй «даст Путину понять» свои ожидания по Солсбери // ИноТВ. 2019. 28 июня. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-06-28/Sky-News-Tereza-Mej-dast> (дата обращения 12.12.2020).
- Тункин Г.И. Теория Международного права. М.: Зерцало. 1970. 416 с.
- EU will remain point of reference for rules-based global order, says Mogherini in State of the Union address European External Action Service (europa.eu). News stories. 14/05/2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44484/node/44484_en (дата обращения 12.12.2020).
- Conference on Disarmament. Final record of the 951 st Plenary Meeting. 2004. 16 March. CD/PV. 951. United Nations. 2004. 33 p.
- Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System». London: Royal United Services Institute. 2019. 52 p.

Harris P. Losithe International Order: Westphalia, Liberalism and Current World Crises. The National Interest. 2015. URL: <https://nationalinterest.org/feature/losing-the-international-order-westphalia-liberalism-current-14298> (дата обращения: 12.12.2020).

Jorgensen M. International law cannot save the rules-based order // The Interpreter. 2018. 18 Dec. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/international-law-cannot-save-rules-based-order> (дата обращения: 12.12.2020).

Ng J. Unpacking The «Rules-Based Order» (news-front.info). RSIS (Rajaratnam School of International Studies) Commentary. 2019. 12 March. URL: <https://en.news-front.info/2019/03/15/unpacking-the-rules-based-order/> (дата обращения: 12.12.2020).

Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 2019. 20 Jan. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 12.12.2020).

The United Nations and the rules-based international order. United Nations Association of Australia. 2015. P. 7–12. (24 p.) URL: https://www.unaa.org.au/wp-content/uploads/2015/07/UNAA_RulesBasedOrder_ARTweb3.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

References

Alekseev S.S. Obshhie dozvoleniya i obshhie zaprety` v sovetskom prave. [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law] M.: Yurid. lit. 1989. 288 p. (In Russ.)

Conference on Disarmament. Final record of the 951 st Plenary Meeting. 2004. 16 March. CD/PV. 951. United Nations. 2004. 33 p.

Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System». London: Royal United Services Institute. 2019. 52 p.

Doklad o verhovenstve prava Evropejskoj komissii za demokratiyu cherez pravo (Venecijskoj komissii) Soveta Evropy` [Report on the rule of law of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) Council of Europe]. Strasburg, 04.04.2011. 19 p. URL: https://www.studmed.ru/view/evropeyskaya-komissiya-za-demokratiyu-cherez-pravo-venecijskaya-komissiya-doklad-o-verhovenstve-prava_9a4197356bd.html (date of access: 12.12.2020). (In Russ.)

EU will remain point of reference for rules-based global order, says Mogherini in State of the Union address European External Action Service (europa.eu). News stories. 14/05/2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44484/node/44484_en (date of access: 12.12.2020).

Golubeva L.A. Konstitucionnaya zakonnost` i konstitucionny`j pravoporyadok: sodержanie terminov [Constitutional legality and constitutional legal order: the content of terms]. Teoriya i praktika sovremennoj yuridicheskoy nauki. Sbornik nauchny`x trudov N 2. [Theory and practice of modern legal science. Collection of scientific papers N 2]. Samara. 2015. S. 29–31. (In Russ.)

Gromyko A.A. Mirovoj porjadok ili pravoporjadok? [World Order or World Legal Order?] // Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]. 2012. Vol 3, N 2(8). P. 18–32. (In Russ.).

Harris P. Losithe International Order: Westphalia, Liberalism and Current World Crises. The National Interest. 2015. URL: <https://nationalinterest.org/feature/losing-the-international-order-westphalia-liberalism-current-14298>. (data of access: 12.12.2020).

Jorgensen M. International law cannot save the rules-based order // The Interpreter. 2018. 18 Dec. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/international-law-cannot-save-rules-based-order> (data of access: 12.12.2020).

Kissindzher G. Mirovoj porjadok [World order]. M.: AST. 2015. 226 p. (In Russ.)

Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovanny`x narodov [Modern International Law of Civilised Nations]. V 2 t. Tom 1. M.: Zerczalo. 2008. 209 p. (In Russ.)

Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Theory of state and law: textbook]. M.: Prospekt. 2016. 640 p. (In Russ.)

Movchan A.P. Mezhdunarodny'j pravoporyadok [International legal order]. M.: Izd-vo IGI P RAN. 1996. 102 p. (In Russ.)

Ng J. Unpacking The «Rules-Based Order» (news-front.info). RSIS (Rajaratnam School of International Studies) Commentary. 2019. 12 March. URL: <https://en.news-front.info/2019/03/15/unpacking-the-rules-based-order/> (data of access: 12.12.2020).

Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [General theory of State and law: textbook] / Pod red. S.Yu. Naumova, A.S. Mordovtseva, T.V. Kasaevoy. Saratov. 2018. 392 p. (In Russ.)

Panchenko M.Yu. Mezhdunarodny'j poryadok: sushchnost' i mexanizmy' [International order: essence and mechanisms]. Zhurnal nauchny'x publikacij aspirantov i doktorantov [Journal of scientific publications of postgraduates and Doctoral students]. 2008. N 9. P. 68–77. (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva RF [Resolution of the Government of the Russian Federation of February] ot 07.02.2003. N 79 «Ob podgotovke i podpisanii mezhdunarodny'x mezhpravitel'svenny'x aktov, ne yavlyayushhixsya mezhdunarodny'mi dogovorami Rossijskoj Federacii» [«On the preparation and signing of international intergovernmental acts that are not International treaties of the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. [Collection of Legislation of the Russian Federation] 17 fevralya 2003 g. N 7 st. 647. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40980/ (date of access: 12.12.2020). (In Russ.)

Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 2019. 20 Jan. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (data of access: 12.12.2020).

Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov [Theory of State and Law: textbook for universities]. pod red. V.K. Babaeva. 4-e izd., M.: Yurajt, 2019. 582 p. (In Russ.)

Tereza Me'j «dast Putinu ponyat'» svoi ozhidaniya po Solsberi [Theresa May will «let Putin understand» her expectations for Salisbury]. Original novosti InoTV [Original news InoTV]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-06-28/Sky-News-Tereza-Mej-dast> (date of access: 12.12.2020). (In Russ.)

The United Nations and the rules-based international order. United Nations Association of Australia. 2015. P. 7–12. (24 p.) URL: https://www.unaa.org.au/wp-content/uploads/2015/07/UNAA_RulesBasedOrder_ARTweb3.pdf (data of access: 12.12.2020).

Tunkin G.I. Teoriya Mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]. M.: Zerczalo. 1970. 416 p. (In Russ.)

Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodny'x dogovorov ot 23 maya 1969 g. [Vienna Convention on the Law of International Treaties of May 23, 1969]. Vedomosti S'ezda narodny'x deputatov SSSR i Verxovnogo Soveta SSSR, [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. 1986. N 37. St. 772. (In Russ.)

Verhovenstvo prava: Rukovodstvo dlya politikov [The Rule of Law: A Guide for Politicians] 2012. Lund. Gaaga. Institut po pravam cheloveka i gumanitarnomu pravu i Gaagskij institut po internacionalizacii prava. [Institute for Human Rights and Humanitarian Law and The Hague Institute for the Internationalization of Law]. 2012. 45 p. (In Russ.)

Voronin E.R. Liberal'ny'j poryadok, osnovanny'j na «pravilax», i mezhdunarodnoe pravo [Liberal order, based on «rules», and international law]. Mezhdunarodnaya zhizn [International Affairs]. 2020. N 2. P. 88–95. (In Russ.)

У.Н. Хазыр

**ЗАПАД КАК ОБРАЗЕЦ? СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ОПЫТА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЙ
В ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

***Аннотация.** В турецкой литературе уделяется особое внимание сравнению османской (турецкой) и российской вестернизации / модернизации. Это не случайно, поскольку обе континентальные и многоэтнические империи, соседствовавшие и конкурировавшие между собой, рассматривали Запад как образец модернизации и имели некоторые общие черты с точки зрения процесса вестернизации. На протяжении более чем двух столетий и Турция, и Россия несколько раз попытались стать полноправными членами «клуба» европейских стран, частью западной политической системы и цивилизации. В статье представлен анализ турецких исследований, отражающих «незападный» взгляд на модернизацию / вестернизацию. Автор приводит публикации и рассматривает позиции наиболее выдающихся турецких ученых в области исследования турецкой вестернизации и модернизации. Источниковую базу представляют статьи, опубликованные с 1960-х годов и до сегодняшнего дня. Автор представляет обзор интерпретаций Запада и вестернизации, а также знакомит с оценками российской модернизации, принадлежащим турецким ученым. Таким образом, изучение турецкой литературы позволяет российской аудитории лучше понять современные проблемы в отношениях Турции и России с Западом, а также способствует более глубокому анализу турецко-российских отношений потому, что Запад и вестернизация заметным образом отразились на двусторонних отношениях указанных стран. Автор выделяет определенные пробелы в сравнительных исследованиях, показывает, что турецкие ученые считают российскую вестернизацию более успешной по сравнению с османской, а также выделяют важные различия двух модернизаций / вестернизаций.*

***Ключевые слова:** вестернизация; модернизация; Запад; Россия; Османская империя; Турция.*

Хазыр Умит Назми – аспирант Школы политических наук
Национального исследовательского университета
«Высшая Школа Экономики». Россия, Москва.
E-mail: umitnh@gmail.com
Web of Science Researcher ID: Y-8052-2018

Hazır Ü.N. The West as a Model? The Comparative Analysis of the Modernisation Experiences of the Russian and Ottoman Empires in Turkish Literature

Abstract. *In Turkish literature, one of the subjects studied mainly by Turkish scholars has been the comparison of Ottoman (Turkish) and Russian westernisations / modernisations, since these two rival, neighbouring, continental and multi-ethnic empires considered the West as a model for their modernisations and had some parallels in terms of westernisation. On several occasions, both the Turks and Russians attempted to become full-fledged member of the 'club' of great European countries, Western political system and civilisation for more than two centuries. As a review article, this work offers Russian audiences Turkish (non-Western) perspectives on comparing the Ottoman and Russian westernisations through the analysis of Turkish literature. This article appealed to the publications and opinions of the most outstanding Turkish academics bearing deep knowledge on Turkish westernisation and modernisation. The time of the publications ranges from the 1960s to today. By way of this article, Russian audiences would be able to learn how Russia and Russian westernisation evaluated by Turkish academics; and what Turkish academics understand from the West and westernisation. Furthermore, Turkish literature enables Russian audiences to better understand contemporary issues in the relations of Turkey and Russia with the West as well as to analyse Turkish-Russo relations more properly since the fact of the West and westernisation affected the bilateral relations of these two countries. Besides, this article demonstrates to Russian audiences the gap in Turkish literature regarding the comparison of Turkish and Russian westernisations. This article argues that Turkish scholars consider Russian westernisation more successful than Ottoman westernisation and underline huge differences alongside similarities within their modernisations / westernisations.*

Keywords: *Westernisation; Modernisation; the West; Russia; the Ottoman Empire; Turkey.*

Hazır Ümit Nazmi – Ph.D. Student at National Research
University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: umitnh@gmail.com
Web of Science Researcher ID: Y-8052-2018

Введение

Модернизация (или вестернизация, как ее чаще называют в Турции) была серьезной проблемой и для Османской, и для Российской империй, начиная с XVIII в. Она породила множество споров и дискуссий в обществе и научной среде. Есть немало работ, посвященных сравнению турецко-османской вестернизации с японской и особенно – с российской [Alatlı 2005; Belge 2004; Belge 2016; Acar 2008; Gündoğdu 2006; Esenbel 2019]. Проблемы русской вестернизации привлекали внимание по причине очевидного сходства. Во-первых, будучи соперниками, соседями, континентальными и многоэтническими империями, Османская империя и Россия встали на путь модернизации позже,

чем их западноевропейские соседи. Во-вторых, лидеры обеих стран рассматривали Запад как образец проведения модернизации. В-третьих, в самом процессе модернизаций обеих империй имели место общие черты. Наконец, фактор Запада и вестернизация повлияли на политические идеи и дискуссии по вопросам идентичности и в Турции, и в России.

Предлагаемый в настоящей статье обзор турецкой литературы, посвященной сравнительному анализу двух модернизаций, может быть интересен для российского читателя, поскольку он знакомит с незападными подходами к вестернизации. Кроме того, он поможет лучше понять современные проблемы, возникающие в отношениях Турции и России с Западом, а также в их двусторонних отношениях. В англоязычной литературе сравнивались лишь некоторые аспекты турецкой и российской модернизации [Brisku 2017; Agoston 2011]. Модернизация Османской и Российской империй сравнивалась Адрианом Бриску с точки зрения политических реформ и Габором Агостоном с точки зрения военных реформ [Brisku 2017; Agoston 2011]. Однако некоторые аспекты вестернизации и модернизации обеих стран, такие как роль религии, не нашли отражения в англоязычной литературе. В этом смысле турецкие исследования могут послужить полезным дополнением.

Споры о модернизации и вестернизации повлияли на интеллектуальную и политическую историю Турции и России. Отношения и противоречия между Россией и Западом – наиболее важный элемент интеллектуальной истории современной России [Коуге 1994, р. 10]. После XVIII в. Европа играла роль «конституирующего другого» в отношениях, посредством которых российская идентичность определялась и переопределялась [Malinova 2008, р. 41]. Запад был центром внимания как сторонников вестернизации, так и самобытности в том, как они толковали российскую идентичность [Ismayilov 2011, р. 22]. Аналогичным образом европейские идеи оказали глубокое влияние на развитие политической мысли и дискуссии об идентичности в Турции. Турецкий историк профессор Зафер Топрак указал на то, что процесс построения нации в Турции был результатом отношений и диалога с Западом [Toprak 2002, р. 801].

И турки, и русские несколько раз пытались стать полноправными членами «клуба» великих европейских держав, партнерами западной политической системы и цивилизации на протяжении более чем 200 лет. Однако, как указали многие исследователи, они не были в полной мере приняты Западом как часть западной цивилизации [Toynbee 2002; Ortaylı 2008; Rumelili, Morozov 2012]. Многие политические деятели Европы, такие как главный министр Франции в XVII в. Сюлли считали, что турок и русских надо держать подальше от Европы [Asar 2008, р. 65]. Более того, и турки, и русские использовались как «другие» при создании европейской идентичности. Европейцы видели в них азиатов и варваров, угрожающих европейской

цивилизации [Neumann 1999]. По мнению известного турецкого историка, профессора Ильбера Ортайлы, с эпохи Возрождения Европа хотя старалась «держать Россию и Турцию подальше», но не оставила их вполне. Они стали первыми странами, которые столкнулись с вестернизацией как вызовом [Ortaylı 2008, p. 9–10]. С точки зрения другого турецкого историка, Мехмеда Али Кылычбая, Османская империя и Россия были ближайшими к Западу незападными странами [Kılıçbay 1985, p. 148]. Турецкий историк профессор Абдулла Гюндогду имеет несколько иное, примечательное понимание позиции России и Турции. В то время когда Россия была «европейцем» на Востоке, османы были жителями Востока, но оставались в поле зрения Запада [Gündoğdu 2019]. Таким образом, ни Россия, ни Турция никогда не представлялись участниками процесса Западноевропейской цивилизации.

Многие турецкие исследователи рассматривают Россию как зеркало, позволяющее лучше увидеть собственную страну. Чтобы проиллюстрировать данный подход, приведем рассуждения турецкого историка Гюндогду: «Мы можем провести аналогию между Россией и большим зеркалом. Она похожа на зеркало в полный рост возле двери, в которое вы смотрите на себя, прежде чем выйти из дома. Турции следует рассматривать Россию как зеркало для себя, как значимый критерий в контексте международных отношений и оценивать свою позицию с точки зрения России. Исторический процесс России и Турции имеет сходство и взаимодействие. Русская революция 1905 года и турецкая революция 1908 года объединяются с этой точки зрения и можно утверждать, что первая оказала влияние на последнюю» [Gündoğdu 2014, p. 1144–1145].

Турецкие ученые обычно датируют вестернизацию и модернизацию в России периодом от Петра Великого (1682) до 1905 г. [Yüksel 2006]. Примерно так же датируется и вестернизация Османской империи. С созданием СССР в 1922 г. и современной Турции в 1923 г. модернизация ускори́лась: в России под лозунгами социалистической идеологии, а в Турции под знаменем кемалистской революции и реформы, нацеленных на вестернизацию. Однако в данной статье мы ограничимся анализом литературы, посвященной вестернизации / модернизации Османской и Российской империй. Во-первых, в последующий период различия между Россией и Турцией были слишком велики и носили идеологический характер; таким образом, анализ данного периода потребовал бы обсуждения и сравнения советской и кемалистской идеологии. Во-вторых, в отличие от прошлых этапов, когда две империи конкурировали друг с другом, в 1920-х годах Турция и СССР установили дружественные отношения. Таким образом, советская и кемалистская фазы турецкой и российской модернизации требуют отдельного исследования.

В настоящей статье мы предлагаем анализ работ наиболее выдающихся турецких историков и социологов, изданных с 60-х годов XX в. по настоящее время. Турецкие исследователи считают российскую вестернизацию более успешной по сравнению с османской и наряду с чертами сходства обнаруживают существенные различия между ними. Вместе с тем, на наш взгляд, в турецкой литературе недостаточно исследован вопрос о влиянии религии на вестернизацию обеих империй, о степени этого влияния в обеих странах.

Значение термина «вестернизация» для турецких ученых

Чтобы понять турецкий взгляд на вестернизацию Турции и России, прежде всего необходимо разобраться с тем, как понимается данное явление. В XVIII в. османы осознали свое отставание от промышленно развитой и модернизированной Европы. После XVIII в. для многих османских государственных деятелей и мыслителей вестернизация стала синонимом модернизации и цивилизации. Многие из них рассматривали вестернизацию как единственный путь модернизации. У них сложилось впечатление, что есть два варианта – «вестернизация или гибель» [Kalin 2019, p. 380]. Даже сегодня термины «вестернизация», «модернизация» и «цивилизация» иногда используются многими турецкими мыслителями как синонимы. По мнению Тарика Зафера Тунае, автора выдающейся работы о движениях в поддержку вестернизации в Турции, суть вестернизации заключается в попытке создания современного общества и либерального государства [Tunaya 2016, p. 17]. Либеральный мыслитель Мурат Белге, проводивший сравнительный анализ вестернизации в России и Турции, полагает, что модернизация связана с прогрессом и развитием, а не географией. Вестернизация, модернизация и становление капиталистических отношений переплетаются друг с другом с того момента, как они возникли на Западе [Belge 2016]. Некоторые турецкие ученые, такие как, например, Ниязи Беркес и Кылычбай, рассматривают секуляризм как принципиальный компонент вестернизации [Kılıçbay 1985, p. 147–151; Berkes 1998]. По мнению Кылычбая, вестернизация – это перестройка незападного общества в соответствии с западными нормами. Он подчеркивает, что опыт Османской империи может служить хорошим примером для других нехристианских стран, поскольку демонстрирует, что вестернизация невозможна без секуляризации [Kılıçbay 1985, p. 147–151].

В то же время некоторые турецкие консерваторы и мыслители исламского толка отождествляют вестернизацию не только с модернизацией, но и с христианством. Они оппонировали вестернизации и модернизации европейского образца. Например, в отличие от Тунаи и Белге, известный турецкий консервативный мыслитель Джемиль Мерич резко критикует вестернизацию, западные парадигмы и готовность турецких интеллектуалов принять западную

точку зрения. Мерич обвиняет турецких ученых в непонимании истинного значения Запада. Он подчеркивает, что, несмотря на свой материализм, Европа является преимущественно христианской. Следовательно, турки никогда не могут стать частью западной цивилизации. Более того, он ссылается на идею Данилевского о том, что невозможно перейти от одной цивилизации к другой [Meğiç 1974]. Подобно Джемилю Меричу, многие турецкие консерваторы и религиозные мыслители выступают против вестернизации и западной цивилизации, начиная со времен Османской империи и до наших дней. Они считают, что Запад и вестернизация сродни христианской цивилизации. Напротив, профессор Ильбер Ортаылы отмечает, что рассмотрение Европы как «христианского клуба» не дает объяснения, почему Россия была исключена Европой из него, несмотря на то, что она христианская страна [Ortaylı 2008, p. 10]. Очевидно, что начиная с XIX в. многие турецкие мыслители интерпретировали вестернизацию с точки зрения цивилизации и модернизации.

Турецкие мыслители по-разному определяют реформы в Османской империи конца XVII – начала XX в. – одни называют их вестернизацией (*batılılaşma*) [Karpas 2002; Mardin 2005], другие – модернизацией (*çağdaşlaşma*, *muasırlaşma*, *modernleşme*) [Belge 2004; Kılıçbay 1985; Ortaylı 2005]. Однако все исследователи указывают на то, что османы воспринимали Запад как образец для модернизации. Именно поэтому в этой статье я выбираю термин «вестернизация». Этот термин также частично совпадает с примером России, потому что русские также воспринимали Запад как образец развития. Реформы в России начиная с Петра Великого и до 1905 г. определяются турецкими учеными как вестернизация, модернизация и европеизация. Однако они не используют термин «европеизация» для определения османской модернизации. По словам турецкого историка Кезбана Аджара, европеизация относится к попыткам России стать частью Европы. Европеизация – это различие между русскими и османскими моделями [Acar 2008, p. 62]. Причину этого различия также подчеркивает Мурат Белге, который заявил, что в то время, как османы пытались сохранить свою власть над Европой, прибегая к вестернизации, Россия стремилась стать частью Европы [Belge 2004]. Следовательно, термин «европеизация» не соответствует вестернизации Османской империи. Тем не менее оба термина часто переплетаются, когда речь заходит о процессах модернизации как Турции, так и России.

Вестернизация в Османской и Российской империях

Битва при Вене в 1683 г. стала поворотным моментом как для Европы, так и для османов. До битвы при Вене Османская империя занимала главенствующие позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе. После поражения османов в сражении 1683 г. началось их отступление из Центральной

Европы. Османы не только утратили влияние в Европе, но и начался общий упадок Империи. Однако до XVIII в. Османская знать не замечала, что их государство отстало от промышленно развитой и модернизированной Европы. До этого времени политические элиты и мыслители Османской империи представляли Запад лишь оплотом христианства. Они не только не знали о промышленных и политических революциях, происходивших в Европе, но и были убеждены в своем превосходстве.

В XVII–XIX вв. западные державы, включая Великобританию, Францию и Россию, одержали несколько побед над османами и захватили некоторые территории Османской империи, что заставило османов пересмотреть отношение к Западу. В XIX в. они начали воспринимать Запад как воплощение модернизации, цивилизации и прогресса. Пришлось признать, что вестернизация – единственный способ обеспечить выживание империи [Тупауа 2016, р. 18]. Турецкий профессор истории Гюндогду также говорит о том, что завоевание Россией османского Крыма в конце XVIII в. доказало неизбежность вестернизации. Потеря Крыма продемонстрировала туркам-османам не только силу России, но и то, что она стала серьезным конкурентом Османской империи на пути вестернизации. Потеря Крыма привела османов к осознанию принципов вестернизации, изложенным Петром Великим, которого турки ранее называли «Дэли Петро» (Безумный Петр) [Gündoğdu 2017, р. 14–15]. Таким образом, спустя 100 лет после петровской вестернизации России, в конце XVIII в., при султанах Селиме III началась вестернизация Османской империи. После Селима III правил султан Махмуд II (также представлявшийся некоторыми как турецкий Петр Великий), пытавшийся в начале XIX в. спасти империю, находившуюся в упадке. И Петр Великий, и Махмуд II начинали свои реформы с армии. Подобно тому, как Петр Великий распустил стрелцкое войско, сопротивлявшееся его реформам, Махмуд II упразднил корпус янычар (Yeniçeri Ocağı), который представлял главное препятствие для его реформ. Как указывают многие турецкие исследователи, эти события свидетельствуют о значительном сходстве между турецкой и русской вестернизациями [Belge 2004; Ortaylı 2008]. Следует отметить, что эти события также уменьшили влияние религии (православной церкви в России и улемов в Османской империи) [Asar 2008, р. 69–70]. Более того, и Петр Великий, и Махмуд II осуществили социальную модернизацию и ввели правила для военных и государственных чиновников, такие как бритье бород и принятие европейской моды. Из-за западных преобразований некоторые консерваторы и противники реформ в Османской империи называли султана Махмуда II «Явур Падишах» (неверный султан). Впрочем необходимо отметить и различия между вестернизациями Петра Великого и Махмуда II. Историк Кезбан Аджар видел таковые в отношениях между аристократией и государством. Влияние османских аянов (местных нотаблей) полностью исчезло с вестерни-

зацией Махмуда II в попытках усилить контроль над государством и бюрократией. Это препятствовало появлению османской аристократии, которая, как предполагается, сыграла бы роль пионеров модернизации [Acar 2008, p. 73–77]. Белге указывает на другое различие между двумя вестернизациями. Петр Великий добился большего прогресса в вестернизации по сравнению с Махмудом II, поскольку обладал более широкими полномочиями для осуществления реформ. Белге определяет петровскую модернизацию как авторитарную [Belge 2016, p. 27–28]. Таким образом, можно утверждать, что между вестернизацией в обеих странах есть как сходство, так и различия. Более того, по мнению многих турецких ученых, Петр Великий добился большего успеха чем султан Махмуд II с точки зрения вестернизации, затронувшей не только время правления обоих правителей, но и последующие периоды. Они связывают этот успех с тем, что Россия не только действовала более решительно, но и провела более радикальные и всеобъемлющие реформы раньше и быстрее, чем Османская империя [Berkas 2019; Belge 2004; Gündoğdu 2019; Kılıçbay 1985; Acar 2008; Karpat 2002]. Кроме того, процесс вестернизации Османской империи чаще прерывался из-за реакционных восстаний, таких как Восстание Патрона Халила и дворцовые перевороты 1807–1808 гг. [Ülken 2013, p. 13–15; Belge 2016, p. 25].

В Османской империи за процессами вестернизации и модернизации последовали Указ Танзимата от 1839 г. и Первая конституционная эра в 1876 г., ознаменовавшаяся движением за конституционные реформы. В результате Османская империя ввела конституционную монархию раньше, чем Россия, хотя процесс вестернизации там начался столетием позже [Ortaylı 2007, p. 28].

Ни в одной из рассматриваемых стран вестернизация не осуществлялась снизу вверх [Tunaya 2016]. Ни в турецком, ни в российском обществах не было явного стремления или требования вестернизации.

По мнению турецких исследователей, одним из наиболее важных отличий российской вестернизации, обусловивших ее успешность, были экономические факторы [Belge 2016; Berkas 2019; Gündoğdu 2017; Acar 2008; Yüksel 2006]. Османская интеллигенция и политические элиты рассматривали вестернизацию в большей степени с точки зрения военной модернизации и конституционного движения, игнорируя при этом необходимость индустриализации. Поэтому они упустили из виду экономические корни модернизации Европы. В силу этого несмотря на вестернизацию и либерализацию Османская империя сохранила экономические структуры традиционного общества, что привело к проникновению в ее экономику промышленно развитых западных держав и способствовало установлению зависимости от иностранного капитала. По словам Мурата Белге, бюрократия играла более значимую роль в Османской империи и России по сравнению с европейскими странами, в

которых существовали либеральные режимы, поскольку в обеих странах была абсолютная монархия и слабый частный капитал. Однако он отмечает, что в то время, как русские держали свой собственный капитал в России, турки в Османской империи вообще не имели капитала. Османская буржуазия состояла из немусульманских (не тюркских) меньшинств, которые извлекали выгоду из вестернизации и либерализации Османской империи. Несмотря на то, что турки казались истинными владельцами империи, экономика Османской империи находилась под контролем немусульманских меньшинств [Belge 2016, p. 340–341]. Поддерживая точку зрения Белге, Гюндогду также отмечает, что в то время как Османская империя поддерживала асимметричные / несбалансированные экономические отношения с западным капиталом (что в результате оказывалось в пользу Запада), у России отношения с западным капиталом были гораздо более сбалансированные [Gündoğdu 2017, p. 14]. Аджар обращает внимание на такое явление, как капитуляции – контракты между Османской империей и европейскими державами, предоставлявшие европейским торговцам право въезда в Турцию с освобождением от местного суда, налогообложения и набора в армию. Эти капитуляции сделали Османскую империю рынком сырьевых ресурсов для Европы и зависимой от европейских капиталов. Что касается России, то подобного не происходило [Asar 2008, p. 78]. Все эти экономические факторы являются важными различиями между русской и османской вестернизацией. Османская империя с экономической точки зрения больше пострадала от вестернизации из-за неспособности к индустриализации и отсутствия национальной буржуазии.

Рост экономической зависимости от Европы наряду с вестернизацией породили негативную реакцию и движение против реформ в Османской империи. Это сопротивление вестернизации и модернизации определяется некоторыми турецкими исследователями как «гериджи» (реакционное) [Berkes 2019; Ülken 2013, p. 13–15]. Концепции турецких ученых Ниязи Беркеса и Тарыка Зафера Туная очень ценны для понимания борьбы между «прогрессивными» (модернистско-светскими силами) и «реакционными» (религиозными, антимодернистскими силами), которая наблюдается со времен Османской империи вплоть до настоящего времени [Berkes 2019; Tunaya 1991]. Поскольку вестернизация Османской империи началась спустя столетие после начала российской вестернизации, критика этого процесса возникла в Османской империи позже, чем в России. Подобно русским славянофилам и панславистам, исламисты и другие «реакционеры» в Османской империи критиковали вестернизацию. Профессор Мурат Белге утверждает, что по сравнению с Россией в Османской империи было больше сопротивления реформам из-за того, что Османская держава имела более устойчивое общество, многовековую государственную структуру и плюрализм в разделении власти, что создавало трудности для преобразований [Belge 2016, p. 24–26].

Можно выделить три типа реакции османско-турецких интеллектуалов и представителей политических элит на вестернизацию. Первый – связан с признанием того, что реформы необходимы и неизбежны. Второй – заключается в категорическом отказе от вестернизации. Третий тип реакции – поддержка ограниченных преобразований. Вполне естественно, что главными критиками реформ были представители реакционных взглядов [Berkes 2019, p. 182–199]. Турецкий социолог Ниязи Беркес утверждает: «Религиозный железный занавес между христианством и исламом стал постоянным барьером и усугубил обычные трудности с внесением изменений в традиционный порядок. Эта религиозная реакция не только стала характерной чертой турецкой трансформации, но и распространилась на все мусульманские общества во второй половине XIX в. в идеологии панисламизма. Эта особенность отличала турецкую трансформацию от японской или даже русской, в которых вестернизация не встречала противодействия по религиозным мотивам» [Berkes 1998, p. 52].

В отличие от Беркеса, профессор Белге полагает, что, будучи христианской страной, Россия легче адаптировалась к Западу, чем мусульмане-османы. Между религиозными направлениями был конфликт, а не гармония. Белге утверждает, что главным препятствием для вестернизации Османской империи было ее славное прошлое, поскольку османы полагали, что они создали великую империю благодаря превосходству своей религии. Они считали перемены предательством по отношению к своему прошлому. Русские же, в отличие от османов, были более подвержены реформаторским настроениям, поскольку у них была более молодая империя [Belge 2016, p. 24–26]. Кроме того многие турецкие и западные исследователи, такие как Тойнби, подчеркивали, что ислам вызвал сильное сопротивление вестернизации в Османской империи [Toynbee 2002]. Соглашаясь с Беркесом в том, что исламское и религиозное сопротивление было значительным препятствием на пути вестернизации Османской империи, отметим, что влияние религии на османскую и русскую вестернизации все же требует более тщательного исследования.

Еще одним существенным отличием были цели реформ. Турецкие ученые сходятся во мнении, что главной целью османской вестернизации было сохранение существующего положения вещей [Karpat 2002; Belge 2004; Asar 2008]. В то время как Россия вестернизировалась, чтобы стать сильной империей и частью европейской системы, османы стремились к вестернизации, чтобы спасти свою разрушающуюся империю и вернуться к великолепным временам [Belge 2004, p. 43–56]. Аджар также отмечает, что целью Петра Великого в проведении российской модернизации было участие в делах Европы. Цель же Османской империи в преобразованиях состояла в том, чтобы сохранить свое влияние над Европой. В то время как российская модернизация имела «наступательную» характеристику, османская модернизация была «оборонительной» [Asar 2008, p. 65]. Этот подход позволяет нам оценивать

османскую вестернизацию как оборонительную модернизацию, а российскую вестернизацию – как наступательную. Если для османов вестернизация была «инструментом», для русских она выступала скорее «целью». Для османов вопрос заключался в том, как модернизироваться с минимальной вестернизацией, тогда как для России вопрос состоял в том, чтобы вестернизироваться как можно больше.

Чтобы понять, как русские оказались более успешными, чем османы в деле модернизации, турецкие ученые прибегают к сравнению статистических данных, например уровня грамотности. Уровень грамотности в России достиг 40% в начале XX в., а в Османской империи в 1801–1900 гг. он вырос только с 1% до 5–10% [Асар 2008, р. 79]. В то время как в России со времен Петра Великого до большевистской революции было издано больше 200 тыс. книг, даже в период Танзимата Османской империи было напечатано всего лишь несколько тысяч книг [Ortaylı 2007, р. 18–19]. Белге также отмечает, что Россия победила в большинстве войн между Россией и Османской империей. Результаты этих войн свидетельствуют о том, что Россия оказалась более успешной, чем Османская с точки зрения проведения реформ [Belge 2016, р. 23].

Заключение

По мнению турецких ученых, в вестернизации Россия была более успешной и провела более радикальные и всеобъемлющие реформы раньше и быстрее, чем Османская империя. В вестернизации двух стран были как сходства, так и различия. И османы, и русские считали Европу образцом для модернизации. В обеих странах вестернизация и модернизация были осуществлены посредством реформ, идущих сверху вниз. Существовали также сходные моменты в реформах русского царя Петра Великого и османского султана Махмуда II, такие, например, как упразднение корпуса стрельцов и янычар, препятствовавших реформам. Однако хотя османы начали вестернизацию на столетие позже, чем Петр Великий свои преобразования. Примечательно, конституционная монархия в Османской империи возникла раньше, чем в России. Кроме того, в двух странах были различия в целях вестернизации. В то время как османы стремились возродить империю и вернуть ей былую славу, Россия стремилась стать сильной европейской страной. В этом контексте вестернизация была целью для русских и инструментом для османов. В отличие от России, вестернизация и либерализация Османской империи привели к проникновению в нее промышленно развитых западных держав. Это также вызвало политические движения, которые выступали против реформ. По сравнению с Россией в Османской империи была большая нестабильность и большее сопротивление вестернизации. Некоторые турецкие

ученые, такие как Ниязи Беркес [Berkes 1998], утверждают, что из-за различия в религии в мусульманской Турции имелось больше препятствий для вестернизации, чем в православной России.

Однако влияние ислама и православия на османскую и русскую вестернизации не подвергалось глубокому сравнению и тщательному анализу. В этом отношении в турецкой литературе нет достаточного материала для сравнения роли религий в османской и русской вестернизации. Интересно, что хотя Российская империя добилась большего прогресса с точки зрения вестернизации, профессор Бельге указывает на то, что даже сегодня – не говоря уже о XIX в. – невозможно утверждать, что Россия и Турция смогли достичь стандартов современного западного общества [Belge 2016].

Автор выражает благодарность Малиновой Ольге Юрьевне за помощь в редакции статьи.

Библиография

- Acar K. Osmanlı ve Rus Modernleşmesine Dair Bazı Görüşler // Muhazafakar Düşünce. 2008. Cilt 4. N 16–17. S. 59–86.
- Agoston G. Military Transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500–1800 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. N 2. P. 281–319.
- Alatlı A. Aydınlanma Değil, Merhamet: Gogol'un İzinde. İstanbul: Everest Publications. 2005. 501 s.
- Belge M. Step ve Bozkır: Rusça ve Türkçe Edebiyatta Doğu-Batı Sorunu ve Kültür. İstanbul: İletişim Publishing, 2016. 356 s.
- Belge M. Batılılaşma: Türkiye ve Rusya // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce. İstanbul: İletişim Publishing. 2004. 3. Cilt: Modernleşme ve Batıcılık. S. 43–56.
- Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. London: C. Hurst and Co. Publishers. 1998. 537 p.
- Berkes N. Türk Düşününde Batı Sorunu. 4. Baskı. İstanbul: Yapı Kredi Publications, 2019. 276 s.
- Brisku A. Political Reform in the Ottoman and Russian Empires: A Comparative Approach. Bloomsbury. 2017. 257 p.
- Esenbel S. Japon Modernleşmesi ve Osmanlı. 3. Baskı. İstanbul: İletişim Publishing. 2019. 448 s.
- Gündoğdu A. Türkiye ve Rusya, Kaçınılmaz Etkileşmeler Kaçınılmaz Benzeşmeler // 2023 Dergisi. 2006. N 62. S. 44–46.
- Gündoğdu A. Türk Dünyasında Milli Egemenlik Fikrinin Gelişimi // Belgi. 2014. Cilt 8. N 2. S. 1139–1149.
- Gündoğdu A. Türkiye'de İslamcılık ve Gelenek // Historia 1923. 2017. Cilt 3. N 1. P. 8–22.
- Gündoğdu A. İsmail Gaspıralı ve Yenilikçi Çizgisi // Yüksek Öğretim Dergisi. 2019. Cilt 14. Sorun 4. S. 40–47.
- İsmayilov M. Avrasyacılık: Mukayeseli Bir Okuma Türkiye ve Rusya Örneği. Ankara: Doğu Batı Publications. 2011. 405 s.
- Kalın İ. Ben, Öteki ve Ötesi. 21. Baskı. İstanbul: İnsan Publications. 2019. 568 s.

- Karpat K. Osmanlı Modernleşmesi / Çeviri A.Z. Durukan, K. Durukan. Ankara: İmge Publisher. 2002. 163 s.
- Karpat K. Osmanlı'da Değişim, Modernleşme ve Uluslaşma. Ankara: İmge Publisher. 2006. 611 s.
- Kılıçbay M.A. Osmanlı Batılılaşması // Tanzimat'tan Cumhuriyet'e Türkiye Ansiklopedisi. İstanbul: İletişim Publications. 1985. Cilt 1. S. 147–152.
- Koyre A. 19. Yüzyıl Başlarında Rusya'da Batıcılık, Ulusçuluk ve Felsefe. İstanbul: Belge Publications. 1994. 140 s.
- Malinova O. Creating meanings and traps: competing interpretations of the idea of nation in the debates of Russian Slavophiles and Westernisers in the 1840 s. // European Review of History: Revue Européenne d'Histoire. 2008. Vol. 15. N 1. P. 41–54.
- Mardin Ş. Türkiye'de Toplum ve Siyaset – Makaleler 1. İstanbul: İletişim Publications. 2005. 312 s.
- Meriç Ç. Umrandan Uygarlığa. İstanbul: İletişim Publications. 1974. 371 s.
- Neumann I. Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: The University of Minnesota Press. 1999. 281 p.
- Ortaylı İ. İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı. İstanbul: Akım Publications. 2005. 296 s.
- Ortaylı İ. Batılılaşma Yolunda. İstanbul: Merkez Kitaplar Publisher. 2007. 248 s.
- Ortaylı İ. Avrupa ve Biz. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Publications. 2008. 314 s.
- Rumelili B., Morozov V. The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-makers. Cooperation and Conflict. 2012. Vol. 47. N 1. P. 28–48.
- Toprak Z. Türkiye'de «Narodnik» Milliyetçiliği ve Halkçılık (1908–1918) // Türkler. Ankara: New Turkey Strategic Research Center Yeni Türkiye Publications. 2002. Cilt 14. S. 801–806.
- Toynbee A.J. Türkiye ve Avrupa. 2. Baskı. İstanbul: Örgün Publisher. 2002. 253 s.
- Tunaya T.Z. İslamcılık Akımı [Islamism Movement]. İstanbul: Simavi Publications. 1991. 296 s.
- Tunaya T.Z. Türkiye'nin Siyasi Hayatında Batılılaşma Hareketleri. 3. Baskı. İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Publications. 2016. 236 s.
- Ülken H.Z. Türkiye'de Çağdaş Düşünce Tarihi. 15. Baskı. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Publications. 2013. 776 s.
- Yüksel D.Y. Rus Modernleşmesi ve Türkiye (1682–1905): Doktora tezi / Hacettepe University. Ankara, 2006. 353 s.

References

- Acar K. Osmanlı ve Rus Modernleşmesine Dair Bazı Görüşler [Opinions on Ottoman and Russian Modernizations]. Muhazafakar Düşünce. 2008. Vol. 4 N 16–17. P. 59–86.
- Agoston G. Military Transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500–1800. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. N 2. P. 281–319.
- Alatlı A. Aydınlanma Değil, Merhamet: Gogol'un İzinde [Not Enlightenment, Compassion: In the Footsteps of Gogol]. İstanbul: Everest Publications. 2005. 501 p.
- Belge M. Step ve Bozkır: Rusça ve Türkçe Edebiyatta Doğu-Batı Sorunu ve Kültür [Step and Bozkır: The East-West Issue and Culture in Russian and Turkish Literatures]. İstanbul: İletişim Publishing, 2016. 356 p.
- Belge M. Batılılaşma: Türkiye ve Rusya [Westernization: Turkey and Russia]. Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce. İstanbul: İletişim Publishing. 2004. 3. Cilt: Modernleşme ve Batıcılık [Political Thought in Modern Turkey 3. Volume: Modernization and Westernism]. P. 43–56.
- Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. London: C. Hurst and Co. Publishers. 1998. 537 p.

- Berkes N. Türk Düşününde Batı Sorunu [The West Issue in Turkish Thought]. 4th edn. İstanbul: Yapı Kredi Publications, 2019. 276 p.
- Brisku A. Political Reform in the Ottoman and Russian Empires: A Comparative Approach. Bloomsbury. 2017. 257 p.
- Esenbel S. Japon Modernleşmesi ve Osmanlı [Japanese Modernization and the Ottoman]. 3th edn. İstanbul: İletişim Publishing. 2019. 448 p.
- Gündoğdu A. Türkiye ve Rusya, Kaçınılmaz Etkileşmeler Kaçınılmaz Benzeşmeler [Turkey and Russia: Inevitable Interactions, Inevitable Similarities]. 2023 Dergisi [2023 Journal]. 2006. N 62. P. 44–46.
- Gündoğdu A. Türk Dünyasında Milli Egemenlik Fikrinin Gelişimi [The Development of National Sovereignty Idea in the Turkic World]. Belgi. 2014. Vol. 8. N 2. P. 1139–1149.
- Gündoğdu A. Türkiye’de İslamcılık ve Gelenek [Islamism and Tradition in Turkey]. Historia 1923. 2017. Vol. 3. N 1. P. 8–22.
- Gündoğdu A. İsmail Gaspıralı ve Yenilikçi Çizgisi [İsmail Gaspıralı and His Reformist Perspective]. Yüksek Öğretim Dergisi [Journal of Higher Education]. 2019. Vol. 14. Issue 4. P. 40–47.
- İsmayilov M. Avrasyacılık: Mukayeseli Bir Okuma Türkiye ve Rusya Örneği [Eurasianism: Comparative Reading of Turkey and Russia Cases]. Ankara: Doğu Batı Publications. 2011. 405 p.
- Kalın İ. Ben, Öteki ve Ötesi [Me, Other and Beyond]. 21st edn. İstanbul: İnsan Publications. 2019. 568 p.
- Karpat K. Osmanlı Modernleşmesi [Ottoman Modernization]. Translated by A.Z. Durukan, K. Durukan. Ankara: İmge Publisher. 2002. 163 p.
- Karpat K. Osmanlı’da Değişim, Modernleşme ve Uluslaşma [Changing, Modernization and Nation Building in the Ottoman]. Ankara: İmge Publisher. 2006. 611 p.
- Kılıçbay M.A. Osmanlı Batılaşması [Ottoman Westernization] in Tanzimat’tan Cumhuriyet’e Türkiye Ansiklopedisi [Encyclopedia of Turkey from the Tanzimat to Turkey] İstanbul: İletişim Publications. 1985. Vol. 1. P. 147–152.
- Koyre A. 19. Yüzyıl Başlarında Rusya’da Batıcılık, Ulusçuluk ve Felsefe [Westernism, Nationalism and Philosophy in Russia in the early 19th century]. İstanbul: Belge Publications. 1994. 140 p.
- Malinova O. Creating meanings and traps: competing interpretations of the idea of nation in the debates of Russian Slavophiles and Westernisers in the 1840 s. European Review of History: Revue Européenne d'Histoire. 2008. Vol. 15. N 1. P. 41–54.
- Mardin Ş. Türkiye’de Toplum ve Siyaset – Makaleler 1 [Society and Politics in Turkey – Articles 1]. İstanbul: İletişim Publications. 2005. 312 p.
- Meriç Ç. Umrandan Uygarlığa [From Islamic Civilization to Spurious Civilization]. İstanbul: İletişim Publications. 1974. 371 p.
- Neumann I. Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: The University of Minnesota Press. 1999. 281 p.
- Ortaylı İ. İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı [The Longest Century of the Empire]. İstanbul: Akım Publications. 2005. 296 p.
- Ortaylı İ. Batılılaşma Yolunda [On the Way for Westernization]. İstanbul: Merkez Kitaplar Publisher. 2007. 248 p.
- Ortaylı İ. Avrupa ve Biz [Europe and Us]. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Publications. 2008. 314 p.
- Rumelili B., Morozov V. The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-makers. Cooperation and Conflict. 2012. Vol. 47. N 1. P. 28–48.
- Toprak Z. Türkiye’de «Narodnik» Milliyetçiliği ve Halkçılık (1908–1918) [«Narodnik» Nationalism and Populism in Turkey (1908–1918)]. Türkler [The Turks]. Ankara: New Turkey Strategic Research Center Yeni Türkiye Publications. 2002. Vol. 14. P. 801–806.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Toynbee A.J. Türkiye ve Avrupa [Turkey and Europe]. 2nd edn. İstanbul: Örgün Publisher. 2002. 253 p.

Tunaya T.Z. İslamcılık Akımı [Islamism Movement]. İstanbul: Simavi Publications. 1991. 296 p.

Tunaya T.Z. Türkiye'nin Siyasi Hayatında Batılılaşma Hareketleri [Westernization Movements in Turkish Political Life]. 3rd edn. İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Publications. 2016. 236 p.

Ülken H.Z. Türkiye'de Çağdaş Düşünce Tarihi [Contemporary Thought History in Turkey]. 15th edn. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Publications. 2013. 776 p.

Yüksel D.Y. Rus Modernleşmesi ve Türkiye (1682–1905) [Russian Modernization and Turkey (1682–1905)]: PhD Thesis. Hacettepe University. Ankara, 2006. 353 p.

С.А. Цоя

РИГА В СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА Д.Д. ГРИММА И ЕГО СЕМЬИ

***Аннотация.** Статья посвящена малоизученной проблеме пребывания в столице Латвии, Риге, известного юриста профессора Д.Д. Гримма (1864–1941) и семьи его приемного сына магистра государственного права, приват-доцента Тартуского университета И.Д. Гримма (1891–1970) в 1937–1944 гг. Они оставили заметный след в культурной и общественной жизни дореволюционной России и послереволюционной эмиграции. В то же время «рижский период», особенно его начальная часть, известен мало. Целью работы стала попытка этот пробел ликвидировать, для чего автором были изучены доступные исторические источники и имеющаяся научная литература. Используются описательный, логический и биографические методы исследования.*

Выясняются подробности частной жизни семьи Гримм и их родственников в Риге по линии Н.В. Гримм (до брака Маслова, 1898–1943), а также уточняются некоторые штрихи деятельности И.Д. Гримма в руководстве Прибалтийского православного экзархата в годы войны.

И.Д. Гримм с женой Натальей постоянно поселились в Риге в 1937 г. Д.Д. Гримм с этого времени также стал проводить много времени в столице Латвии, но постоянно здесь поселился лишь летом 1940 г. Однако ни тот ни другой большой общественной активности не проявляли. Ситуация резко изменилась в 1940 г., когда страны Прибалтики были включены в состав СССР. Новые перемены принес 1941-й год – началась война СССР с Германией, Латвия была оккупирована нацистами.

Д.Д. Гримм и Н.В. Гримм во время войны скончались. И.Д. Гримм в 1942–1944 гг. состоял начальником экзаршей канцелярии. Летом 1944 г. он с детьми эвакуировался на Запад. Остаток своих дней И.Д. Гримм провел в Австралии.

***Ключевые слова:** Д.Д. Гримм; И.Д. Гримм; эмиграция; православие; экзархат; Православная церковь; национализация; Вторая мировая война; оккупация; большевизм.*

Сергей Александрович Цоя – магистр истории,
Рижская средняя школа – «Анниньмуйжа».
Латвия, Рига.
E-mail: coja@baltinet.lv

Coia S.A. The Riga period in the life of Professor D.D. Grimm and his family¹

Abstract. *The article is dedicated to the scarcely studied problem of the presence of a well-known lawyer and professor David Davidovich Grimm (1864–1941) and his adopted son, MA of Arts in state law, assistant professor of Tartu University Ivan Davidovich Grimm in the capital of Latvia, Riga between 1937 and 1944. They left a noticeable mark on the cultural and social life of pre-revolutionary Russia and post-revolutionary emigration. At the same time, the «Riga period», especially its an initial part, is little known. The aim of the work is to try to fill this gap. For this, the author studied available historical sources and scholarly literature. Descriptive, logical and biographical research methods were used.*

The details of the private life of the Grimm family and their relatives in Riga through N.V. Grimm (nee Maslova, 1898–1943), as well as some details of the activities of I.D. Grimm in the leadership of the Baltic Orthodox Exarchate during the war is reflected.

I.D. Grimm and his wife Natalia permanently settled in Riga in 1937. Since that time, D.D. Grimm also began to spend a lot of time in the capital of Latvia, but he permanently settled here only in the summer of 1940. However, neither one nor the other showed great public activity. The situation changed dramatically in 1940 when the Baltic countries were incorporated into the USSR. 1941 brought new changes – the beginning of the war between the USSR and Germany and the occupation of Latvia by the Nazis.

D.D. Grimm and N.V. Grimm died during the war. I.D. Grimm in 1942–1944 was the head of the Exarch's Chancellery. In the summer of 1944 I.D. Grimm and his children were evacuated to the West. He spent the rest of his days in Australia.

Keywords: *D.D. Grimm; I.D. Grimm; emigration; Orthodoxy; exarchate; Orthodox Church; nationalization; World War II; occupation; Bolshevism.*

**Coja Sergey Alexandrovich – Master of Historical Sciences,
Anninmuiza secondary school. Latvia, Riga.
E-mail: coja@baltinet.lv**

Имена профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941) и его приемного сына Ивана Давидовича (1891–1970) не нуждаются в особом представлении исследователям из России, Эстонии и Латвии. Первый – известный ученый-юрист и общественный деятель, представитель российской интеллектуальной элиты первой половины XX в.; второй – магистр государственного права, приват-доцент Тартуского университета, общественный и церковный деятель эмиграции и времен Второй мировой войны. Однако некоторые моменты их биографии, в частности рижский период (1937–1944), сыгравший важнейшую роль в их жизни, освещен недостаточно. Попытаемся разобрать-

1. Автор выражает благодарность за содействие в подготовке указанной статьи Т.К. Шор, С.Н. Ковальчук, Б.А. Равдину и К.П. Обозному.

ся в сложных поворотах судьбы Гриммов и связанных с ними людей: указать на малоизвестные и неизвестные факты, дополнив уже известные данные, уточнить имеющиеся неясности и неточности в работах других исследователей [Николаев 2005, с. 142–147; Томсинов 2005, с. 222–252; Обозный 2015, с. 76–96; Ковалев 2015, с. 73–109; Ковалев 2016, с. 174–183; Ковалев 2017, с. 5–46; Ковалев 2019, с. 202–222; Ковалев, Мирзеханов 2016, с. 19–33].

Профессор Д.Д. Гримм был немцем по происхождению и лютеранином по вероисповеданию. Его женой стала вдова профессора Юрьевского университета И.И. Дитятина – Вера Ивановна, урожденная Гольденберг (1858–1930), а ее рожденный в Юрьеве сын Иван был усыновлен Д.Д. Гриммом и крещен в православии в 1893 г. [Ковалев 2017, с. 12]. Профессор Д.Д. Гримм, начавший свою ученую карьеру в Юрьеве, продолжил ее в Санкт-Петербургском университете, был его ректором (1910–1911), членом Государственного совета от ученой курии. После краткого ареста в 1919 г. Гримм с женой покинул Россию и через Финляндию, затем Чехословакию в 1927 г. осел в Эстонии, получив место профессора римского права в своей alma mater – Дерптском / Юрьевском / Тартуском университете. Вместе с ним в Эстонию прибыла и первая семья Ивана с женой Марией и внуком Константином. Оба преподавали в Тартуском университете и активно участвовали в культурной жизни «ливонских Афин».

После развода с первой женой, будущей известной в Эстонии поэтессой Марией Карамзиной (1900–1942)², И.Д. Гримм женился на местной уроженке, бывшей студентке Тартуского университета Наталье Васильевне Масловой (1898–1943)³. До начала 1920-х годов ее отец занимался коммерцией в Тарту, но затем перебрался в Ригу.

В Риге в конце 30-х годов

В 1936 г. Иван Гримм, имевший нансеновский паспорт, стал ходатайствовать о гражданстве Эстонии, чтобы получить статус штатного доцента Тартуского университета. Но в феврале 1937 г., оставшись без учебной нагрузки, он едет в Ригу, где проживал отец второй жены – Василий Романович Маслов (1861–1942). Профессор Д.Д. Гримм после смерти любимой супруги при

2. Карамзина Мария Владимировна (урожд. Максимова, в первом браке Гримм) [О ней см.: Киселева 2008, с. 73–112].

3. Гримм Наталья Васильевна (урожд. Маслова) родилась 29 августа 1898 г. в Тарту. Училась в Рижской частной женской гимназии Л.И. Тайловой, затем перешла и закончила тартускую Пушкинскую гимназию. В качестве вольнослушательницы была зачислена в Юрьевский / Тартуский университет на химическое отделение, с 1918 г. училась на стационаре. После небольшого перерыва восстановилась в Тартуском университете, училась в 1920–1925 гг, но диплома не получила [Maslova Natalie; Maslow Natalie (matr. nr 921)].

достижении предельного возраста для звания ординарного профессора вышел на пенсию в 1934 г. Имея пенсию в размере 85 крон в месяц, он не мог полноценно помогать семье сына⁴. В связи с этим Д.Д. Гримм был вынужден продолжать чтение лекций за отдельную плату в качестве профессора-эмеритус до 1-го семестра 1939 г. [Grimm David 1935, l. 122–123]. При этом он, страдая от одиночества и болезней, регулярно навещался в Ригу повидать своих близких.

Цельных сведений по рижскому периоду нет, большинство новых данных получено из архивохранилищ Латвии. В Латвийском государственном историческом архиве (ЛГИА=Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs=LVVA) использованы фонд Синода Латвийской православной церкви (ф. 7469)⁵; реестр недвижимой собственности Рижско-Валмиерской земельной книги (ф. 1615); домовые книг Риги и Рижского уезда (ф. 2942); материалы Рижской городской строительной комиссии (ф. 2761, оп. 3), а также паспорта Рижской префектуры межвоенных лет (ф. 2996). В Латвийском государственном архиве (ЛГА=Latvijas Valsts Arhīvs=LVA) некоторые материалы были обнаружены в фондах Латвийского коммунального банка и его отделений (ф. 88), Квартирного управления Рижского городского Совета народных депутатов (ф. 824). Кроме того были использованы данные из Национального архива Эстонии (Rahvusarhiiv=RA), подлежавшие национализации списки недвижимости Риги, а также опубликованные сборники документов [Приказ: архив 2016] и периодическая печать того времени.

В краткой биографии И.Д. Гримма, написанной, видимо, им самим, рижский довоенный период его жизни освещен весьма скупо. Он пишет, что начиная с осеннего семестра 1936 г., больше не получал научных должностей в Эстонии и не находил себе там применения. В 1937 г. он переселяется в Ригу, где его тесть В.Р. Маслов владел семью жилыми многоквартирными домами [Galvas pilsētas 1940, 63. – 64., 369., 384. lpp.] по ул. Буллю (Bulļu ielā) 9 (два отдельных дома), 18 а, 20, ул. Триядибас (Trijādības ielā) 30, 32, ул. Валгума (Valguma ielā) 39⁶. Иван принял на себя управление этой собственностью,

4. По закону Эстонской республики при стаже Гримма 38 лет, 4 мес. и 27 дней ему полагалась пенсия в размере 70% от профессорского оклада ($350 \times 0,70 = 245$ крон). Однако учитывая тот факт, что его основной стаж приходился на службу в России и Чехословакии, сумма существенно сокращалась. Вместе с поправками на уменьшение пенсий по решению местного самоуправления в итоге Д.Д. Гримм получал 85 крон в месяц [Grimm David 1935, l. 68].

5. Этот фонд охватывает, как межвоенный период, так и годы Второй мировой войны, хотя в последний временной отрезок православными приходами на территории Латвии управляли уже иные структуры, а не Синод ЛПЦ.

6. Дом по Буллю 9 до настоящего времени не сохранился. Домовая книга по ул. Буллю 18 а в ЛГИА не обнаружена. Ныне существующий двухэтажный каменный дом

жил тихо, лишь посещая шахматную секцию «Русского клуба». Клуб располагался в помещениях дома общества «Улей» (ул. Кениня 1) и действовал с дореволюционных времен, объединяя русское население Риги на основе культурных и общественных интересов. Там не занимались политикой, клуб был излюбленным местом отдыха русских коммерсантов, где часто устраивались доклады, музыкально-литературные вечера, спектакли, предоставлялись помещения для собраний русских организаций [Русский ежегодник 1938, с. 64; Фейгмане 2000, с. 194]. Но наступил 1940-й год – время первой советской аннексии Латвии большевиками. Доходные дома были национализированы⁷ и семья Масловых-Гриммов осталась без средств. Иван длительное время не мог подыскать службу, жил за счет продажи собственных вещей. В мае 1941 г. он был принят на место младшего конторщика в планово-статистический отдел Рижской керамической фабрики [Приказ: архив 2016, с. 118], ранее принадлежавшей династии Кузнецовых⁸.

Между тем большая семья Гриммов, состоящая из отца Д.Д. Гримма, сына И.Д. Гримма, его жены Н.В. Гримм и детей от первого (Константин, 1923–1988) и второго браков (Алексей, род. в 1933 и Ольга, род. в 1936 г.) [Buļļu 1930–1942, 27. – 28., 31., 38. – 40., 42. – 44., 48., 50. – 54., 56. – 62., 64. – 65., 67., 72., 78. – 79., 82. – 83., 96. lpp.; Обозный 2008, с. 130, 159; Обозный 2015, с. 84], перемещались по маршруту Рига–Тарту–Рига. Они стали регулярно отмечаться в качестве жильцов дома по адресу ул. Буллю 9–1, принадлежащем В.Р. Маслову уже с 1931 г. В общей совокупности Гриммы находились в столице Латвии достаточно подолгу, часто по несколько месяцев в году.

состоит из 4 квартир. В 1996 г. его денационализировали наследники В.Р. Маслова. В доходном доме на ул. Буллю 20 (в 20-е годы он значился под № 12 ц) в деревянном двухэтажном здании было 32 квартиры, которые сдавались частным лицам и под нужды торговли. Строение сохранилось и денационализировано наследниками в 1996 г. В трехэтажном доме на Триядибас 30 было 28 квартир, в доме № 32 – семь. В здании на Валгума 39 в 1944 г. были заняты кв 4 и 5 [Rīgas būvju 1889–1944, 4. lpp.; Rīgas būvju 1912–1940, 17. lpp. и дальше; Galvaspilsētas 1939; Buļļu 1920–1926; Buļļu 1927–1933; Trijadības 1919–1927; Trijadības 1928–1944; Trijadības 1927–1943; Valguma 1944 14. lpp.; Rīgas pilsētas zemesgrāmatas nodalījums № 100000048187; Rīgas pilsētas zemesgrāmatas nodalījums № 100000138765].

7. Дома, принадлежавшие В.Р. Маслову, были национализированы: на ул. Буллю 9–02 ноября 1940; Буллю 18 а – 31.10.1940; Буллю 20–01 ноября. 1940; Триядибас 30–01 ноября 1940; Валгума 39–01 ноября 1940; Дом Триядибас 32 в списках национализированных объектов не значится [Rīgas pilsētas 1940, 135., 142. lpp.; Rīgas pilsētas 1940–1941, 81., 100. lpp.; Nacionalizēto 1940, 123., 129. lpp.].

8. В списках работников Кузнецовской фабрики (до осени 1940 г. принадлежала потомкам промышленника Матвея Сидоровича Кузнецова, 1846–1911) конца 30-х годов имя Ивана Гримма обнаружить не удалось [A/S Kuņņecovs 1935–1938; A/S Kuņņecova fabrika 1936].

Несмотря на наличие у тестя нескольких доходных домов избытка средств не наблюдалось, так как строения были достаточно скромными и находились не в престижных районах города. В письме 1935 г. редактору газеты «Сегодня» Б.О. Харитону Иван Grimm писал, что потраченная им сумма в 50 эстонских крон на лечение журналиста А.С. Изгоева⁹ в больнице в Эстонии, для него достаточно большая и просил, если это не создаст трудностей, деньги ему вернуть [Абызов, Флейшман, Равдин 1997, с. 97].

Как известно, профессор Д.Д. Grimm беспрепятственно получил эстонское гражданство в 1931 г., в то время как у сына был нansenовский паспорт еще со времен чешской эмиграции. В 1929 г. И.Д. Grimm его обновил, а в 1936 г. стал ходатайствовать о получении эстонского гражданства. С этим произошла заминка. Гражданства он не получил, что, по-видимому, и стало основной причиной его окончательного переезда с семьей в Ригу в 1937 г. [Grimm David Davidi p. 1931; Grimm David 1935; Grimm Ivan 1929; Grimm Ivan Davidi p. 1936–1937]¹⁰. Летом И.Д. и Н.В. Гриммы с детьми окончательно поселились в первой квартире на ул. Буллю 9 вместе с няней Степанидой Кузьминичной Кузьминой (1874–?), сопровождавшей профессорскую семью во все время эмиграции [Grimm David 1935, l. 28–28 p.; Buļļu 1930–1942, 52., 58., 68. lpp.].

Теперь профессор Д.Д. Grimm, несмотря на занятость в университете и членство во II Национальной палате Эстонского парламента, проводил в Риге до половины календарного года [Grimm David, 1937]. Несомненно Давид Давидович был хорошо знаком с сообществом русских юристов Латвии межвоенных лет. Он публиковался в издаваемом Русским юридическим обществом журнале в Риге «Закон и суд» [Grimm 1931, с. 360–363, 396–400, 415–419]. Однако в жизнь этих людей особенно вовлечен не был.

Будучи уже в весьма почтенном возрасте, Давид Давидович во время своего нахождения в Риге вряд ли мог проявлять большую активность, тем более, что с 1935 г. в качестве эксперта был привлечен к разработке новой Эстонской Конституции [Grimm David 1935, l. 112]. К тому же в Латвии 1934–1940-х годов при авторитарном режиме Карлиса Ульманиса общественная жизнь подавлялась, политические партии не действовали, выборы в органы власти не проводились, многие организации были закрыты, печать

9. Изгоев (Ланде) Александр Соломонович (1872–1935) – публицист, критик и журналист, сотрудник русских газет в Эстонии и Латвии, болел и умер в Хаапсалу. Средний месячный заработок в Эстонии в то время был 60 крон.

10. Заметим, что в Тартуском университете И.Д. Grimm работал приват-доцентом, поэтому именовать его профессором, как это встречается в некоторых источниках и работах современных историков, неверно, это уместно лишь в контексте сокращенного перевода с английского звания доцента – assistant professor.

находилась под контролем государства. По настоянию властей в 1938 г. ликвидировали журнал «Закон и суд» [Ковальчук 2017, с. 337–340].

Осенью 1939 и начале 1941 гг. в Эстонии и Латвии интенсивно проходил процесс репатриации прибалтийских немцев на этническую родину [Подробнее см.: Feldmanis, 2014]. Но Гриммы не уехали, во-первых, они были достаточно интегрированы в русскую среду, а, во-вторых, на руках были престарелые родители и малые дети. Таким образом их семья в полном составе осталась в Латвии.

На постоянное место жительства в столицу Латвии Д.Д. Гримм переехал только летом 1940 г., когда страна оказалась в составе СССР, перемещаться без специальных разрешений стало невозможно – в республиках Прибалтики действовал внутренний пограничный режим.

Постоянная смена власти держала людей в напряжении. После присоединения к СССР всем, в том числе обладателям нансеновских паспортов, было предоставлено советское гражданство [PSRS 1940, 1. лр.]. Весной 1941 г. начался обмен паспортов [Latvijas 1941, 2. лр.], которые, однако, до начала войны с Германией успели получить лишь сравнительно немногие, и сомнительно, что среди них были Гриммы. Не удалось установить, на какие средства жил профессор Д.Д. Гримм в Латвии в краткий советский период и была ли ему назначена пенсия по новому советскому законодательству¹¹. Во всяком случае среди подвергшихся репрессиям советских властей членов их семьи не оказалось [No NKVD 1999]. По-видимому, свою роль сыграло то, что в Риге они вели тихий и незаметный образ жизни, явных врагов среди знакомых и соседей не оказалось хотя их большая квартира превратилась в коммунальную¹². Кроме того, все документы на отца и сына Гриммов были в руках Эстонской полиции безопасности, которые своими наблюдениями с соседями-латышами не делились.

11. Согласно «Инструкции о назначении и выплате пенсий по государственному социальному страхованию от органов социального обеспечения», действовавшей с 1 декабря 1940 г., лица которым были назначены пенсии на основании предыдущих законов, могли ссылаться на документы находящиеся в уже имевшихся пенсионных делах (ст. 2). В пенсионный стаж засчитывались в том числе годы работы до введения социального страхования по законам СССР (ст. 24). В отделах соцобеспечения были личные карточки пенсионеров. Денежные средства пенсионеры получали по месту жительства (ст. 37). Д.Д. Гримму полагалась в том числе пенсия по старости [Instrukcija 1940, 1. – 3. lpp.; Latvijas 1940, 1. лр.].

12. В процессе национализации в начале 1941 г. часть жилплощади (кв. 1, ул. Буллё 9), где непосредственно жили В.Р. Маслов и Гриммы, была отчуждена. В помещения под номерами 1 а и 1 б подселили чужих людей. В годы немецкой оккупации недвижимость (имеются данные по домам Триядибас 30/32 и Валгума 39) была вновь отдана Масловым. В августе 1944 г. управляющим домами значился Д.В. Маслов [Buļļi 1930–1942, 86. – 88., 90., 92. – 93., 95. – 97. lpp.; Rīgas būvju 1889–1944, 26. лр.].

Очередную смену власти сердце больного профессора не вынесло. Вскоре после того, как Ригу заняли германские войска, 29 июля 1941 г. Д.Д. Гримм скончался, а уже 31 июля его похоронили на Покровском кладбище [Professor 1941, 5. lp.].

Началась новая глава рижского периода в жизни потомков профессора Д.Д. Гримма. После смерти отца все заботы по содержанию семьи пали на плечи И.Д. Гримма. Один за другим покидали его близкие люди. 10 января 1942 г. умер отец жены уроженец Риги, юрьевский купец, домовладелец Василий Романович Маслов [Vasilijs Maslovs 1922, 1. lp.]. Он исповедовал православие, с женой Ольгой Константиновной был в разводе. Всего добившийся своими трудами, жил он сначала в Риге на съемной квартире (Торгелес 5–15, совр. название ул. Эвелес), так как его тамошняя собственность сильно пострадала во время революционных событий и войн начала XX в. Для ее восстановления требовалась капитальная реконструкция, проведенная в конце 20 – начале 30-х годов [Rīgas būvju 1912–1940, 17. lp. и дальше].

С начала лета 1932 г. В.Р. Маслов переселился в просторную первую квартиру на ул. Буллю 9¹³. Из родных, живших с ним в это время, упомянем сына Дмитрия Маслова (1903–1989), бывшего студента-юрьевца, приехавшего из Тарту помогать отцу, его жену Капитолину (урожд. Ключева, 1915–?). Последняя изначально появилась в семье как прислуга, но около 1935 г. вышла замуж за Дмитрия. 7 мая 1937 г. оба выписаны на ул. Буллю 18 а, где находился еще один объект недвижимости В. Маслова. Больше по старому адресу в домовое книжке они не упоминались. Квартиру № 1 на Буллю 9 освободили для семьи Гриммов¹⁴.

Поскольку в Тарту у Маслова еще до революции также была недвижимость, то в 1920 – начале 1930-х годов он постоянно наезжал в Тарту и подолгу там находился, хотя уже считался гражданином Латвии [Rīgas-Valmieras 1889–1940, 54. lp.; Vasilijs Maslovs 1922; Vasilijs Maslovs 1927–1932; Милютин 1997, с. 48]. В конце 1930-х годов часть земли под принадлежавшим ему домом он выкупил у Рижского самоуправления. Согласно договору, последний взнос должен был поступить в городскую казну в 1944 г.¹⁵.

13. В кв. № 1, по адресу ул. Буллю 9, в первой половине 30-х годов жил вдовый брат В.Р. Маслова, эстонский гражданин, купец Изот (Isots) Романович Маслов (1857–1935). Выписан из квартиры 3 июня 1935 г. в связи со смертью [Buļļu 1930–1942, 32. lp.].

14. Маслов Дмитрий Васильевич – поэт, в 1925–1929 гг. входил в Юрьевский цех поэтов, активист Русского студенческого христианского движения. Выписался из квартиры с супругой (Буллю 9–1) 7 мая 1937 г., освободив ее для семейства Гриммов [Buļļu 1930–1942, 32., 38., 46., 50. lpp.; Абызов 2000, с. 279–281; Плюханов 1993, с. 302].

15. Дома на Триядибас 30 он выкупил на торгах в 1904 г. Дом на Триядибас 32 купил в 1911 г. Когда Маслов стал собственником других объектов точных данных нет

Вслед за отцом 21 февраля 1943 г. от туберкулеза скончалась супруга И.Д. Гримма Наталья Васильевна, оставив на попечении мужа троих детей. Она была похоронена на том же Покровском кладбище, где уже покоились профессор Д.Д. Гримм и ее отец.

Но жизнь продолжалась, в 1942 г. старший сын Константин Иванович Гримм окончил Рижскую правительственную русскую гимназию [Rīgas valsts 1931–1944, 14. argr.lp.] и мог в какой-то степени помогать семье¹⁶.

И.Д. Гримм в руководстве Православного экзархата

В автобиографии начало своей деятельности при управлении Православным экзархатом Прибалтийских провинций Остланда И.Д. Гримм описывает скупое. Дело, видимо, в том, что православные приходы Эстонии и Латвии не были чем-то единым, как в национальном, так и в каноническом аспектах. Упомянуто, что с экзархом Латвии и Эстонии, митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Дмитрий Николаевич Воскресенский, 1897–1944)¹⁷, прибывшим в Прибалтику после присоединения ее к СССР, его свели знакомые священники. До начала немецкой оккупации экзарха он не знал, но уже в начале июля 1941 г. его назначают последним членом и юрисконсультom Экзаршего епископского управления в Риге [Приказ: архив 2016, с. 59, 118]. Так И.Д. Гримм оказался одним из тех, кто стоял у истоков разработки программы Псковской миссии, призванной осуществлять широкую православную миссионерскую деятельность экзархата на занятых германскими войсками территориях Северо-Запада России [Приказ: архив 2016, с. 464, 473; Обозный 2008, с. 117, 221; Шкаровский, Соловьев, 2013, с. 43].

Как член приходского совета Рижского кафедрального Христорождественского собора И.Д. Гримм был одним из авторов письма от 20 октября 1941 г., адресованного Экзаршему управлению в Латвии. В нем сообщалось о поведении заштатного митрополита Августина, который без согласования с приходским советом и экзархом Сергием пытался устроить в соборе самочинное

[Rīgas-Valmieras 1889–1940, 56. – 58., 62. – 63. lpp.; Rīgas-Valmieras 1898–1940, 34. – 37., 53. lpp.; Rīgas-Valmieras 1939–1940, 7. lp.; Rīgas-Valmieras 1938–1940, 5. lp.; Rīgas būvju 1889–1944, 18. – 19. lpp.].

16. Приведенные в статье К.П. Обозного сведения, что К.И. Гримм окончил в Риге русскую Ломоносовскую гимназию, не точны, так как гимназия, которую неофициально именовали Ломоносовской, была закрыта в 1935 г. [Обозный 2015, с. 84].

17. Митрополит Сергей (Воскресенский) – патриарший экзарх Прибалтики в 1941–1944 гг.

архиерейское богослужение 20 июля 1941 г. [Lieta par Latvijas 1941, 4. lp.; Akts par Latvijas 1941–1944, 214. lp.]¹⁸.

Митрополит Августин возглавлял Латвийскую православную церковь (бывшую в 1936–1940 гг. в юрисдикции Константинопольской патриархии) до присоединения Латвии к СССР, затем в краткий советский период вместе с митрополитом всея Эстонии Александром (Паулус, 1872–1953) признал главенство Московского патриархата. После вступления в Ригу немецких войск он попытался составить оппозицию митрополиту Сергию (Воскресенскому) как представителю Москвы и восстановить прежнее status quo в управлении ЛПЦ, однако не получил должной поддержки ни у священнослужителей, ни и у верующих. В отличие от митрополита всея Эстонии Александра, которому удалось в годы немецкой оккупации сохранить руководство частью эстонских православных приходов [Православие 2010, с. 134–139], Августин не смог этого сделать, во всем винил экзарха и его сторонников. В конце концов он был вынужден смириться с тем, что его запретили в священнослужении как уклонившегося в раскол¹⁹.

В феврале–мае 1942 г. а И.Д. Гримм состоял членом Епархиального совета Латвийской епархии Православного экзархата. Эта другая структура, отличная от Экзаршего епископского управления в Риге²⁰. С июня 1942 г. в заседаниях Епархиального совета Латвийской епархии Гримм больше не участвовал, а позже бывал только в чрезвычайных случаях [Latvijas eparhiālās 1941–1944, 47., 110., 114., 119. lpp.]. Так, он присутствовал на заседании 1 мая 1944 г., когда епископ Рижский Иоанн (Гарклавс, 1898–1982; владыка Рижский в 1943–1944 гг.) сообщил собравшимся об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского) [Latvijas eparhiālās 1943–1944, 17. lp.].

В исследовательской литературе датировка назначения И.Д. Гримма начальником экзаршей канцелярии варьируется довольно широко, например лето 1941 г. [Обозный 2015, с. 83; Приказ: архив 2016, с. 24, 528; Шкаровский, Соловьев 2013, с. 42] или 1943 г. [Гаврилин 2009, с. 446], без указания точных

18. Августин, Митрополит Рижский и всея Латвии, 1936–1941 (в миру Августин Адамович Петерсон, 1873–1955). О реакции митрополита Августина на этот донос см.: [Письма митрополита 2015, с. 211–212].

19. Окончательное запрещение служить последовало 15 июня 1942 г. По этому поводу Августин 20 сентября 1942 г. писал митрополиту Александру: «Дело в том, что мне в Латвийских православных храмах служить теперь не придется – этот Лев, т.е. чекист, распоряжением от 15 июня запретил мне служить. И отцы, боясь гнева, конечно, мне не разрешают служить. Я безусловно его распоряжений, как неканонических, не признаю, поэтому заказываю в Риге у мастеров деревянную чашу и дискос и буду служить у себя дома» [Письма митрополита 2015, с. 221].

20. Возможно, И.Д. Гримм одновременно был членом и того и другого управлений, но проверить это не представляется возможным.

дат. По документам фонда Синода ЛПЦ И.Д. Гримм с 13 июня 1942 г. работал юрисконсультom в юридическом столе канцелярии Экзаршего епархиального управления с окладом 200 рейхсмарок в месяц. Начальником канцелярии тогда был протоиерей Иоанн Янсонс (1878–1954) [Rīgas bīskapa 1942–1943, 8. lр.]. Однако 1 августа 1942 г. произошла реорганизация, и канцелярия превратилась в самостоятельную структуру. Именно с этого дня ее возглавил И.Д. Гримм. В штате были секретарь – священник Николай Виеглайс (1907–1992) и два вспомогательных работника – Зинаида Радвил и Татьяна Каминская. Канцелярия располагалась в помещении рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря (Кр. Барона 126) [Latvijas un Igaunijas 1941–1944, 140. lр.]. В качестве начальника указанной канцелярии И.Д. Гримм своей подписью завизировал первый известный нам документ 5 августа 1942 г. [Lietuvas un Viļņas 1942–1944, 3. lр.].

Деятельность И.Д. Гримма как юриста и одного из помощников главы Православного экзархата в годы войны охватывала многие сферы. В его компетенции было составление различных документов, связанных с практической и идеологической работой Православной церкви, распространением и расширением ее деятельности. Он сопровождал митрополита Сергия во время его поездок по территории экзархата, много занимался организационными проблемами Псковской православной миссии, восстановлением образования церковнослужителей (Виленские курсы). Делались попытки установить контакты и с другими русскими православными религиозными организациями для включения их в патриаршую церковь и утверждения церковного единства. Налаживались контакты с Русской освободительной армией (РОА). Помощь и консультации И.Д. Гримма были необходимы в сношениях с немецкими оккупационными властями, последнее облегчалось тем, что И.Д. Гримм владел немецким языком. Именно он разъяснял оккупационным властям позицию местной православной церкви по различным вопросам, в частности каноническим, например о порядке поминовения местоблюстителя патриаршего престола за богослужениями²¹. Специально в эти вопросы углубляться не будем, ибо считаем их отдельной темой исследования.

21. Приведем примеры некоторых документов, подготовленных и подписанных И.Д. Гриммом: Временное положение о приходах от 30 ноября 1942; письмо, адресованное в Епархиальный Совет Латвийской епархии о кончине свящ. В. Рушанова от 31 марта 1943; записка, адресованная епископу Иоанну Гарклавсу, по поводу недостающих Псковскому собору богослужебных принадлежностей от 30 апреля 1943; корреспонденция на имя епископа Иоанна Гарклавса об учебных пособиях для нужд Пастырско-богословских курсов от 10 сентября 1943; ему же адресованная директива об улучшении быта воспитанников богословских курсов в Вильне от 19 мая 1943 [Lietuvas metropolīta 1941–1950, 6., 9. lpp.; Iekšējās Latvijas 1942, 5. – 6. lpp.; Pārskats par Viļņas 1939–1945, 12. lр.; Приказ: архив 2016, с. 181, 183–184, 187, 196–197, 200, 296, 304–305, 368–374; Обозный 2008, с. 264].

В российской исследовательской литературе бытует мнение, что И.Д. Гримм был резидентом немецкой разведки, а «Псковская миссия» свою деятельность проводила по заданиям СД. В подтверждение этого факта публикуются якобы доказывающие это документы, собранные советскими спецслужбами в конце Второй мировой войны и в послевоенный период [Приказ: архив 2016, с. 25, 93–94]²². Утверждается, что немец Гримм²³ был назначен в штат к митрополиту Сергию (Воскресенскому) нацистами без всякого на то желания владыки, как своего рода обер-прокурор над церковью, причем на него падает подозрение в причастности к организации убийства митрополита [Русская православная 2009, с. 127–128, 331–332; Шкаровский, Соловьев 2013, с. 133, 137].

Если встать на точку зрения, что именно немецкие спецслужбы, недовольные нежеланием экзарха выступить с осуждением произошедших в Москве осенью 1943 г. патриарших выборов [Гаврилин 2009, с. 217–220], организовали убийство митрополита, то стоит отметить, что Гримм не был циничным человеком, который по заданию «центра» готов был выполнить любое задание... Наоборот, в важных вопросах он всегда проявлял принципиальность. С экзархом у него не было серьезных идейных разногласий. Как и владыка, он был сторонником единства Русской православной церкви в лоне Московской патриархии, причем выступал за это и после кончины экзарха [Шкаровский 2002, с. 370]. В полной мере доверять материалам, собранным советскими спецслужбами, не представляется возможным: ни для кого не секрет, как из подследственных выбивались показания, тем более, что после войны была поставлена задача максимально очернить деятельность «Псковской миссии» и связанных с ней лиц. Присоединяемся к мнению И.В. Петрова, признающего, что в наши дни сложно установить, кто являлся реальным сотрудником СД или был их агентом, кто был вынужден сотрудничать, а кого просто оговорили после войны [Петров 2016, с. 204].

Понятно, что в условиях немецкой оккупации идти на контакты с немецкими властями, в том числе и спецслужбами, церковь в Прибалтике была вы-

22. В докладной записке УКР «Смери» 3-го Прибалтийского фронта от 23 апреля 1945 г. Гримм характеризуется как пособник немецких оккупантов. Указывается, что митрополит Сергий и Гримм согласовывали с СД все вопросы церковной политики и перемещения священнослужителей. В то же время якобы они выполняли осведомительные функции, собирали данные о настроениях населения. Усилиями Сергия и Гримма по указанию СД экзархат и подчиненные ему церковные организации были превращены в крупную разведывательную резидентуру германского контрразведывательного органа «Остланд» [От национализма 2018, с. 246–247].

23. Едва ли И.Д. Гримма можно считать немцем, ведь он был всего лишь приемным сыном профессора Д.Д. Гримма, который, кстати, все время жил в русском окружении.

нуждена, дабы обеспечить легальность своей деятельности. Контакты эти осуществляло руководство экзархата, в том числе и лично начальник канцелярии И.Д. Grimm. Кроме того, многих в Прибалтике объединяла с немцами ненависть к большевизму. Стоит подчеркнуть, что сами по себе факты вступления Grimm в контакт с немецкими спецслужбами вовсе не доказывают, что он был их штатным сотрудником или агентом. Поддержание связей между экзархом, церковными и светскими лицами и учреждениями входило в круг обязанностей начальника канцелярии по Положению о Православном экзархате [Приказ: архив 2016, с. 101]. Больше всего Иван Давидович контактировал с начальником отдела по церковным делам полиции безопасности и СД Риги В. Геггингером [Приказ: архив 2016, с. 527; Балевиц 1967, с. 28]. Вынужденность подобных контактов сомнений не вызывает.

Последние бумаги, подписанные Grimmом в качестве начальника канцелярии датируются маем 1944 г. (от 9 мая 1944 г.) и (от 17 мая 1944 г.) [Latvijas un Igaunijas 1941–1944, 7. lр.; Приказ: архив 2016, с. 203]. Документов, подписанных Grimmом в этом качестве летом 1944 г. не обнаружено. Подобные документы вместо него в это время, визировали другие лица²⁴. Можно согласиться с данными К.П. Обозного о том, И.Д. Grimm с семьей и старой няней С.К. Кузьминой покинул Ригу и направился на территорию Германии в начале июля 1944 г. [Обозный 2015, с. 92]²⁵.

Новая эмиграция

Уже находясь в Германии, И.Д. Grimm стал начальником юридического стола Комитета освобождения народов России при армии генерала А.А. Власова (1901–1946), с которым он лично познакомился еще находясь в Латвии [Абызов, Флейшман, Равдин 1997, с. 95; Шкаровский, Соловьев 2013, с. 113, 115, 122; Генерал 2015, с. 731; Гофман 2006, с. 382; Обозный 2015, с. 90; Фрелих 1990, с. 181, 192]. Старший внук профессора Д.Д. Grimm Константин летом 1944 г. окончил курсы пропагандистов РОА в Риге²⁶, позже

24. Подпись начальника канцелярии на документе от 5 июля 1944 г., адресованном в канцелярию Латвийского епархиального совета об увольнительных грамотах некоторым священникам, не прочитывается, но это не И.Д. Grimm [Lietuvas metropolīta 1941–1950, 51. lр.].

25. Точную дату отъезда Grimmов из Латвии установить не удалось. В картотеке Латвийского государственного архива бывших граждан Латвии, эвакуировавшихся в 1944 г. на Запад [Trimdas latvieši 1943–1950], Иван Grimm не значится. Это и понятно, он ведь до момента включения стран Балтии в состав СССР в 1940 г. гражданином Латвии не являлся.

26. Занятия для второго набора пропагандистов, которые окончил К.И. Grimm, велись около месяца с конца июня – по конец июля 1944 г. в Риге. Было набрано около

участвовал в боевых действиях на стороне немцев. С помощью Германии и РОА Grimm и его единомышленники надеялись избавить Россию от большевизма. Однако Власову, как бывшему советскому генералу, немцы не доверяли, так что достичь устраивавшей всех договоренности не удавалось. В итоге этот проект превратился в пропагандистскую шумиху, что прекрасно понял И.Д. Grimm. Ему были ясны и общие причины провала наступления на восток. Так он писал, что «кампания 1941 года не в последнюю очередь потерпела неудачу потому, что русский народ с самого начала имел подозрения о ведении войны в меньшей степени против большевизма, чем против России» [цит. по: Шкаровский 2007, с. 352]. Тем не менее он занимался делами РОА, в частности в вопросе духовного окормления власовцев, и агитировал русское население вступать в армию Власова [Приказ: архив 2016, с. 416–420, 431–434].

По окончании войны Grimмы оказались во Фрайбурге во французской зоне оккупации Германии. Владея французским языком, Иван Давидович устроился работать в Организацию помощи беженцам (International Refugee Organization) при ООН. В конце 40-х годов перемещенные лица стали покидать разрушенную войной Европу. Перед Grimмами встала дилемма, куда податься. В США или Канаду для старшего сына Константина путь был закрыт, так как законодательство этих стран запрещало принимать лиц, участвовавших в войне на стороне Германии, поэтому было принято решение направиться в Австралию. Первым 2 ноября 1950 г. в Западную Австралию прибыл Константин Grimm. Отец И.Д. Grimm, как человек уже немолодой, разрешение на переселение не получил и вынужден был переехать в США. Вскоре, однако, удалось оформить все необходимые документы, и семья воссоединилась в Австралии. Впоследствии И.Д. Grimm трудился санитаром в госпитале города Перт [Обозный 2015, с. 94–95], вел уединенный образ жизни, скончался 12 сентября 1970 г., и был похоронен на православном кладбище Каракатта. К.И. Grimm умер 4 февраля 1988 г. в Перте. Дети Алексей и Ольга Grimm (в замужестве Бензлере) здравствуют и проживают в Австралии и поныне.

Оставшиеся в живых дети В.Р. Маслова и их потомки Латвию не покидали. Известно, что Д.В. Маслов в советское время трудился рабочим на лакокрасочном предприятии и конопатчиком на судоремонтном заводе Риги. Был прихожанином Троицко-Задвинской церкви столицы Латвии, продолжал писать стихи, которые читал только близким людям. Скончался 3 января 1989 года в Риге [Абызов 2000, с. 280; Плюханов 1993, с. 302; Орлова 2020, с. 264, 273].

40 слушателей. Выпускной вечер прошел 27 июля 1944 г. [Поздняков 1972, с. 194–195, 197–198].

* * *

Перипетии судьбы семьи Гриммов, связанные с потрясениями XX в., являют собой пример выживания в сложных условиях русской эмиграции первой волны. Быстро меняющиеся общественно-политические установки зачастую ставили соотечественников по разные стороны баррикад и забрасывали людей в самые отдаленные уголки нашей планеты. Однако все эти препоны не препятствовали людям внутренне оставаться сопричастными к духовности русской культуры и в самых сложных ситуациях сохранять верность традициям в рамках своего понимания ситуации и практических возможностей в осуществлении своих целей.

Библиография

Абызов Ю.И. Дмитрий Васильевич Маслов – в его стихах // Балтийский архив. Т. 6. Рига: Даугава, 2000. С. 276–291.

Абызов Ю., Флейшман Л., Равдин Б. Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. IV.: Между Гитлером и Сталиным. Vol. 16. Stanford Slavic Studies. Стенфорд: Стенфордский университет, 1997. 392 с.

Балевиц З. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига: Зинатне, 1967. 90 с.

Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: Алабор; Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 462 с.

Генерал Власов: история предательства. В 2-х т. В 3-х кн. Т. 2. В 3-х кн. Кн. 1. Из следственного дела А.А. Власова / Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив социал.-полит. истории, Гос. архив РФ, Рос. гос. воен. архив, Архив Президента РФ, Упр. регистрации и архив. фондов Федер. службы безопасности РФ, Центр. архив М-ва обороны РФ, Рос. ист. о-во, Германский историч. ин-т в Москве; Отв. ред. А.Н. Артизов, В.С. Христофоров; отв. сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 854 с.

Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944–1945. М.: Астрель, АСТ, 2006. 544 с.

Гримм Д.Д. Участие суда в правотворчестве // Закон и суд. 1931. № 18/19. С. 360–363.

Гримм Д.Д. Участие суда в правотворчестве // Закон и суд. 1931. № 20, с. 396–400.

Гримм Д.Д. Участие суда в правотворчестве // Закон и суд. 1931. № 1(21)/2(22), с. 415–419.

Киселева Л. Любовь. Созвучие // Карамзина М. Ковчег. Таллинн: VE, 2008. С. 73–112.

Ковалев М.В. Профессор Давид Давидович Гримм и его время // Гримм Д.Д. Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. СПб.: Нестор–История, 2017. С. 5–46.

Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов: Саратов. гос. технич. ун. им. Ю.А. Гагарина, 2015. С. 73–109.

Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.

Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и конституционный процесс в межвоенной Эстонии // Россия и современный мир. 2019. № 4. С. 202–222.

Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33.

- Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. М.: Новый хронограф, 2017. 431 с.
- Милютин Т. Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997. 414 с.
- Николаев А.Б. Д.Д. Grimm – комиссар Временного комитета Государственной Думы // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 142–147.
- Обозный К.П. История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. М.: Издательство Крутицкого подворья Общества любителей церковной истории, 2008. 608 с.
- Обозный К.П. Профессор Иван Давидович Grimm. Штрихи к биографии // Православие в Балтии. 2015. № 3(12). С. 76–96.
- Орлова Н.О. Из дневника 1975 года / Равдин Б.А., Цоя С.А. публ., предисл. и коммент. // Рижский альманах. 2020. № 10(15). С. 252–286.
- От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы. Т. 1 / Отв. ред. Репников А.В., Сост. Агарков Р.С., Артамонова Ж.В. и др. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 437 с.
- Петров И.В. Православная Балтия 1939–1953 гг.: период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016. 376 с.
- Письма митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона) и протоиерея Иоанна (Свемпа) митрополиту Таллиннскому и всея Эстонии Александру (Паулусу), написанные в 1941–1943 гг. / Шор Т.К. (публикация и коммент.) // Православие в Балтии. 2015. № 3(12). С. 209–235.
- Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. Париж: YMCA-Press, 1993. 311 с.
- Поздняков В.В. Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде, Люкенвальде, Дабендорфа, Риги. Сиракузы (США): Б. и., 1972. 256 с.
- Православие в Эстонии. Исследования и документы. Т. 2. Под ред. Балашов Н., Кравец С.Л. М.: Правосл. энциклопедия, 2010. 656 с.
- Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944. Сб. документов. Сост. Бернев С.К., Рупасов А.И. СПб.: Арт-Экспресс, 2016. 552 с.
- Русский ежегодник на 1939 год. Под ред. Коренев С.А., Заволоко И.Н., Вологин Н.А., Антипов Н.И. Рига: изд. Русс. нац. объединения в Латвии, 1938. 128 с.
- Русская Православная церковь в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. док. Сост. Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2009. 779 с.
- Томсинов В.А. Давид Давидович Grimm (1864–1941) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерк жизни и творчества. Т. 2. М.: Зерцало, 2005. С. 222–252.
- Фейгмане Т.Д. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига: БРИ, 2000. 384 с.
- Фрелих С. Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кёльн: Soru-right by Markus Verlag, 1990. 403 с.
- Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.
- Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная церковь. Немецкая политика по отношению к Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2002. 528 с.
- Шкаровский М.В., Соловьев Илья. Св. Церковь против большевизма (митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской патриархии в Прибалтике. 1941–1944). М.: Издание общества любителей церковной истории, 2013. 416 с.
- Akts par Latvijas pareizticīgas Baznīcas apvienošanos ar Maskavas patriarhiju..., 1941–1944 // LVVA (Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs). 7469. f., 1. apr., 20. l., 360. lpp.

- A/S Kuzņecova fabrika. Pagaidu strādnieku algas rēķinu grāmatas, 1936 // LVVA, 6681. f., 2. apr., 7. l., 243. lpp.
- A/S Kuzņecovs. Virsstundu saraksts, 1935–1938 // LVVA, 6681. f., 2. apr., 6. l., 299. lpp.
- Buļļu iela (apr. Buļļumuižas) 20(12 c), 1920–1926 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 2622. l., 66. lpp.
- Buļļu iela (apr. Buļļumuižas) 20(12 c), 1927–1933 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 2623. l., 124. lpp.
- Buļļu iela (apr. Buļļumuižas) 9(5), 1930–1942 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 2616. l., 100. lpp.
- Feldmanis I. Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939–1941). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014. 106. lpp.
- Galvas pilsētas Rīgas gruntsgabalu un ielu saraksts 1939. gadā. Rīga: Galvas pilsētas Rīgas valsts izdevums, 1940. 428 lpp.
- Galvaspilsētas Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, gr. 66., gr. 274, 1939 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 9007. l., 5. lpp.
- Galvaspilsētas Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, gr. 66., gr. 275, 1939 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 9008. l., 5. lpp.
- Grimm David 1935 // RA, EAA (Rahvusarhiiv, Eesti Ajalooarhiiv). 2100.2.150. 123 l.
- Grimm David Davidi p. 07.02. – 02.04.1931; // RA, ERA (Rahvusarhiiv, Eesti Riigiarhiiv). 14.12.4375. 19 l.
- Grimm David; Teise Koja liikmete ajutised liikmetunnistused 1937 // RA, ERA. 77.2.228. 5 l.
- Grimm Ivan Davidi p. 17. 07.1936–26.02.1937 // RA, ERA. 14.12.4376. 19 l.
- Grimm Ivan, 1929 // RA, ERA. 1.1.1717. 14 l., foto.
- Iekšējās Latvijas pareizticīgās misijas darbības programma... 1942 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 139. l., 6. lpp.
- Instrukcija par valsts sociālās apdrošināšanas pensiju piešķiršanu un izmaksu no sociālās nodrošināšanas orgāniem // Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1940. 16. decembrī, Nr. 90., 1. – 3.
- Latvijas eparhiālās padomes sēžu protokoli. Kopijas, 1943–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 78. l., 167. lpp.
- Latvijas eparhiālās padomes un ekzarhālās pārvaldes sēžu protokoli, 1941–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 77. l., 143. lpp.
- Latvijas PSR Tautas Komisāru Padomes 410. lēmums Par vienotās pasu sistēmas ieviešanu Latvijas PSR teritorijā // Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1941. 22. martā, Nr. 68., 2. lpp.
- Latvijas PSR Tautas Komisāru Padomes 588. lēmums. Par instrukcijas apstiprināšanu par valsts sociālās apdrošināšanas pensiju piešķiršanu un izmaksu no sociālās nodrošināšanas orgāniem // Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1940. 16. decembrī, Nr. 90. 1. lpp.
- Latvijas un Igaunijas ekzarha metropolīta Sergija ziņojums Ostlandes reihskomisaram... 1941–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 19. l., 160. lpp.
- Lieta par Latvijas pareizticīgās Baznīcas pievienošanos Maskavas patriarhijai, 1941 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 18. l., 34. lpp.
- Lietuvas metropolīta kancelejas priekšnieka ziņojums par garīdznieka V. Rušanova nogalināšanu..., 1941–1950 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 138. l., 86. lpp.
- Lietuvas un Viļņas metropolīta rīkojumi par Latvijas eparhijas pārvaldes organizāciju... 1942–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 21. l., 24. lpp.
- Maslova Natalie // RA, EAA. 402.1.17033. 12 l., foto.
- Maslow Natalie (matr. nr. 921) // RA, EAA. 2100.1.8864. 17 l., foto.
- Nacionalizēto māju saraksts, 1940 // LVA (Latvijas Valsts Arhīvs), 824. f., 1. apr., 21 a. l., 169. lpp.
- No NKVD līdz KGB: politiskās prāvas Latvijā, 1940–1986: noziegumos pret padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs. Ērglis Dz., Vīksne R., Žvinklis A., Boge S. (sast.). Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 1999. 975 lpp.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Pārskats par Viļņas priesteru semināra izdevumiem..., 1939–1945 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 197. l., 35. lpp.
- Professor David Grimm // Tēvija. 1941. Gada 30. Jūlija. Nr. 26. 5 lp.
- PSRS Augstākās Padomes Prezidija dekrēts par PSRS pavalstniecības iegūšanas kārtību Lietuvas, Latvijas un Igaunijas Padomju Sociālistisko Republiku pilsoņiem // Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1940. 11. septembrī, Nr. 10. 1. lp.
- Rīgas bīskapa Jāņa paziņojums par viņa iecelšanu amata..., 1942–1943 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 22. l., 18. lpp.
- Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, 1889–1944 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 6006. l., 30. lpp.
- Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, 1912–1940 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 8811. l., 88. lpp.
- Rīgas pilsētas nacionalizēto māju saraksts, 1940 // LVA, 88. f., 1. apr., 44. l., 182. lpp.
- Rīgas pilsētas nacionalizēto un denacionalizēto māju saraksts, 1940–1941 // LVA, 88. f., 1. apr., 45. l., 116. lpp.
- Rīgas pilsētas zemesgrāmatas nodalījums Nr. 100000048187. URL: <https://www.zemesgramata.lv/lv/Search/GetFolioDataByCadastre> (дата обращения: 14.01.2019).
- Rīgas pilsētas zemesgrāmatas nodalījums Nr. 100000138765. URL: <https://www.zemesgramata.lv/lv/Search/GetFolioDataByCadastre> (дата обращения: 14.01.2019).
- Rīgas valsts krievu ģimnāzija, 1931–1944 // LVVA, 2873. f., 2. apr., 680. l., 19. lpp.
- Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa... 1889–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 5514. l., 63. lpp.
- Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa... 1898–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 5515. l., 54. lpp.
- Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa... 1938–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 17836. l., 6. lpp.
- Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa... 1939–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 17835. l., 8. lpp.
- Trijadības iela 30, 1919–1927 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 13964. l., 62. lpp.
- Trijadības iela 30, 1928–1944 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 13965. l., 160. lpp.
- Trijadības iela 32, 1927–1943 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 13966. l., 50. lpp.
- Trimdas latviešu organizāciju dokumenti, 1943–1950 // LVA, 1971. f.
- Valguma iela 39, 1944 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 14439. l., 49. lpp.
- Vasilijs Maslovs, 1922 // LVVA, 2996. f., 12. apr., 8532. l., 2. lpp.
- Vasilijs Maslovs, 1927–1932 // LVVA, 2996. f., 12. apr., 8531. l., 19. lpp.

References

- A/S Kuzņecova fabrika. Pagaidu strādnieku algas rēķinu grāmatas, 1936 // LVVA, 6681. f., 2. apr., 7. l., 243. lpp.
- A/S Kuzņecovs. Virsstundu saraksts, 1935–1938 // LVVA, 6681. f., 2. apr., 6. l., 299. lpp.
- Abyzov Yu., Fleyshman L., Ravdin B. Russkaya pechat' v Rige: iz istorii gazety «Segodnya» 1930-kh godov. Kn. IV. Mezhdū Gitlerom i Stalinym [The Russian Press in Riga: From the History of the «Segodnya» newspaper in the 1930 s. Book. IV. Between Hitler and Stalin]. Vol. 16. Stanford Slavic Studies. Stanford: Stanford University, 1997. 392 p. (In Russ.)
- Abyzov Yu.I. Dmitriy Vasil'evich Maslov – v ego stikhakh [Dmitriy Vasilevich Maslov – in his poems]. Baltiyskiy arkhiv [The Baltic Archives]. Riga: Daugava, 2000. Vol. 6. P. 276–291. (In Russ.)
- Akts par Latvijas pareizticīgas Baznīcas apvienošanos ar Maskavas patriarhiju... 1941–1944 // LVVA. 7469. f., 1. apr., 20. l., 360. lpp.
- Balevits Z. Pravoslavnaya tserkov' Latvii pod sen'yu svastiki (1941–1944) [The Orthodox Church of Latvia in the shadow of the swastika (1941–1944)]. Riga: Zinatne, 1967. 90 p. (In Russ.)
- Buļļu iela (apr. Buļļumuižas) 20(12 c), 1920–1926 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 2622. l., 66. lpp.
- Buļļu iela (apr. Buļļumuižas) 20(12 c), 1927–1933 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 2623. l., 124. lpp.

- Buļļu iela (apr. Buļļumuižas) 9(5), 1930–1942 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 2616. l., 100. lpp.
- Feygmane T.D. Russkie v dovoennoy Latvii. Na puti k integracii [Russians in pre-war Latvia. Towards Integration]. Riga: BRI, 2000. 384 p. (In Russ.)
- Feldmanis I. Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939–1941). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014. 106 lpp.
- Fryelikh S. General Vlasov. Russkie i nemtsy mezhdū Gitlerom i Stalinym [General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin]. Kyel'n: Copyright by Markus Verlag, 1990. 403 p. (In Russ.)
- Galvas pilsētas Rīgas gruntsgabalu un ielu saraksts 1939. gadā. Rīga: Galvas pilsētas Rīgas valsts izdevums, 1940. 428 lpp.
- Galvaspilsētas Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, gr. 66., gr. 274, 1939 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 9007. l., 5. lpp.
- Galvaspilsētas Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, gr. 66., gr. 275, 1939 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 9008. l., 5. lpp.
- Gavrilin A.V. Pod pokrovom Tikhvinskoy ikony. Arkhipastyrskiy put' Ioanna (Garklavs) [Under the cover of the Tikhvin icon. Archpastoral path of John (Garklavs)]. Saint Petersburg: Alabor, Tikhvin: Izdatel'skaya sluzhba Tikhvinskogo monastyrya, 2009. 462 p. (In Russ.)
- General Vlasov: istoriya predatel'stva. V dvukh tomakh. V trekh knigakh. T. 2. Kn. 1. Iz sledstvennogo dela A.A. Vlasova [General Vlasov: the story of betrayal. In two volumes. In three books. Vol. 2. Book. 1. From the investigation file of A.A. Vlasov]. Artizov A.N., Khristoforov V.S. (sost.), Tsarevskaya-Dyakina T.V. i dr. (red.). Moscow: Politicheskaya eñciklopediya, 2015. 854 p. (In Russ.)
- Gofman Y. Vlasov protiv Stalina. Tragediya Russkoj osvoboditel'noy armii, 1944–1945 [Die Tragödie der Russischen Befreiungsarmee 1944–1945. Wlassow gegen Stalin]. Moscow: Astrel', AST, 2006. 544 p. (In Russ.)
- Grimm D.D. Uchastie suda v pravotvorchestve [Participation of the court in lawmaking]. Zakon i sud [Law and court]. 1931. N. 18/19. P. 360–363. (In Russ.)
- Grimm D.D. Uchastie suda v pravotvorchestve [Participation of the court in lawmaking]. Zakon i sud [Law and court]. 1931. N. 20. P. 396–400. (In Russ.)
- Grimm D.D. Uchastie suda v pravotvorchestve [Participation of the court in lawmaking]. Zakon i sud [Law and court]. 1931. N. 1(21)/2(22). P. 415–419. (In Russ.)
- Grimm David 1935 // RA, EAA. 2100.2.150. 123 l.
- Grimm David Davidi p. 07.02. – 02.04.1931 // RA, ERA. 14.12.4375. 19 l.
- Grimm David; Teise Kojā likmete ajutised likmetunnistused 1937 // RA, ERA. 77.2.228. 5 l.
- Grimm Ivan 1929 // RA, ERA. 1.1.1717. 14 l., foto.
- Grimm Ivan Davidi p. 17. 07.1936–26.02.1937 // RA, ERA. 14.12.4376. 19 l.
- Iekšējās Latvijas pareizticīgās misijas darbības programma... 1942 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 139. l., 6. lpp.
- Instrukcija par valsts sociālās apdrošināšanas pensiju piešķiršanu un izmaksu no sociālās nodrošināšanas orgāniem. Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1940. 16. decembrī, N 90., 1–3 lpp.
- Kiseleva L. Lyubov'. Sozvuchie [Love. Consonance]. Karamzina, Mariya. Kovcheg [Karamzina, Mariya. The arc]. Tallinn: VE, 2008. P. 73–112. (In Russ.)
- Koval'chuk S. Nastoyashchiy izgnannik s soboy vsye unosit: sud'bi uchyenykh-emigrantov v Latvii 1920–1944 gg. [A true castaway takes everything with him: fates of the emigrant scientists in Latvia 1920–1944]. Moscow: Novyy Hronograf, 2017. 431 p. (In Russ.)
- Kovalev M.V. Professor D.D. Grimm i baron M.A. Taube: dva vzglyada na akademicheskie svobody [Professor D.D. Grimm and Baron M.A. Taube: Two Views on Academic Freedom]. Istoricheskaya pamyat' i strategii rossiysko-nemetskogo mezhkul'turnogo dialoga [Historical memory

and strategies of Russian-German intercultural dialogue]. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet imeni Yu.A. Gagarina, 2015. P. 73–109. (In Russ.)

Kovalev M.V. Professor D.D. Grimm i bor'ba za akademicheskie svobody v Rossii v nachale XX v. [Professor D.D. Grimm and the struggle for academic freedom in Russia at the beginning of the twentieth century]. Rossiyskaya istoriya [Russian History]. 2016. N 5. P. 174–183. (In Russ.)

Kovalev M.V. Professor D.D. Grimm i konstitutsionnyy protsess v mezhoennoy Estonii [Professor D.D. Grimm and the Constitutional Process in Interwar Estonia]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2019. N 4. P. 202–222. (In Russ.)

Kovalev M.V. Professor David Davidovich Grimm i ego vremya [Professor David Davidovich Grimm and his time]. Grimm D.D. Vospominaniya: Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907–1917 gg. [Memories: From the life of the State Council. 1907–1917]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 5–46. (In Russ.)

Kovalev M.V., Mirzekhanov V.S. David Davidovich Grimm [David Davidovich Grimm]. Voprosy istorii [Questions of History]. 2016. N 1. P. 19–33. (In Russ.)

Latvijas eparhiālās padomes sēžu protokoli. Kopijas, 1943–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 78. l., 167. lpp.

Latvijas eparhiālās padomes un ekzarhālās pārvaldes sēžu protokoli, 1941–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 77. l., 143. lpp.

Latvijas PSR Tautas Komisāru Padomes 410. lēmums Par vienotās pasu sistēmas ieviešanu Latvijas PSR teritorijā. Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1941. 22. martā, N 68., 2. lp.

Latvijas PSR Tautas Komisāru Padomes 588. lēmums. Par instrukcijas apstiprināšanu par valsts sociālās apdrošināšanas pensiju piešķiršanu un izmaksu no sociālās nodrošināšanas orgāniem // Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1940. 16. decembrī, N 90. 1. lp.

Latvijas un Igaunijas ekzarha metropolīta Sergija ziņojums Ostlandes reihskomisaram... 1941–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 19. l., 160. lpp.

Lieta par Latvijas pareizticīgās Baznīcas pievienošanu Maskavas patriarhijai, 1941 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 18. l., 34. lpp.

Lietuvas metropolīta kancelejas priekšnieka ziņojums par garīdznieka V. Rušanova nogalināšanu... 1941–1950 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 138. l., 86. lpp.

Lietuvas un Viļņas metropolīta rīkojumi par Latvijas eparhijas pārvaldes organizāciju... 1942–1944 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 21. l., 24. lpp.

Maslova Natalie // RA, EAA. 402.1.17033. 12 l., foto.

Maslow Natalie (matr. nr 921) // RA. 2100.1.8864. 17 l., foto.

Milyutina T. Lyudi moey zhizni [People of my life]. Tartu: Kripta, 1996. 414 p. (In Russ.)

Nacionalizēto māju saraksts, 1940 // LVA (Latvijas Valsts Arhīvs), 824. f., 1. apr., 21 a. l., 169. lpp.

Nikolaev A.B. D.D. Grimm – komissar Vremennogo komiteta Gosudarstvennoy Dumy [D.D. Grimm – Commissioner of the Provisional Committee of the State Duma]. Voprosy istorii [Questions of History]. 2005. N 7. P. 142–147. (In Russ.)

No NKVD līdz KGB: politiskās prāvas Latvijā, 1940–1986: noziegumos pret padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs. Ērglis Dz., Vīksne R., Žvinklis A., Boge S. (sast.). Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 1999. 975 lpp.

Oboznyy K.P. Istoriya Pskovskoy pravoslavnoy missii 1941–1944 gg. [History of the Pskov Orthodox Mission 1941–1944]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya Obshchestva lyubiteley tserkovnoy istorii, 2008. 608 p. (In Russ.)

Oboznyy K.P. Professor Ivan Davidovich Grimm. Shtrikhi k biografii [Professor Ivan Davidovich Grimm. Touches to the biography]. Pravoslavie v Baltii [The Orthodoxy in the Baltics]. 2015. N 3(12). P. 76–96. (In Russ.)

Orlova N.O. Iz dnevnika 1975 goda [From a 1975 diary]. Ravdin B.A. i Tsoya S.A. (publ., pre-disl. i comment.). Rizhskiy al'manakh [Riga Almanac]. 2020. N 10(15). С. 252–286. (In Russ.)

Ot natsionalizma k kollaboratsionizmu: Pribaltika v gody Vtoroy mirovoy voyny: dokumenti: T. 1 [From Nationalism to Collaboration: The Baltics During World War II: Documents: Vol. 1]. Repnikov A.V. (red.), Agarkov R.S., Artamonova Zh.V. i dr. (sost.). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. 437 p. (In Russ.)

Pārskats par Viļņas priesteru semināra izdevumiem..., 1939–1945 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 197. l., 35. lpp.

Petrov I.V. Pravoslavnaya Baltiya 1939–1953 gg.: period repressiy i mezhnatsional'nykh protivorechiy [The Orthodox Baltic 1939–1953: a period of wars, repressions and interethnic contradictions]. Saint Petersburg: Bumazhnaya kniga, 2016. 376 p. (In Russ.)

Pis'ma mitropolita Rizhskogo i vseya Latvii Avgustina (Petersona) i protoiereya Ioanna (Svempa) mitropolitu Tallinnskomu i vseya Estonii Aleksandru (Paulusu), napisannye v 1941–1943 gg. [The letters written in 1941–1943 by the Metropolitan in Riga and All Latvia Augustine (Petersons) and the Archpriest Ioann Svemps to the Metropolitan of Tallinn and All Estonia Alexander (Paulus)]. Shor T. (publikatsiya i kommentariy). Pravoslavie v Baltii [The Orthodoxy in the Baltics]. 2015. N 3(12). P. 209–235. (In Russ.)

Plyukhanov B.V. RSChD v Latvii i Estonii. Materialy k istorii Russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniya [RSHD in Latvia and Estonia. Materials for the history of the Russian student Christian movement]. Paris: YMCA-Press, 1993. 311 p. (In Russ.)

Pozdnyakov V.V. Rozhdenie ROA. Propagandisty Vul'khayde, Lyukenval'de, Dabendorfa, Rigi [The birth of ROA. Propagandists from Wulheide, Lückenwalde, Dabendorf, Riga]. Sirakuzy (USA): (B.i.), 1972. 256 p. (In Russ.)

Pravoslavie v Estonii. Issledovaniya i dokumenty. T. 2. [Orthodoxy in Estonia. Research and papers. Vol. 2]. Balashov N., Kravets S.L. (red.). Moscow: Pravosl. entsiklopediya, 2010. 656 p. (In Russ.)

Prikaz: arkhiv unichtozhit! Pribaltiyskiy ekzarkhat i Pskovskaya pravoslavnaya missiya v gody nemetskoj okkupatsii 1941–1944. Sb. dokumentov [Order: destroy the archive! The Baltic Exarchate and the Pskov Orthodox Mission during the German occupation 1941–1944. Sat. Documents]. Bernev S.K., Rupasov A.I. (sost.). Saint Petersburg: Art-Ekspress, 2016. 552 p. (In Russ.)

Professor David Grimm. Tēvija. 1941. Gada 30. Jūlija. N 26. 5 lp.

PSRS Augstākās Padomes Prezidija dekrēts par PSRS pavalstniecības iegūšanas kārtību Lietuvas, Latvijas un Igaunijas Padomju Sociālistisko Republiku pilsoņiem. Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs, 1940. 11. septembrī, N 10. 1. lp.

Rīgas bīskapa Jāņa paziņojums par viņa iecelšanu amata..., 1942–1943 // LVVA, 7469. f., 1. apr., 22. l., 18. lpp.

Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, 1889–1944 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 6006. l., 30. lpp.

Rīgas būvju uzraudzības nodaļa, 1912–1940 // LVVA, 2761. f., 3. apr., 8811. l., 88. lpp.

Rīgas pilsētas nacionalizēto māju saraksts, 1940 // LVA, 88. f., 1. apr., 44. l., 182. lpp.

Rīgas pilsētas nacionalizēto un denacionalizēto māju saraksts, 1940–1941 // LVA, 88. f., 1. apr., 45. l., 116. lpp.

Rīgas pilsētas zemesgrāmatas nodalījums № 100000048187. URL: <https://www.zemesgramata.lv/lv/Search/GetFolioDataByCadastr> (date of access: 14.01.2019).

Rīgas pilsētas zemesgrāmatas nodalījums № 100000138765. URL: <https://www.zemesgramata.lv/lv/Search/GetFolioDataByCadastr> (date of access: 14.01.2019).

Rīgas valsts krievu ģimnāzija, 1931–1944 // LVVA, 2873. f., 2. apr., 680. l., 19. lpp.

Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa..., 1889–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 5514. l., 63. lpp.

Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa..., 1898–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 5515. l., 54. lpp.

Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa..., 1938–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 17836. l., 6. lpp.

Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa..., 1939–1940 // LVVA, 1615. f., 4. apr., 17835. l., 8. lpp.

Russkaya Pravoslavnaya tserkov' v godi Velikoy otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (Sb. dok.) [Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945. (Sat. doc.)]. Vasil'eva O. Yu., Kudryavtsev I.I., Lykova L.A. (sost.). Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo patriarshego podvor'ya, 2009. 779 p. (In Russ.)

Russkiy ezhegodnik na 1939 god [The Russian Yearbook for 1939]. Korenev S.A., Zavoloko I.N., Volgin N.A., Antipov N.I. (red.). Riga: izdanie Russkogo natsional'nogo ob'edineniya v Latvii, 1938. 128 p. (In Russ.)

Shkarovskiy M.V. Krest i svastika. Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya tserkov' [Cross and swastika. Nazi Germany and the Orthodox Church]. Moscow: Veche, 2007. 512 p. (In Russ.)

Shkarovskiy M.V. Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov'. Nemetskaya politika po otnosheniyu k Pravoslavnoy Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoy territorii SSSR [Nazi Germany and the Orthodox Church. German policy towards the Orthodox Church and religious revival in the occupied territory of the USSR]. Moscow: Krutitskoe patriarshee podvor'e, 2002. 528 p. (In Russ.)

Shkarovskiy M.V., Solov'ev, Il'ya, sv. Tserkov' protiv bol'shevizma (mitropolit Sergiy (Voskresenskiy) i Ekzarhat Moskovskoy patriarkhii v Pribaltike. 1941–1944) [Church against Bolshevism (Metropolitan Sergius (Voskresensky) and the Exarchate of the Moscow Patriarchate in the Baltic. 1941–1944)]. Moscow: Izdanie obshchestva lyubiteley tserkovnoy istorii, 2013. 416 p. (In Russ.)

Tomsinov V.A. David Davidovich Grimm (1864–1941) [David Davidovich Grimm (1864–1941)]. Tomsinov V.A. Rossiyskie pravovedy XVIII–XX vekov: Ocherk zhizni i tvorchestva [Russian jurists of the XVIII–XX centuries: Essays on life and works]. T. 2. Moscow: Zercalo, 2007. P. 222–252. (In Russ.)

Trijadības iela 30, 1919–1927 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 13964. l., 62. lpp.

Trijadības iela 30, 1928–1944 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 13965. l., 160. lpp.

Trijadības iela 32, 1927–1943 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 13966. l., 50. lpp.

Valguma iela 39, 1944 // LVVA, 2942. f., 1. apr., 14439. l., 49. lpp.

Vasilijs Maslovs, 1922 // LVVA, 2996. f., 12. apr., 8532. l., 2. lpp.

Vasilijs Maslovs, 1927–1932 // LVVA, 2996. f., 12. apr., 8531. l., 19. lpp.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21st CENTURY

DOI: 10.31249/rsm/2021.03.04

А.П. Седлов, Е.С. Кубишин, И.В. Соболева

РЫНОК ТРУДА ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема влияния пандемии COVID-19 на рынок иностранной рабочей силы в России. Отмечается, что на момент начала пандемии Россия находилась в переходном состоянии от положительного миграционного баланса, характерного для стран-реципиентов, к отрицательному, наблюдаемому в странах-донорах. Позитивным моментом процесса авторы считают приостановку «утечки умов», что лишает рынок труда квалифицированных кадров. Не столь однозначна ситуация с работающими в России трудовыми мигрантами из СНГ, возвращение на родину значительной части которых было заблокировано закрытием границ. При этом четкого представления о масштабах оттока нет, хотя счет может идти на миллионы. Это подтверждается сокращением объема денежных переводов из России в страны СНГ и резким ростом числа незаполненных вакансий в отраслях традиционной занятости мигрантов. Результатом стало формирование на рынке труда своеобразного варианта структурной безработицы, сочетающейся с дефицитом кадров в наиболее пострадавших от пандемии видах деятельности. При этом замена гастарбайтеров россиянами, в том числе внутренними мигрантами, не наблюдается, хотя возможность конкуренции со стороны мигрантов полностью исключить нельзя. По мнению авторов, пандемия влияет на рынок труда в двух направлениях, определяющих потребность в иностранной рабочей силе: переход большей части условий труда в зону риска и создание безлюдных технологий, вытесняющих человека. В российских реалиях оба эти направления рассматриваются в контексте увеличения потребности в иностранной рабочей силе. При этом налицо доминанта работодателя, имеющего установку на создание рабочих мест, рассчитанных на непритязательность гастарбайтеров. Однако пандемия может дать импульс движению к новым стандартам условий занятости в плане повышения оплаты труда мигрантов и разработки развернутой системы безопасности рабочих мест для всех работников. Ключевую роль в этом должно сыграть государство.*

***Ключевые слова:** миграция; международная трудовая миграция; иностранная рабочая сила; реэмиграция; рынок труда; предложение труда; конкуренция в сфере занятости; оплата труда; условия труда.*

Седлов Алексей Павлович – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра политики занятости
и социально-трудовых отношений, Институт экономики
Российской академии наук (ИЭ РАН). Россия, Москва.
E-mail: sedlovap@bk.ru
Scopus Author ID: 152684

Кубишин Елена Сергеевна – кандидат экономических наук,
доцент, старший научный сотрудник Центра политики занятости
и социально-трудовых отношений, Институт экономики
Российской академии наук (ИЭ РАН). Россия, Москва.
E-mail: kubishin48@gmail.com
Scopus Author ID: 101114

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук,
заведующая Центром политики занятости и социально-трудовых
отношений, Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН).
Россия, Москва.
E-mail: irasobol@gmail.com
Scopus Author ID: 183225

Sedlov A.P., Kubishin E.S., Soboleva I.V. Migrant Labor Market in Russia: Influence of the Pandemic

Abstract. *The article deals with the problem of the COVID-19 pandemic impact on the migrant labour market in Russia. It is noted that at the time the pandemic began, Russia was in a transitional state from a positive migration balance, typical for recipient countries, to a negative one observed in donor countries. The pandemic-related suspension of the «brain drain» depriving the domestic labour market of skilled labour is considered by the authors as a positive moment of the pandemic. The situation with labour migrants from the CIS countries is not so unambiguous. The closure of the borders blocked the return home of a significant part of them. At the same time, there is no clear assessment of the scale of the outflow, although account can go into millions. This moment is confirmed by a decrease in the remittances volume from Russia to the CIS countries and a sharp increase in the number of unfilled vacancies in the migrants' branches of traditional employment. As a result, a peculiar variant of structural unemployment was formed in the Russian labour market, combined with a shortage of personnel, especially in the activities most affected by the pandemic. At the same time, the replacement of guest workers by Russians, including internal migrants, is not observed, although the possibility of competition between migrants and local workers cannot be completely ruled out. According to the authors, the pandemic affects the labour market in two directions, affecting the need for foreign labour: transition of working conditions to the risk zone and creation of unmanned technologies that displace people. In the Russian realities, both these aspects are considered in the context of (mym можно убрать) increasing demand for foreign labour. At the same time, an employer is dominant, who has an intention to create low-quality jobs suited for unpretentious guest*

workers. However, the pandemic could give impetus to a shift towards new employment conditions standards in terms of higher wages for migrants and the development of an extensive workplace safety system for all workers. Furthermore, the state should play a key role in this process.

Keywords: *migration; international labour migration; foreign labour force; re-emigration; labour market; labour supply; competition in employment; wages; working conditions.*

Sedlov Alexey Pavlovich – Candidate of Economic Sciences,
Leading Research Fellow of the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: sedlovap@bk.ru
Scopus Author ID: 152684

Kubishin Elena Sergeevna – Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher of the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: kubishin48@gmail.com
Scopus Author ID: 101114

Soboleva Irina Viktorovna – Doctor of Economics,
Head of the Center for Employment Policy and Social
and Labor Relations of the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: irasobol@gmail.com
Scopus Author ID: 183225

Введение

Пандемия провоцирует процесс возвращения на родину временных, в том числе трудовых, мигрантов, что может существенно влиять на конъюнктуру национальных рынков труда. В период отмены карантина и начала восстановления экономики естественно ожидать обострения дефицита рабочей силы в странах-реципиентах и безработицы в странах-донорах.

Россия на момент начала пандемии находилась в переходном состоянии от положительного миграционного баланса, характерного для стран-реципиентов, к отрицательному, имеющему место в странах-донорах. С 2017 г. отмечена тенденция роста выезжающих из страны при сокращении числа въезжающих. Однако точка равновесия, когда въезд и выезд уравниваются, пока еще не пройдена. При этом Россия, хотя и занимает четвертое место в мире по численности мигрантов¹, но их доля в совокупном

1. По данным ООН, численность нерезидентов в России составляет около 11 млн человек.

населении меньше, чем во многих развитых странах (см. рис. 1). Также следует отметить, что в России доля неквалифицированной трудовой миграции достигает 90%, тогда как в развитых странах неквалифицированных мигрантов не более половины [Мкртчян, Флоринская 2018, с. 187]. С выездом ситуация обратная – в основном страну покидают квалифицированные кадры. В 2020 г. миграционные процессы затормозились. Принимая во внимание эти обстоятельства, можно предположить, что влияние пандемии на российский рынок труда может быть многоплановым, но в то же время менее масштабным, чем во многих других странах.

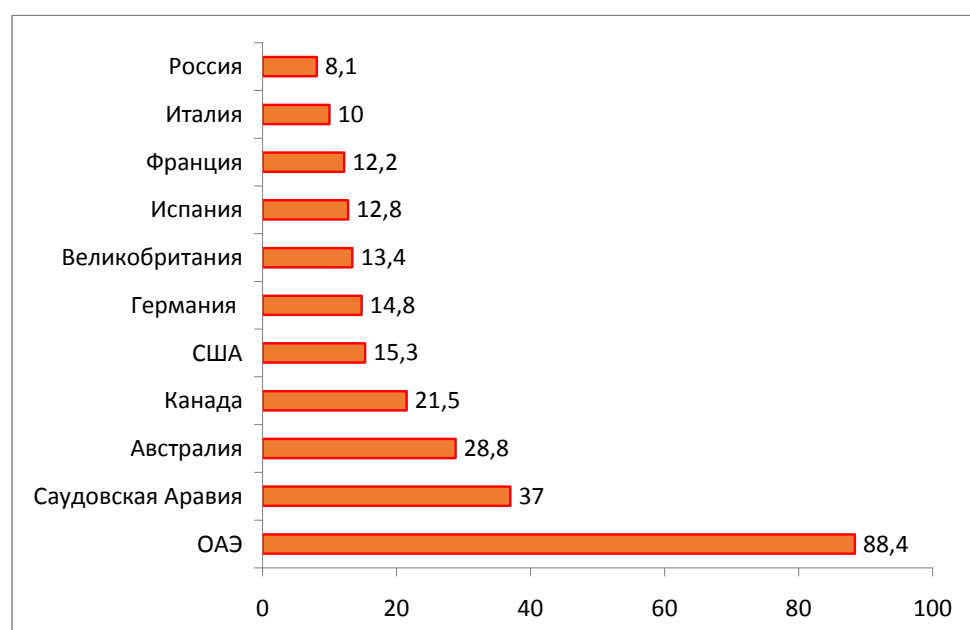

Рис. 1. Доля мигрантов в населении по странам мира с наибольшим числом мигрантов в 2017 г. (%)

Источник: рассчитано на основе [International Migration Report 2017].

В начальной стадии распространения эпидемии ожидалось, что вирус прежде всего затронет бедные страны Азии и Африки, однако вслед за Китаем он распространился в 15 самых богатых странах мира. Страны СНГ, и в том числе Россия, получили COVID-19 после форс-мажорного возвращения своих граждан из стран Западной и Восточной Европы.

Возвратная миграция

Точной статистики вернувшихся в Россию нет. По оценкам экспертов, основная часть возвратившихся приходится на уже охваченные на тот момент пандемией экономически развитые страны Европы и США. С большим временным лагом реиммиграция в Россию имела место из стран СНГ с незначительным на тот момент распространением коронавируса (Украины, Казахстана и Узбекистана).

На заседании рабочей группы Госсовета по противодействию пандемии С. Собянин доложил, что за первую декаду марта в Россию прибыл 1 млн соотечественников и еще примерно полмиллиона ожидали возвратных рейсов [Совещание о мерах...]. Однако подавляющую часть этого контингента составляли туристы, студенты, проходившие обучение за рубежом и участники временных стажировок. Данных о том, какая часть возвратившихся на Родину имели рабочие визы и регулярную занятость в странах эмиграции, нет.

Возможно, что вернувшиеся в Россию могут пополнить рынок труда востребованными квалифицированными кадрами. Также дополнительным бонусом для российского рынка труда может стать приостановка «утечки умов» не только из-за транспортных ограничений, но и в силу изменившейся ситуации на рынках квалифицированной рабочей силы (исследователей, инженерно-технических работников, творческих профессий) развитых стран и снижения привлекательности условий жизни в этих странах.

Реэмиграция из России: влияние на предложение труда

Судить о численности трудовых мигрантов в России сложно из-за существенных расхождений официальных данных и независимых исследований. По официальным данным МВД, основанным на статистике патентов, на сегодняшний день в стране насчитывается 2,5 млн мигрантов, в то время как до кризиса численность нерезидентов, получивших официальное разрешение на работу, была вдвое выше. Однако, по оценкам экспертов, среди трудовых мигрантов до половины не обращаются за разрешительными документами. Прежде всего это касается тех, кто занят на небольших предприятиях или работает по найму у физических лиц. Этот контингент часто не прибегает к формальной фиксации трудовых отношений и работает на основе устной договоренности [Эксперты оценили...].

Основываясь на общих закономерностях миграционных процессов, можно было бы предположить, что в начальный период пандемии значительная часть мигрантов покинет Россию. Однако это оказалось справедливым в основном для нерезидентов из развитых стран, большинство которых действительно вернулись домой. С мигрантами из стран СНГ ситуация не столь однозначна. С введением карантинных мер процесс реэмиграции на

пространстве СНГ был блокирован жестким закрытием границ, в результате чего часть мигрантов не смогла вернуться на родину.

Официальная статистика не дает четкого представления о масштабах оттока. Нет единства и в оценках экспертов и специалистов. По разным оценкам, до апреля 2020 г. в России было от 9 до 12 млн мигрантов, а после начала пандемии осталось 7–8 млн. Наиболее независимы и мобильны в перемещениях оказались белорусы, значительно меньше стало молдаван и украинцев [Стешин 2020, с. 5]. По данным СМИ, из России, с начала пандемии в Молдову вернулось свыше 400 тыс. человек, в Узбекистан – 498 тыс., в Таджикистан – около 90 тыс., в Киргизию – свыше 20 тыс. [Трудовые мигранты...]. В Москве количество трудовых мигрантов за первое полугодие 2020 г. сократилось на 40%. Аналогичная ситуация наблюдается в Подмосковье, Санкт-Петербурге и ряде других регионов, традиционно являвшихся центрами притяжения труда мигрантов [Страна осталась без мигрантов].

Отток мигрантов подтверждает сокращение объема денежных переводов трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья через платежные системы. Наиболее резким оно было во втором квартале 2020 г., когда пандемия активно разворачивалась. В это время общий объем переводов упал на 17% (до 1,2 млрд долл. по сравнению с 1,5 млрд долл. в соответствующем периоде годом ранее), а средняя сумма отдельного перевода упала почти на 37% (с 374 долл. до 236 долл.) [Эксперты оценили...]. Конечно, здесь нужно учитывать и падение курса рубля, которое привело к сокращению заработков мигрантов в долларовом выражении.

Валютный курс является одним из ключевых факторов, определяющих мотивацию трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья и, соответственно, перспективы их привлечения в национальную экономику. Свои заработки эта категория работников оценивает отнюдь не в российской валюте. На пике неблагоприятных изменений, несмотря на валютные интервенции Центрального банка, курс рубля снизился до 82 руб. за 1 долл. США и многие эксперты прогнозировали, что на фоне ухудшения условий занятости и падения курса рубля мигранты теряют мотивацию к работе в России. Однако в дальнейшем восстановление экономической активности, насколько можно судить по косвенному индикатору объема переводов, привело к постепенному восстановлению масштабов вовлечения мигрантов в российскую экономику. Так, если денежные переводы мигрантов на родину в мае 2020 г. составили около 30% к соответствующему периоду 2019 г., то в июне-июле их уровень почти достиг докризисных значений [ЦБ увидел...].

Исследование миграционных настроений трудовых мигрантов, проведенное Институтом демографии НИУ ВШЭ, показало, что даже в ситуации, когда примерно половина респондентов лишились рабочих мест, возвращаться домой практически никто не собирается [Денисенко, Мукомель 2020, с. 51–54].

Главной причиной таких настроений является крайняя бедность населения стран Центральной Азии, которая заставляет значительную часть мигрантов мириться с сокращением заработков, ухудшением условий занятости и даже с периодами безработицы и не покидать Россию. Подтверждением этого являются события в Киргизии, где волнения в сентябре-октябре 2020 г. были спровоцированы оттоком трудовых мигрантов из России на родину. Однако произошедшая в стране смена власти не может в близком будущем заметно оздоровить экономическую ситуацию и снизить миграционную зависимость Киргизии от России, поскольку денежные переводы мигрантов составляют до половины бюджета республики.

По нашему мнению, несмотря на существенное снижение курса рубля в ближайшей перспективе дефицит приемлемых рабочих мест в странах Центральной Азии с запасом компенсирует ухудшение условий занятости мигрантов, и численность иностранной рабочей силы вернется на докризисный уровень параллельно с восстановлением экономики.

Конкуренция и дисбалансы рынка труда

В 2020 г. на рынке труда сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на рост безработицы на фоне первой волны пандемии количество традиционно «мигрантских» вакансий, по данным кадровых агентств, резко выросло и продолжило расти осенью. Так, в Москве число вакансий в строительстве на hh.ru выросло на 9% в июне, в сентябре – уже на 30%, причем строителей не хватает по всей России². Следствием оттока мигрантов стала нехватка грузчиков, упаковщиков, комплектовщиков, рабочих строительных специальностей, где по некоторым позициям она составила от 30 до 50% [Сервисы доставки сообщили о нехватке...]. Рядовые вакансии неквалифицированного труда, обычно заполняемые мигрантами, закрыть стало крайне сложно, так как потенциал внутрироссийской миграции в значительной степени исчерпан и она тоже снизилась в пандемию. По данным Росстата, миграция в пределах России за январь–ноябрь 2020 г. снизилась более чем на полмиллиона человек (на 14,0% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года [Информация... январь–декабрь 2020 г.]).

Сельскому хозяйству страны ежегодно необходимо примерно 2 млн. сезонных работников, которых до последнего времени поставляли страны Центральной Азии. Ограничения на въезд, введенные с началом пандемии не позволили заполнить эти вакансии. Несмотря на то, что рабочие места в отраслях традиционной занятости мигрантов стабильно не пользовались

2. hh.ru – крупнейшая российская компания интернет-рекрутмента, существующая с 2000 г.

спросом со стороны россиян, в 2020 г. дефицит рабочих кадров, особенно в сельском хозяйстве, частично удалось покрыть отечественными работниками, в основном из числа безработных и студентов. Например, в Астраханской области около 7 тыс. безработных и студентов были заняты на уборке овощей и других сельхозработах.

Таким образом, сформировался своеобразный вариант структурной безработицы, которая сочетается с дефицитом кадров в наиболее пострадавших от пандемии видах деятельности, к числу которых относятся гостиничное хозяйство и общественное питание, розничная торговля, сектор бытовых услуг и транспорт. Еще одной ощутимой нишей дефицита стала деятельность, сопряженная с ведением домашнего хозяйства и уходом за лицами, неспособными обслуживать себя самостоятельно, по найму у физических лиц. Отличительной особенностью этих сфер является не только значительная доля неквалифицированного труда и «непрестижность» необходимых квалификационных навыков там, где они требуются, но и возникший в условиях пандемии повышенный риск заражения коронавирусом, связанный с тем, что речь идет о контактных видах деятельности.

Несмотря на это обстоятельство, общее ухудшение конъюнктуры российского рынка труда вкупе с падением доходов может заставить представителей коренного населения России пересмотреть притязания к рабочим местам и вступить в конкуренцию с мигрантами в тех нишах рынка труда, которые традиционно были отданы на откуп последним. Не изменится и главный мотив предпринимателей, побуждающий их использовать труд мигрантов из стран СНГ – их готовность работать за низкую плату, без официального оформления, с нарушением норм законодательства. Граждане России на таких условиях работать не хотят. Кроме того, согласно выборочным обследованиям Центра народонаселения экономического факультета МГУ, при одинаковой оплате мигранты по факту могут работать в полтора раза дольше по сравнению с местными работниками [Эксперты оценили...]. Поэтому высока вероятность, что и в дальнейшем, в период восстановления хозяйственной деятельности работодатели могут предпочитать мигрантов, в том числе и потому, что они менее требовательны в части условий и безопасности труда, что является серьезным преимуществом в условиях пандемии.

В связи с этим замена гастарбайтеров россиянами маловероятна. Надо сказать, что пока массового насыщения ориентированных на мигрантов отраслей отечественными работниками не наблюдается³. О скорой «заметной» нехватке рабочих рук в России еще летом 2020 г. предупреждал Президент России

3. По данным Росстата, за январь–ноябрь 2020 г. миграционный прирост России со странами СНГ оказался в 2,3 раза меньше, чем за аналогичный период 2019 г. [Информация... январь–декабрь 2020 г.].

В.В. Путин, отметивший, что дефицит работников становится «реальным ограничителем» экономического роста страны, которая нуждается в притоке трудовых мигрантов, в связи с чем в период первой волны пандемии коронавируса им был предоставлен ряд льгот⁴.

Нехватка рабочих рук уже сейчас побуждает работодателей повышать оплату труда мигрантов и брать на себя их легальное трудоустройство [Эксперты оценили...]. В последние годы многие российские экономисты начинают отмечать сближение заработных плат местных работников и мигрантов в идентичных условиях [Денисенко, Чернина 2017, с. 50]. Зарплаты строительных рабочих в Москве с мая по сентябрь 2020 г. росли в среднем на 6% в месяц и уже достигли 70 тыс. руб., ставка дворника и уборщика в сфере ЖКХ увеличилась с 30 до 40 тыс. руб. в месяц [Эксперты оценили...]. Желая добиться более выгодных условий использования труда нерезидентов⁵, бизнес на площадках обсуждения с государством «правил игры» постоянно напоминает о дефиците иностранной рабочей силы. Даже, если этот дефицит не мнимый, логично ожидать, что со временем он будет преодолен. Такую уверенность дает практика движения населения из бедных территорий в богатые, основанная на экономических законах миграции. И все же, как представляется, восстановление миграционных потоков в полном объеме едва ли возможно до окончания пандемии, по крайней мере – до конца 2021 г. А при отсутствии значимых льгот для соответствующих сфер деятельности вряд ли стоит рассчитывать на существенное «обеление» занятости мигрантов.

В который раз в СМИ, в специальных публикациях вновь поднимается сакраментальный вопрос о дилемме использования труда работников из стран Ближнего зарубежья и национальной рабочей силы [Спад мигрантов]. Официальная позиция государства не дает четкого ответа, ограничиваясь многочисленными поручениями (определение потребностей в иностранцах, ограничения в ряде отраслей, условия предоставления гражданства и др.) [Концепция государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.]. Очень часто апеллируют к нежеланию граждан России занимать непрестижные рабочие места, что обусловлено менталитетом населения и недооценкой в статистике реального уровня доходов большей части граждан титульной нации, а также усилившейся угрозой заражения. Отрицать эти трудовые установки нельзя, однако они более характерны для развитых

4. Имеется в виду отмена для мигрантов в период с 15 марта по 15 июня платы за получение патента, продление действия разрешительных документов на пребывание и работу в Российской Федерации, отказ МВД от депортации иностранцев в условиях пандемии.

5. Налоги на использование труда нерезидентов, штрафы за нелегалов довольно высоки. Вся политика государства в отношении внешней миграции в большей мере основана на полицейских методах учета и контроля, чем на экономических законах.

государств, где мигранты из бедных стран занимают особый рынок труда с низкими фиксированными условиями оплаты [Piore 1979].

Практика дает основание утверждать, что дело здесь не только в менталитете и настроениях работников. В случае наличия выбора предприниматель отдает предпочтение мигранту и часто вовсе не рассматривает альтернативу в лице национальных кадров. Предпочтения мигрантам особенно актуализировались в период пандемии, когда издержки возросли, в том числе и на средства защиты от заражения, необходимые, согласно требованиям Роспотребнадзора. Готовность мигрантов к работе в зонах риска отмечена в сфере обслуживания, такси, розничной торговле, клининге. В контексте международного миграционного обмена рассматриваются сезонные работы, туристический бизнес, воздушные перевозки, повышение активности которых лежит в основе угрозы новой волны заражения.

В большей мере диспропорции на региональных рынках труда возникли в связи с внутренней реэмиграцией, проявившей четко выраженную центробежную направленность (из Москвы, Санкт-Петербурга, других крупных мегаполисов назад в регионы-доноры). С одной стороны, такая переориентация внутренних миграционных потоков оголяет рабочие места в столичных регионах, с другой – несомненно способствует развитию рынка труда на периферии. Приобретенные в центре компетенции и старые социальные связи в регионе проживания могут стать мощным стимулом для возрождения экономики регионов.

Заключение

Пандемия оказывает влияние в двух направлениях, которые определяют потребность в иностранной рабочей силе. Первое – переход большей части условий труда в зону риска, и второе – создание безлюдных технологий, вытесняющих человека.

В ответ на угрозу заражения многие развитые страны ускорили освоение и внедрение новых технологий производства, обслуживания населения, исключающих непосредственные контакты персонала и клиентов. Активно развивается производство и использование беспилотных такси, дронов для доставки товаров, роботов для уборки и дезинфекции помещений.

В российских реалиях оба направления рассматриваются в контексте увеличения потребности в иностранной рабочей силе. При этом налицо доминанта работодателя, который имеет установку на создание рабочих мест низкого качества, рассчитанных на непритязательность мигрантов. *Заказ бизнеса на новации рассматривается в контексте низкой цены живого труда, особенно мигрантов из стран СНГ.* В период выхода из карантина и оживления хозяйственной деятельности *высокие затраты на защиту и низкая рентабельность*

объектов сферы услуг компенсируется именно непритязательностью мигрантов, труд которых выступает своеобразным амортизатором дисбаланса экономической выгоды и здоровья работников. В значительной мере этому способствует слабый контроль государства за введением и использованием нормативов и стандартов в сфере труда.

Вместе с тем пандемия может стать импульсом движения к новым стандартам. Практика показывает, что система запретов на использование и ограничение труда мигрантов не способствует улучшению условий труда и провоцирует нелегальную занятость. Представляется, что ядром системы гармонизации интересов различных групп претендентов на рабочие места сегодня должна стать разработка развернутой системы безопасности рабочих мест и защиты не только от коронавируса, но и других инфекций (в том числе сезонных), а также профессиональных заболеваний. Риски заражения могут быть снижены не только за счет примитивных средств защиты (дезинфекция, маски, перчатки, антисептики и т.д.), но и на основе инженерных решений (вентиляции, новых покрытий контактных поверхностей, использования рециркуляторов и обеззараживателей воздуха, модернизации и автоматизации систем обогрева и отопления, организации процессов обслуживания, исключая избыточные и нежелательные контакты и др.). Немалую роль могут сыграть и организационно-технические мероприятия, такие как регулярная проверка и ремонт указанных систем, разумная организация трудовых и производственных процессов во времени и пространстве, а также постоянный контроль за соблюдением и использованием мер и средств индивидуальной защиты. Последнее является одной из основных российских проблем. Как показал опыт прошедшего года (и иных катастроф техногенного и природного характера), ослабление контроля идет параллельно с ослаблением ограничительных мер либо преодоления последствий таких катастроф.

Ряд отраслей, представленных естественными монополиями и находящихся под опекой государства (Аэрофлот, РЖД, Газпром и т.п.), в состоянии провести полноценный комплекс работ по защите как собственного персонала, так и населения, прибегающего к их услугам. В меньшей мере это доступно предприятиям ЖКХ, организациям образования, науки, культуры и искусства, а также видам деятельности, представленным преимущественно небольшими частными предприятиями, которые не имеют столь широких (и прежде всего финансовых) возможностей для обеспечения достойных условий труда. Поэтому государство и региональные власти уже сейчас должны не только установить разумные нормы защиты граждан от коронавируса (и иных подобных катаклизмов), но и разработать программы поддержки, которые сделали бы доступным переход на более безопасные технологии.

Библиография

Батманова А., Порываева Л., Тадтаев Г. Сервисы доставки сообщили о нехватке курьеров из-за оттока мигрантов // RBC.ru. 2020. 23 окт. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/10/2020/5f9227269a79471187f5ac38> (дата обращения: 23.10.2020).

Бондаренко М. Спад мигрантов. Работу раздают местным. Народ пойдет? // Яндекс Дзен. 15 сент. 2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/maxbondarenkoimaschool/spad-migrantov-rabotu-razdaiut-mestnym-narod-poidet-5f6022aa249b32282bfab1b3> (дата обращения: 10.11.2020).

Данилова М. Трудовые мигранты в России: что будет после пандемии? // Migranturus. 14 авг. 2020. URL: <https://migranturus.com/trudovye-migranty-v-rossii-chto-budet-posle-pandemii/> (дата обращения: 14.08.2020).

Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 7. С. 51–54 // URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/375148606.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

Денисенко М.Б., Чернина Е.М. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40–57.

Дуэль А. Вирус на все руки // Российская газета. 03 авг. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/03/kak-perezhili-pandemii-i-zakrytie-granicy-trudovye-migranty.html> (дата обращения: 04.08.2020).

Информация о социально-экономическом положении России. Росстат, январь–декабрь 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm (дата обращения: 30.01.2021).

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // Гарант. ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/> (дата обращения: 12.01.2021).

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1(37). С. 186–193.

«Повысили зарплату, но россияне не идут». Страна осталась без мигрантов // РИА Новости. 25 окт. 2020. URL: https://ria.ru/20201025/migranty-1581194485.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 25.10.2020).

Россияне не заменят уехавших из-за пандемии трудовых мигрантов – эксперт // EurAsia Daily. 2020. 12 нояб. URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/11/12/rossiyane-ne-zamenyat-uehavshih-iz-za-pandemii-trudovyh-migrantov-ekspert> (дата обращения: 12.11.2020).

Совещание о мерах по борьбе с распространением коронавируса в России // Президент России. Официальный сайт. 2020. 24 март. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63053> (дата обращения: 30.03.2020).

Стешин Д. Гастарбайтеры никуда не уедут: если в России станет плохо, то на их родине – голод // Комсомольская правда. 2020, 2–9 апреля, № 14-Т. С. 5.

ЦБ увидел восстановление объема переводов из России за рубеж // RBC. 14 июля 2020. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/07/2020/5f0c77b09a79476d2a81e76f> (дата обращения: 27.07.2020).

Эксперты оценили последствия оттока мигрантов из России. Дефицит рабочих рук может закончиться только после пандемии // RBC. 03 нояб. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2020/5f9bf5269a794771485ceb51> (дата обращения: 10.11.2020).

International migration report 2017: Highlights. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, New York: 2017. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/international-migration-report-2017.html> (дата обращения: 10.11.2020).

Piore M. *Birds of Passage. Migrant labor and industrial societies*. New York: Cambridge University Press. 1979. 229 p.

References

Batmanova A., Poryvaeva L., Tadaev G. Servisy dostavki soobshchili o nekhvatke kur'yerov iz-za ottoka migrantov. [Delivery Services Reported a Shortage of Couriers Due to the Outflow of Migrants]. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/10/2020/5f9227269a79471187f5ac38> (date of access: 10.23.2020). (In Russ.)

Bondarenko M. Spad migrantov. Rabotu razdayut mestnym. Narod poydet? [The Decline in Migrants. The Work is Distributed to Local People. Will the People Go?] URL: <https://zen.yandex.ru/media/sberbook/spad-migrantov-rabotu-razdayut-mestnym-narod-poidet-5fa657553a59d85105dd581d> (date of access: 10.11.2020). (In Russ.)

Danilova M. Trudovyye migranty v Rossii: chto budet posle pandemii? [Labor Migrants in Russia: What will Happen after the Pandemic?] // Migranturus. 14 Aug. 2020. URL: <https://migranturus.com/trudovyye-migranty-v-rossii-chto-budet-posle-pandemii/> (date of access: 14.08.2020). (In Russ.)

Denisenko M.B., Chernina Ye.M. Trudovaya migratsiya i zarabotki migrantov v Rossii. [Labor Migration and Earnings of Migrants in Russia]. Voprosy ekonomiki [Economic Issues]. 2017. N 3. P. 40–57. (In Russ.)

Denisenko M.B., Mukomel' V.I. Koronavirus i trudovaya migratsiya [Coronavirus and Labor Migration]. Analiticheskiy byulleten' NIU VSHE ob ekonomicheskikh i sotsial'nykh posledstviyakh koronavirusa v Rossii i v mire. [HSE Analytical Bulletin on the Economic and Social Consequences of Coronavirus in Russia and in the World]. 2020. N 7. P. 51–54. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/375148606.pdf> (date of access: 12.01.2021). (In Russ.)

Duel A. Virus na vse ruki. [Virus of all trades] // Rossiyskaya gazeta [Rossiyskaya Gazeta] 03 Aug. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/03/kak-perezhili-pandemiiu-i-zakrytie-granicy-trudovye-migranty.html> (date of access: 03 Aug. 2020). (In Russ.)

Eksperty otsenili posledstviya ottoka migrantov iz Rossii. Defitsit rabochikh ruk mozhnet zakonchit'sya tol'ko posle pandemii. [Experts Assessed the Consequences of the Outflow of Migrants from Russia. The Labor Shortage Can End Only after the Pandemic]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2020/5f9bf5269a794771485ceb51> (date of access: 11.10.2020). (In Russ.)

Informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii Rossii [Information on the Socio-Economic Situation in Russia]. Rosstat, yanvar'–dekabr' 2020 g. [Federal State Statistics Service. January–December 2020] URL: https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm (date of access: 30.01.2021). (In Russ.)

International migration report 2017: Highlights. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, New York: 2017.

Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019–2025 gody. [Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025]. Uтверждена Указом Президента Rossiyskoy Federatsii ot 31 oktyabrya 2018 g. N 622. [Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 N 622]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/> (date of access: 12.01.2021). (In Russ.)

Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. Trudovaya immigratsiya v Rossii: mezhdunarodnyy i vnutrenniy aspekty. [Labor Immigration in Russia: International and Internal Aspects] // Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of a New Economic Association]. 2018. N 1(37). P. 186–193. (In Russ.)

Piore M. *Birds of Passage. Migrant labor and industrial societies*. New York: Cambridge University Press. 1979. 229 p.

«Povysili zarplatu, no rossiyanе ne idut». Strana ostalas' bez migrantov. [«They raised their salaries, but the Russians are not coming». The Country Was Left without Migrants]. // RIA Novosti. 2020. Okt. 25 URL: https://ria.ru/20201025/migranty-1581194485.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (date of access: 10.25.2020). (In Russ.)

Rossiyanе ne zamenyat uyekhavshikh iz-za pandemii trudovykh migrantov – ekspert. [Russians Will not Replace Labor Migrants Who Left because of the Pandemic – Expert] // EurAsia Daily. 2020. 12 Nov. URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/11/12/rossiyanе-ne-zamenyat-uehavshih-iz-za-pandemii-trudovyh-migrantov-ekspert> (date of access: 12.11.2020). (In Russ.)

Soveshchaniye o merakh po bor'be s rasprostraneniym koronavirusa v Rossii. [Meeting on measures to combat the spread of coronavirus in Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63053> (date of access: 30.03.2020). (In Russ.)

Steshin D. Gastarbaytery nikuda ne uyedut: yesli v Rossii stanet plokho, to na ikh rodine – golod. [Migrant workers will not go anywhere: if it gets bad in Russia, then there will be famine in their homeland] // Komsomol'skaya pravda [TVNZ]. 2020. April 2–9, N 14-T. P. 5. (In Russ.)

TSB uvidel vosstanovleniye ob'yema perevodov iz Rossii za rubezh. [The Central Bank saw a recovery in the volume of transfers from Russia abroad] RBC. 14 July 2020. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/07/2020/5f0c77b09a79476d2a81e76f> (date of access: 27.07.2020). (In Russ.)

Н.И. Васильева, И.А. Кашуро, Н.А. Бузанов

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ
И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ
И ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ**

***Аннотация.** В статье анализируется преодоление социально-экономических последствий пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 в Российской Федерации и Китайской Народной Республике на фоне кризисных явлений мировой финансово-экономической системы. На базе анализа соответствующих макроэкономических показателей ведущих мировых держав дается оценка действиям России и Китая в генезисе развития и борьбы с эпидемией; подчеркивается очевидная возможность положительного экономического роста как для России, так и для Китая. В России ситуация осложняется не только пандемией, но и падением сырьевого экспорта, демографическим спадом и оттоком инвестиций по результатам 2020 г. Китай же сумел преодолеть рост числа заболеваний и вывести свою экономику на положительную траекторию роста уже во второй половине 2020 г. Актуальность исследования связана не только с усилением роли «китайского фактора» в мировой политике и экономике, но и с актуализацией российско-китайского стратегического партнерства на фоне дискуссий мирового экспертного сообщества относительно направления развития Китая, торговых войн и усиливающегося санкционного давления. Для России важно непредвзятое, глубокое и разностороннее понимание своего крупнейшего соседа, с которым имеются отношения конструктивного политического и экономического сотрудничества стратегического характера.*

Основные стратегические интересы, которыми руководствуется Россия, проводя курс на тесное взаимодействие с Китаем, базируются на необходимости поддерживать добрососедские отношения с экономически и политически мощным соседним государством, а также необходимости видеть в Китае надежного партнера в условиях конфронтации с Западом.

Авторы статьи отметили сферы соперничества и неопределенности, которые появились в российско-китайских отношениях в последнее время. В условиях недостатка взаимного доверия эффективность экономического сотрудничества явно слабее политического взаимодействия двух стран, и хотя Россия и Китай продекларировали общие принципы стратегического партнерства, понимание сторонами этих принципов совпадает не всегда.

***Ключевые слова:** новая коронавирусная инфекция COVID-19; вторая волна пандемии; «пакеты спасения»; «вертолетные деньги»; конкурентная модель экономического развития; всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие; соглашение ОПЕК+.*

Васильева Нина Ивановна – кандидат экономических наук,
доцент факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

Кашуро Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук,
старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Бузанов Никита Алексеевич – аспирант факультета глобальных
процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: nickbuza@gmail.com

Vasilieva N.I., Kashuro I.A., Buzanov N.A. Russian – Chinese strategic partnership and cooperation amid COVID-19 pandemic: Russian and Chinese insights

Abstract. *The article is set to analyse the socio-economic challenges of the pandemic caused by a new COVID-19 coronavirus infection in the Russian Federation and the People's Republic of China amid the crisis in the global financial and economic system. The research is Abstract. The article is set to analyse the socio-economic challenges of the pandemic caused by a new coronavirus infection of COVID-19 in the Russian Federation and the People's Republic of China amid the crisis in the global financial and economic system. Based on the analysis of the relevant macroeconomic indicators of the leading world powers. The purpose is to assess the Russian actions and China in the genesis of development, the fight against the epidemic, and estimate the possibility of positive economic growth for both Russia and China.*

The research produced a number of key findings: the situation in Russia is complicated not only by the pandemic but also by the fall in commodity exports, demographic decline, and investments outflow, as the statistical data of 2020 shows; China, on the other hand, has managed to overcome the increase in the number of diseases and put its economy on a positive growth trajectory in the second half of 2020.

The topicality of the study is caused not only by the growing importance of the «Chinese factor» in world politics and economy but also by the demand for realising the potentials of the Russian-Chinese strategic partnership amid the discussions of the world expert community regarding the direction of China's development in the context of trade wars and increasing sanctions pressure. As for Russia, it needs to have an unbiased, profound and diversified understanding of its largest neighbour, with whom Russia has relations of constructive strategic political and economic cooperation.

The main strategic interests that guide Russia's actions in strengthening the relations with China are based on the need to maintain good neighbourly relations with an economically and politically powerful neighbouring state and the need to see China as a reliable partner in the face of confrontation with the West.

The article authors have defined the rivalry areas and uncertainty that have emerged in Russian-Chinese relations recently. Given the lack of mutual trust, the effectiveness of economic cooperation is clearly weaker than the political interaction of the two countries. While Russia and China have declared general principles of strategic partnership, the parties' understanding of these principles does not always coincide.

Keywords: *new coronavirus infection COVID-19; the second wave of the pandemic; «rescue packages» (bailouts – пакеты фин. помощи?); «helicopter money»; competitive model of economic development; comprehensive partnership and strategic interaction; OPEC +.*

Vasilieva Nina Ivanovna – Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Faculty of Global Studies, Lomonosov
Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

Kashuro Irina Anatolyevna – Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow
State University. Russia, Moscow.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Buzanov Nikita Alekseevich – Postgraduate student of the Faculty
of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: nickbuza@gmail.com

Введение

Во втором десятилетии XXI в. экономика всей планеты оказалась между молотом и наковальней: пандемия новой коронавирусной инфекции и резкое падение мировых цен на сырую нефть вследствие того, что в начале 2020 г. страны – экспортеры горючего топлива не пришли ко взаимному согласию о продлении соглашения ОПЕК+. По мнению ряда экспертов, последствия этих событий будут глубже и драматичнее, чем последствия глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Глобальная вирусная пандемия привела финансово-экономическую систему к глубокому спаду, вызванному просчетами государств во время борьбы с эпидемией и разным уровнем подготовки к прохождению периодов кризисных явлений. Исходя из этого, восстановление, видимо, будет постепенным и длительным.

По данным отчета Всемирного Банка за 2020 г., пандемия COVID-19 окунула глобальную экономику в глубочайшую рецессию со времени Второй мировой войны. Падение мирового ВВП за 2020 г. составило 5,2% с возможным последующим восстановлением в 2021 г. до уровня 4% [Россия: рецессия и рост 2020]. К концу 2020 г. в ряде стран ЕС произошел повторный рост

заболеваний коронавирусной инфекцией и это обстоятельство поставило под угрозу зарождающийся процесс восстановления экономики на фоне выявленных случаев мутирования штаммов COVID-19. Несмотря на проведение вакцинации и успешные клинические испытания вакцин от коронавируса, в ряде европейских стран наблюдается рост динамики заболеваний и смертности. Главы ряда международных организаций выражают глубокую обеспокоенность не только международным кризисом общественного здравоохранения, но и глубоким кризисом мирового рынка труда. На эти обстоятельства указывает генеральный директор Международной организации труда Гай Райдер. По его мнению, трудящиеся потеряют 3,4 трлн долл. США дохода и 25 млн человек станут безработными.

Влияние пандемии COVID-19 на современное состояние глобальной экономики

Торговые войны за последние годы несколько притормозили экономическую глобализацию. Однако экологическая глобализация, включая пандемию и изменение климата, не подчиняется политике. Тарифы и границы не могут справиться с патогенами, компьютерными вирусами, выбросами радиации, даже если что-то из этого выйдет из-под контроля только одной страны. Пандемия показала всему миру трансграничный характер угроз, без возможности для стран «отсидеться в стороне». Данное высказывание Сергея Лаврова в марте 2020 г. звучит не менее актуально и в марте 2021 г.

В Китае «нулевой пациент» был идентифицирован в провинции Ухань 1 декабря 2019 г., но только 31 декабря Китай проинформировал Всемирную организацию здравоохранения об угрозе пандемии, а с 23 января 2020 г. китайские власти принудительно изолировали в результате карантина 60 млн своих граждан. Эпидемия оказалась серьезным тестом для китайской экономической и политической системы, но Китаю удалось удержать контроль над ситуацией.

До 2003 г. считалось, что семейство коронавирусов не представляет большой опасности для людей, вызывая лишь легкие респираторные заболевания. Однако внезапное появление тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) дало толчок активизации научных исследований, в результате которых были открыты новые коронавирусы. Во время вспышек вирусов SARS-CoV и MERS-CoV применялась поддерживающая терапия и одним из действенных методов стала изоляция заразившихся. Участвовавшие вспышки коронавирусных заболеваний повышают риски возникновения новых эпидемий в будущем [Дынкин, Телегина 2020].

В процессе борьбы с пандемией все отрасли экономики существенно повысили уровень цифровизации. Популярность удаленной работы из-за COVID-19 резко возросла. Цифровой формат теперь также начал использо-

ваться и в привычных для «оффлайна» сферах – государственных услуг, здравоохранения, образования, науки.

Появилась необходимость поддержки новых международных научных коллабораций для борьбы с коронавирусной инфекцией. Усиливается кооперация науки и бизнеса в фармацевтической промышленности по вопросу создания вакцин и препаратов для тестирования заболевания, а также актуализируется вопрос поддержки фундаментальных исследований.

COVID-19 позволил соединить усилия ученым разных стран во имя устранения единой глобальной проблемы. И этот способ поиска решений объединенными усилиями, на фоне общей кооперации, на фоне движущейся вперед свободной науки, расширится и сохранится в будущем. Совершенно очевидно, что пандемия коронавируса окажет существенное влияние как на глобальную, так и на российскую экономику и экономику Китая.

Новый тренд 2021 г., по мнению авторов, – усиление роли государства, как основного игрока в борьбе с пандемией. Люди ожидают реальных мер защиты и поддержки экономики именно от государства. Ряд стран изменили свои бюджеты в пользу здравоохранения, а также оказали помощь малому и среднему бизнесу. Средства массовой информации такие меры назвали «пакетами спасения». «Пакет спасения» в Германии – 1,3 трлн евро, или 20% ВВП страны, в Италии и Испании они пос скромнее – 455 и 200 млрд евро соответственно. Правительство Д. Трампа в США потратило на помощь гражданам 158 млрд из 2 трлн долл. США, а правительство Дж. Байдена продолжит эту практику. В России «пакет спасения» составляет 65 млрд евро. Накопленные резервы в фонде национального благосостояния правительство разбрасывать в виде «вертолетных денег» не готово, прибегая к финансовым ресурсам на случай финансового кризиса [Костиков 2020].

Позиция технологического лидера в разработке вакцины от COVID-19, а также открытость и готовность поделиться данной вакциной с международными партнерами улучшают имидж России на мировой арене. В 2021–2022 гг. несомненно расширится география распространения российских вакцин. Уже более 50 стран заказали российскую вакцину Спутник V.

Преодоление социально-экономических последствий пандемии в России

Нынешний экономический кризис России усугубляется не только второй волной пандемии, но и уменьшением российского экспорта по итогам 2020 г., из-за сокращения международного уровня цен на «стандартные» энергоресурсы, в прежние годы приносившие России 70% выручки от экспорта и обеспечивавшие 45–50% всех доходов федерального бюджета. За прошедший год уменьшился экспорт нефти и нефтепродуктов на 40%, природного газа на

50 и угля на 30%. Только от этого сокращения потери России составили 7,5 трлн руб. Среднегодовой темп снижения ВВП составил в России 3,1% и это меньше, чем аналогичные показатели в странах большой семерки [Варнавский 2020].

Еще один серьезный вызов для экономики России – демографический. В 2021 г. ожидается сокращение потока мигрантов на более чем 600 тыс. человек, а численность населения впервые за 15 лет сократится на 500 тыс. человек.

По оценке Банка России, отток капитала из РФ, более чем вдвое больший по сравнению с 2019 г. – до 53 млрд долл. США – также усиливает экономический кризис. Оценка Банка России опирается только на зарегистрированные сделки 2020 г.

По мнению академика РАН А.Г. Аганбегяна, в России наблюдается снижение социальных показателей (реальные доходы населения, уровни потребления и безработицы, численность бедных, рост смертности), которое продолжится в 2021 г. [Аганбегян 2020].

Постепенному восстановлению экономики России должны помочь крупные золотовалютные резервы. По итогам 2020 г. они превышают золотовалютные резервы США, а также резервы Германии, Великобритании, Франции и Италии вместе взятых и составляют 585 млрд долл. США. По мнению ряда экспертов, 300 млрд долл. США надо оставить в неприкосновенности, а остальное потратить на восстановление уровня доходов населения, облегчение бремени задолженности и инвестиционное кредитование.

Другая возможность привлечения дополнительных средств для восстановления экономики – умеренное увеличение государственного долга. Сейчас внешний и внутренний долг России – самый низкий в мире – 15% ВВП, в то время как в странах ЕС он составляет около 80% ВВП, в США – 100% ВВП, в Японии – 250% ВВП, а в Китае – 260% ВВП. Безопасно постепенно довести долг в России к 2030 г. до 30–40% ВВП, используя эти средства для восстановления социально-экономического роста [Варнавский 2020].

На эти цели можно мобилизовать также крупные средства, которые находятся на счетах российских предприятий и организаций в зарубежных банках и офшорах, где по расследованию «Бостон Консалтинг Компани», скопилось 400 млрд долл. США. Также дополнительным источником средств может служить массовая приватизация, направленная на снижение доли предприятий, контролируемых государством с 71% ВВП до 45% [Аганбегян 2020; Варнавский 2020].

Поставки за рубеж российской сырой нефти за 2020 г. упали на 11% в натуральном выражении и на 41% в стоимостном (при увеличении международных цен на энергоресурсы во второй половине 2020 г.); поставки трубопроводного газа сократились на 10% в натуральном выражении и на 40% – в стоимостном.

Трехкратный рост экспорта золота за 2020 г., обусловленный отказом Центробанка от его закупок на внутреннем рынке в свои резервы и разрешением золотодобытчикам и банкам вывозить золото по генеральным лицензиям, некоторый рост экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья, а также драгметаллов, увеличившийся в 1,5 раза, позволили компенсировать отсутствие привычных доходов от энергетического экспорта.

За последний год внешнеторговый оборот России упал практически со всеми торговыми партнерами, главными из которых по-прежнему остается Китай (товарооборот снизился до отметки 93,3% от предыдущего года, составив 104 млрд долл. США) и ФРГ (товарооборот снизился до отметки 79% от предыдущего года, составив 41 млрд долл. США).

Следует отметить, что доля американского доллара в российско-китайской торговле за последние три года сократилась до уровня 50%, а к концу 2019 г. Россия и Китай договорились вести все расчеты во взаимной торговле не в долларах США, а в национальных валютах [Михеев, Луконин 2020].

В краткосрочной и среднесрочной перспективе восстановление российской экономики тесно сопряжено с устранением последствий коронавируса, но в долгосрочной перспективе главную роль будет играть ускорение потенциального роста всей экономики. В ближайшей перспективе Россия сохранит ориентацию на экспорт сырьевых товаров при повышении удельного веса несырьевого экспорта. Следует отметить, что за последние три года наблюдалось повышение конкурентоспособности российского экспорта продуктов питания, некоторых видов машин и оборудования. Однако уровень сложности общей экспортной корзины России невысок. Россия продолжает специализироваться на базовых задачах внутри стоимостных цепочек, в производстве металлов и продукции химической промышленности, требующих меньшей степени передела и создающих меньшую добавочную стоимость, что оставляет возможности для продуктовой модернизации.

Эволюция современной модели социально-экономического развития Китая

Сейчас Китай оказался в ситуации, требующей параллельного решения трех задач: продолжение преобразования модели своего социально-экономического развития; перестройка внешнеэкономических отношений в связи с продолжающимся американско-китайским противостоянием; преодоление последствий пандемии новой коронавирусной инфекции.

Очевидно, что Китай – лидер на мировой арене. Около 30% роста мирового ВВП приходится на Китай, который является поставщиком как трудоемких, так и наукоемких товаров, от чего даже незначительные колебания в экономическом развитии Китая сразу отзываются усилением

волатильности на различных секторах глобального рынка, привлекая внимание экспертного сообщества.

Необходимо вспомнить, что еще в начале 1980 г. Китай имел крайне низкий уровень экономического развития, с показателем на душу населения ВВП 195 долл. США. По данным Всемирного банка, к 2018–2019 гг. произошел 50-кратный рост этого показателя. Сейчас он составляет около 10 тыс. долл. США на человека. Главными драйверами столь стремительного развития были открытие рынка для иностранных инвестиций, низкий уровень оплаты труда, а также рыночные реформы [Борох, Ломанов 2020]. В рекордные сроки Китай стал ведущим поставщиком продукции обрабатывающей промышленности, включившись во все значимые цепочки производства и проникнув практически во все потребительские рынки. В 2000 г. Китай, в соответствии с отчетами ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию), от общего объема мировой перерабатывающей промышленности выпускал около 6,5%, а в 2020 г. данный показатель составил уже около 30% [Технологичный дракон 2021].

Если сравнить современные экономические позиции США и Китая, то ВВП обеих стран можно воспринимать как соразмерные: по паритету покупательной способности доминирует Китай, а США занимает лидирующие позиции по валютному курсу. Но следует учесть и более чем двукратное преимущество Китая по темпам прироста ВВП в последние годы по сравнению с США (6,5% – Китай, 2,5% – США), а вклад Китая в рост мирового ВВП превышает вклад США почти в 3 раза [Михеев, Луконин 2019].

За прошедшие 30 лет, в течение которых произошел выдающийся технологический рывок Китая в разных отраслях, китайские руководители предприятий использовали разную стратегию. В производстве программного обеспечения они зачастую нарушали патентные права, копируя чужие технологии, а потом зарабатывали на продаже недорогих качественных копий. Но в 2000-х годах ситуация стала меняться, сегодня китайские предприятия сами создают интеллектуальную собственность, а китайские власти постепенно отказываются от принуждения иностранных инвесторов к передаче технологий. Всемирная организация интеллектуальной собственности заявляет, уже «получивший мировую бронзу» по количеству регистрации патентов, современный Китай уступает только США и Японии.

По мнению российских экспертов, если китайская экономика продолжит показывать позитивный прирост ВВП около 5%, то ее показатели превзойдут показатели США уже к 2028 г. Однако столь стремительный темп роста китайского ВВП может замедлить фактор пандемии [Новоселова 2020].

Для современного Китая важно продолжить поиск собственной модели экономического развития, которая должна заключаться в росте внутристра-

нового спроса при одновременной экспортоориентированности, в том числе на рынки западных стран [Воскресенский 2019].

Серьезное внимание Китай уделяет своим позициям в объеме международных инвестиций в его экономику. Приток в 138 млрд долл. США, которые являлись прямыми иностранными инвестициями США в Китай, позволил последнему удерживать «серебро» по данному показателю на мировой арене. Треть этой суммы зарубежные инвесторы вложили в высокие технологии Китая. Основными инвесторами выступали такие страны, как Корея, Нидерланды и Сингапур, в то время как инвестиции из США значительно сократились [Лексютина 2020].

Одним из возможных последствий современного мирового кризиса может стать усиление позиций Китая на мировой арене в условиях преодоления социально-экономических последствий коронавируса [Чумаков 2020]. Введение ограничительных мер в развитых странах привело к сокращению ВВП по итогам 2020 г., а третья волна пандемии, которая уже сейчас охватила некоторые страны Западной Европы, может создать и новый вызов экономической стагнации. Как следствие, позиции Китая, как движущей силы восстановления глобальной экономики, вновь могут укрепиться, так как пережив кратковременный спад, ВВП Китая уже сейчас показывает положительную динамику, демонстрируя темпы роста около 3%. Похожий ход событий можно было наблюдать после глобального экономического кризиса 2008–2010 гг., когда на фоне торможения развитых стран, Китай продолжал демонстрировать быстрый рост своей экономики. Однако сейчас Китаю приходится бороться с дополнительными вызовами, так как ныне развитые страны Запада и, прежде всего, США видят в КНР соперника [Алешковский, Кузовлев, Слука 2019].

Российско-китайское стратегическое партнерство: позиции России и Китая

Исследователи в различных областях выделяют три периода в истории развития партнерских отношений России и Китая [Грачиков 2019].

Первый период (1993–2002) китайские исследователи называют периодом стратегического поиска. Именно в эти годы председатель Госсовета Дэн Сяопин заявил об обязанности Китая проявлять скромность и сдержанность в своем поведении, заниматься развитием своей экономики и не претендовать на лидерские позиции. В эти годы Китай установил партнерские отношения с 11 странами, в том числе в 1994 г. с Россией, а торгово-экономические связи в это время становятся приоритетным направлением.

Второй период (2003–2012) – период стратегического развития. В данный период Китай заручился поддержкой 67 стран и показал стремительный рост экономики.

Третий период (с 2013 г.) – период стратегического совершенствования. В это время Китай строит партнерскую сеть со 100 странами мира и стремительно занимает лидирующие позиции на мировой арене [Юй Хунцзюнь 2019].

5 июня 2019 г. лидеры РФ и КНР провозгласили новую эпоху партнерства и стратегического взаимодействия. В самом документе, впрочем, мы не найдем ответа на вопрос, в чем эта новая эпоха заключается. Следует однако иметь в виду, что с 2014 г. когда Россия пошла на конфронтацию со странами Запада из-за присоединения Крыма, вступили в действие новые факторы. Аналогичная ситуация сложилась с 2016 г. с Китаем, когда правительство Д. Трампа начало против Китая торговую войну.

Свои перспективы стратегического партнерства Россия и Китай видят в углублении взаимного сотрудничества. И у нового этапа всеобъемлющего партнерства России и Китая есть конкретные проявления, а именно:

- с 2015 г. Россия разрешила допуск инвестиций китайских государственных компаний в энергетическую отрасль и сферу высоких технологий. В этой сфере подписаны и уже реализуется несколько крупных инвестиционных контрактов;

- развивается процесс сопряжения реализации китайского проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» и Евразийского экономического союза. До 2015 г. Китай предпочитал иметь дело со странами СНГ только на двусторонней основе. Новое решение – это поддержка российских планов развития евразийской интеграции со стороны Китая;

- активизация сотрудничества России и Китая в военно-технической и космической сферах, что подтверждается фактом приобретения Китаем у РФ современных видов российских вооружений, таких как истребители СУ-35 и система ПВО С-400, а также проведением совместных военно-морских учений в районе Южно-Китайского и Балтийского морей и в Ормузском проливе. Также имеет место практика совместного патрулирования ВВС;

- Благодаря содействию РФ КНР смогла создать систему предупреждения о ракетном нападении [Лукин 2020].

В официальных китайских документах подчеркивается стремление Китая к «взаимному выигрышу», к соблюдению пяти принципов мирного существования, уважению положений и норм международного права, а также отличию внешней политики КНР от гегемонистского курса США. При этом многие страны обвиняют Китай в том, что он чрезмерно кредитует своих международных партнеров, а китайские предприятия не уделяют должного внимания трудовому законодательству других стран, загрязняют окружающую среду и подкупают местных чиновников. Также Китай обвиняют во вмешательстве во внутренние дела других стран через своих граждан [Михеев, Луконин 2020].

В рамках сотрудничества РФ и КНР также можно выделить ряд рисков и вызовов, которые в среднесрочном периоде заключаются в следующем:

- по мнению российских экспертов, Россия для Китая может превратиться из стратегического партнера в тактического союзника, российская территория будет использоваться как транзитная территория для китайских товаров, российская экономика для Китая станет только источником сырья, а в китайском импорте будет доминировать высокотехнологичная китайская продукция [Михеев, Игнатьев 2019, с. 19];

- несмотря на углубление военно-технического сотрудничества существует определенное взаимное недоверие, в связи с экспансией китайского капитала и, как следствие, влияния в важных для России регионах Центральной Азии и Восточной Европы;

- новый фактор российского беспокойства – растущие глобальные амбиции КНР, которые проявляются в претензии страны на глобальное лидерство. Об этом дважды высказался китайский лидер Си Цзиньпин в своих выступлениях на Всемирном экономическом форуме в Давосе – в 2017 г. и в 2021 г. [Си Цзиньпин 2021].

Вышеуказанные факты говорят о том, что несмотря на то, что основные принципы партнерства были изложены сторонами в официальных документах, их содержание временами представляется по-разному [Грачиков 2019; Михеев, Луконин 2019].

Помимо перечисленного одной из наиболее сенситивных сфер международного взаимодействия России и Китая является вопрос демаркации государственной границы, так как на протяжении всей истории взаимодействия не было взаимопонимания двух государств в этом вопросе, и только к 2004 г. этот процесс подошел к своему завершению [Васильева 2019].

Заключение

Основные стратегические интересы, которыми руководствуется Россия, проводя курс на тесное взаимодействие с Китаем, базируются на следующем: это естественная необходимость поддерживать добрососедские стабильные отношения с экономически и политически мощным соседом, а также видеть в Китае надежного партнера в условиях усиления санкционного давления стран Запада на российскую экономику. Следует отметить, что и Китай с 2016 г. испытывает на себе торгово-экономические санкции США и поэтому также двигается в сторону России.

До известного предела Россия демонстрирует солидарность с Китаем, выражая понимание его позиции по Гонконгу и Синьцзяну, а также соглашаясь с непризнанием Китаем решений международного арбитража по спорным вопросам в Южно-Китайском море, однако другие территориальные претензии

Китай Россия не поддерживает. Также и Китай, в свою очередь, отказывается признавать российские действия в Крыму, Севастополе, Абхазии и Южной Осетии. Совокупность весьма противоречивых политических и экономических факторов, с одной стороны, способствуют сближению России и Китая, а с другой – демонстрируют определенные пределы этого сближения.

В документах пятого пленума ЦК Коммунистической партии Китая, состоявшегося в октябре 2020 г. и определившего пути развития Китая до 2035 г., подчеркивается, что знаменитый принцип китайского лидера 70–80-х годов прошлого столетия Дэн Сяопина «скрывай свои возможности, держись в тени», который являлся определяющим последние 30 лет в мировой политике Китая, диктуя сдержанный курс, вновь становится актуальным в условиях преодоления социально-экономических последствий пандемии и противостояния с Западом [Дэн Сяопин 1988]. Накопление индустриальной, военной и технологической мощи, усилило включенность Китая в мировую торгово-финансовую систему, где ведущую роль продолжают играть США и Европейский союз. В этих условиях, задачей № 1 для китайского руководства, как подчеркивалось на пленуме, является повышение автономности Китая в стратегически важных высокотехнологических областях.

В июле 2021 г. исполняется 20 лет со дня подписания Российско-Китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Нашим странам в новых условиях преодоления последствий пандемии и санкционного давления с Запада необходимо корректировать и расширять основные положения этого договора в соответствии с новой ситуацией, эффективно и оперативно реагировать на новые внешние угрозы и вызовы, лучше защищать долгосрочные интересы народов России и Китая.

Библиография

Аганбегян А.Г. Луч света в кризисном царстве, что ждет нашу экономику в 2021 году // Аргументы и факты. 2020. № 50.

Алешковский И.А., Кузовлев С.С., Слука Н.А. «Новая» миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском союзе // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 2. С. 25–39.

Борох О.Н., Ломанов А.В. Китайский путь реформ в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 66–75.

Варнавский В.Г. Драйверы мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7. С. 5–16.

Васильева Н.И. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: правовые и экономические аспекты взаимодействия // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 4. С. 41–54.

Воскресенский А.Д. Реализация «китайской мечты» в период эпохи Си Цзиньпина: что ожидать России // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 10. С. 5–16.

Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 3. С. 83–93.

- Дынкин А.А., Телегина Е.А. Шок пандемии и посткризисный мир // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 8. С. 76–84.
- Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат. 1988. 259 с.
- Костиков В.В. Политика на экзамене у COVID-19. Как проходит испытание власти коронавирусом // *Аргументы и факты*. 2020. № 1.
- Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг: торговая война и процесс декаплинга // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 6. С. 85–93.
- Лукин А.В. Пик миновал? // *Россия в глобальной политике*. 2020. № 3. С. 227–230.
- Михеев В.В., Игнатьев С.В. Российско-китайское стратегическое партнерство и ракетно-ядерная проблема КНДР // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 1. С. 19.
- Михеев В.В., Луконин С.А. Болевые точки Пекина // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 5. С. 5–15.
- Михеев В.В., Луконин С.А. Новая фаза развития Китая на фоне «торговой войны» с США // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 2. С. 56–65.
- Новоселова Л.В. Экономика КНР в условиях торговой войны // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 6. С. 5–16.
- Россия: рецессия и рост во время пандемии: доклад Всемирного банка. Washington: The World Bank, 2020. 71 с. (Доклад об экономике России № 43). 71 с. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34219/Russia-Recession-and-Growth-Under-the-Shadow-of-a-Pandemic-RU.pdf?sequence=5> (дата обращения 09.03.2021).
- Си Цзиньпин принял участие в диалоге Давосская повестка дня // *Российская Газета* 26.01.2021. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/si-czinpipin-prinial-uchastie-v-dialoge-davosskaia-povestka-dnia.html> (дата обращения 09.03.2021).
- Технологичный дракон. Чему можно научиться у китайцев // *Аргументы и факты*. 2021. № 1.
- Чумаков А.Н. Глобальный мир в аспекте российского и китайского восприятия // *Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика*. 2020. № 2. С. 35–48, № 3. С. 26–37.
- Юй Хунцзюнь. Руководящие идеи дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху // *Модель развития современного Китая* / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: АКЦ Стратегические изыскания. 2019. С. 10–27.

Reference

- Aganbegyan A.G. Luch sveta v krizisnom tsarstve, chto zhdet nashu ekonomiku v 2021 godu [A ray of light in a crisis kingdom: economic forecasts for 2021]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 2020. N 50. (In Russ.)
- Aleshkovski I.A., Kuzovlev S.S., Sluka N.A. «Novaya» migratsiya kak faktor formirovaniya kitajskoj diaspori v Evropejskom soyuze [«New» migration as the factor of the formation of the Chinese diaspora in the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika* [Moscow University Bulletin. Ser. 27: Globalistics and Geopolitics]. 2019. N 2. P. 25–39. (In Russ.)
- Borokh O.N., Lomanov A.V. Kitayskiy put' reform v usloviyakh globalizatsii [China's path of reform under conditions of globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2020. N 6. P. 66–75. (In Russ.)
- Chumakov A.N. Global'nyy mir v aspekte rossijskogo i kitajskogo vospriyatiya [Global world in the aspect of the Russian and Chinese perceptions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika* [Moscow University Bulletin. Ser. 27: Globalistics and Geopolitics]. 2020. N 2. P. 35–48. N 3. P. 26–37. (In Russ.)

Deng Xiaoping. Osnovnyye voprosy sovremennogo Kitaya [Basic issues of contemporary China]. Moscow: Politizdat 1988. 259 p. (In Russ.)

Dynkin A.A., Telegina E.A. Pandemic shock and the world after crisis. [Shok pandemii i postkrisisnyy mir]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World economy and international relations]. 2020. N 8. P. 76–84. (In Russ.)

Grachikov E.N. Strategiya partnerskikh otnosheniy KNR: praktika i yeye kontseptualizatsiya [Formation of the Chinese school of international relations: analytical approaches and research methods]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. N 3. P. 83–93. (In Russ.)

Kostikov V.V. Politika na ekzamene u COVID-19. Kak prokhorit ispytaniye vlasti koronavirusom [Politics in the context of COVID-19. Pandemic resistance test for power]. Argumenty i fakty [Arguments and Facts]. 2020. N 1. (In Russ.)

Leksyutina Y.V. Amerikano-kitayskiye otnosheniya v 2018–2019 gg: trgovaya vojna i protsess dekaplinga [US-China relations in 2018–2019: Trade War and Decoupling Process]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2020. N 6. P. 85–93. (In Russ.)

Lukin A.V. Pik minoval? Rossiya v global'noy politike [Is the peak over? Russia and global affairs]. 2020. N 3. P. 227–230. (In Russ.)

Mikheev V.V., Ignatev S.V. Rossiysko-kitayskoye strategicheskoye partnerstvo i raketno-yadernaya problema KNDR [Russian-Chinese strategic partnership and North Korean nuclear and missile issue]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. N 1. P. 18–24. (In Russ.)

Mikheev V.V., Lukonin S.A. Novaya faza razvitiya Kitaya na fone «torgovoy voyny» s SSHA [New phase of China's development against the background of a «trade war» with the United States]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. N 2. P. 56–65. (In Russ.)

Mikheev V.V., Lukonin S.A. Bolevyie tochki Pekina [Beijing's pain points]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2020. N 5. P. 5–15. (In Russ.)

Novoselova L.V. Ekonomika KNR v usloviyakh trgovoy voyny [Chinese economy in the conditions of trade war]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World economy and international relations]. 2020. N 6. P. 5–16. (In Russ.)

Rossiia: retsessiya i rost vo vremya pandemii: Doklad gruppy Vsemirnogo banka [Russia Recession and Growth During a Pandemic: World Bank Group Report]. Washington: The World Bank, 2020. 71 p. (In Russ.)

Si Tszin'pin priniyal uchastie v dialoge Davosskaia povestka dnia [Xi Jinping took part in the dialogue «Davos agenda»]. Rossiyskaya Gazeta [Russian newspaper]. January 26. 2021. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/si-czinpin-priniyal-uchastie-v-dialoge-davosskaia-povestka-dnia.html> (date of access: 03.09.2021).

Tekhnologichnyy drakon. Chemu možno nauchit'sya u kitaytsev [The tech dragon. What can you learn from the Chinese]. Argumenty i fakty [Arguments and Facts]. 2021. N 1. (In Russ.)

Varnavskii V.G. Drayvery mirovoy ekonomiki [Drivers of global economy]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World economy and international relations]. 2020. N 7. P. 5–16. (In Russ.)

Vasilyeva N.I. Strategicheskoye partnerstvo Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki: pravovyye i ekonomicheskoye aspekty vzaimodeystviya [Strategic partnership of the Russia Federation and the People's Republic China: legal and economic aspects of interaction]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika [Moscow University Bulletin. Ser. 27: Globalistics and Geopolitics]. 2019. N 4. P. 41–54. (In Russ.)

Voskressenski A.D. Realizatsiya «kitayskoy mechty» v period epokhi Si TSzin'pina: chto ozhi-dat' Rossii [Realization of the «Chinese dream» in XI Jinpig's Era: what should Russia expert]. Mi-rovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. N 10. P. 5–16. (In Russ.)

Yu Hongjun. Rukovodyashchiye idei diplomatii velikoy derzhavy s kitayskoy spetsifikoy v novuyu epokhu [Guiding ideas of great power diplomacy with Chinese specificity in a new Era]. Model' razvitiya sovremennogo Kitaya [Model of modern China development]. Ed. Voskresen-sky A.D. Moscow: AKTS Strategicheskiye izyskaniya. 2019. P. 10–27. (In Russ.)

К. Кумо, И.А. Коргун

**СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ
COVID-19: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ЯПОНИИ**

Аннотация. Во второй половине XX – начале XXI в. экономическая политика традиционно для эпохи кризисов следовала принципу установления бюджетных ограничений, снижения расходов и консолидации бюджета. Принципиально иной характер кризиса, спровоцированного пандемией COVID-19, его наложение на глубокие трансформационные сдвиги в национальных экономических системах и мировой экономике в целом, а также геополитические вызовы заставляют правительства искать новые подходы к решению проблем в экономике.

Одной из ключевых тенденций антикризисных мер правительств разных стран стало увеличение бюджетных расходов для поддержки населения и бизнеса, а также разработка планов долгосрочного развития. В настоящей статье исследуются программы по борьбе с пандемией и восстановлению экономик двух восточноазиатских стран – Кореи и Японии – на основании материалов, опубликованных государственными ведомствами и аналитическими центрами. Отмечается, что характер управления кризисной ситуацией и определение мер для восстановления соответствует стратегическим подходам, широко применяемым бизнесом. Рассматриваются вопросы не только характера мер, предпринятых правительствами Кореи и Японии для борьбы с пандемией, но и причины их успеха, а также задачи экономического развития на посткоронавирусный период.

Ключевые слова: COVID-19; постпандемическое восстановление экономики; экономическая стратегия; Республика Корея; Япония.

Кумо Казухиро – доктор экономических наук, профессор,
директор Центра экономических институтов,
Институт экономических исследований, Университет
Хитоцубаси. Япония, Токио.
Email: kumo@ier.hit-u.ac.jp
Web of Science ResearcherID G-7527–2016

Коргун Ирина Александровна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник, Центр российской стратегии в Азии
ИЭ РАН. Россия, Москва.
Email: irinakorgun@gmail.com
Web of Science ResearcherID N-5433–2015/ ORCID ID 0000–0002–1496–4375

**Kumo K., Korgun I.A. Strategies for post-COVID-19 economic recovery:
Experiences in Republic of Korea and Japan**

Abstract. Traditionally anti-crisis economic policy tended to principles of budgetary restraints, spending cuts and overall budget consolidation. However, the COVID-19 pandemic made governments to re-think the essence of the anti-crisis economic policies. In a highly complex global economic and geopolitical landscape and with ongoing digital transformations in digital economies, governments have to think about specific measures to address these and other challenges like the support of livelihoods and business to be resilient and sustainable.

This paper discusses measures for economic recovery designed by the governments of two East Asian countries – Korea and Japan. The analysis is based on a range of materials published by ministries and analytical centres. The authors argue that the overall approach to emergency management during COVID-19 and the design of short- and long-term support measures were influenced by concepts of corporate strategies. Paper provides answers about the nature of specific measures used by Korea and Japan and explores reasons why they were successful. Authors contribute to the discussion on specific actions that governments had to provide strategic for a vision for the future.

Keywords: COVID-19; post-pandemic economic recovery; strategy; Republic of Korea; Japan.

**Kumo Kazuhiro – Dr. & Professor of Economics, Research Director,
Centre for Economic Institutions, Institute of Economic Research,
Hitotsubashi University, Japan, Tokyo.
Email: kumo@ier.hit-u.ac.jp**

**Korgun Irina Aleksandrovna – Candidate of Economics,
Senior Research Fellow, The Institute of Economics,
RAS, Russia Moscow.
Email: irinakorgun@gmail.com
Web of Science ResearcherID N-5433–2015**

Роль стратегии в постпандемическом восстановлении

Пандемия Covid-19 создала ряд проблем социального и экономического характера, на которые правительства различных стран вынуждены искать ответы посредством мер экономической политики. Двойственная природа пандемического шока, обусловленного разворачивающимися параллельно резкими изменениями спроса и предложения [Brinca et al 2020], а также высокий уровень неопределенности, который они приносят, заставляет искать подходы, отличные от традиционных мер бюджетных ограничений и сокращения расходов. Уже на данном этапе характерной чертой принятых разными

правительствами мер стало принятие дополнительных бюджетов для поддержания рынков увеличения рабочих мест, доходов населения, а также укрепления бизнеса.

Однако увеличение расходов без четкой стратегии в долгосрочной перспективе может отрицательно сказаться на последствиях кризиса. В частности, применительно к ситуации в США опасения относительно низкой эффективности дополнительного увеличения выплат населению без мер долгосрочного характера высказывает Л. Саммерс, бывший глава казначейства и советник по экономике правительства Д. Байдена¹.

На примере двух восточноазиатских экономик – Республики Корея и Японии – рассмотрим необходимость наличия общей стратегии для восстановления экономики и борьбы с последствиями пандемического шока.

Российские ученые в своих работах обращались к особенностям государственной политики в период пандемии, проводимой в данных странах. В частности, А.Н. Федоровский [Федоровский 2020] на примере Южной Кореи отмечает прагматичный, но вместе с тем осторожный подход правительства Мун Чжэ Ина к мерам постпандемического восстановления. Социальные аспекты японской стратегии борьбы с эпидемией и меры денежно-кредитной политики для стимулирования экономики рассматриваются А.В. Беловым [Белов 2020] и Беловым и Тихоцкой [Белов, Тихоцкая 2020]. В данном исследовании предпринята попытка развить темы, затронутые российскими учеными, обсудить подходы к борьбе с кризисными явлениями, а также рассмотреть направления трансформации двух восточноазиатских экономик в ближайшие годы.

Южная Корея и Япония сравнительно успешно смогли преодолеть первую и вторую волны пандемии с минимальными людскими и экономическими потерями. Одна из основных причин этого успеха заключалась в способности правительств этих стран оперативно мобилизовывать имеющиеся ресурсы и определять приоритеты их использования для реализации двух масштабных целей – борьбы с чрезвычайной ситуацией и обеспечения условий для последующего роста. Попытаемся развить идею, выдвинутую Фицрой и Спенсер [FitzRoy, Spencer 2020], о необходимости применения двуединого подхода к борьбе с пандемией. Прежде всего имеется в виду, что если меры, направленные на решение первостепенных (чрезвычайных) задач, позволяют смягчить негативные эффекты, то визионерские, т.е. направленные в будущее, меры позволяют создать структурированный путь к устойчивому посткризисному восстановлению.

1. См. например: Summers L.H. *Trump's \$2,000 Stimulus Checks Are a Big Mistake*. Bloomberg, Dec. 27 2020, URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-12-27/larry-summers-trump-pelosi-2-000-stimulus-checks-are-a-mistake> (accessed: January 21, 2021).

На основании анализа опыта Японии и Южной Кореи авторы предлагают дополнить двуединый подход за счет включения элементов корпоративных стратегий для борьбы с экономическими последствиями пандемии. Транснациональные корпорации в силу глобальных масштабов своей деятельности часто оказываются в ситуациях, когда на них одновременно воздействуют негативные факторы, имеющие разную природу [Letto-Gillies, 2012]. Высокая степень неопределенности периода пандемии Covid-19, которая по оценкам специалистов соответствует уровню неопределенности в период кризиса 2008–2009 гг. и сопоставим по масштабам с Великой депрессией [Baker et al. 2020], а может быть даже превосходит ее [Kissinger 2020], делает актуальным вопрос выработки стратегического видения на национальном уровне. Дополнительными факторами являются усиление экономической конкуренции и борьба за рынки новых цифровых продуктов и товаров в сфере здравоохранения.

Выработка стратегии, согласно М. Портеру, представляет собой «акт сознательного выбора разнообразного инструментария с тем, чтобы обеспечить достижение уникального сочетания ценностных результатов» [Porter 1996]. В условиях продолжающейся пандемии Covid-19 правительства стоят перед необходимостью обеспечить ценностные результаты сразу в нескольких областях — социальной, экономической, технологической и геополитической. В 2020 г. правительства многих стран уже пошли на беспрецедентное расширение мер поддержки, включив такие нетрадиционные механизмы для борьбы с кризисом, как налоговые и регуляторные меры, прямую поддержку отдельных отраслей, выплаты населению и проч. [Ершов 2020]. Но при этом важно стремиться к тому, чтобы меры поддержки также были ориентированы на долгосрочные цели развития, о чем говорится в рекомендациях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [Coronavirus 2020]. ОЭСР особо выделяет роль долгосрочного стратегического видения в формировании устойчивого экономического восстановления.

Применение стратегического подхода позволит одновременно решать несколько задач. По мнению эксперта в области корпоративной стратегии Йероена Крайденбринка из Университета Амстердама можно выделить шесть основных задач [Kraaijenbrink 2020]. Во-первых, стратегия направляет действия. В периоды кризисов необходимы своевременные и жесткие ответные меры, т.е. конкретные действия важны как никогда. Правильная стратегия должна помочь людям понять, что необходимо делать, как действовать и реагировать на события. Это верно не только в случае единого и заранее выработанного плана, но и с точки зрения более динамичных действий, которые учитывают изменения среды. Во-вторых, стратегия позволяет адаптировать внутренние условия к изменяющимся внешним условиям. В-третьих, стратегия является единой референтной рамкой для людей. Особенно в периоды кризиса люди имеют склонность искать объединяющие их ценности и

понятия. В-четвертых, стратегия помогает подготовиться к будущему и, в-пятых, позволяет отличаться, выбирать свой путь. Наконец, верная стратегия обеспечивает стабильность и предсказуемость курса и государственной политики.

Течение пандемии в Южной Корее и Японии

Южная Корея

По данным университета Джона Хопкинса, 20 января 2020 г. в Корее был зафиксирован первый случай коронавируса у гражданина, вернувшегося из Китая. Пик первой волны пришелся на середину февраля 2020 г. Тогда общее число ежедневно выявленных случаев превысило 800, но довольно быстро пошло на убыль. Благодаря тому, что ситуация продолжила улучшаться, и в середине апреля число случаев снизилось до менее 10, Южная Корея смогла провести выборы в национальный парламент с рекордной явкой населения.

Вторая волна началась в середине августа 2020 г. и была связана с появлением очага заражения в ночном клубе. Ее удалось взять под контроль в течение месяца. В ноябре Южная Корея вошла в третью волну пандемии. Максимальное количество выявленных за сутки случаев заражения Covid-19 достигло 1237 человек 24 декабря 2020 г., но практически сразу начало снижаться (рис. 1). В этот же период наблюдалось увеличение уровня смертности (в отдельные дни до 20 человек).

Общее число смертей, ассоциированных с вирусом, оценивается корейскими службами в 1316 человек по состоянию на 21 января 2021 г., из них 56,6% приходится на возрастную категорию свыше 80 лет, еще 37,4% на возрастную категорию свыше 70 лет, и еще 12% на людей в возрасте свыше 60 лет [CoronaBoard 2021]. Это указывает на то, что смертельные случаи имели место среди наиболее уязвимых групп населения, а национальная система здравоохранения оказалась готова к тому, чтобы предоставить необходимую помощь большинству заразившихся.

Столкнувшись с реальной угрозой пандемии, когда еще не были выработаны общие подходы к противодействию и сдерживанию распространения, Корее пришлось вводить меры в «ручном» режиме *ad hoc*. С самого начала правительство избрало тактику, основанную на трех компонентах: тестирование, слежение и изолирование. В частности, в течение двух недель был разработан набор для экспресс-тестирования на Covid-19, позднее заимствованный другими странами – например, Германией и США. Лицензии на тестирование были оперативно выданы частным компаниям и клиникам, что в разы увеличило число ежедневно проводимых тестов (с 3 тыс. в начале февраля до 24 тыс. в феврале-марте).

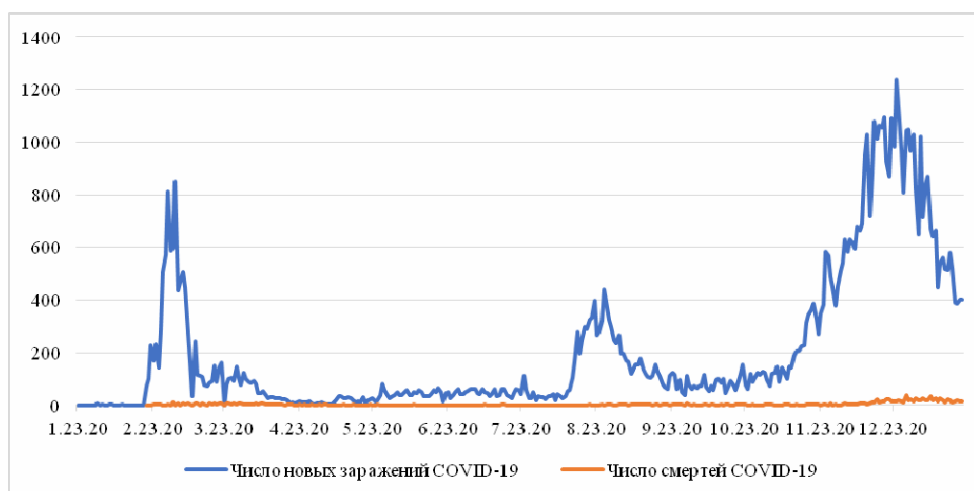

Рис. 1. Число заражений Covid-19 в Корее (23 января 2020–20 января 2021 г.

Источник: сост. по: [Johns Hopkins University 2020]

Использование данных стало еще одной особенностью корейского подхода. Собираемые различными службами данные анализировались с помощью цифровых технологий. Это позволяло отслеживать контакты зараженных и пресекать дальнейшее распространение вируса. Согласно исследованию корейских ученых [Park, Choi, Ko 2020], Южная Корея использовала аналитику больших данных, функционирующую на алгоритмах из проекта по обмену данными, которая называется «платформа сбора данных умных городов». В ней в режиме реального времени анализу подвергались большие массивы данных, что оказалось весьма актуально в условиях быстрого распространения вируса. В результате в Корее возникла такая технологическая инновация, как «умная система управления Covid-19» («Covid-19 smart management system», также известная как «Covid-19 epidemiologic investigation support system»).

Однако широкое использование цифровых технологий и передача данных соответствующим органам имела большой резонанс в связи с утратой конфиденциальности, или «прайвеси», личных данных граждан [Kim 2020]. В СМИ широко тиражировались сюжеты на данную тему. Но при имевших место единичных случаях чрезмерного наблюдения, Корея в целом оказалась подготовленной к подобному мониторингу. Еще в 2015 г. во время вспышки МЕРС (MERS) страна провела Закон «О контроле и предотвращении распространения инфекционных заболеваний» [Infectious Disease Control and Prevention Act], дающий право компетентным органам на обмен данными об инфицированных для предотвращения массового распространения инфекций [You 2020]. Проведенные статистические опросы показали, что 84% корейцев де-факто

отказались от части «прайвеси», воспринимая это как необходимую составляющую процесса обеспечения здоровья и безопасности всего общества [You 2020]. Следует заметить, что негативное освещение методов сбора данных об инфицированных в иностранной прессе также не осталось незамеченным: по рекомендации Комиссии по правам человека, правительство ввело ограничения на характер данных об инфицированном человеке, которые могут предаваться огласке [Regular briefing 2020].

Выбранная южнокорейскими властями тактика позволила не вводить в стране массовый локдаун, а ограничиться рекомендациями общего характера по соблюдению дистанционного режима. Жесткие ограничения коснулись только отдельных городов, в частности Тэгу, где первая вспышка была зафиксирована в феврале 2020 г. Нужно отдать должное дисциплинированности общества, которое отреагировало на все рекомендации властей и эпидемиологических служб, неукоснительно соблюдая масочный и дистанционный режимы. Подобное взаимодействие, которое Ю [You 2020] называет государственно-общественное партнерство (*public-private cooperation and civic awareness*), внесло немалый вклад в успех борьбы с пандемией. Важная роль соблюдения мер социальной дистанции и тщательного мониторинга за распространением вируса в борьбе с эпидемией была подтверждена первичными статистическими исследованиями [Dighe et al 2020].

Япония

В Японии эпидемия нового коронавируса началась 16 января 2020 г., когда китайский гражданин, проживающий рядом с Токио, получил положительные результаты теста на Covid-19. Немногим более чем за месяц к 21 февраля 2020 г. численность зараженных выросла до 100 человек (рис. 2). С 1 марта 2020 г., правительство закрыло начальные и средние общеобразовательные школы, а 7 апреля 2020 г. ввело чрезвычайное положение в крупных городах: Токио, Осаке, Йокогаме и др. Ограничения были распространены на всю страну уже в середине апреля. Тем не менее правительство Японии, как и правительство Южной Кореи, решило не вводить карантин, несмотря на ужесточение ограничений. Вместо этого оно обратилось к гражданам с призывом воздержаться от «ненужных перемещений» и соблюдать режим самоизоляции. Белов и Тихоцкая [Белов, Тихоцкая 2020] характеризуют подобный подход как либеральный, при этом они отмечают особенность японского социума воспринимать «просьбу» как требование. В силу данной культурной особенности обращение правительства нашло широкий отклик японского населения, которое довольно строго придерживалось всех поведенческих рекомендаций.

Пик первой волны Covid-19 в Японии пришелся на середину апреля 2020 г., но в этом же месяце властям удалось взять ее под контроль. В результате

чрезвычайное положение и требование самоизоляции было отменено в конце мая 2020 г. Вторая волна коронавируса пришлась на летние месяцы, но уже не сопровождалась столь же масштабными ограничениями, как в первую волну. Как представлено на рисунке 2, в начале июля число выявленных случаев начало расти, достигнув нового пика к началу августа.

**Рис. 2 Число заражений Covid-19 в Японии
(23 января 2020 – 20 января 2021 г.)**

Источник: сост. по: [Johns Hopkins University 2020]

Третья волна в Японии пришлась на конец октября 2020 г., и на этот раз последствия были намного серьезнее, чем в двух предыдущих случаях. Количество новых случаев заражения впервые превысило 2000 в конце ноября и достигло 7790 в январе 2021 г. Общее число заразившихся коронавирусом в Японии с начала пандемии достигло 200 тыс. человек (рис. 2). При этом в отличие от многих стран общая численность смертей от коронавируса в Японии остается небольшой. По состоянию на 18 января 2021 г., общее число смертей от Covid-19 составило 4582 случаев. Данная особенность обращает на себя внимание еще и по причине демографической структуры Японии, в которой высока доля населения в возрасте свыше 65 лет: более 30% японского населения относятся к категории пожилых. Летальные случаи в основном зафиксированы среди людей в возрасте свыше 65 лет (рис. 3). По состоянию на 18 января, среди 4582 смертей 71% приходится на людей старше 70 лет, при этом на возрастную группу 70–79 лет пришлось 19,7%, 80–89 и 90+ 34,2% и 16,8% смертельных случаев, соответственно.

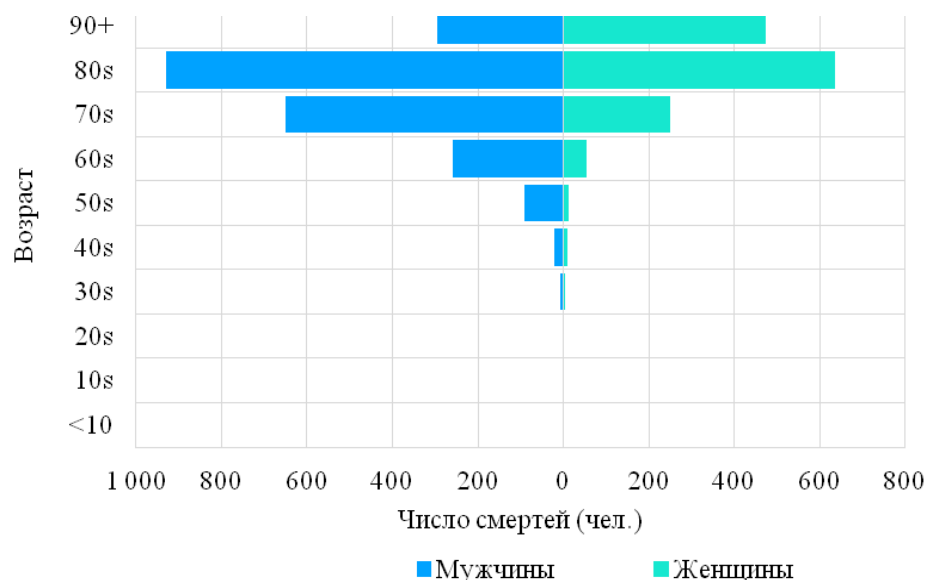

Рис. 3. Половозрастная структура смертности от Covid-19 в Японии (по состоянию на 18 января 2020 г.)

Источник: составлено по: [National Institute of Population and Social Security Research (IPSS) 2021]

По состоянию на 23 января 2021 г., в Японии было зарегистрировано 358 527 подтвержденных случаев коронавируса; 288 536 случаев выздоровления и 5018 случаев смерти от коронавируса. Однако число проведенных тестов ПЦР составило 6,6 млн, что является небольшим показателем по сравнению с другими странами. Причина заключается в том, что тестирование ПЦР проводится в Японии только при наличии у человека вирусных симптомов или если были контакты с человеком, заболевшим коронавирусом. В остальных случаях тестирование не является обязательным [Nishiura et al. 2020]. Таким образом, в отличие от Южной Кореи, Япония не сосредоточилась на тестировании для сдерживания распространения инфекции, а сделала ставку на качество системы здравоохранения. Интересно заметить, что даже в таких условиях (ограниченное тестирование и отсутствие локдауна) численность смертей от Covid-19 остается крайне низкой, в том числе относительно количества зараженных [Shimizu, Negita 2020].

В целом, Южная Корея и Япония с относительно небольшими потерями прошли первую и вторую волны пандемии. Несмотря на то, что третья волна

в них оказалась более сильной, чем предыдущие, количество смертельных случаев и размеры экономических потерь были сравнительно ниже, чем в других странах. По оценкам Института нового экономического мышления, Корея и Япония не перешагнули тот порог, когда ради спасения жизней пришлось «пожертвовать экономикой» [Wolf 2020]. При этом объемы поддержки, которые предоставили их правительства, оказались одними из самых масштабных (с учетом размеров экономик).

Экономическая ситуация, поддержка экономики и стратегия восстановления

Южная Корея

На рисунке 4 представлены основные экономические показатели Кореи за первые три квартала 2020 г. Наибольшее сокращение ВВП пришлось на второй квартал и составило (-)3,2% в годовом измерении. Заметим, что замедление экономики наметилось уже в первом квартале, когда спад составил (-)1,3%, но в третьем квартале показатели роста ВВП вернулись к положительным значениям и составили 2,1% (рис. 4). По предварительным оценкам Банка Кореи, рост в четвертом квартале 2020 г. также был положительным 1,1%. Несмотря на то, что по итогам года ВВП сократился на 1,4% по сравнению с 2019 г., положительная динамика в третьем и четвертом кварталах 2020 г. позволила минимизировать потери.

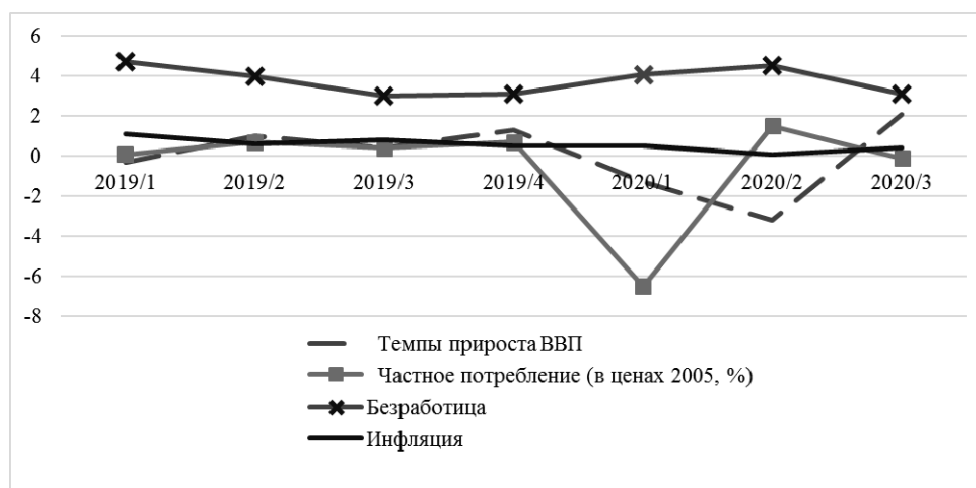

Рис. 4. Прирост ВВП Кореи (1 квартал 2019 – 3 квартал 2020 г.)

Источник: сост. по: [Bank of Korea 2020]

Улучшение экономической ситуации было зафиксировано также другими показателями. Например, по данным Банка Кореи, индекс потребительских настроений на пике коронавируса снизился до 70,8, однако к ноябрю практически вернулся на докризисный уровень – 97,8 [Bank of Korea 2020]. В ожиданиях бизнеса также произошли существенные изменения к лучшему: соответствующий индекс вырос с 51 в апреле до 78 в ноябре. Позитивные ожидания были зафиксированы в различных отраслях экономики, а также среди компаний, ориентированных как на внутренний, так и на внешний спрос.

В течение 2020 г. уровень безработицы оставался стабильным и в целом ниже показателя февраля 2019 г., когда на рынке труда наблюдалось увеличение числа безработных (рис. 4). Инфляционное давление оставалось низким – менее 1%, при этом в октябре имели место дефляционные тенденции. Доходы домохозяйств в Корее сократились на 1,3% в первом квартале, но благодаря государственной поддержке в форме прямых выплат во втором квартале 2020 г. доходы выросли на 5,6%. Однако рост доходов сопровождался ростом уровня задолженности населения. В частности, по данным Банка Кореи, возросло кредитование как по кредитным картам (в форме невыплаченных долгов), так и в виде целевых банковских кредитов. Темпы увеличения долговых обязательств населения в третьем квартале 2020 г. приблизились к уровню конца 2017 г., когда наблюдалось ускоренное увеличение потребительской задолженности [Bank of Korea 2020].

Повышение долговой нагрузки на население в среднесрочной перспективе может привести к тому, что потребители и малый бизнес не смогут обслуживать свои обязательства и будут вынуждены сократить потребление. Соответственно это будет влиять на уровень общего спроса в экономике и потребительские расходы в 2021 и 2022 гг. Комиссия по финансовым услугам Кореи уже в июле 2020 г. указывала на то, что задолженность малого и среднего бизнеса достигла рекордной величины 83,4 млрд долл., что в условиях пандемии создает серьезный риск для экономики [Building 2020].

Пакет мер поддержки для борьбы с последствиями Covid-19, принятый корейским правительством, можно охарактеризовать как масштабный и широкий по видам использованных инструментов; в него вошли фискальные, финансовые, монетарные, налоговые и прямые выплаты (для поддержания доходов). ОЭСР оценивает общий пакет мер в 14,4% ВВП, включая поддержку финансовых рынков в марте 2020 г. и кредитные гарантии пострадавшим компаниям. При этом уже на ранних этапах в действиях корейских властей прослеживалось стремление увязать меры поддержки с общими целями развития страны, которые включают такие фундаментальные проблемы, как борьба с неравенством и развитие перспективных технологически емких отраслей для обеспечения роста в средне- и долгосрочной перспективе. Впоследствии эти устремления были конкретизированы и оформлены в полномасштабную стратегию восстановления экономики.

Рассмотрим более подробно экономические меры корейского правительства с точки зрения таких характеристик, как оперативность предоставления поддержки, широта набора использованных инструментов, изменение внешней среды и ориентация на рост.

Эффективность и оперативность действий

В контексте пандемии Covid-19 эффективность поддержки означает, что были минимизированы временные затраты на обсуждение необходимости поддержки. Корейский парламент начал обсуждать экономические инструменты в феврале параллельно с развитием первой волны коронавируса. Когда большинство стран еще не столкнулось с пандемией и в мире не было дискуссии о том, какие меры экономического характера могут быть задействованы, Корея определила необходимость срочных мер для поддержки населения и бизнеса. К началу марта, т.е. в течение трех недель после обнаружения первого случая Covid-19, были выделены средства для поддержки туристической отрасли, экспортно ориентированных предприятий и пострадавших семей. В марте Национальная ассамблея утвердила пакет мер на сумму сначала в 11,7 трлн корейских вон и далее на сумму в 100 трлн вон (расширенную до 200 трлн вон) для кредитных гарантий и дополнительных кредитов бизнесу и физическим лицам, стабилизационный фонд для фондовых рынков, программы по сохранению занятости. По мере развития ситуации Национальная ассамблея несколько раз утверждала дополнительное финансирование экономических программ в апреле, июне, июле и сентябре.

Разнообразие схем поддержки

Как и во многих странах, одни из основных мер поддержки в Корее были направлены на поддержание доходов населения, занятости и помощь бизнесу в форме облегчения доступа к кредитным ресурсам и отсрочки по уплате налогов. Отличие корейского подхода составило наличие таргетированных схем поддержки для более узких групп занятых [4th Emergency Support Package 2020]. Например, начиная с октября корейское правительство разработало схемы для фрилансеров, водителей такси или людей, которые являются основными кормильцами семьи и имеют членов семьи на иждивении. Объем выплат по данным схемам составил от 1 млн корейских вон до 1,5 млн вон (что эквивалентно 1–1,3 тыс. долл. США) на период до трех месяцев. Несмотря на краткосрочный характер схем, предполагалось их продление, если мониторинг выявит необходимость этого [Covid-19 targeted emergency measures 2020].

Как и в случае борьбы с эпидемией, корейское правительство тщательно следит за положением особо уязвимых групп населения, постоянно выявляет возникающие нужды и принимает своевременные меры помощи. Тем

самым правительство стремится сделать выход из кризиса социально ориентированным. Помощь не ограничивается исключительно денежными выплатами, разрабатываются программы профессиональной переподготовки, направленные на адаптацию населения к работе в условиях цифровой экономики [Professional skills 2020]. Данные программы сфокусированы на том, чтобы готовить кадры для новых стратегических отраслей, улучшить навыки работы с искусственным интеллектом, цифровыми и мобильными технологиями. В целом усилия по введению широких программ помощи населению указывают на стремление обеспечить инклюзивное восстановление и несмотря на сложные условия продолжать решение проблемы социального неравенства, обострившейся в стране в последнее десятилетие.

Принятие во внимание изменение условий внешней среды

Стратегический характер мер по преодолению последствий Covid-19 определяется тем, что, разрабатывая программу восстановления, корейское правительство принимало во внимание не только процессы, происходящие внутри страны, но и в мировой экономике. В мае была представлена «матрица», отражающая основные риски для экспортно ориентированной корейской экономики и тактические решения по их нейтрализации (табл. 1). Данная матрица резюмирует произошедшие изменения в области социальных взаимодействий, растущую значимость здравоохранения для национальной безопасности и продолжающиеся развиваться протекционистские тенденции. Соответственно, чтобы нейтрализовать или, по крайней мере, снизить негативное воздействие данных рисков, Корея планирует разрабатывать и производить больше медицинских товаров и продвигать их на внешних рынках, развивать региональные цепочки добавленной стоимости для диверсификации поставок, содействовать многостороннему подходу в торговле. Несмотря на простоту, данная матрица задает единые и понятные цели и позволяет лучше координировать работу различных органов и министерств для их достижения.

Таблица 1

Изменение общей ситуации / хозяйственной среды после пандемии

Сфера	До	После	Меры
Здравоохранение	Периодические вирусные заболевания	Частые вирусные заболевания	Продвижение корейских товаров по борьбе с коронавирусом и средств персональной защиты, усиление устойчивости промышленности в условиях пандемий

**СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ЯПОНИИ**

Сфера	До	После	Меры
	Глобальные закупки	Локальные закупки	Трансформация цепочек поставок, создание новых производственных центров
Экономическая среда	Традиционные формы хозяйственной деятельности. Рост спроса на нефть	Расширение электронной коммерции и цифровой экономики в целом; телемедицина. Снижение спроса на нефть	Создание и развитие отраслей цифровой экономики. Реструктуризация промышленности с учетом энергосберегающих технологий
Управление компаниями	Сокращение издержек, эффективность	Обеспечение производственных запасов, устойчивость	Повышение устойчивости компаний
Социальные ценности	Индивидуализм, эффективность	Солидарность, сотрудничество	Сотрудничество на разных уровнях, в том числе в бизнесе
Внешняя торговля	Свобода торговли, либерализм	Протекционизм	Поддержание идей международного сотрудничества

Источник: сост. по: [Government 24]

Ориентированность на рост

Программа восстановления Кореи в высшей степени ориентирована на то, чтобы использовать кризис для перестройки и заложения фундамента для роста в средне- и долгосрочном периоде. Часть фондов для борьбы с пандемическими шоками должна пойти на НИОКР – развитие цифровых технологий, цифровых платформ, искусственного интеллекта. Всего было выделено десять направлений, представленных в таблице 2, по которым будет вестись работа. Данные меры способны обеспечить ускоренную цифровизацию за счет внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в повседневную жизнь людей. Особое внимание планируется уделять телемедицине, коммерциализации автомобилей с электроприводом, технологиям 5 G и обновлению цифровой инфраструктуры. Данная программа получила название «Korea-style New Deal».

Аллюзия к рузвельтовскому «новому курсу» в названии программы по восстановлению экономики предполагает наличие социальной составляющей и ориентацию на стабильность в новых условиях. Корейское правительство будет стремиться к тому, чтобы создавать новые рабочие места и перенаправлять высвобождающиеся в традиционных секторах трудовые ресурсы в новые отрасли. Особый акцент на цифровизацию связан, в том числе, и с причинами демографического характера – старением населения и падением рождаемости.

Таблица 2

Меры экономического стимулирования

Создание цифровой инфраструктуры	Система для сбора и использования данных	Усиление инфраструктуры генерирования данных. Внедрение технологий по сбору данных в такие отрасли, как финансы, медицина, государственные услуги, дорожную службу
	Обновление систем посредством внедрения сетей 5 G	Создание инфраструктуры 5 G. Развитие отраслей совместимых с 5 G+
	Расширение инфраструктуры искусственного интеллекта и ее ввод в экономику	Расширение отраслей с использованием искусственного интеллекта. Внедрение технологий искусственного интеллекта во все отрасли экономики
Формирование цифровых отраслей	Создание основ для роста цифровых и онлайн-услуг, в особенности образовательных, велнес, телемедицины. Усиление кибербезопасности и безопасности облачных хранилищ данных	
Цифровизация социальной инфраструктуры	Цифровизация для нейтрализации негативного эффекта старения населения. Формирование системы цифровой логистики	

Источник: сост. по: [박시현 2020]

Япония

В своем ежемесячном экономическом отчете за март 2020 г. японское правительство заявило, что «в настоящее время экономика находится под серьезным давлением из-за воздействия новой коронавирусной инфекции» и пересмотрело экономические оценки в сторону ухудшения ситуации. Из официальных коммуникаций о состоянии экономики впервые за более чем шесть лет была удалена фраза «путь постепенного восстановления», которая неизменно использовалась, начиная с июля 2013 г. Отчет правительства от 23 апреля 2020 г. подтвердил опасения относительно ухудшения экономической ситуации, в результате чего было заявлено о том, что «состояние экономики быстро ухудшается в связи с воздействием новой коронавирусной инфекции. Ситуация остается крайне тяжелой». В отчете впервые с мая 2009 г. использовано слово «ухудшение», что в культурном контексте означает серьезную озабоченность властей.

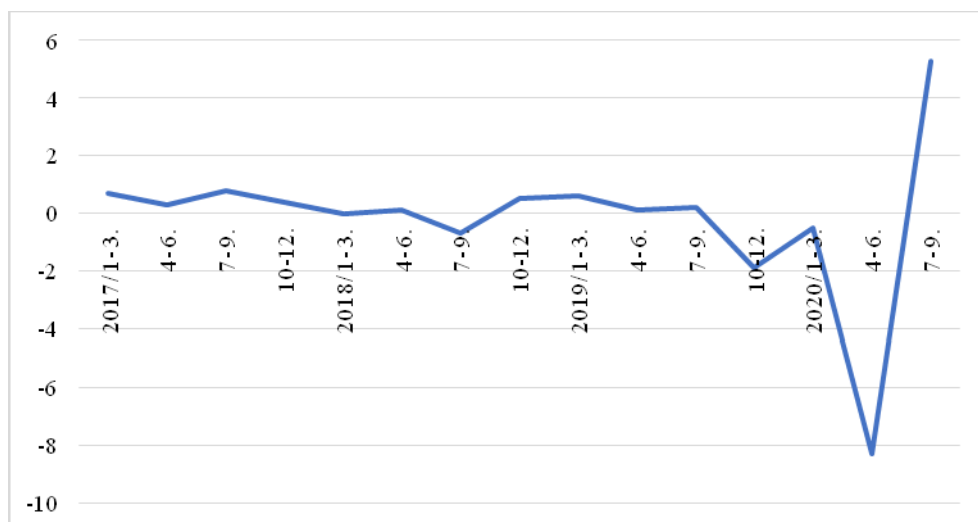

Рис. 5. Темы прироста ВВП (1 квартал 2017 – 3 квартал 2020 г.)

Источник: сост. по: [Cabinet Office of Japan 2020]

Действительно, японский ВВП за период с апреля по июнь снизился на 7,9% по сравнению с предыдущим кварталом, или упал на 28,1% в годовом исчислении (рис. 5). Министерство внутренних дел и коммуникаций (МВДК) 30 июня 2020 г. объявило, что уровень безработицы в мае составил 2,9%, что является самым высоким показателем по сравнению с уровнем безработицы в мае 2017 г. (рис. 6). Другие экономические показатели состояния экономики также зафиксировали рекордное падение уровня экономики. Так, число новых вакансий в апреле 2020 г. сократилось на 22,9% по сравнению с предыдущим месяцем, что является самым большим снижением за всю историю наблюдений. Продажи крупных универмагов снизились на 72,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что также является самым большим падением за всю историю статистических наблюдений. В мае 2020 г. экспорт сократился на 28,3% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Это является самым большим падением с сентября 2009 г. Таким образом пандемия вызвала масштабное сокращение японской экономики. Однако к концу 2020 г. негативные тенденции стали замедляться.

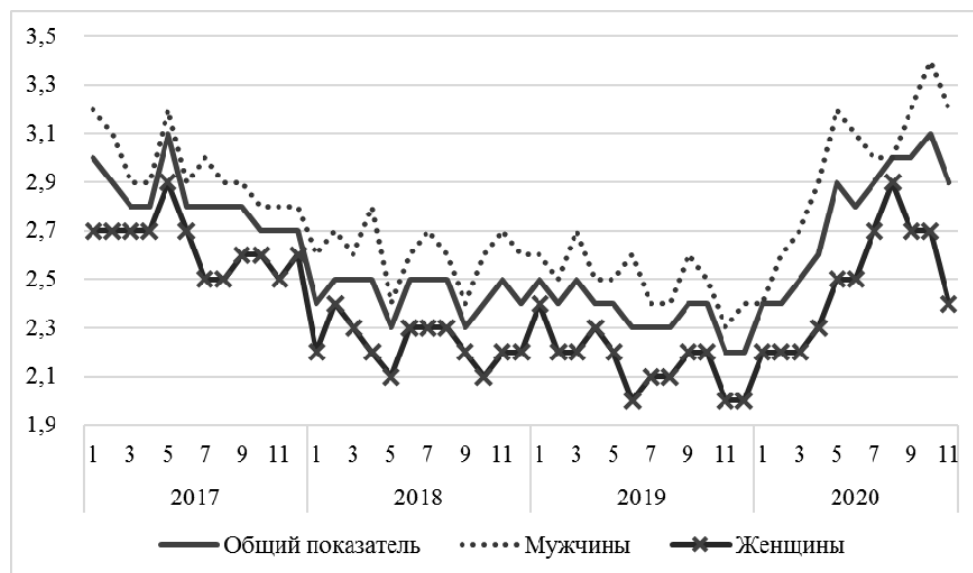

Рис. 6. Динамика уровня безработицы в Японии (январь 2017 – ноябрь 2020 г.)

Источник: сост. по: [Cabinet Office of Japan 2020]

Поддержка на начальных этапах

Для борьбы с экономическими последствиями пандемии японское правительство приняло две поправки к бюджету. Первый дополнительный бюджет был принят 30 апреля 2020 г., в соответствии с ним, общая сумма расходов составляет 26 трлн иен (250 млрд долл.). В первую поправку были заложены единовременные выплаты в размере 100 тыс. иен для всех граждан. Данная мера была направлена прежде всего на то, чтобы поддержать доходы домохозяйств и, как значится в государственном пресс-релизе, способствовать «национальной солидарности против коронавируса». Также правительство ввело систему субсидирования с помощью «скидочных» купонов на расходы потребителей на питание вне дома и на проезд, а также отсрочки налоговых платежей и выплат по социальному страхованию.

Второй дополнительный бюджет был принят 12 июня 2020 г. За него проголосовали почти все оппозиционные партии, кроме либерально-демократической. Общие расходы составили 32 трлн иен (308 млрд долл.), что является самой большой суммой дополнительного бюджета, принятого правительством Японии, превысив размер дополнительного бюджета, одобренного после кризиса 2008 г. Одной из наиболее значимых статей расхода

в структуре поддержки являются меры экстренной помощи малому и среднему бизнесу (МСБ). На поддержку могут рассчитывать те предприятия, ежемесячная выручка которых сократилась более чем на 50% в любой месяц 2020 г. по сравнению с аналогичным месяцем предыдущего 2019 г.

Стоит заметить, что в ходе распределения помощи были выявлены многочисленные случаи мошенничества с мерами поддержки: люди, не являющиеся предпринимателями, выдавали себя за владельцев бизнеса и благополучно получали помощь. Однако в то же время было очевидно, что поддержка домашних хозяйств критически повлияла на объем доходов домашних хозяйств, которые резко увеличились в период с мая по июль 2020 г. (рис. 7). Более подробная информация о мерах государственной поддержки в Японии приведена в таблице 3.

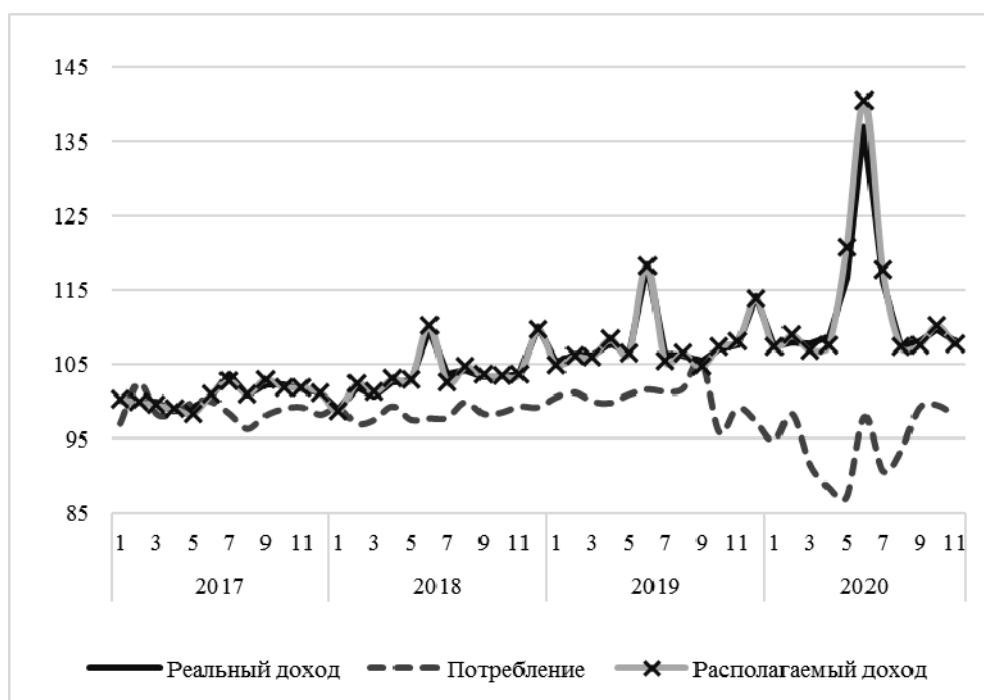

Рис. 7. Динамика индексов уровня доходов и потребления*

*Средний уровень за 2015 г. взят за 100%

Источник: сост. по: [Cabinet Office of Japan 2020]

Таблица 3

Меры государственной экономической поддержки в Японии

Экстренная помощь для домохозяйств	Экстренная помощь для малого и среднего бизнеса
Новые наличные платежи для всех жителей Японии. <i>Наличный платеж всем жителям Японии с целью укрепления национальной солидарности против Covid-19.</i> <i>Приблизительно 12,9 трлн иен:</i> <i>100 тыс. иен на каждого жителя Японии, свободные от обложения налогом.</i> <i>Форма заявки отправляется по электронной почте. Онлайн-заявка доступна пользователям карты «Мой номер»</i>	Новые наличные платежи для малых и средних предприятий, а также для индивидуальных предпринимателей. <i>Приблизительно 2,3 трлн иен.</i> <i>Наличные платежи различным предприятиям (включая некоммерческие организации, предприятия здравоохранения), которые можно использовать в более широком масштабе.</i> <i>2 млн иен для организаций и 1 млн иен для индивидуальных предпринимателей, чей доход упал более, чем на 50% в любой из месяцев 2020 г.</i> <i>Финансовые меры (помощь в управлении денежными средствами).</i> <i>Беспроцентный беззалоговый кредит (с отсрочкой погашения основной суммы долга до 5 лет через частные финансовые учреждения, кроме государственных финансовых учреждений (например, JFC).</i> <i>Рефинансирование непогашенной ссуды до беспроцентной ссуды</i>
Дополнительное пособие на ребенка в размере 10 тыс. иен на каждого ребенка. <i>Сверх регулярного месячного пособия на ребенка в размере 10 тыс. иен на ребенка, свободное от обложения налогом.</i> <i>Экстренное микрокредитование неблагополучных семей.</i> <i>Максимальный кредит составляет 200 тыс. иен (без процентов) для тех, кому нужны временные деньги и дополнительный кредит (без процентов) 450–600 тыс. иен на 3 месяца для тех, кто меняет свою жизнь. В некоторых случаях ссуды проценты</i>	Налоговые меры Повышение отсрочки налогов для предприятий при снижении выручки более чем на 20%. Уменьшение или освобождение от местного налога на машинное оборудование и строительство для малых и средних предприятий. Обращение к арендодателям с просьбой рассмотреть возможность отсрочки оплаты аренды и т.д. в зависимости от ситуации арендатора, требующего от банков реструктуризации долга арендодателя
Усиление помощи аренды для домохозяйств с низкими доходами, чтобы помочь тем, кто вот-вот потеряет свое жилье из-за снижения доходов ниже прожиточного минимума. Уменьшение или освобождение от взноса на социальное обеспечение (здравоохранение, страхование на случай длительного страхового случая). Отсрочка от коммунальных платежей (запрос)	
Увеличение субсидии на отпуск (субсидия на корректировку занятости). <i>Объем субсидий вырос с апреля по июнь с 2/3 до 9/10 для малого и среднего бизнеса и с 1/2 до 3/4 для более крупных предприятий (при условии избегания увольнения). Охват расширен за счет непостоянных работников (менее 20 часов в неделю)</i>	

Источник: сост. по: [Cabinet Office of Japan 2020]

На пути восстановления и предстоящие задачи

Безусловным приоритетом в борьбе с экономическими последствиями коронавируса является предотвращение распространения болезни. Для этого японское правительство планирует усилить систему обеспечения медицинской помощи, увеличив финансирование программы «грантов на комплексную экстренную поддержку» медицинским учреждениям для обеспечения коечного фонда. Также предполагается покрыть стоимость вакцинации желающих за счет государственных средств. Но параллельно был разработан комплекс мер для поддержания восстановления экономики.

Новый премьер-министр Японии, сменивший на этом посту Синдзо Абэ, намерен трансформировать структуру национальной экономики за счет развития секторов зеленой экономики и цифровизации. Правительством Японии поставлена цель сократить общие выбросы парниковых газов до нуля к 2050 г. Для достижения этой цели Япония создаст фонд в размере 2 трлн иен для обеспечения поддержки компаний на протяжении десяти лет, которые будут решать эту задачу и создавать соответствующие инновации.

Для реализации поставленных задач были созданы два фонда: первый фонд в размере 2 трлн иен (19 млрд долл. США) для поддержания исследований и разработок в зеленом секторе, сроком на десять лет; второй фонд в размере 10 трлн иен (95 млрд долл. США) для усиления развития исследовательской базы данных для «5 G» и других областей, связанных с цифровизацией. Продвижение цифровизации включает в себя инвестиции в размере более 1 трлн иен. Общие финансовые расходы, направленные в 2020 и 2021 гг. на восстановление экономики, составят 40 трлн иен, или 385 млрд долл. США.

Большое значение в восстановлении отводится укреплению позиций малого и среднего бизнеса. В частности, будет введена система субсидий до 100 млн иен на капитальные вложения и другие расходы, связанные с трансформацией бизнеса для повышения производительности. Также малому и среднему бизнесу будут доступны займы по низким процентным ставкам, выдаваемые государственными финансовыми учреждениями, такими как Банк развития Японии (Development Bank of Japan), Жилищное финансовое агентство Японии и др. (Japan Housing Finance Agency).

С июля по сентябрь 2020 г. японская экономика показала тенденцию к восстановлению (рис. 5). Однако третья волна коронавируса привела к усилению экономической неопределенности. Поэтому правительство подготовило «15-месячный бюджет», включающий третий пакет документов для закрепления своих экономических мер. Но подготовка бюджета имеет ряд сложностей, а именно – ухудшение финансового состояния государственных финансов. Объемы расходов за текущий финансовый год в Японии возросли до рекордного уровня – более 160 трлн иен (1540 млрд долл. США). Но дело

в том, что основной доходной статьей выступают государственные облигации, на которые приходится 56% всех доходов бюджета². Складывается парадоксальная ситуация, когда доходы обеспечиваются долгом, и для увеличения расходов на восстановление экономики правительство вынуждено выпускать дополнительные долговые обязательства.

Рост государственного долга в результате мер экономического стимулирования наблюдался практически во всех странах. В Японии он возрос до 42%, в Германии – до 37%, в США – до 15%. Это создает риски для глобальной экономики. Япония находится в очень непростой финансовой ситуации и основная проблема, с которой она сталкивается, это обеспечение восстановления в условиях ограниченных финансовых ресурсов. Решение этой задачи также определит облик постпандемического восстановления страны.

Заключение

Более низкий в сравнении с западными странами уровень заражений и смертей от Covid-19 в двух восточноазиатских странах – Южной Корее и Японии – обращает на себя внимание мирового сообщества. Весьма вероятно, что это связано с культурными факторами: отношением к соблюдению изданных государственными органами предписаний санитарно-гигиенического характера и, в частности, ношению масок [Tashiro, Shaw 2020]. Однако факт возникновения в этих странах второй и третьей волн пандемии, более сильных, чем первая, указывает на то, что правила не всегда функционируют идеально. Влияние генетических факторов на восприимчивость к вирусам еще более трудно доказуемо. Основной причиной пандемии является наличие вирусов как таковых, и ответные меры для борьбы с ними, как правило, недостаточны; все страны испытывают определенные сложности.

Критике можно подвергнуть ответные меры любого правительства, но нет прямого пути к борьбе с таким беспрецедентным феноменом, как пандемия Covid-19, поэтому в действиях государств всегда будет присутствовать элемент «спонтанности». И все же это не исключает возможности учиться на опыте других стран, чтобы, как минимум, избежать ненужных ошибок. В этом отношении опыт Южной Кореи и Японии может служить хорошим примером и способствовать выработке общих принципов борьбы с вирусными ситуациями. Внимания заслуживает общая подготовленность систем здравоохранения, высокая организация при изолировании очагов заражения.

2. Причина, почему японское правительство не обанкротилось, связана с особенностями структуры держателей облигаций: свыше 90% облигаций принадлежит японским банкам и страховым компаниям, но маловероятно, что они начнут их продавать.

Подходы корейского и японского правительств к преодолению экономических последствий Covid-19 объединяет ориентация на выполнение долгосрочных целей развития. Они укладываются в предложенный консалтинговой компанией McKinsey [McKinsey 2009] подход «три горизонта роста», используемый бизнесом. Данный подход схематично представляет управление развитием в определенный отрезок времени с параллельной максимизацией будущих возможностей для роста. Многие меры, предпринятые данными странами, устанавливают приоритет развития инновационных технологий как ответ на вызовы порожденные и усиленные пандемией.

Несмотря на то что, как показывает реальность, ситуация с коронавирусом может периодически ухудшаться, общий подход позволяет оперативно справляться с данными всплесками и адаптировать программы поддержки под ситуацию, не меняя главных целей развития. Поэтому основные моменты, отличающие Южную Корею и Японию от других стран, остаются актуальными. Постоянный мониторинг, кооперация общества и поддержка мер правительства по борьбе с эпидемией, в целом, будут определять подходы данных стран к борьбе с пандемией. В то же время восстановление будет управляемым, учитывающим меняющиеся условия среды – как экономической, так и геополитической.

Библиография

Белов А.В. Экономическая политика Японии в период пандемии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 1. С. 33–41. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-33-41>

Белов А.В., Тихоцкая И.С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // *Азия и Африка сегодня*. 2020. Вып. 10. С. 14–21.

Ершов М.В. Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // *Вопросы экономики*. 2020. № 12. С. 5–23.

Федоровский А.Н. Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты экономического развития Республики Корея // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 204–218.

4th Emergency Support Package // MOEF. 2020. URL: https://www.moef.go.kr/nw/mosfnw/detailInfograpView.do?searchNttId1=MOSF_000000000045329&menuNo=4040500 (дата обращения: 14.12.2020).

Baker S.R., Bloom N., Davis S.J., Terry S.J. COVID-19 induced economic uncertainty // NBER Working Paper. 2020. N 26983. <https://doi.org/10.3386/w26983>

Bank of Korea. Официальный сайт Банка Кореи. URL: www.bok.or.kr

Brinca P., Duarte J.B., Faria e Castro M. Is the COVID-19 Pandemic a Supply or a Demand Shock? // *Economic Synopses*. 2020. N 31. URL: <https://research.stlouisfed.org/publications/economic-synopses/2020/05/20/is-the-covid-19-pandemic-a-supply-or-a-demand-shock>

Building a coherent response for a sustainable post-COVID-19 recovery. Updated 13 July. 2020. URL: http://www.oecd.org/governance/pcsd/PRELIMINARY%20VERSION_PCSD_Policy-Response-Covid19_13%20July%202020.pdf

CoronaBoard. Официальный портал информации о распространении Covid-19 в Корее. URL: <https://coronaboard.kr>

Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses. Updated 15 July 2020. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=119_119680-di6h3qgi4x&title=Covid-19_SME_Policy_Responses

Covid-19 targeted emergency measures // SeoulU. 2020. URL: https://www.seoul.go.kr/coronaV/coronaStatus.do?menu_code=18. (дата обращения: 2.12.2020).

Dighe, A., Cattarino, L., Cuomo-Dannenburg, G. et al. Response to COVID-19 in South Korea and implications for lifting stringent interventions // BMC Med. 2020. <https://doi.org/10.1186/s12916-020-01791-8>

Emergency response plan for new coronavirus infections // Cabinet Office of Japan. 2020. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/novel_coronavirus/th_siryoku/kinkyutaiou2_corona.pdf (in Japanese).

FitzRoy F., Spencer D. Economic Policy Response to the Pandemic: From COVID-19 Emergency to Economic Democracy // IZA Policy Paper. 2020. N 160. URL: <http://ftp.iza.org/pp160.pdf>

Letto-Gillies G. Transnational corporations and international production: Concepts, theories and effects. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012.

Infectious Disease Control and Prevention Act // Korean Act N 14286. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=40184&lang=ENG (дата обращения: 21.01.2021).

Johns Hopkins University. Covid-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE), 2020. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19> (дата обращения: 20.01.2021).

Kim N. «More scary than coronavirus»: South Korea's health alerts expose private lives // The Guardian. 2020, 5 March. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/06/more-scary-than-coronavirus-south-koreas-health-alerts-expose-private-lives>

Kissinger H.A. The coronavirus pandemic will forever alter the world order // Wall Street Journal. 2020. Apr. 3. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>

Kraaijenbrink J. Strategy Consulting (Elements in Business Strategy). Cambridge: Cambridge University Press. 2020. 75 p.

McKinsey. Enduring Ideas: The Three Horizons for Growth // McKinsey quarterly 1.12.2009 URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/enduring-ideas-the-three-horizons-of-growth> (дата обращения: 19.01.2021).

National Institute of Population and Social Security Research (IPSS). Data on COVID-19 (2021). URL: www.ipss.go.jp/projects/j/Choju/covid19/index-en.asp. (дата обращения: 20.01.2021).

Nishiura H.T., Miyama A., Suzuki S., Jung K., Hayashi R., Kinoshita Y., Yang B., Yuan A., Akhmetzhanov N. Linton Estimation of the asymptomatic ratio of novel coronavirus infections (COVID-19) // International Journal of Infectious Diseases. 2020. Vol. 94. P. 154–155.

Park S., Choi G.J., Ko H. Information technology-based tracing strategy in response to COVID-19 in South Korea-privacy controversies // Journal of the American Medical Association. 2020. Vol. 323. N 21. P. 2129–2130.

Porter M.E. Competitive Advantage, Agglomeration Economies, and Regional Policy // International Regional Science Review. 1996. Vol. 19. Issue 1–2. P. 85–90.

Professional Skills Development Schemes // Ministry of Employment and Labor (2020). URL: <https://www.moel.go.kr/policy/policyinfo/reclamation/list.do> (дата обращения: 5.12.2020).

Regular briefing of central disaster and safety countermeasure headquarters on COVID-19 // Korea Centers for Disease Control and Prevention (2020). URL: http://ncov.mohw.go.kr/tcmBoardView.do?brdId=&brdGubun=&dataGubun=&ncvContSeq=353551&contSeq=353551&board_id=140&gubun=BDJ

Shimizu K., Negita M. Lessons Learned from Japan's Response to the FirstWave of COVID-19: A Content Analysis // Healthcare. 2020. Vol. 8. N 4. P. 426.

Tashiro A., Shaw R. COVID-19 Pandemic Response in Japan: What Is Behind the Initial Flattening of the Curve? // Sustainability. 2020. Vol. 12. P. 5250.

Wolf M. What the World Can Learn from the Covid-19 Pandemic // Financial Times. 2020. Nov. 24.

You J. Lessons from South Korea's Covid-19 Policy Response // The American Review of Public Administration, Volume. 2020. Vol. 50. N 6–7. P. 801–808. URL: <https://doi.org/10.1177/0275074020943708>

박시현. 정부, '한국판 뉴딜' 추진...3대 프로젝트 및 10대 중점과제 수립 [Правительство предлагает «Корейский Новый курс»...Три направления и 10 задач] // Denews. 2020. May 8. URL: <http://www.denews.co.kr/news/articleView.html?idxno=13143> (дата обращения: 30.11.2020).

포스트 코로나 산업전략 '새판' 짜다...비대면·K-방역 육성 (Постокоронавирусный «Новый курс» и стратегия развития промышленности... Фокус на цифровизацию и медицину) // Government 24. 2020. May 6. URL: <https://www.gov.kr/portal/ntnadmNews/2155404> (дата обращения: 30.11.2020).

References

4th Emergency Support Package. MOEF. 2020. URL: https://www.moef.go.kr/nw/mosfnw/detailInfograpView.do?searchNttId1=MOSF_000000000045329&menuNo=4040500 (дата обращения: 14.12.2020).

Baker S.R., Bloom N., Davis S.J., Terry S.J. COVID-19 induced economic uncertainty. NBER Working Paper. 2020. N 26983. <https://doi.org/10.3386/w26983>

Bank of Korea. Официальный сайт Банка Кореи. URL: www.bok.or.kr

Belov A. Ekonomicheskaja politika Japonii v period pandemii [Economic Policy of Japan in the Time of Pandemic]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. 2021. Vol. 65. N 1. P. 33–41. (In Russ.)

Belov A., Tikhotskaya I. Pervaia volna pandemii COVID-19 v Iaponii: sotsial'nye i ekonomicheskie aspekty [The first wave of COVID-19 pandemic in Japan: social and economic considerations]. Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa Today]. 2020. Issue 10. P. 14–21. (In Russ.)

Brinca P., Duarte J.B., Faria e Castro M. Is the COVID-19 Pandemic a Supply or a Demand Shock? Economic Synopses. 2020. N 31. URL: <https://research.stlouisfed.org/publications/economic-synopses/2020/05/20/is-the-covid-19-pandemic-a-supply-or-a-demand-shock>

Building a coherent response for a sustainable post-COVID-19 recovery. Updated 13 July 2020. URL: http://www.oecd.org/governance/pcsd/PRELIMINARY%20VERSION_PCSD_Policy-Response-Covid19_13%20July%202020.pdf

CoronaBoard. Официальный портал информации о распространении Covid-19 в Кореи. URL: <https://coronaboard.kr>

Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses. Updated 15 July 2020. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=119_119680-di6h3qgi4x&title=Covid-19_SME_Policy_Responses

Covid-19 targeted emergency measures. SeoulU. 2020. URL: https://www.seoul.go.kr/coronaV/coronaStatus.do?menu_code=18 (дата обращения: 2.12.2020).

Dighe, A., Cattarino, L., Cuomo-Dannenburg, G. et al. Response to COVID-19 in South Korea and implications for lifting stringent interventions. BMC Med. 2020. <https://doi.org/10.1186/s12916-020-01791-8>

Emergency response plan for new coronavirus infections. Cabinet Office of Japan. 2020. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/novel_coronavirus/th_siryou/kinkyutaiou2_corona.pdf (in Japanese).

Ershov M.V. Mir v 2020 godu: novye problemy obnazhaiut sistemnye izmeneniia v ekonomike [The world in 2020: New challenges expose systemic changes in the economy]. Voprosy Ekonomiki [Economic issues]. 2020. N 12. P. 5–23. (In Russ.)

Fedorovsky A.N. Vyzovy pandemii COVID-19 i priority ekonomicheskogo razvitiia Respubliki Koreia [Challenge of COVID-19 and Priorities of Economic Development of the Republic of Korea]. Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. 2020. Vol. 13. N 5. P. 204–218. (In Russ.)

FitzRoy F., Spencer D. Economic Policy Response to the Pandemic: From COVID-19 Emergency to Economic Democracy. IZA Policy Paper. 2020. N 160. URL: <http://ftp.iza.org/pp160.pdf>

Letto-Gillies, G. Transnational corporations and international production: Concepts, theories and effects. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012.

Infectious Disease Control and Prevention Act. Korean Act N 14286. URL https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=40184&lang=ENG (date of access: 21.01.2021).

Johns Hopkins University. Covid-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE), 2020. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19> (date of access: 20.01.2021).

Kim N. «More scary than coronavirus»: South Korea's health alerts expose private lives. The Guardian. 2020, March 5. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/06/more-scary-than-coronavirus-south-koreas-health-alerts-expose-private-lives>

Kissinger H.A. The coronavirus pandemic will forever alter the world order. Wall Street Journal. 2020. April 3. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>

Kraaijenbrink J. Strategy Consulting (Elements in Business Strategy). Cambridge: Cambridge University Press. 2020. 75 p.

McKinsey. Enduring Ideas: The Three Horizons for Growth. McKinsey quarterly 1.12.2009. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/enduring-ideas-the-three-horizons-of-growth> (date of access: 19.01.2021).

National Institute of Population and Social Security Research (IPSS). Data on COVID-19 (2021). URL: www.ipss.go.jp/projects/j/Choju/covid19/index-en.asp. (date of access: 20.01.2021).

Nishiura H., T. Miyama A., Suzuki S., Jung K., Hayashi R., Kinoshita Y., Yang B., Yuan A., Akhmetzhanov N. Linton Estimation of the asymptomatic ratio of novel coronavirus infections (COVID-19). International Journal of Infectious Diseases. 2020. Vol. 94. P. 154–155.

Park S., Choi G.J., Ko H. Information technology-based tracing strategy in response to COVID-19 in South Korea-privacy controversies. Journal of the American Medical Association. 2020. Vol. 323. N 21. P. 2129–2130.

Porter M.E. Competitive Advantage, Agglomeration Economies, and Regional Policy. International Regional Science Review. 1996. Vol. 19. Issue 1–2. P. 85–90.

Professional Skills Development Schemes. Ministry of Employment and Labor (2020). URL: <https://www.moel.go.kr/policy/policyinfo/reclamarion/list.do> (date of access: 5.12.2020).

Regular briefing of central disaster and safety countermeasure headquarters on COVID-19. Korea Centers for Disease Control and Prevention (2020). URL: http://ncov.mohw.go.kr/tcmBoardView.do?brdId=&brdGubun=&dataGubun=&ncvContSeq=353551&contSeq=353551&board_id=140&gubun=BDJ

Shimizu K., Negita M. Lessons Learned from Japan's Response to the First Wave of COVID-19: A Content Analysis. Healthcare. 2020. Vol. 8. N 4. P. 426.

Tashiro A., Shaw R. COVID-19 Pandemic Response in Japan: What Is Behind the Initial Flattening of the Curve? Sustainability. 2020. Vol. 12. P. 5250.

Wolf M. What the World Can Learn from the Covid-19 Pandemic. Financial Times. 2020. Nov. 24.

You J. Lessons from South Korea's Covid-19 Policy Response. The American Review of Public Administration. 2020. Vol. 50. N 6–7. P. 801–808 <https://doi.org/10.1177/0275074020943708>

박시현. 정부, '한국판 뉴딜' 추진...3대 프로젝트 및 10대 중점과제 수립 [Government proposes «Korea-style New Deal»... 3 big projects and 10 tasks]. Denews. 2020. May 8. URL: <http://www.denews.co.kr/news/articleView.html?idxno=13143> (date of access: 30.11.2020).

포스트 코로나 산업전략 '새판' 짜다...비대면·K-방역 육성 (Post-Corona Industrial 'New Deal'...Digitilazitaion and K-Pharma in focus). Government 24. 2020. May 6. URL: <https://www.gov.kr/portal/ntnadmNews/2155404> (date of access: 30.11.2020).

Я.В. Мищенко

**СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЕ
ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО**

***Аннотация.** В статье исследуется современное состояние торговых и инвестиционных связей между Россией и Японией, которые традиционно составляют основной каркас экономического сотрудничества. На основании анализа статистических данных из японских официальных источников автор сопоставляет экспорт Японии в Россию и импорт из России, в контексте временных рядов. Анализируется товарная структура двусторонней торговли, выделяются важнейшие группы товаров во взаимных торговых отношениях. Выявлено, что основные группы экспортных товаров из России в Японию представлены минеральным топливом и металлами, тогда как Россия продолжает масштабно импортировать из Японии продукцию технологически сложную и с более высокой добавленной стоимостью (транспортное оборудование, продукция общего и электротехнического машиностроения). Сохраняется несколько архаичная модель в торговле двух стран («техника в обмен на сырье»). Рассмотрена торговля основными энергетическими ресурсами (нефтью и природным газом в виде СПГ), которая еще со времен Советского Союза составляет долгосрочную основу торгового сотрудничества Москвы и Токио. Выявлено, что Япония остается крупнейшим импортером российского сжиженного природного газа (СПГ) на восточном направлении, хотя в последнее время Россия наращивает его экспорт в Европу. Однако в сфере торговли нефтью – сырой и нефтепродуктами – Россия не является доминирующим источником поставок для Японии, значительно уступая странам Ближнего Востока. Анализ инвестиционного сотрудничества показал, что хотя объемы японских прямых иностранных инвестиций в Россию увеличивались в последние годы, Россия остается весьма скромным реципиентом японских инвестиций – даже после запуска реализации двустороннего Плана сотрудничества из восьми пунктов.*

***Ключевые слова:** Россия; Япония; торговля; энергетика; инвестиции; экономическое сотрудничество; План сотрудничества из восьми пунктов.*

Мищенко Яна Вадимовна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: yanamischenko@gmail.com
Web of Science ID: AAQ-4376-2021

Mishchenko Ya.V. Modern Russian-Japanese Trade and Investment Cooperation

Abstract. *The article examines the current state of trade and investment relations between Russia and Japan, which traditionally form the main framework of economic cooperation. Based on the analysis of statistical data from Japanese official sources, the author compares Japan's exports to Russia and imports from Russia in the context of time series. The article analyses the commodity structure of bilateral trade identifies the most important groups of goods in mutual trade relations. It is revealed that the main groups of export goods from Russia to Japan are mineral fuels and metals. At the same time, Russia continues to import large-scale products from Japan that are technologically complex and with higher added value (transport equipment, general and electrical engineering products). The archaic trade model between the two countries («equipment in exchange for raw materials») remains. Trade in the main energy resources (oil and natural gas in the form of LNG), which has been the long-term basis of trade cooperation between Moscow and Tokyo since the Soviet Union, is considered. It is revealed that Japan remains the largest importer of Russian LNG in the eastern direction, although recently, Russia has been increasing LNG exports to Europe. However, in oil trade – crude and petroleum products – Russia is not the dominant source of supply for Japan, significantly inferior to the countries of the Middle East. The analysis of investment cooperation has shown that Russia's investment activity in the Japanese market is stagnating. The volume of Japanese foreign direct investment in Russia has increased in recent years, but Russia remains a very modest recipient of Japanese investment, even after the launch of the 8-Point Cooperation Plan.*

Keywords: *Russia; Japan; trade; energy; investment; economic cooperation; 8-Point Cooperation Plan.*

Mishchenko Yana Vadimovna – Ph.D. In Economics, Senior Researcher
of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor of Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: yanamishchenko@gmail.com
Web of Science ID: AAQ-4376-2021

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что в XXI в. Россия активно развивает международное сотрудничество на восточном направлении, в том числе с Японией. Страны Восточной Азии как никогда приоритетны в реализации российской внешнеэкономической стратегии расширения сотрудничества. В советском прошлом России был длительный период, когда ряд стран этого региона – Монголия, Вьетнам, Китай и некоторые другие – были важнейшими региональными партнерами с идеологическо-политической, и как производная, экономической точек зрения. Однако в настоящее время все страны Восточной Азии интересны России комплексно, без изъятий и исключений; со всеми восточноазиатскими государствами наша страна стремится

поддерживать и развивать как можно более тесное и долгосрочное торгово-экономическое и политическое сотрудничество. Причин тому немало. Разумеется, динамичное экономическое развитие стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии способствовало этому. Оно делает сотрудничество – имеющееся и потенциальное – более разнообразным, многогранным, рассредоточенным по многим областям и сферам. Речь идет о широком спектре торгово-экономических связей, возможностях экспорта и импорта, взаимовыгодном инвестиционном сотрудничестве и движении капитала, технологических и кадровых обменах, и разумеется, о всегда интересном для России взаимодействии в области энергетики.

Япония – в каком-то смысле особая для России страна в контексте налаживания и развития связей на восточном направлении. Эти связи всегда давались не без трудностей и противоречий. Виной тому, прежде всего, как принято считать, нерешенный территориальный вопрос. Традиционная многолетняя приверженность японского руководства американской позиции по основным ключевым проблемам актуальной международной повестки также долгие годы, еще с советских времен, затрудняла процесс сближения позиций Москвы и Токио. Вместе с тем эксперты сходятся во мнении, что потенциал российско-японского сотрудничества огромен и обладает рядом взаимовыгодных и комплементарных факторов. Это, конечно, географическое положение стран: российский Дальний Восток и Япония, особенно северный остров Хоккайдо расположены совсем близко. С экономической точки зрения это означает более низкие транзакционные и транспортные издержки при перемещении товаров и грузов между странами, но здесь, конечно, нужно учитывать, что западная, экономически более развитая часть России, расположена на весьма большом расстоянии от Японии. Россия традиционно заинтересована в получении японских инвестиций; в последние годы российское руководство отчетливо транслирует это на Восточном экономическом форуме. Японские технологии также интересны для России: тот факт, что первый российский завод по сжижению природного газа был построен в рамках проекта «Сахалин-2», участие в котором принимают японские компании, весьма немаловажен для понимания роли, которую сотрудничество с Японией может играть в повышении технологического уровня и модернизации российской энергетической отрасли.

Цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать, в каком состоянии в настоящее время находятся российско-японские торговые и инвестиционные связи. На фоне общего подъема интереса Москвы к сотрудничеству на восточном направлении, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Восточной Азии, активизации связей с Китаем, АСЕАН, интересной и актуальной задачей представляется проследить динамику торгово-экономических связей России и Японии.

В статье применяются методы анализа, обобщения, количественные методы анализа (анализ временных рядов, ранжирование), а также графический метод. Статистической и фактологической базой исследования послужили официальные материалы Статистического бюро Японии, японской Организации по развитию внешней торговли («Джэтро»).

Торговые связи России и Японии

Статистические данные таблицы 1 иллюстрируют динамику стоимостных объемов торговли России и Японии в 1985–2019 гг. Если в 1985 г. стоимость японского экспорта в СССР была почти вдвое больше, чем стоимостное выражение советской продукции в Японии, то в 2019 г. ситуация оказалась противоположной: в стоимостном отношении Россия поставляет в Японию продукцию на сумму вдвое больше, чем закупает. Приведенные данные взяты из японской официальной статистики и поэтому стоимостные показатели исчисляются в японских иенах (100 японских иен составляют порядка 1 долл. США, с учетом различных колебаний за длительный период времени).

Таблица 1

Торговля России и Японии, 1985–2019 гг.

Год	Экспорт из Японии, млрд иен	Импорт в Японию, млрд иен
1985	661	340
1990	371	483
1995	108	445
2000	61	494
2005	495	683
2007	1265	1242
2008	1714	1389
2009	307	826
2010	703	1412
2011	941	1514
2012	1005	1660
2013	1069	2308

Продолжение таблицы

Год	Экспорт из Японии, млрд иен	Импорт в Японию, млрд иен
2014	972	2619
2015	617,6	1904,7
2016	554,6	1227,3
2017	673,7	1550,7
2018	805,4	1722,6
2019	782,5	1560,6

Сост. по: [Japan Statistical Yearbook 2012–2021]

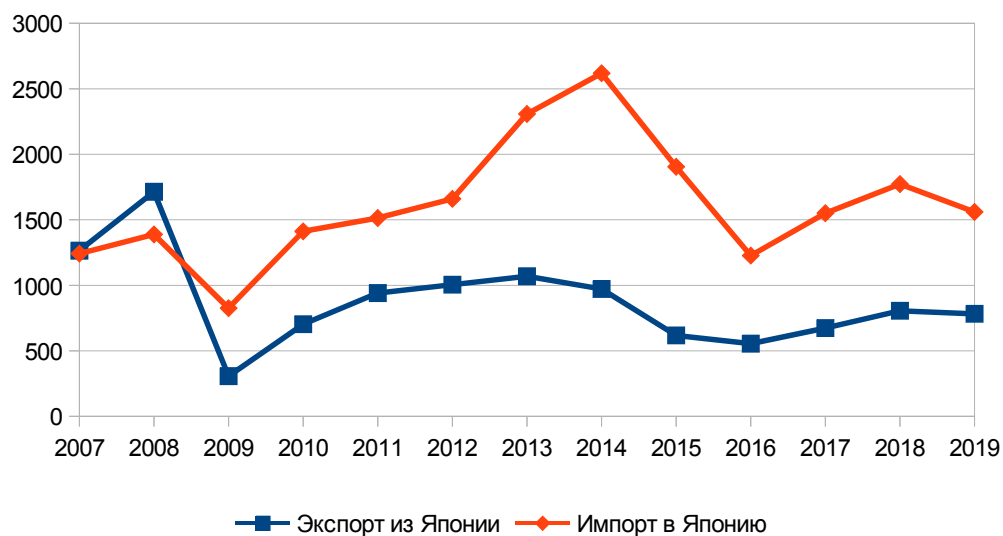

Рис. 1. Динамика взаимной торговли России и Японии (1985–2019 гг., млрд иен)

Сост. по: [Japan Statistical Yearbook 2012–2021]

Рисунок 1 иллюстрирует статистические данные таблицы 1, начиная с 2007 г. Из диаграммы видно, что после 2009 г. стоимостные объемы российского импорта в Японию перманентно превышают стоимостные измерения экспорта из Японии в Россию. Это представляет собой устойчивую тенденцию в российско-японских торговых отношениях.

Рассмотрим, из каких основных групп товаров состоит структура торговли России и Японии (табл. 2).

Таблица 2

Товарная структура торговли России и Японии (2019 г.)

	Японский экспорт в Россию, млн иен	Японский импорт из России, млн иен
Суммарно	782 592	1 560 636
Продукты питания	3563	125 755
– рыба и морепродукты		121 059
– мясо		0,3
– зерновые		3881
Сырье	925	69 945
Минеральное топливо	13 298	1 089 604
– нефть сырая и частично переработанная		435 492
Продукция химической промышленности	19 417	16 819
Готовые изделия и полуфабрикаты	69 214	252 656
Продукция общего машиностроения	141 234	850
Электрооборудование	55 561	615
Транспортное оборудование	437 188	474
Другое	42 192	3917

Сост. по: [Japan Statistical Yearbook 2021]

Данные таблицы 2 показывают, что крупнейшей статьёй японского экспорта в Россию являются транспорт и транспортное оборудование (55,8%). Также значительна доля продукции общего машиностроения – 18%. Таким образом, Россия в основном закупает в Японии продукцию с высокой добавленной стоимостью, тогда как у Японии в торговле с Россией превалирует спрос на минеральное топливо (69,8%). По российской статистике, удельный вес минеральных продуктов в экспорте России в Японию в 2019 г. составил 75,7%. Готовые изделия и полуфабрикаты также составляют весомую долю российских поставок на японский рынок. Японская статистика обозначает эту группу весьма обширно, российская статистика конкретизирует, что

драгоценные металлы и камни занимают в 2019 г. 7,8% от объема экспорта России в Японию, а металлы и изделия из них – 6,8% [Торговля между Россией 2020]. Структура торговли России и Японии позволяет сделать несколько выводов. С одной стороны, спрос двух стран на разные группы товаров поддерживает взаимовыгодность и комплементарность торговых отношений. С другой стороны, Россия стремится не превратиться в «сырьевой придаток» мировой экономики, а потому хотела бы поставлять в Японию не только энергетические ресурсы, но и продукцию с более высокой добавленной стоимостью. Статистика показывает, что общую структуру экспорта в Японию удалось также разнообразить готовыми изделиями и полуфабрикатами, однако речь пока не идет о спросе в Японии на российскую высокотехнологичную продукцию или передовые энергосистемы. В торговле с экономически и технологически высокоразвитой страной Россия пока занимает ограниченные позиции в отношении возможностей и номенклатуры своего экспорта. По меркам современных международных экономических отношений модель торговой взаимодополняемости России и Японии носит несколько архаичный характер – «сырье в обмен на технику» [Тимонина 2016, с. 22].

Торговля энергетическими ресурсами как долгосрочный фундамент торговых связей России и Японии

Экспорт российских углеводородов занимает особенное место в двусторонних торговых связях России и Японии. Япония – энергодефицитная страна, которая черпает запасы недостающих энергоресурсов по всему миру. Расположенная по соседству Российская Федерация, практически граничащие с японским островом Хоккайдо богатые залежами углеводородов регионы Западной Сибири и Дальнего Востока в этом аспекте особенно привлекают Японию. Даже в год политико-идеологической борьбы социалистического и капиталистического лагерей, когда Япония была тесным союзником США на мировой арене, торговля топливом с СССР уже осуществлялась. Случалось, что торговые связи между двумя странами подвергались давлению со стороны Вашингтона, препятствовавшего их расширению, но все же именно торговля энергетическими ресурсами была базисом, на котором примерно с 1970-х годов последовательно выстраивались советско-японские торгово-экономические отношения.

В 2019 г. Япония импортировала из России 7,9 млн т сырой нефти. В относительных величинах это составляет 5,37% и 2,76% от суммарного импорта Японией сырой нефти и суммарного экспорта России сырой нефти соответственно. Импорт Японией нефтепродуктов из России в 2019 г. составил в абсолютных показателях 1,1 млн т. Это составляет 2,77% общего импорта Японией нефтепродуктов и 0,66% общего экспорта Россией нефте-

продуктов. Анализ статистики дает возможность предполагать, что Россия и Япония не являются друг для друга торговыми партнерами в области сырой нефти и нефтепродуктов первостепенной значимости. Для того, чтобы более объективно оценить это предположение, проведем ранжирование (по убыванию) стран и регионов – крупнейших поставщиков сырой нефти в Японию в 2019 г. [Statistical Review 2020]:

1. Саудовская Аравия – 52,6 млн т
2. ОАЭ – 42,9 млн т
3. Прочие страны Ближнего Востока – 19,3 млн т
4. Кувейт – 12,6 млн т
5. **Россия – 7,9 млн т**
6. США – 3,1 млн т
7. Южная и Центральная Америка – 2,3 млн т
8. Ирак – 2,1 млн т
9. СНГ (кроме России) – 0,9 млн т
10. Страны Африки – 0,9 млн т.

Проведенное ранжирование детализирует, что в настоящее время Россия, среди всех других государств мира, является первым наиболее крупным поставщиком сырой нефти в Японию – после стран Персидского залива, которые по-прежнему являются приоритетным и абсолютно преобладающим для Токио источником нефтяных поставок. Примечательно, что несмотря на значительный интерес Токио к нефтяным месторождениям стран Центральной Азии, Каспийского бассейна и Африканского континента, доля России в глобальных закупках сырой нефти японскими островами значительно превышает объемы поставок из этих регионов.

Аналогичное ранжирование (по убыванию) проведем для стран и регионов – важнейших поставщиков в Японию нефтепродуктов в 2019 г. [Statistical Review 2020]:

1. США – 13,1 млн т
2. ОАЭ – 4,5 млн т
3. Прочие страны Ближнего Востока – 4,4 млн т
4. Кувейт – 1,4 млн т
5. Саудовская Аравия – 1,3 млн т
6. Австралия – 1,3 млн т
7. **Россия – 1,1 млн т**
8. Индия – 1 млн т
9. Китай – 0,8 млн т
10. Канада – 0,8 млн т.

Таким образом, по данным за 2019 г., Россия входит в десятку крупнейших поставщиков в Японию сырой нефти и нефтепродуктов. Лидерами по

экспорту в Японии «черного золота» продолжают оставаться страны Персидского залива. Россия не является доминирующим партнером Токио в этой области. Хотелось бы расценивать это партнерство как стратегически важное для обеих стран, однако более целесообразно признать, что для Японии самым стратегически приемлемым решением проблемы нехватки нефти представляется формирование географически сбалансированной корзины экспортеров нефти. Этот урок, в Токио хорошо усвоили еще во времена «нефтяных шоков» 1970-х годов – в вопросе запусков энергоносителей нельзя «складывать все яйца в одну корзину». В этом контексте за счет импорта нефти и нефтепродуктов из России, Америки, Индии, Китая, стран СНГ и Африки Япония пытается географически диверсифицировать основной источник ввозимой нефти – Ближний Восток.

Ранжирование по убыванию для стран – крупнейших поставщиков в Японию сжиженного природного газа за 2019 г. выглядит следующим образом [Statistical Review 2020]:

1. Австралия – 41 млрд куб м
2. Малайзия – 12,8 млрд куб м
3. Катар – 11,9 млрд куб м
4. **Россия – 8,7 млрд куб м**
5. Бруней – 5,9 млрд куб м
6. Индонезия – 5,7 млрд куб м
7. Папуа Новая Гвинея – 5,1 млрд куб м
8. США – 5 млрд куб м
9. Оман – 3,9 млрд куб м
10. ОАЭ – 3 млрд куб м.

Удельный вес российского СПГ в суммарном импорте Японии этого энергоносителя в 2019 г. составил 8,2%. Учитывая огромный экспортный потенциал нашей страны в сфере природного газа, можно говорить о достаточно скромной доле на японском рынке. В целом в региональном срезе основными поставщиками СПГ в Японию на данный момент являются страны Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона (Австралия, Папуа Новая Гвинея, Малайзия, Индонезия, Бруней). Помимо этих государств серьезным конкурентом в этом направлении для России является Катар. Москва рассчитывала, что вследствие развернувшегося в Японии после 2011 г. «атомного» кризиса Токио увеличит объемы закупки российского природного газа, однако новые контракты с Японией получил именно Катар.

Попробуем также оценить, насколько Япония значима для России как импортер энергоресурсов. Так, в 2019 г. Россия поставила на внешние рынки 39,4 млрд куб м СПГ (для сравнения, Япония в том же году импортировала 105,5 млрд куб м СПГ, что означает, что Россия в рассматриваемый период

не могла бы полностью обеспечить потребности Японии в этом энергоносителе). Япония – крупнейший получатель российского СПГ (8,7 млрд куб м – 22% суммарного экспорта). Следующим за Японией крупнейшим получателем СПГ стала Франция (6,9 млрд куб м в 2019 г.). Китай, важнейший стратегический партнер России в Восточной Азии, в 2019 г. приобрел российский СПГ в объеме 3,4 млрд куб м. Данный статистический анализ позволяет сделать вывод, что Япония на восточном направлении сохраняет приоритетность для России в вопросах поставок СПГ. Однако Москва также предпринимает усилия по наращиванию экспортных возможностей и на западном направлении, и в торговле с другими странами Восточной Азии. Примечательно, что в 2019 г., несмотря на некоторый рост поставок российского СПГ в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, их доля в закупках российского сжиженного газа сокращалась. Это происходило за счет роста спроса в Западной Европе. С одной стороны, данное обстоятельство иллюстрирует положительный эффект от развития международной логистической цепочки российских СПГ-проектов [Мищенко 2020]. С другой стороны, оно показывает, что европейские страны, несмотря на настойчивое декларирование стремления не зависеть от импорта российского природного газа тем не менее готовы расширять объемы его закупок, что еще раз позволяет разграничить политический фон международных отношений и вопросы экономической целесообразности.

Что касается места и роли Японии в глобальном экспорте российской нефти, как было отмечено выше, на Японию в 2019 г. пришлось 1,76% суммарного экспорта российской сырой нефти и 0,66% общего экспорта нефтепродуктов. Следует признать, что доля эта весьма невелика и Япония на сегодняшний день не является крупнейшим покупателем российских нефтяных ресурсов. Для сравнения: в страны Европы в 2019 г. Россия поставила 153 млн т, в Китай – 77,7 млн т сырой нефти (7,9 млн т в Японию). Относительно нефтепродуктов: 106,1 млн т нефтепродуктов Россия экспортировала в Европу, 18,3 млн т – в США, 9,4 млн т – в Сингапур, 4,8 млн т – в Африку – и только 1,1 млн т российский нефтепродуктов были в 2019 г. закуплены Японией [Statistical Review of World Energy 2020]. Таким образом, подводя итог современному состоянию торговых связей России и Японии, можно сделать вывод о том, что энергетические ресурсы Сибири и Дальнего Востока весьма привлекательны для Японии, а Россия, в свою очередь, готова более активно выходить на японские энергетические рынки и закрепляться на них. Однако в настоящее время в области торговли сырой нефтью и нефтепродуктами российская нефть необходима Японии как вклад в общие объемы импорта, и как способ диверсифицировать нефтяные поставки из стран Ближнего Востока. В области природного газа и развития экспортного потенциала российского СПГ роль партнерства с Японией более значима. Достаточно вспомнить, что первый завод по производству СПГ в России был построен в

2009 г. в рамках проекта «Сахалин-2» при участии японских компаний. Япония изначально была заинтересована в поставках российского СПГ. Будучи островным государством и не имея трубопроводов с материком и другими островными государствами, Япония делает акцент на доставке природного газа танкерами – в сжиженном виде. Сейчас, когда Россия значительно развила эту сферу и расширила свой экспортный потенциал, появились и другие крупные покупатели российского СПГ на европейском направлении. Однако в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе Япония по-прежнему остается значимым импортером российского сжиженного газа.

Современное инвестиционное сотрудничество России и Японии

Размещение производственных систем и составляющих частей производственных цепочек компаний на территории страны, партнера в современной мировой экономике, является важным показателем степени заинтересованности в развитии экономического сотрудничества и инвестиционной привлекательности стран друг для друга [Тимонина 2016, с. 22]. Однако внутренний японский рынок имеет свою специфику – несмотря на охватившие с 1980-х годов японскую экономику процессы рыночной либерализации, он традиционно является весьма «закрытым» для зарубежных инвесторов ввиду некоторых сохраняющихся особенностей внутрикорпоративной структуры. Это одна из основных причин того, почему российский бизнес до сих пор весьма слабо представлен на японском рынке. Кроме того Россия больше заинтересована в привлечении японских капиталовложений в свою экономику, чем в осуществлении собственных инвестиций. Соглашение о поощрении и защите инвестиций, подписанное в 1998 г. в ходе официального визита в Россию японского премьер-министра К. Обучи, на долгие годы стало важной составляющей организационно-правовой базы российско-японского инвестиционного сотрудничества [Кузнецов 2017, с. 114]. В последние годы новшества организационно-правовой основы льгот зарубежным инвесторам обсуждаются на проводимых Россией Восточных экономических форумах. В частности, Россия приступила к предоставлению налоговых льгот на прибыль организаций для резидентов территорий опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток, реализующих крупные инвестиционные проекты на Дальнем Востоке. Эти начинания оказались интересны японским инвесторам: с 2016 г. при участии японской компании «Hokkaido Corporation» в республике Саха (Якутия) реализуется проект строительства круглогодичного тепличного комплекса «Саюри» в условиях северного климата. В 2016 г. «Саюри» стала резидентом ТОР индустриального парка «Кангалассы», на территории которого была сооружена первая экспериментальная теплица площадью

1000 кв м. Весной 2019 г. было завершено строительство второй очереди теплицы. Еще в 2017 г. были заявлены планы построить и третью очередь. На строительство второй и третьей очереди требовалось 1,2 млрд руб. инвестиций. Порядка 30% средств планировалось привлечь из Фонда развития Дальнего Востока, остальную же часть вложений предполагалось обеспечивать за счет японских инвестиций и займов [Смитюк 2017].

В 2017 г. было объявлено, что в реконструкции аэропорта Хабаровска – крупнейшей воздушной гавани Дальнего Востока – будет участвовать консорциум японских инвесторов, в который вошли компании «Sojitz Corp», «Join и Jatco», с российской стороны – ОАО «Хабаровский аэропорт». Корпорация развития Дальнего Востока оценивала общую сумму инвестиций в проект на уровне более 6,5 млрд руб. [Консорциум во главе 2017].

Приведенные примеры важны с точки зрения отражения процессов некоторой диверсификации ранее довольно узкой и слабо диверсифицированной локализации японских инвестиций на российском рынке. Традиционно – ввиду заинтересованности Японии в стабильном доступе к энергоресурсам – подавляющая часть японских инвестиций в России направлялась в сферу добычи и переработки минерального топлива. Среди не единственных, но особенно знаковых проектов в данной сфере с японским участием следует назвать проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2», а также сотрудничество в проекте строительства во Владивостоке нового СПГ-завода.

Таблица 3

**Динамика накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ)
в экономическом сотрудничестве России и Японии (1996–2019 гг.)**

Год (данные по состоянию на конец года)	Накопленные японские ПИИ в России, млн долл.	Накопленные российские ПИИ в Японии, млн долл.
1996	53	1
1997	939	15
1998	725	32
1999	18	46
2000	28	42
2001	18	42
2002	50	45
2003	14	51

Продолжение таблицы

Год (данные по состоянию на конец года)	Накопленные японские ПИИ в России, млн долл.	Накопленные российские ПИИ в Японии, млн долл.
2004	87	53
2005	157	46
2006	258	46
2007	373	48
2008	668	61
2009	954	60
2010	1220	68
2011	1725	71
2012	2734	50
2013	2499	52
2014	1691	48
2015	1807	47
2016	1500	51
2017	1580	55
2018	1530	58
2019	2197	65

Сост. по: [FDI Stock 1996–2019]

Данные о состоянии и динамике накопленных прямых иностранных инвестиций России и Японии в экономики друг друга в XXI в. представлены в таблице 3. Они показывают, что Япония заметно нарастила суммарные объемы капиталовложений в японский рынок за почти два прошедших десятилетия – с 28 млн долл. по состоянию на конец 2000 г. до 2 млрд 197 млн долл. к началу 2020 г. Что касается российских ПИИ в Японии, то они показали за два десятилетия весьма небольшой прирост – с 42 млн долл. до 65 млн долл. за аналогичный период времени. Эта явная асимметрия иллюстрирует тенденцию стагнации в российской инвестиционной активности на японском рынке.

Таблица 4

**Россия среди стран – реципиентов ПИИ Японии
(2015–2019 гг., млн долл.)**

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	468	109	242	495	396
Китай	10 011	9534	12 417	11 999	14 371
Вьетнам	1446	1666	2029	1956	2532
Малайзия	2918	1269	1073	1194	630
США	50 218	53 102	47 918	17 188	48 269
Австралия	5676	5575	4471	3215	11 308
Германия	3925	1870	4228	4985	12 879
Испания	534	827	384	4212	425
Саудовская Аравия	437	289	119	331	-290
ОАЭ	74	320	734	419	150

Сост. по: [FDI flow – Japanese Trade and Investment Statistics]

В таблице 4 представлены ежегодные показатели исходящих ПИИ из Японии в Россию и некоторые другие страны. Сопоставление данных этих временных рядов позволяет провести сравнение между странами и составить представление о том, насколько активно Япония инвестирует в российскую экономику в последние годы. Статистические данные наглядно свидетельствуют о том, что ПИИ Японии в Россию значительно меньше японских капиталовложений во многие другие страны мира – США, Китай, Вьетнам, Австралию и т.д. В отдельные годы ПИИ в Россию можно сопоставить с японскими инвестициями в Испанию, а также в Саудовскую Аравию и ОАЭ. Последние два страновых сопоставления особенно интересны тем, что как и Россия, эти государства Персидского залива являются поставщиками в Японию энергетических ресурсов.

В целом в 2019 г. Япония осуществила зарубежное прямое инвестирование на сумму 248 млрд 675 млн долл. Россия получила из них 396 млн долл. Таким образом, удельный вес нашей страны в ПИИ Японии составил порядка 0,16%. Это весьма скромный показатель инвестиционного сотрудничества, даже несмотря на то, что Россия и Япония реализуют так называемый План сотрудничества из восьми пунктов, предложенный в 2016 г.

премьер-министром Японии Синдзо Абэ, в рамках которого появилось немало новых проектов в сфере медицины, градостроительства, энергетики, развития промышленности на Дальнем Востоке, технологического партнерства, расширения гуманитарных и бизнес-обменов. Разумеется, реализация отдельных проектов в рамках Плана сотрудничества из восьми пунктов предполагает осуществление инвестиций. Например, в опубликованном на официальном сайте Посольства Японии в России отчете о ходе реализации Плана сотрудничества в октябре 2019 г. отмечено, что японская корпорация «Marubeni» и ОАО «РЖД» приняли решение об инвестициях в проект создания российско-японского центра профилактической медицины и диагностики в клинике РЖД в Хабаровске. В сфере распространения японских продуктов питания в России в период с 2017–2019 гг. были запущены две новые японские ресторанные сети: «Сумиби Изакая Эн» во Владивостоке и «Мацуя» в Москве. В 2019 г. принимались инвестиционные решения по проекту «Арктик СПГ-2» с участием японских корпораций JOGMEC и «Mitsui». Достигли договоренности о проектировании и снабжении оборудованием завода по производству этилена с участием «Иркутской нефтяной компании» и японской «Toyo Engineering» [План сотрудничества 2019].

Эти примеры показывают, что в последние годы появилось немало интересных и перспективных проектов, в том числе в области инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией, однако до сих пор наши страны не вышли на качественно более высокий уровень экономических связей. В экспертной среде можно встретить мнение, что бурной активизации двусторонних торгово-инвестиционных связей после 2016 г. не произошло, так как японский План сотрудничества из восьми пунктов мог быть завуалированной тактикой «экономического пряника» для Москвы с тем, чтобы побудить ее продолжать переговоры о территориальной принадлежности четырех островов Южно-Курильской гряды, на которые претендует Япония [Кошкин 2021]. Однако Россия не выказала готовности обсуждать этот вопрос – наоборот, российский лидер В.В. Путин в 2018 г. на Восточном экономическом форуме предложил японским партнерам заключить мирный договор «без всяких предварительных условий». Также нужно понимать, что План сотрудничества с Россией является правительственным, хотя к его реализации были привлечены порядка 200 частных компаний. Однако частный бизнес волен самостоятельно определять выгоду и прибыльность от своего участия в тех или иных инвестиционных инициативах. Разумеется, правительство может стимулировать инвестиционную и бизнес-активность частно-предпринимательских структур за счет различных программ субсидий и льгот, однако конечное решение о капиталовложениях все же принимают корпоративные структуры. Этим также можно объяснить, почему активизация сотрудничества двух стран на поли-

тическом уровне пока не привела к бурному всплеску торгово-инвестиционных связей между нашими странами.

Вместо заключения

Осенью 2020 г. в Японии сменился премьер-министр. Сейчас японский кабинет министров возглавляет Ёсихидэ Суга. Он считается близким соратником ушедшего в отставку по состоянию здоровья Синдзо Абэ, поэтому от нового премьера ожидают во многом продолжения политики его предшественника. В отношении России новый премьер-министр уже сделал заявление, что намерен продолжать диалог с Россией, чтобы «прояснить вопрос принадлежности четырех островов». Вместе с тем проанализированные в данной статье статистические данные зарубежного инвестиционного сотрудничества Японии показывают, что Китай является крупным – гораздо более крупным, чем Россия, – реципиентом японских ПИИ (табл. 4). Вместе с тем у Японии и КНР тоже есть нерешенный территориальный конфликт: спор вокруг принадлежности островов Сэнкаку (в китайском названии Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море. Этот пример показывает, что наличие неразрешенных политических претензий между странами в современном мире не обязательно должно становиться препятствием на пути развития многогранного и взаимовыгодного экономического партнерства. У Японии есть опыт и практика разделения проблем в ведении политического диалога и защите экономических интересов. И вероятно, российское руководство в определенной степени право в своем расчете на то, что и с Россией Япония тоже смогла бы наладить более активные экономические связи. Япония, в свою очередь, не имея решения по территориальному вопросу и учитывая достаточно скромный по меркам масштабов и экономического потенциала наших стран характер двусторонних экономических связей, все же стремится поддерживать их активность и жизнеспособность, так как не хотела бы допустить полной ориентации Москвы в регионе на Пекин.

Библиография

Консорциум во главе с Sojitz войдет в проект строительства аэровокзала в Хабаровске / Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе. 2017. 02 мая. URL: http://www.dfo.gov.ru/press/news_DV/1328/ (дата обращения: 02.02.2021).

Кошкин А. Что такое японский план сотрудничества с Россией из 8 пунктов // Фонд стратегической культуры. 2021. 13 янв. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/01/13/chto-takoe-japonskij-plan-sotrudnichestva-s-rossiej-iz-8-punktov-52674.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Кузнецов А.В. Особенности инвестиционной стратегии Японии и перспективы сотрудничества с Россией / Финансы: теория и практика. 2017. № 6. с. 108–117.

Мищенко Я.В. Восточный вектор энергетической политики России // Энергетическая политика. 2020. 20 авг. № 8. URL: <https://energypolicy.ru/ya-mishhenko-vostochnyj-vektor-energetich/gaz/2020/13/20/> (дата обращения: 02.02.2021).

План сотрудничества для преобразования России в ведущую страну с благоприятной жизненной средой и инновационной реформы промышленности и экономики // Посольство Японии в России. 2019. окт. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf> (дата обращения: 04.02.2021).

Смитюк Ю. Россия предложит инвесторам новые льготы на Дальнем Востоке // Восточный экономический форум / ТАСС. 2017. 1 сент. URL: Россия предложит инвесторам новые льготы на Дальнем Востоке (tass.ru) (дата обращения: 02.02.2021).

Тимошина И.Л. Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // Японские исследования. 2016. № 1. С. 20–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-yaponiya-realnyy-potentsial-ekonomicheskogo-vzaimodeystviya/viewer> (дата обращения: 31.01.2021).

Торговля между Россией и Японией в 2019 г. // Внешняя торговля России, 2020. 13 фев. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-yaponiey-v-2019-g/> (дата обращения: 31.01.2021).

FDI flow – Japanese Trade and Investment Statistics // Japan External Trade Organization (JETRO). URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (date of access: 03.02.2021).

FDI Stock 1996–2019, Japanese Trade and Investment Statistics // Japan External Trade Organization (JETRO). URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (date of access: 03.02.2021).

Japan Statistical Yearbook 2012–2021 // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (date of access: 17.01.2021).

Japan Statistical Yearbook 2021 // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/index.html> (date of access: 31.01.2021).

Statistical Review of World Energy 2020 // BP Global. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (date of access: 31.01.2021).

References

FDI flow – Japanese Trade and Investment Statistics // Japan External Trade Organization (JETRO). URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (date of access: 03.02.2021).

FDI Stock 1996–2019, Japanese Trade and Investment Statistics // Japan External Trade Organization (JETRO). URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (date of access: 03.02.2021).

Japan Statistical Yearbook 2012–2021 // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (date of access: 17.01.2021).

Japan Statistical Yearbook 2021 // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/index.html> (date of access: 31.01.2021).

Konsorcium vo glave s Sojitz vojdet v proekt stroitel'stva aerovokzala v Xabarovske [Consortium led by Sojitz will enter the project for the construction of an air terminal in Khabarovsk] / Official ny'j sajt polnomochnogo predstavitelya Prezidenta RF v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Official website of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Far Eastern Federal District]. 2017. 2 maya. URL: http://www.dfo.gov.ru/press/news_DV/1328/ (date of access: 02.02.2021).

Koshkin A. Chto takoe yaponskij plan sotrudnichestva s Rossiej iz 8 punktov [What is the Japanese 8-point cooperation plan with Russia] // Fond strategicheskoy kul'tury [Strategic Culture Foun-

dation]. 2021. 13 yan. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/01/13/chto-takoe-japonskij-plan-sotrudnichestva-s-rossiej-iz-8-punktov-52674.html> (date of access: 01.02.2021).

Kuznecov A.V. Osobennosti investicionnoj strategii Yaponii i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej [Features of Japan's investment strategy and prospects for cooperation with Russia] / Finansy: teoriya i praktika [Finance: theory and practice]. N 6. 2017. P. 108–117.

Mishhenko Ya.V. Vostochny'j vektor e'nergeticheskoy politiki Rossii // E'nergeticheskaya politika. 2020. 20 avg. N 8. URL: <https://energypolicy.ru/ya-mishhenko-vostochnyj-vektor-energetich/gaz/2020/13/20/> (date of access: 02.02.2021).

Plan sotrudnichestva dlya preobrazovaniya Rossii v vedushhuyu stranu s blagopriyatnoj zhiznennoj sredoj i innovacionnoj reformy promy'shlennosti i e'konomiki [Cooperation plan for transforming Russia into a leading country with a favorable living environment and innovative industrial and economic reform] // Posol'stvo Yaponii v Rossii [Embassy of Japan in Russia]. 2019. Okt. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf> (date of access: 04.02.2021).

Smityuk Yu. Rossiya predlozhit investoram novy'e l'goty na Dal'nem Vostoke [Russia will offer investors new benefits in the Far East] // Vostochny'j e'konomicheskij forum [Eastern Economic Forum] / TASS, 2017. 01 Sent. URL: Rossiya predlozhit investoram novy'e l'goty na Dal'nem Vostoke (tass.ru) (date of access: 02.02.2021).

Statistical Review of World Energy 2020 // BP Global. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (date of access: 31.01.2021).

Timonina I.L. Rossiya–Yaponiya: real'ny'j potencial e'konomicheskogo vzaimodejstviya [Russia – Japan: Real Potential of Economic Cooperation] // Yaponskie issledovaniya [Japanese studies]. 2016. N 1. S. 20–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-yaponiya-realnyy-potentsial-ekonomicheskogo-vzaimodeystviya/viewer> (date of access: 31.01.2021).

Torgovlya mezhdru Rossiej i Yaponiej v 2019 g. [Trade between Russia and Japan in 2019] // Vneshnyaya torgovlya Rossii [Foreign trade of Russia], 2020.13 Fev. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiej-i-yaponiej-v-2019-g/> (date of access: 31.01.2021).

А.И. Волкова, А.Г. Дорохин

**ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
РОССИИ И ИТАЛИИ И ОСОБАЯ РОЛЬ МОСКВЫ**

***Аннотация.** Российско-итальянское сотрудничество имеет давние корни и богатую историю. Основой для выстраивания открытых дружественных отношений, которые бывший министр иностранных дел Италии Франко Фраттини часто называл «привилегированными», стало взаимодействие в сфере экономики. В статье рассматриваются история возникновения, динамика развития и основные направления торгово-экономического партнерства двух стран.*

Состояние торгово-экономического сотрудничества между Россией и Италией значительно ухудшилось после введения Евросоюзом санкционных ограничений. Принципы коммунитарной политики ЕС и евроатлантической солидарности в значительной степени лишают самостоятельности итальянское руководство проводить политику обеспечения собственных национальных интересов, что негативно отражается на взаимодействии с Россией. Снижение итало-российского товарооборота в первые четыре месяца 2020 г. стало очевидным экономическим последствием чрезвычайной эпидемиологической обстановки, сложившейся из-за распространения новой коронавирусной инфекции. Имеющиеся данные на сегодняшний день не дают полного представления о ситуации. Тем не менее позиции российской и итальянской стороны во многом совпадают в вопросе преодоления нынешнего непростого периода отношений, в которых главной задачей является поиск путей выхода из кризиса с минимальными потерями для обеих стран, без утраты позитива, накопленного десятилетиями конструктивного взаимовыгодного диалога.

Сегодня Москва является лидером по объему накопленных итальянских инвестиций в российскую экономику. В столице при участии итальянских компаний реализуются передовые проекты в области инфраструктурного и урбанистического развития.

***Ключевые слова:** российско-итальянские отношения; торгово-экономическое сотрудничество; санкционные ограничения; российско-итальянский товарооборот; международные связи Москвы; Итало-Российская торговая палата.*

Волкова Анна Игоревна – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: annavolkova.email@gmail.com

Дорохин Андрей Георгиевич – кандидат экономических наук,
доцент кафедры юриспруденции МГУУ Правительства Москвы.
Россия, Москва.
E-mail: DorohinAG@mos.ru

**Volkova A.I., Dorokhin A.G. Trade and economic cooperation of Russia
and Italy and the particular role of Moscow**

***Abstract.** Russian-Italian cooperation has deep roots and rich history. Bilateral cooperation in the economic sphere has become the basis for developing open and friendly relations, which former Italian Foreign Minister Franco Frattini often called «privileged». The article examines the origins and history of the relationship, dynamics and main areas of economic partnership between two states.*

The principles of EU policy and Euro-Atlantic solidarity limit the Italian authorities to pursue a policy of ensuring their national interests, thus affecting the interaction with Russia. The decline in Italian-Russian trade in the first four months of 2020 became an obvious economic consequence of the extreme epidemiological situation caused by the spread of the new coronavirus infection. So far, the available data do not fully provide a complete picture caused by the asymmetric shock of the same magnitude. Nevertheless, the positions of the Russian and Italian sides are similar concerning overcoming this difficult period and the main task of which is to find a way out of the crisis with minimal losses for both countries without losing a positive and constructive mutually beneficial dialogue.

Today Moscow is the leader in the volume of accumulated Italian investments in the Russian economy. With the participation of Italian companies in the capital, advanced infrastructure and urban development projects are being implemented.

Keywords: Russian-Italian relations; trade and economic cooperation; sanctions; turnover; Russian-Italian trade turnover; international relations of Moscow; Italian-Russian Chamber of Commerce.

Volkova Anna Igorevna – Postgraduate of the Faculty
of Global Studies at the Lomonosov Moscow
State University. Russia, Moscow.
E-mail: annavolkova.email@gmail.com

Dorokhin Andrey Georgievich – Associate Professor,
Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University,
Chair of Law. Russia, Moscow.
E-mail: DorohinAG@mos.ru

Отношения между Россией и Италией имеют давнюю историю, богатую событиями, представляющими политическую, экономическую и культурную значимость для двух государств. Истоки партнерства уходят во времена, предшествующие монгольскому нашествию на Русь, когда древнерусские княжества развивали каналы внешней торговли с Византией. В период нашествия

интенсивность сотрудничества с итальянскими землями заметно снизилась, отношения приобрели пассивный характер и в итоге приостановились. Возродить и приумножить былые связи удалось Ивану III, по указу которого было направлено первое московское посольство в Италию. Интерес к Московскому княжеству в то время проявляли Миланское герцогство, Венецианская и Генуэзская республики, чьи послы посещали русскую знать с ответными визитами. Стоит отметить, что времена царствования Ивана III ознаменовались подъемом не только торгово-политических отношений, но и большим вкладом в культурное наследие российской столицы: над строительством архитектурного ансамбля Московского Кремля (Успенский собор, Грановитая палата, Никольская и Спасская башни) трудились выдающие итальянские мастера.

Успехи российской индустриализации конца XIX – начала XX в. способствовали укреплению позиций государства на мировом рынке, что особенно отразилось на росте торгового обмена с европейскими странами, в том числе с Италией. Так, основы экономического сотрудничества со Средиземноморским государством заложило сельское хозяйство. По инициативе российских землевладельцев в Крыму поселились сицилийские земледельцы и торговцы, которые стали импортировать на полуостров цитрусовые растения. Из-за схожести климатической зоны с итальянским Югом ожидалось, что саженцы лимонных, апельсиновых и мандариновых деревьев будут приносить многочисленные плоды. Постепенно торговля расширялась, импорт из Италии был представлен овощами, зеленью, растительными маслом и шелком, в то время как российский экспорт в Италию состоял из зерновых культур преимущественно твердых сортов (рожь, овес), древесины и топлива [Federico et al. 2011, p. 33].

Российское правительство, осознавая стратегическое значение внешней торговли для развития страны, принялось реорганизовывать государственную систему представления российских экономических интересов за рубежом. В 1912 г. в Российской империи была утверждена должность «агента Министерства торговли и промышленности за границей», на которую назначили 14 представителей [Закон 1912, с. 47]. Одного из них направляли в Италию, в Геную, поскольку именно там находится порт, куда в то время прибывали все товары. В обязанности торгового агента входило установление контактов с государственными институтами и промышленными предприятиями страны пребывания, анализ динамики роста товарооборота и общей ситуации на рынке, ведение отчетности по отдельным секторам двустороннего обмена, а также оказание различного рода содействия и помощи русским коммерсантам за рубежом.

Экономические связи продолжили успешно развиваться после 1924 г., когда Италия официально признала Советский Союз. Примечательно, что во время мирового экономического кризиса 1929 г. и общего спада производства в Италии, в 30-х годах итало-российский товарообмен даже немного оживляется.

В 1931 г. по приглашению российской стороны в Москву прибывает делегация руководителей ведущих итальянских предприятий (Fiat, Pirelli, Montecatini, Snia Viscosa), которым предстояло совершить путешествие по Транссибирской магистрали до Владивостока. Во время визита был подписан ряд важных соглашений: о строительстве завода по изготовлению шарикоподшипников, о строительстве бумажно-целлюлозной фабрики, а также двух производств сульфат-нитрат аммония. Итальянские концерны в то время за счет поставок своего оборудования внесли большой вклад в индустриализацию СССР. С тех пор Италия стала занимать ключевое место во внешнеполитическом курсе российского государства.

«Бум» экономического сотрудничества двух стран приходится на 60-е годы XX в. и спровоцирован он, прежде всего, соглашениями на поставку в СССР итальянской нефтегазовой компанией «Eni» оборудования и трубопроводных систем для транспортировки нефти, на передачу технологий производства аммиака и метанола. Советский союз со своей стороны брал обязательства по продаже в 1961–1965 гг. 12 млн т нефти и топлива, что составляло около 20% всех потребностей в энергоресурсах Италии [De Maio, Sartori 2018, p. 16]. Компания «Монтекатини» в 1965 г. подписала соглашение, согласно которому в рамках тесной научно-технической кооперации советских и итальянских специалистов было запланировано строительство нескольких промышленных объектов в Москве с целью обмена конечной продукцией и сырьем. Тогда же директор автозавода «ЗИЛ» Павел Бородин по приглашению итальянской «Fiat» прибыл с визитом в Италию. Программа развития советской автомобильной отрасли дает свои первые результаты, воплотившись в строительстве нового крупного автомобильного завода в Тольятти.

Дополнительный импульс развитию экономических связей придала Итало-советская торговая палата, учрежденная 8 апреля 1964 г. в Милане с целью расширения и укрепления двустороннего сотрудничества в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, науки и техники. Через несколько лет, на фоне выдающегося роста товарообмена и повышенной заинтересованности итальянских компаний в советском рынке, было принято решение о создании представительства организации на территории СССР. 21 февраля 1972 г. состоялось торжественное открытие Московского представительства ИСТП, на котором присутствовало высшее руководство обеих стран: председатель Совета министров Италии Дж. Андреотти, заместитель председателя Совета министров СССР В. Кириллин, министр иностранных дел Италии Дж. Медичи, министр внешней торговли СССР Н. Патоличев и многие другие видные представители деловых кругов. В последующие десятилетия Москва и Рим интенсивно взаимодействуют на основе долгосрочных торговых соглашений и программ развития экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества.

К «золотому» периоду взаимной торговли относятся 70-е годы: заключаются контракты в области нефтехимии, на поставку итальянских станков, сельскохозяйственного оборудования. СССР поставляет в Италию суда на подводных крыльях «Комета» и самолеты «Як-40». Товарооборот за короткий период (1972–1977) увеличивается в 5 раз, достигая отметки в 3 млрд долл., и развивается на новых принципах финансирования. Если ранее СССР импортировал товары в обмен на поставки углеводородов, то начиная с 70-х годов оплата осуществляется в счет продукции, выпускаемой на советских предприятиях, построенных совместно с европейскими партнерами. При реализации инвестиционных проектов большое внимание уделяется проектному финансированию, по которому специально открытые кредитные линии возмещали денежные средства в счет продукции строящихся предприятий. По компенсационным договорам итальянская сторона предоставляла долгосрочные кредиты, по которым СССР мог закупать оборудование, материалы и конструкции, соответствующие лицензии для строительства и эксплуатации промышленных предприятий. Одновременно в счет оплаты шла часть выпускаемой на этих заводах продукции. Такая схема позволяла СССР полностью рассчитаться по кредитам.

Крах биполярной системы и политические преобразования в Советском Союзе существенно повлияли на интенсивность экономического взаимодействия между странами. С ликвидацией госучреждений и несформированностью новых рыночных институтов двусторонние связи ослабевают, что влечет за собой спад товарооборота и расшатывание традиционных, отлаженных механизмов поставок и схем взаиморасчетов. В обстановке «системного вакуума» и нехватки товаров первой необходимости торговый обмен между российскими и итальянскими коммерсантами ведется преимущественно с использованием наличных средств.

Несмотря на сложный период 90-х годов в экономике страны, Италия осталась в числе ведущих торговых партнеров новой России. К тому времени в российской столице обосновались крупнейшие итальянские банки, и двустороннее сотрудничество качественно возросло благодаря введению новых принципов межбанковского финансирования, что позволило итальянским промышленным группам реализовать крупные проекты. Так, в Москве итальянская компания «Tecnimont» начала строительство завода по производству полипропилена, очень востребованного в тот период. Со значительными инвестициями на российский рынок вступили компании «Concorde», «Enel», «Finmeccanica», «Gruppo Merloni», «Gruppo Marcegaglia», «Marazzi», «Mapei» и др. Инициирование масштабных промышленных проектов в новых политико-экономических условиях, безусловно, требовало определенной смелости от итальянских инвесторов и свидетельствовало о высокой степени доверия к российской стороне. Тем не менее признаки экономического возрождения

России были недолговечны, и последовавший вскоре азиатский финансовый кризис и дефолт 1998 г. привели к оттоку капитала и снижению торговой активности.

Несмотря на трудности, потребовалось немного времени, чтобы вернуть сотрудничество на прежнюю траекторию. С начала нового тысячелетия отношения с Италией крепки как никогда. Между Кремлем и Палаццо Киджи установлена прямая линия связи. Италия одной из первых стран подписала двустороннее соглашение об упрощенной выдаче виз и вела аналогичные переговоры о заключении между Россией и Европейским союзом договора (вступил в силу в 2007 г.), содействующего установлению прямых контактов между людьми и укреплению научно-технического, культурно-гуманитарного и инвестиционного сотрудничества. Активный политический диалог, поддержанный взаимным расположением лидеров двух стран, стимулировал торговые отношения.

В 2013 г. товарооборот достиг своего исторического максимума, составив 53,8 млрд долл. Основой успешного развития является прочный экономический альянс, созданный не только за счет энергетической отрасли, но и производств по выпуску товаров широкого народного потребления, бытовой техники, керамики, облицовочных материалов.

Поворотным моментом в восходящей динамике торгово-инвестиционного сотрудничества стали ограничительные меры, введенные Брюсселем в результате присоединения Крыма к России. Примечательно, что территория, которая когда-то дала мощный толчок кооперации, между двумя странами через столетие стала поводом для взаимной санкционной игры, повлекшей за собой негативные последствия для бизнеса обеих стран.

По этому случаю один из ключевых институтов развития экономических связей двух стран, Итало-Российская торговая палата, выразив резко отрицательное отношение к введению антироссийских санкций, в августе 2014 г. направила в адрес Правительства и президента Итальянской Республики, Министерства иностранных дел и экономического развития, а также Союза торговых палат, Ассоциации итальянских палат за рубежом и других уполномоченных структур соответствующее письмо о необратимых последствиях ограничений для экономики ЕС.

Перед санкционной политикой в наименее выгодном положении оказалась сама Италия, национальные интересы которой были затронуты в главной степени. Согласно заявлениям экспертов, ущерб от санкций превысил 11–12 млрд евро потерь итальянского экспорта и более 200 тыс. рабочих мест [Le sanzioni alla Russia]. В итальянском правительстве не раз говорили о грубых ошибках руководства ЕС, позволившего исторически имевшим конфликты с Россией государствам сформировать антироссийский курс в рамках общеевропейского внешнеполитического направления. О неблагоприятном

влиянии взаимных рестрикций высказывались как итальянские, так и российские официальные лица. По словам посла России в Италии Сергея Разова, торговые ограничения не отвечают национальным принципам и торговым интересам итальянского народа, а «бизнес-сообщество в основной своей массе выступает за восстановление полноформатного сотрудничества» [Разов 2015].

Экс-министр иностранных дел Италии П. Джентилони также призывал к диалогу сторон, настаивая на необходимости отмены экономических ограничений, поскольку Европа не «кран, из которого текут санкции», и нужно, прежде всего, «избежать следования логике холодной войны в общении с самым важным соседом Европейского Союза» [Ucraina 2015]. Однако являясь членом Европейского союза, Италия вынуждена следовать принципам коммунитарной политики и находить новые форматы сотрудничества с Россией вразрез своим экономическим и политическим интересам по укреплению двусторонних связей.

В то же время определенный оптимизм в санкционной игре в настоящее время проявляется в возрастающем нежелании военно-политических союзников США по НАТО из стран – членов ЕС в дальнейшем нагнетании санкционного давления на Россию. Ввиду определенного охлаждения в отношениях США и ЕС и заинтересованности стран Евросоюза в развитии экономической кооперации с Россией, в том числе по ряду ключевых проектов (например, очевидная заинтересованность Германии в успешной реализации проекта «Северный поток-2»), удастся избежать эскалации санкционного режима в отношении России со стороны ее ключевых европейских партнеров. Все активнее звучат голоса в странах ЕС о необходимости поэтапной либерализации санкций и возможной отмены ограничений в отношении России. Соответствующая риторика на политическом уровне среди западноевропейских стран ведется сегодня не только со стороны итальянских, но также французских и австрийских партнеров.

Согласно показателям двусторонней торговли, по итогам 2019 г. стоимостный объем российско-итальянского товарооборота по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. сократился на 1741,3 млн долл. (-6,5%) и составил 25 240,6 млн долл. Положительное сальдо России в торговле с Итальянской Республикой составило 3443,4 млн долл.: российский экспорт составил 14 343 млн долл., снизившись на 2059,2 млн долл. (-12,6%), импорт увеличился на 317,9 млн долл. (3%) и составил 10 898,6 млн долл. Всего же с момента введения санкций товарооборот России с Италией сократился более чем в 2 раза (подробнее см.: рис. 1).

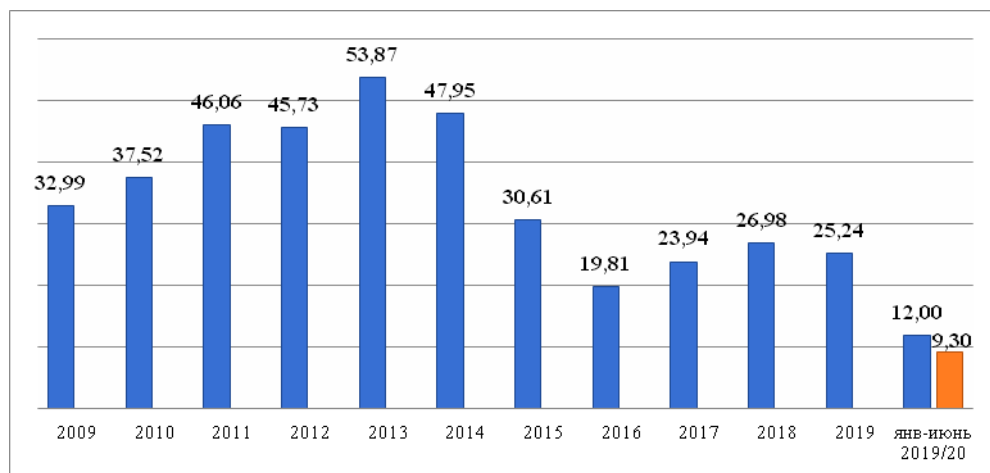

Рис. 1. Товарооборот между Россией и Италией в 2009–2020 гг.

Источник: ФТС России

Сегодня Россия занимает 11-ю позицию в списке торговых партнеров Италии. Взаимоотношения стран в экономической сфере изначально строились на зависимости Италии от энергоресурсов. Согласно национальной статистике, зависимость итальянской экономики от внешних источников энергии достигает 76% [Il potenziale energetico 2017, p. 8]. Россия, будучи одним из мировых лидеров по добыче углеводородов, является основным импортером нефти и газа в Италию. Продукция топливно-энергетического комплекса в структуре российского экспорта составляет более 82%. Тем не менее отмечая ключевую роль западных санкций и продэмбарго в более чем двукратном сокращении экспортно-импортных операций, стоит в том числе учитывать фактор падения цен на сырье и последовавшей за этим девальвацией российской национальной валюты.

Серьезное влияние на торговый баланс России и ее сотрудничество с Италией оказала пандемия коронавирусной инфекции, в результате которой, по итогам первого полугодия 2020 г., российский экспорт в Италию сократился на 22,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Несомненно, Италия также не была защищена от последствий чрезвычайной эпидемиологической обстановки и снижения темпов предполагаемого роста. В условиях рецессии мировой экономики, связанной с введением карантинных ограничений, уже в первом триместре 2020 г. отмечалось значительное замедление роста ВВП еврозоны и Италии (до -3,6% и -5,4% соответственно) [Gross domestic]. Спад стоимостных объемов итальянского экспорта в Россию

на -8,9% по итогам января–июня 2020 г. произошел в основном за счет продукции легкой промышленности, машин и оборудования. Однако при одновременном сокращении спроса и предложения Италия сумела сохранить за собой пятое место в качестве импортера во внешней торговле России. Это доказывает, что, несмотря на последствия глобального кризиса, российский рынок сохраняет стратегический интерес для итальянских компаний, чья продукция остается конкурентоспособной даже в условиях нестабильности внешней среды.

Среди ключевых отраслей итальянской экономики наиболее перспективных к торговому сотрудничеству с Россией следует отнести: *машиностроение* (с 40,6% долей от общего объема итальянского экспорта в Россию и 5,7% в общем объеме российского импорта в 2019 г.), *химическую и фармацевтическую промышленность* (20% итальянского экспорта и 4,8% российского импорта), *индустрию моды* (14,9% итальянского экспорта и 8,2% российского импорта), *АПК и напитки* (9,5% итальянского экспорта и 3,6% российского импорта), *строительство, деревообрабатывающую и мебельную промышленность* (8,9% итальянского экспорта и 6,7% российского импорта) [Nota 2020, р. 33]. Кроме того, удельный вес закупок технологического оборудования и комплектующих изделий, которые осуществили российские предприятия в 2019 г., в общей структуре товарного импорта из Италии составил 43%.

Необходимо отметить, что многовековая богатая история отношений России и Италии естественным образом привела к тесной кооперации между итальянскими регионами и российской столицей. Несмотря на современные непростые внешние условия, отношения между Москвой и итальянскими партнерами продолжают оставаться конструктивными и доверительными. В столице зарегистрировано свыше 180 предприятий с итальянским капиталом в уставном фонде. По итогам 2019 г., товарооборот между зарегистрированными в Москве организациями и итальянской стороной составил 5,7 млрд долл. США, и по этому показателю Италия занимает шестое место среди зарубежных стран.

Показатели экспорта товаров московских предприятий в Италию достигли 637,2 млн долл., увеличившись по сравнению с 2018 г. практически на 30%. Как и в российском экспорте, так и в экспортных поставках московских структур преобладающую долю составляют поставки продукции топливно-энергетического комплекса. В связи с этим особый интерес представляют те группы товаров, которые не входят в рынок углеводородного сырья и продуктов его переработки. К таким наиболее значимым группам относятся: *драгоценные металлы, камни, ювелирная продукция* (532 млн долл.); *каучук, резина* (33 млн долл.); *злаки* (11,5 млн долл.); *продукция тяжелого машиностроения* (10,9 млн долл.); *корма для животных* (10,2 млн долл.); *краски и лаки* (4,5 млн долл.); *нетрикотажные предметы одежды*

(3,6 млн долл.); *электрические машины и оборудование* (3,5 млн долл.); *древесина и целлюлозно-бумажные изделия* (3 млн долл.) и др.

Москва является одним из лидеров среди российских регионов по объему накопленных итальянских инвестиций в российскую экономику (более 3,8 млрд долл. по состоянию на 1 января 2020 г.). Данное обстоятельство свидетельствует о крайней заинтересованности итальянского бизнеса развивать собственные проекты на московской территории через локализацию производства или создание совместных предприятий с российской стороной. Так, с участием итальянских инвесторов и компаний был реализован ряд значимых городских проектов в различных отраслях экономики. С 2015 г. концерн «General Invest» одним из первых запустил на московском рынке сервис краткосрочной аренды автомобилей под брендом «Делимобиль». В мае 2018 г. был запущен проект «Делисамокат». Компания стала первым оператором, начавшим подобную деятельность. Сегодня продолжается сотрудничество по проектам новой городской мобильности (кик-скутер шеринг, электрический транспорт). Крупные проекты осуществляются в сфере строительства: компания «Codest» выступила генеральным подрядчиком на выполнение работ по успешно проведенной реконструкции Центрального стадиона «Динамо», компания «Pizzarotti» участвует в проекте создания тематического парка аттракционов на территории ВДНХ. Итальянские компании принимают участие в реализации инфраструктурных проектов, в том числе таких, как строительство и модернизация участков автомобильных дорог: к примеру, строительством и проектированием федеральной трассы М11 Москва – Санкт-Петербург занималась компания ICA Construction (совместное предприятие итальянской Astaldi и турецкой IC Ictas Insaat).

Углубленное сотрудничество ведется в области энергетики между компанией «Ansaldo Energia» и российскими партнерами, в рамках которого в 2018 г. подписан контракт на обслуживание московской электростанции ТЭЦ-9 (принадлежит Группе «Интер РАО») и соглашение по использованию технологий итальянской компании для производства в России 60 газотурбин для электростанций. В июле 2020 г. на Московском НПЗ состоялось открытие нового нефтеперерабатывающего комплекса «Евро+». Исполнение гарантий по EP+Cm контракту о поставке оборудования и материалов, управлении строительством, подготовке пусконаладочных работ комбинированной установки по переработке нефти на территории действующего завода осуществляла «Tecnimont S.p.A.» (дочернее предприятие «Maire Tecnimont S.p.A.»).

В 2017 г. в Москве открылся гастрономический центр итальянской кухни «Eataly», предлагающий широкий ассортимент аутентичных продуктов питания и кулинарии. В центре столицы успешно функционирует первая на территории России итальянская медицинская клиника, построенная и оснащенная

современным оборудованием на средства крупнейшего итальянского медицинского холдинга «Gruppo Villa Maria Care & Research» (GVM).

На московском финансовом рынке продолжают укреплять положение и расширять сеть представительств итальянские банковские и финансово-кредитные институты: «Unicredit», «Banca Intesa», «ICCREA Banca», «Monte dei Paschi di Siena», «Mikrokapital Group». Закрепила свои позиции также итальянская страховая группа «Assicurazioni Generali», став миноритарным акционером СПАО «Ингосстрах».

Кроме того, итальянская сторона заинтересована в развитии связей в сфере искусственного интеллекта и выражает готовность использовать возможности инвестиционного фонда при государственном итальянском банке «Cassa Depositi e Prestiti» (CDP) для наращивания сотрудничества в этой сфере. Между CDP и Российским фондом прямых инвестиций существует соглашение о финансировании итальянских проектов на территории России на сумму до 300 млн евро, что может послужить основой для реализации проектов «умного города» и других проектов с использованием искусственного интеллекта на территории Москвы.

На сегодняшний день на российском рынке действует более 500 итальянских компаний, в то же время на территории Италии открыто менее 100 российских предприятий. Геополитическая нестабильность и раскручивание санкционной спирали создают дополнительные ограничения для беспрепятственного проникновения капитала на рынки обеих стран, негативно отражаясь на российско-итальянском взаимодействии. В современных условиях траектория развития российско-итальянских отношений будет определяться уже не только экономическими факторами, но и эпидемиологической обстановкой. Однако сформировавшаяся конъюнктура породила не только новые вызовы, но и множество новых возможностей для выстраивания иных форматов взаимодействия в политической и экономической сфере. Взаимное инвестирование и раскрытие всего потенциала существующих возможностей откроет новую эру в торгово-экономическом сотрудничестве России и Италии, которое станет еще более многогранным и продуктивным для экономик двух стран.

Библиография

Андреев А.И., Зинькина Ю.В., Алексеенко О.А. «Кадровый удар» как результат влияния изменений возрастных структур населения ряда стран мира: политический и экономический аспекты // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 3. С. 49–63.

Гадзацев К.В. Энергетическая политика США в пространстве мировой экономики // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2020. № 1. С. 80–93.

Закон от 28 мая 1912 г. «Об учреждении должностей агентов Министерства торговли и промышленности за границей и секретарей при некоторых из них» // Известия Министерства иностранных дел. 1912. Кн. V. С. 47–50.

Разов С.С. Мы продолжаем политический диалог // Российская газета. 2015. № 6605(34). URL: <https://rg.ru/2015/02/19/razov.html> (дата обращения 17.08.2020).

De Maio G., Sartori N. Le relazioni tra Italia e Russia. Osservatorio di Politica Internazionale. Roma: Senato, 2018. 25 p. URL: https://people.unica.it/fulvioventurino/files/2020/04/De-Maio-Sartori_2018_Le-relazioni-tra-Italia-e-Russia.pdf

Federico G., Natoli S., Tattara G., Vasta M. Il commercio estero italiano 1862–1950. Collana storica della Banca d'Italia. Bari: Gius. Laterza & Figli, 2011. 262 p. (Ser. Statistiche Storiche. Vol. IV.)

Gross domestic product, volumes // Eurostat Database. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/teina011/default/table?lang=en> (дата обращения 21.08.2020).

Il potenziale energetico nazionale. Gli scenari e le sfide del future. Programma Interesse Nazionale 2016 / A cura di M. Coppi. Roma: Aspen Institute Italia, 2017. 104 p.

Le sanzioni alla Russia danneggiano soltanto le aziende italiane // Il quotidiano «Opinione pubblica» URL: <http://www.opinione-pubblica.com/> (дата обращения 09.08.2020).

Nota paese Federazione Russia (2020) / Ufficio ICE di Mosca. 76 p. URL: <https://unimpresa.ru/it/news/publications/nota-paese-federazione-russa-giugno-2020-ufficio-ice-mosca.pdf>

Relazioni commerciali Italia – Federazione Russia. Nota paese Federazione Russia. Mosca, 2020. P. 96.

Ucraina: Gentiloni, non c'è alternativa al negoziato (2015) // Sito web ufficiale del Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: <https://www.esteri.it/mae/it/sala stampa/archivionotizie/approfondimenti/ucraina-gentiloni-non-c-e-alternativa.html> (дата обращения 18.08.2020).

References

Andreev A.I., Zinkina Yu.V., Alekseenko O.A. «Kadrovyy udar» kak rezultat vliyaniya izmenenij vozrastnykh struktur naseleniya ryada stran mira: politicheskij i ekonomicheskij aspekty [«Personnel strike» as a result of the influence of changes in the age structures of the population of several countries of the world: political and economic aspects] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika [Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics]. 2019. N 3. Pp. 49–63. (In Russ.)

De Maio G., Sartori N. Le relazioni tra Italia e Russia. Osservatorio di Politica Internazionale. Roma: Senato, 2018. 25 p. URL: https://people.unica.it/fulvioventurino/files/2020/04/De-Maio-Sartori_2018_Le-relazioni-tra-Italia-e-Russia.pdf (date of access: 21.08.2020).

Federico G., Natoli S., Tattara G., Vasta M. Il commercio estero italiano 1862–1950. Collana storica della Banca d'Italia. Bari: Gius. Laterza & Figli, 2011. 262 p. (Ser. Statistiche Storiche. Vol. IV.)

Gadzatsev K.V. Energeticheskaya politika SSHa v prostranstve mirovoj ekonomiki [US energy policy in the space of the world economy] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika [Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics]. 2020. N 1. Pp. 80–93. (In Russ.)

Gross domestic product, volumes. Eurostat Database. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/teina011/default/table?lang=en> (date of access: 21.08.2020).

Il potenziale energetico nazionale. Gli scenari e le sfide del future. Programma Interesse Nazionale 2016. A cura di M. Coppi. Roma: Aspen Institute Italia, 2017. 104 p.

Le sanzioni alla Russia danneggiano soltanto le aziende italiane. Il quotidiano «Opinione pubblica» URL: <http://www.opinione-pubblica.com/>

Nota paese Federazione Russa (2020). Ufficio ICE di Mosca. 76 p. URL: <https://unimpresa.ru/it/news/publications/nota-paese-federazione-russa-giugno-2020-ufficio-ice-mosca.pdf> (date of access: 21.08.2020).

Razov S.S. My prodolzhaem politicheskiy dialog [We continue political dialog]. Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]. 2015. N 6605 (34). URL: <https://rg.ru/2015/02/19/razov.html> (date of access: 17.08.2020). (In Russ.)

Relazioni commerciali Italia – Federazione Russa. Nota paese Federazione Russa. Mosca: ITA, 2020. P. 96.

Ucraina: Gentiloni, non c'è alternativa al negoziato (2015). Sito web ufficiale del Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: <https://www.esteri.it/mae/it/sala stampa/archivionotizie/approfondimenti/ucraina-gentiloni-non-c-e-alternativa.html> (date of access: 21.08.2020).

Zakon ot 28 maja 1912 g. «Ob uchrezhdenii dolzhnostej agentov Ministerstva trgovli i promyshlennosti za granitsej i sekretarej pri nekotoryh iz nih» [Law of May 28, 1912 «On the establishment of the positions of agents of the Ministry of Industry and Trade abroad and secretaries attached to some of them»]. Izvestiya Ministerstva inostrannyh del [News of the Ministry of Foreign Affairs]. 1912. Book V. P. 47–50. (In Russ.)

И.В. Жирун

**ФОРМИРОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ГРАЖДАНСКАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИЛИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ?**

***Аннотация:** В данной работе приводится обзор, исследований по проблемам формирования украинской национальной идентичности, опубликованных в англоязычных зарубежных журналах. Приведенные в обзоре статьи можно разделить на три группы, согласно их теоретическим подходам: 1) определяющие дихотомию гражданской/этнической идентичности; 2) анализирующие множественность нарративов идентичности; 3) рассматривающие украинскую национальную идентичность как постколониальную. Также приводятся работы, в которых предлагаются альтернативные методологические подходы к исследованию украинской национальной идентичности. К ним относятся как подход «банального национализма», так и исследования, использующие различные социологические подходы. Исследователи уделяют внимание изучению этнических, языковых и региональных расколов. Результаты исследований показывают, что языковая политика и образование занимают центральную роль в социализации национальной идентичности Украины. В последние годы к украинской идентичности и обществу все чаще применяются понятия «гибридность» и «постколониальность». В будущих исследованиях необходимо затронуть вопрос о роли языка в формировании социальных связей, влияния этнических меньшинств на конструирование национальной идентичности, а также о других факторах, влияющих на идентичность, например экономических. Понятия «гибридность» и «постколониальная идентичность» требуют концептуализации и анализа применительно к украинскому кейсу. Трансформация украинского общества после 2014 г. открывает возможности для исследований в рамках «банального национализма». В связи с этим важно более активно привлекать украиноязычную научную литературу.*

***Ключевые слова:** национальная идентичность; языковая политика; историческая политика; гибридная идентичность; «другой»; постколониализм; Украина.*

Жирун Ирина Васильевна – аспирант Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: iryna.zhyrun@gmail.com
Web of Science Researcher ID: G-1700–2018

Zhyrun I.V. Formation of the Ukrainian Identity: Civic, Ethnic or Post-Colonial?

Abstract: *This paper provides an overview of articles published in foreign journals in the English language that research the construction of Ukrainian national identity. The articles included in the review belong to three groups, according to their theoretical approaches 1) those oriented towards the definition of civic / ethnic dichotomy, 2) those analysing multiple narratives of identity 3) those analysing Ukrainian national identity as post-colonial. Additionally, I analyse examples of works that offer alternative methodological approaches to research Ukrainian national identity. These include the «banal nationalism» approach and a number of sociological approaches. The researchers of Ukrainian identity focus mainly on the study of the ethnic, linguistic, and regional cleavages. Some findings demonstrate how language politics and education play a central role in the socialisation of national identity in Ukraine. In recent years, the concepts of «hybridity» and «post-colonialism» have been increasingly applied to the Ukrainian identity and society. In future research, more attention should be paid to the role of language in forming social links, the role of ethnic minorities in national identity construction, and other factors that influence national identity, for instance, economic ones. The terms or «hybridity» and «post-colonialism» require further conceptualisation and analysis within the Ukrainian case. The transformation of the Ukrainian society after 2014 opens new possibilities for research within the framework of «banal nationalism». In this regard, there should be more engagement with scientific literature published in Ukrainian.*

Keywords: *national identity; language policy; history politics; hybrid identity; other; post-colonialism; Ukraine.*

**Zhyrun Iryna Vasilievna – PhD candidate at the School of Politics and Governance, National Research University – «Higher School of Economics». Russia, Moscow.
E-mail: iryna.zhyrun@gmail.com
Web of Science Researcher ID: G-1700–2018**

История независимых постсоветских государств насчитывает почти 30 лет. За это время создана обширная литература в области исследований национальной идентичности, объясняющая развитие обществ, отталкиваясь от разных теоретических позиций: национализма, нарративов и постколониального формирования общества. Случай украинской национальной идентичности, в котором совпали этнические, лингвистические, исторические и региональные различия, привлекает внимание исследователей своей сложностью. За время независимости Украины накопилась значительная по объему исследовательская литература, посвященная проблеме конструирования постсоветской национальной идентичности. Существует необходимость сис-

тематизации подходов, анализа основных проблем в интерпретации результатов исследований и определения будущих направлений.

Данный обзор основывается на анализе вариативности теоретической базы, на которую опираются исследования украинской идентичности, опубликованные в зарубежных англоязычных журналах. В первую очередь определение и операционализация понятия «идентичность», а не методы исследования, объясняют разнообразие подходов и интерпретацию результатов эмпирических и теоретических исследований. Включенные в обзор работы принадлежат разным областям междисциплинарного поля, в которых национальная идентичность Украины является одной из центральных тем. К ним относятся не только исследования национальной идентичности элит и масс, но и исследования политики идентичности в области преподавания истории и языковой политики.

Дихотомия гражданской и этнической идентичности

Доминирующим подходом для исследования динамики национальной идентичности Украины является дихотомия гражданской и этнической идентичности. Часто исследователи используют определение идентичности, сформулированное одним (или несколькими) теоретиком национализма, опираясь на работы таких авторов, как А. Смит, Р. Брубейкер, Б. Андерсон и многие другие. Авторы предлагают разнообразные классификации типов национализма и причин его развития, но центральное место в них занимает дихотомия гражданской и этнической идентичности, предложенная Гансом Коном в работе «Идея национализма» [Kohn, 1944]. Дихотомия различает два типа национализма: гражданский и этнический. Тип гражданского национализма нацелен на демократические процессы, которые легитимируют создание государства и содержат нарратив о превращении угнетаемых обитателей в граждан. Этот тип национализма свойственен государствам Западной Европы. В свою очередь этнический тип национализма фокусируется на культурном / этническом измерении и типичен для государств Восточной Европы [Larsen, 2017, p. 2].

Несмотря на критику повышенного внимания к данной дихотомии и ее упрощенное понимание [Kuzio, 2002 a], именно разделение на гражданский / этнический типы национализма выступает референтным значением в исследованиях украинской национальной идентичности. Исследователи определяют факторы, которые влияют на идентичность и категории, по которым можно измерить сдвиг в сторону гражданской или этнической идентичности. В этой группе исследований чаще всего используются статистические методы, опросы и идентификация корреляции между зависимыми и независимыми переменными [Barrington, Herron 2004; Shulman 2005; Pohorila 2016; Haran,

Yakovlyev, Zolkina 2019; Bureiko, Moga 2019]. Однако встречается и использование качественных методов – анализ кейсов и документов [Koshmanova 2006], этнографические методы [Peacock 2015; Korostelina 2013 d; Friedman 2016], качественные [Popson 2001; Janmaat 2007] и смешанные [Kulyk 2016].

Основной вопрос формирования и изменения украинской идентичности рассматривается через призму взаимодействия (или присутствия) компонентов гражданской или этнической идентичности. Авторы предлагают различные типы классификаций и категоризации. Категории включают язык, этническую принадлежность и исследуют региональные (или другие) отличия.

Роль этнического и регионального фактора в национальной идентичности Украины

Региональные различия Украины проявились с первых выборов президента в 1991 г., когда выявился «раскол» между политическими предпочтениями регионов: западный регион поддерживал более националистично настроенных кандидатов. Чтобы объяснить этот феномен, исследователи пытаются установить роль этничности, регионализма и их влияния на внутреннюю и внешнюю политику.

Пири [Pirie 1996] разработал четыре типа этнической самоидентификации, вместо предложенных ранее трех (этнических русских, этнических украинцев и русскоговорящих украинцев) этнических групп. Автор предположил, что возможна разная степень идентификации с этнической группой: 1) сильная идентификация с одной этнической группой, 2) сильная идентификация с двумя группами одновременно (би-культурная), 3) маргинальная идентификация с одной из групп и 4) панславянская идентификация, включающая в себя идентификацию с несколькими этническими группами. Однако исследование не объясняет при каких обстоятельствах возможно изменение самоидентификации. Согласно автору [Pirie 1996], один из важных факторов, влияющих на национальные выборы – это плотность населения восточных областей, население которой предопределяет их исход. Электоральная система Украины неоднократно менялась с 1996 г., а перепись населения проводилась в 2001 г. Поэтому из-за отсутствия новейшей официальной статистики в данных обстоятельствах, фактор плотности населения трудно включить в современные исследования украинской национальной идентичности.

Шульман [Shulman 2005] предложил классификацию этнического состава украинского населения, в которой выделил две основные группы: этнические украинцы и восточные славяне. Но автор отрицает приверженность строго гражданско-этнической дихотомии предлагая «альтернативные идентичности». Две основные этнические группы обладают набором характеристик и отличий по языку, отношению к «другим» – России и Европе, и разли-

чаются предпочтениями направлений во внешней политике. Национальная идентичность определена как «понятия граждан о факторах, которые должны объединять население в национальное государство и отличать сообщество от других» [Shulman 2005, p. 59]. Автор предполагает наличие коллективных ценностей у каждой из этнических групп. Например, этнические русские предпочитают авторитарный режим, а этнические украинцы – более склонны поддерживать демократический. Таким образом, этническая идентичность рассматривается как механизм политических и экономических изменений в обществе. Шульман заключает, что распространение этнической украинской идентичности будет способствовать демократизации общества.

Взаимосвязь между региональными расколами и этнической группой является одной из проблем, которые пытаются решить исследователи путем определения регионов, их этнического состава и политических предпочтений. В исследованиях идентичности Украины существует проблема определения «региона». Как показывают Баррингтон и Эррон [Barrington, Herron 2004], критерии по определению регионов могут значительно повлиять на интерпретацию результатов исследования. Баррингтон и Эррон [Barrington, Herron 2004] выделяют восемь регионов, согласно их историческим, экономическим и демографическим параметрам. Шульман [Shulman 2005], а также Фединек и Чернышко [Fedines, Csernicso 2017] выделяют пять регионов (запад, центр, юго-восток, Киев и Крым), различающиеся по языковым и этническим идентичностям. Раскол между западом и востоком часто отмечается исследователями [Barrington, Herron 2004; Zhurzhenko 2014; Pohorila, 2016]. Независимо от того, по каким критериям будут сформированы регионы, всегда есть большая разница между западным регионом и остальными [Barrington and Herron, 2004]. Журженко рассматривает «конфликт» идентичностей между западными и восточными регионами [Zhurzhenko, 2014]. Исследуется не только межэтническое восприятие друг друга, но и возможность возникновения межэтнического конфликта [Barrington, Herron 2004].

Погорила [Pohorila 2016] выделяет центр страны, как обладающий своей собственной отличной идентичностью, которая не подходит под определение «этнической», или «гражданской», а подвержена сдвигам. Эта идентичность связана с политическими предпочтениями и влиянием исторических факторов. Процесс модернизации оказывает неравномерное влияние на разные группы населения, что объясняет различия в политических предпочтениях. Городское население обладает более выраженной гражданской идентичностью, а сельское – более этнической. Важную роль в мобилизации электората центра играет внешнеполитический фактор. В этом случае центр склонен голосовать, как западный регион. Сельские жители мобилизуются в случаях, когда национальная безопасность находится под угрозой. Однако есть и смешанные идентичности, на которые влияет цивилизационный раскол.

Таким образом, исследования, рассматривающие фактор регионализма Украины, пытаются установить связи между этническим составом регионов, историческим контекстом их формирования и разрабатывают разнообразные классификации типов идентичностей регионов, этнических и языковых групп.

Язык и национальная идентичность

Влияние языкового разнообразия Украины на идентичность и связь языковой политики с изменением идентичности – это один из важных исследовательских вопросов. Не прекращаются споры о роли, которую играет украинский язык в формировании современной национальной идентичности. Является ли язык основным источником разногласий между регионами и причиной межэтнического конфликта на востоке Украины [Kulyk 2016; Fedinets, Csernicsko 2017] или роль его незначительна, так как он не является основным маркером идентичности и нации [Pirie 1996; Kuzio 1996; Charnysh 2013; Bureiko, Moga 2019]?

Рассматривая язык, как фактор формирования национальной идентичности и изменения этнической / гражданской идентичности, исследователи приходят к противоположным выводам. Язык может влиять на самоидентификацию, но не играет центральной роли в национальной идентичности [Pirie 1996]. Чарныш считает, что языковые расколы смягчаются на местах, а языковая политика – это предмет манипулирования элит и часть идеологии [Charnysh 2013]. Этот вывод подтверждается результатами исследования Буреико и Мого [Bureiko, Moga 2019]. Кулык [Kulyk 2016], наоборот, подчеркивает возросшее значение украинского языка в формировании украинской идентичности после Евромайдана.

Исследователи выделяют отличные от этнической и региональной принадлежности факторы, которые могут повлиять на отношение к языку и изменить его роль в современной Украине. Русский язык служит языком международного общения [Charnysh 2013]. Хотя в постсоветском обществе трудно дать определение «класса», наблюдается разное отношение к использованию русского и украинского языков между рабочей молодежью и средним классом [Charnysh 2013; Peacock 2015]. Также с течением времени смена поколений является важным фактором в использовании и восприятии языка, который выступает как важный маркер национальной идентичности [Charnysh 2013; Peacock 2015].

Одной из сложностей в определении роли языка в национальной идентичности является то, что исследователи используют опросы, которые предлагают самоопределение «родного языка». Часто самоидентификация «родного языка» не совпадает с языком, который ежедневно использует человек [Bureiko, Moga 2019]. Сравнение изменений по отношению к украинскому

языку затруднено, так как нет данных по Крыму и Донбассу после 2014 г. из-за отсутствия доступа к территории [Bureiko, Moga 2019]. Результаты показывают, что роль украинского языка не является основной для национальной идентичности и, следовательно, идентичность является гражданской, а не этнической. Тем не менее вопросы и ответы опроса содержат только позитивные по отношению к Украине и украинскому государству категории. Подобные исследования можно дополнить открытыми вопросами, чтобы узнать, что понимается под украинской идентичностью не только в позитивном ключе, но и в нейтральном или негативном. Понятие «родной язык» имеет разные интерпретации, которые могут не соответствовать научному определению этого понятия. Также признание определенного языка родным может иметь политическую коннотацию, особенно в условиях конфликта, что осложняет интерпретацию данных для исследователя.

Роль образования в формировании национальной идентичности

Одним из факторов, который может повлиять на самоидентификацию с этнической группой и формирование национальной идентичности, является образование. Исследователи рассматривают идентичность как результат, получаемый в процессе социализации в школе, а систему образования как инструмент политики идентичности. Для исследования этого процесса, используется ряд стратегий: изучение конструирования национальной идентичности в учебниках и в образовательном процессе [Popson 2001; Janmaat 2007; Fillippova 2009; Rodgers 2008], микроанализ общения в школе и роль учителей в конструировании идентичности [Koshmanova 2006; Korostelina 2013 d; Friedman 2016].

Учебники являются инструментом образования, формирования ценностей и норм. Национальная идентичность конструируется в учебниках с помощью саморепрезентации украинской нации и репрезентации «другого». Книги – это агенты социализации, которые отражают доминирующие ценности и символы эпохи [Fillippova 2009]. Анализ может быть основан на материале одного учебника [Popson 2001], сравнительного анализа поколений учебников, а также разницы в описании позитивных и негативных периодов истории [Janmaat 2007] и ценностей [Fillippova 2009], которые они воспроизводят.

Исследователи отмечают, что украинская идентичность, конструируемая в учебниках, является этнической [Popson 2001; Rodgers 2008]. Этноцентричные ценности, которые прививаются мультикультурному населению, а также культурная ассимиляция в процессе социализации в школе могут привести к росту этнической ксенофобии [Koshmanova 2006]. Негативные репрезентации «других» в учебниках приводят к созданию национального нарратива виктимизации

и стереотипов о «других» [Janmaat 2007; Korostelina 2010; Korostelina 2013 d]. Продвижение этнической, а не гражданской, идентичности в образовании может негативно отразиться на отношении к истории русскоязычного населения Украины [Rogers 2008]. Кроме процесса социализации национальной идентичности, необходимо исследовать влияние этого процесса и степень интериоризации национальной идентичности учениками [Popson 2001; Koshmanova 2006].

К проблеме восприятия учеников обращается Фридман [Friedman 2016]. Автор иллюстрирует, каким образом учителя воспроизводят доминирующие дискурсы о языке и нации, которые должны создать «воображаемое» украинское общество. Результаты показывают, что ученики легко вовлекаются в это воображаемое общество и воспроизводят идеологию языка. Тем не менее они воспринимают себя как периферийных членов или создают альтернативное мультиязычное украинское сообщество.

Исследование национальной идентичности как нарратива позволяет отойти от гражданской и этнической дихотомии. Нарративы имеют двойственную структуру – определяют «нас» и «их», выполняя функцию создания значения национальной идентичности. Учителя выступают агентами конструирования нарративов идентичности. Коростелина [Korostelina 2013 d] выделила три типа нарратива среди учителей истории: этнический украинский, этнический русский и мультикультурный. Следует заметить, что нарративы не только имеют четкую структуру, но и являются взаимоисключающими.

Образование в области истории стало инструментом для создания и усиления межгрупповой границы, которая помогла определить новую украинскую идентичность [Korostelina 2010]. Коростелина выделяет три формы национальной идентичности в учебниках истории: *культурную* (cultural), *отраженную* (reflected) и *мобилизованную* (mobilized). Культурная форма идентичности основана на характеристиках быта группы, хпї включает в себя национальную кухню, музыку, песни, традиции, праздники, ценности, верования, нормы и проч. Отраженная форма идентичности ассоциируется с глубоким пониманием истории и отношений между «своей» и «чужой» группой. Мобилизованная форма идентичности основывается на понимании «своей» идентичности в рамках межгрупповых отношений, подчеркивает межгрупповое сравнение позиций, власти и статуса. Таким образом, эта форма идентичности может привести к конфликтам, так как создает конкуренцию и противоречия между группами. В украинском образовании стала использоваться мобилизованная форма идентичности. Исторические нарративы в учебниках не могут начать сам конфликт, но могут послужить мощными инструментами для социальной мобилизации в его возникновении [Korostelina 2010].

Национальная идентичность воспроизводится в учебных материалах, однако государство не обладает монополией на ее интерпретацию. Учителя и ученики способны создавать альтернативные проекты идентичности.

Понятие гибридной идентичности

Украинские исследования все чаще используют понятие «гибридность» для описания украинского общества: гибридная идентичность [Giuliano 2018], гибридное общество и политическая система [Cleary 2016], гибридная память [Nosaka 2019]. Однако «гибридность» имеет разные значения в данных работах. В работе Джулиано [Giuliano 2018] под гибридностью имеется в виду идентичность респондентов, которые ассоциируют себя одновременно с двумя этническими группами – русской и украинской. Хосака [Nosaka 2019] включает в понятие «гибридность» чувство ностальгии по Советскому Союзу, существующее одновременно с поддержкой независимости Украины.

Понятие гибридной идентичности более подробно разработано в исследовании Хансен и Хесли [Hansen, Hesli 2009]. Их работа предлагает отход от модели гражданской и этнической дихотомии, хотя и опирается на нее. Авторы выделяют категории национальных идентичностей и сравнивают, как эти категории распределены между разными национальными группами Украины. Предлагается типология идентичностей, которые могут иметь два измерения: степень идентификации с этнической группой (сильная или слабая) и отношение к другим этническим группам (толерантное или нетерпимое). Таким образом, возможны четыре вида идентичности со слабой идентификацией с этнической группой: 1) гражданская (толерантная); 2) атомизированная (нетерпимая), но с сильной этнической идентификацией; 3) гибридная (толерантная); 4) этническая (нетерпимая). Для гибридной идентичности характерно обладание инклюзивным отношением к другим социальным группам, но в то же время респонденты обладают сильной степенью идентификации со своей этнической группой. Люди с гибридной идентичностью продвигают политические цели своей группы, но принимают разнообразие общества и признают важность прав меньшинств [Hansen, Hesli 2009]. Результаты исследования показали, что гражданская идентичность очень различается у представителей разных этнических групп на Украине. Гражданская идентичность не является самой распространенной среди граждан Украины. Этническая идентификация характерна для украинцев, русских и татар. Атомизированной идентичностью обладают около половины респондентов – это наиболее распространенная идентичность среди всех этнических групп, кроме крымских татар. То есть населению Украины более присуща сильная этническая идентификация и нетерпимость к другим группам.

В настоящее время понятие «гибридная идентичность» недостаточно концептуализировано. Исследование динамики национальной идентичности Коростелиной [Korostelina 2013 a] указывает на связь украинской идентичности с советским прошлым, но не использует понятие «гибридность»: в исследованиях же после 2014 г. акторы применяют данное понятие более свободно. Оно используется исследователями как противопоставление «чистой» форме чего-либо: памяти, идентичности, политической системы.

Национальная идентичность как нарратив

Альтернативой дихотомии Кона является исследование национальной идентичности как нарратива. Данный подход принимает во внимание широкий круг акторов, влияющих на политический дискурс – журналистов, представителей академического круга, политиков и экспертов. Этот тип исследований использует качественные методы – полуструктурированные интервью, включенное наблюдение, анализ круглых столов и политических дискуссий, мониторинг телевизионных программ, данных библиотек и онлайн-ресурсов академических институтов и т.д. Исследователи предлагают типологии нарративов и анализируют их относительно их точек совпадения, оспариваемости и конфликтности [Korostelina 2013 b; Korostelina 2013 c; Korostelina 2014] и отношениями между нарративами – как тот или иной нарратив отображает разные интерпретации украинской национальной идентичности [Smoor 2017].

Исследования нарратива делают акцент на отсутствии единой национальной идентичности, национальной идеологии или понятия объединенной нации-государства [Korostelina 2013 c]. До 2013 г. Украина еще находилась под влиянием советского прошлого. Коростелина [Korostelina 2013 c] выделила четыре нарратива украинской национальной идентичности, которые поддерживались широким кругом интеллектуальной элиты: 1) Украина как государство без национальной идентичности; 2) страна, которая не закончила переходный период и деградирует; 3) разделенное общество; 4) Украина как колония. В 2014 г. было выявлено пять основных нарративов: 1) двойная идентичность; 2) просоветское отношение; 3) борьба за украинскую идентичность; 4) признание украинской идентичности; 5) мультикультурная-гражданская идентичность [Korostelina 2014]. Данные нарративы находились в конфликте друг с другом. После событий Евромайдана временное правительство исключило три нарратива из публичного дискурса, поддерживая только два – **борьба за украинскую идентичность и признание украинской идентичности**. Исключение других нарративов повлекло за собой недовольство юго-востока, а отсутствие в Украине общеприемлемой идентичности послужило источником оспаривания среди нарративов.

Образы и конструируемые идентичности играют важную роль в нарративах, которые используются для мобилизации поддержки разных позиций в конфликте [Smoor 2017]. Формирование гражданской идентичности в нарративах и возможность диалога между представителями разных нарративов может предотвратить конфликт [Korostelina 2013 b]. Исследования нарратива отличаются разнообразием классификаций национальной идентичности и привлекают внимание к множественности интерпретаций понятия «национальная идентичность».

Украинская идентичность как постколониальная

Исследования украинской идентичности, как постколониальной еще не представляют собой полностью сформированное направление. Существует необходимость дать оценку попыткам переосмысления постсоветской идентичности как постколониальной. Тем не менее представление о постколониальной природе идентичности Украины в научной литературе встречается давно¹. Например, Кузио [Kuzio 1996, p. 589] указывает влияние прошлого на идентичность регионов Украины, как исторически сложившуюся в составе разных империй. Идеи автора основываются на понятиях национализма и конструктивизма, и дихотомии Кона, но Украина рассматривается, как постколониальная – «превратилась из субъекта империи в независимое государство» [Kuzio 1996, с. 589]. Работы Кузио опираются на авторов, которые сравнивают десоветизацию с деколонизацией в западном мире [Kuzio 1996, Kuzio 2001, Kuzio 2002 a]. Кузио проводит аналогию между политикой России и Советского Союза по отношению к Украине с политикой Англии по отношению к Соединенному Королевству, называя это «внутренней колонизацией» [Kuzio 2002 b, p. 19]. Постколониальное прошлое объясняет использование языка, историографии, религии, экономических и социальных особенностей, а также оправдывает политику национального строительства, с помощью которой независимые государства желают удалить некоторое (или все) колониальное наследие [Kuzio 2002 a].

Исследование Рябчука [Riabchuk 2015] основывается на категоризации Шульмана [Shulman 2005] и понятиях этнической украинской и славянской идентичности. Эта работа сравнивает ситуацию украинского населения после 2014 г. с «креольским» населением в Латинской Америке. В исследовании Рябчука заметно влияние цивилизационной теории Хантингтона. Анализируя историю Украины как историю политики империй по отношению к населению,

1. Среди работ, которые относят идентичность Украины к постколониальной или постимперской категории, также следует упомянуть книгу Ильи Призеля «Национальная идентичность и внешняя политика» изданную в 1998 г. (англ.: Ilya Prizel «National identity and foreign policy»).

Рябчук рассматривает украинскую идентичность как постколониальную, с особенной силой проявившуюся после событий Евромайдана.

Политика памяти, символическая политика элит после 2013–2014 гг. и «законы декоммунизации» также рассматриваются в рамках «антиколониального национализма» [Törnquist-Plewa, Yurchuk 2019]. Анализируя политику памяти в Украине как постколониальное явление, авторы подчеркивают, что деколонизация в первую очередь была применена к образованию в постсоветский период. Авторы оценивают все трансформирующие события на Украине, такие как «оранжевая революция», Евромайдан и политика идентичности как постколониальное освобождение.

Образ Украины как колониальной страны наблюдается в эмпирических исследованиях. В нарративах учителей истории Россия является империей [Korostelina, 2013 d], в нарративах элит постсоветская Украина представлена, как колония олигархов [Korostelina 2013 c], а русский язык – это «бывший имперский язык» [Kulyk 2016 a, p. 103], который доминирует и маргинализирует украинский. Такие, тенденции в новейшей украинской литературе анализируются с позиции конструирования идентичности в постколониальной культуре [Chernetsky 2019]. Последнюю работу также можно рассматривать с позиции «банального национализма».

Альтернативные подходы

Национальная идентичность изучается через призму ежедневных практик. Основой такого рода исследований является подход «банального национализма», предложенный Фоксом и Миллером-Идриссом [Fox, Miller-Idriss 2008]. Авторы предложили четыре типа подходов для исследования формирования нации: символический перформанс, процесс национального принятия решений, использование языка и потребление национальных продуктов. В работе Селиверстовой [Siliverstova 2017] показано, что граждане не являются пассивными акторами, которые только принимают или отвергают проект национальной идентичности, конструируемую элитами, но и сами могут интерпретировать или пересмотреть ее посредством практики потребления национальных продуктов. Автор исследует процесс наполнения объектов новым смыслом. Для концептуализации понятия национальной идентичности используется теория структуризации Гидденса.

Исследование социально-политических отношений и идентичности населения в условиях войны требует использования более сложной концептуальной рамки. Митчник [Mitchnik 2019] комбинирует подход «теории практики» Бурдьё, «триаду» Брубейкера и концептуализацию банального национализма. Таким образом, в своей работе он объединяет подход исследований элит и масс, а также исследует национальную идентичность, как дискурсивный

конструкт. Это исследование показывает, что национализирующие политики государства воспринимаются более позитивно, когда интерпретируются населением как возникшие благодаря простым людям, а не как государственная политика, насажденная «сверху».

Бергер и Лукман [Berger, Luckman 1966, p. 194] предложили понятие идентичности как «сформированной социальными процессами». Идентичность поддерживается, изменяется и даже трансформируется с помощью социальных отношений. В свою очередь социальные процессы определены социальной структурой. Для исследования роли украинского языка в идентичности Максимовцова [Maksimovtsova 2017] освещает позицию русскоязычных граждан и показывает манипулирование языковым вопросом элитами. Используется ряд социологических теорий и понятий, таких как «теория социальных проблем», «мотивы языковых игр», «дискурсивные транснациональные онлайн комьюнити», «подход к социологии знания». Социальная проблема является риторическим конструктом, а не объективной реальностью, которая переплетается с понятиями равенства и справедливости. Для ее исследования используется анализ риторических стратегий и паттернов аргументации. В них украинский язык является маркером украинской идентичности, а также тесно связан с понятием национального интереса и условием сохранения суверенитета. К тому же подразумевается связь с европейской интеграцией: украинский – значит европейский. Две проблемы, которые артикулируются и оспариваются – это дискриминация русскоязычного населения в образовании и конструирование «экзистенциальной угрозы» украинскому языку.

Заключение

Ответ на вопрос, какая идентичность сформировалась на Украине и каким образом она изменяется, лежит в нескольких плоскостях. Многие авторы берут за основу дихотомию гражданской и этнической идентичности. Однако после 2014 г. все чаще используется понятие «гибридность» и «постколониальный подход» относительно природы изменений идентичности Украины. Пока нет однозначного ответа на вопрос, в какой мере многочисленные факторы влияют на изменение той или иной идентичности и при каких условиях национальная идентичность становится ярко выраженной.

Исследования, основанные на опросах населения, сталкиваются с проблемой доступа к исследуемой группе в условиях конфликта. Социологические опросы не включают неподконтрольные территории в свою выборку после 2014 г. Таким образом, возникает необходимость в применении альтернативных методов и подходов.

Роль языка в обществе может изучаться не только как основа самоопределения с этнической группой или политическими взглядами. Если идентичность формируется социальными связями, то следует уделить больше внимания тому, каким образом владение / использование определенного языка влияет на социальное, классовое или политическое положение в обществе для индивидуумов и групп. Исследования по языковому вопросу также не освещают роли, которую играют другие этнические меньшинства в национальной идентичности Украины. Исследования фокусируют внимание на противопоставлении русского и украинского языков и соответственных этнических групп. Опросы предполагают самоидентификацию родного языка и этнической группы, однако исследователи не показывают, какие факторы и причины влияют на самоидентификацию.

Понятие «гибридная идентичность» требует концептуализации, как и выявление причин по которым население с гибридной идентичностью предпочитает связи с Россией. Отличается ли понятие «гибридная идентичность» от «смешанной», которая используется в межкультурных исследованиях? Как предполагает Джулиано [Giuliano 2018], кроме исследования этничности и внешнеполитических предпочтений следует включить другие факторы, такие как экономические. Возможно, поддержку связей с Россией можно объяснить экономическим интересом, а не только принадлежностью к этнической группе. Тем не менее в данный момент основное внимание исследователей обращено на этнические, языковые и региональные расколы.

Исследования идентичности как нарратива сосредоточены на множественности и дискурсивном противоборстве значений, придаваемых национальной идентичности. Исследователи подчеркивают связь между взаимоисключающими нарративами и социальным конфликтом.

Что касается направления исследований в постколониальном ключе, то в исследованиях по украинской идентичности нет серьезного обсуждения литературы по колониальной идентичности, примененного к постсоветскому пространству. Каким образом процесс деколонизации постсоветского пространства отличается от других стран? Порождает ли дискурс о «колониализме» проблему формирования внутренних «других»? Как они сконструированы и как это влияет на представления о национальной идентичности Украины? Таким образом, стоит вопрос об уместности исследования идентичности Украины через призму постколониальных процессов. Необходимо определить критерии, по которым украинская идентичность относится к постколониальным, осуществить эмпирические исследования, в том числе сравнительные, и уточнить место понятия «постколониальное общество» в системе нарративов и практик, которые конструируют национальную идентичность Украины.

В связи с трансформацией украинского общества после 2014 г. возросли возможности исследований в рамках подхода «банального национализма» –

таких, как изучение отношения украинцев к новым национальным символам и формирование новых социальных практик. В связи с этим важно более активно использовать научную литературу на украинском языке.

Бібліографія

Barrington L.W., Herron E.S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // *Nationalities Papers*. 2004. Vol. 32. N 1. P. 53–86. URL: <https://doi.org/10.1080/0090599042000186179> (дата обращения: 15.06.2020).

Berger P., Luckmann P. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books, 1966. P. 219.

Bureiko N., Moga L.T. The Ukrainian – Russian linguistic dyad and its impact on national identity in Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N 1. P. 137–155. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1549653> (дата обращения: 08.08.2020).

Charnysh V. Analysis of Current Events: Identity Mobilization in Hybrid Regimes: Language in Ukrainian Politics // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. N 1. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.750288> (дата обращения: 16.07.2020).

Chernetsky V. Sofiia Andrukhovych's Felix Austria: The Postcolonial Neo-Gothic and Ukraine's Search for Itself // *Canadian Slavonic Papers*. 2019. Vol. 61. N 4. P. 386–398. URL: <https://doi.org/10.1080/00085006.2019.1668337> (дата обращения: 07.08.2020).

Cleary L. Half Measures and Incomplete Reforms: The Breeding Ground for a Hybrid Civil Society in Ukraine // *Journal of Southeast European and Black Sea*. 2016. Vol. 16. N 1. P. 7–23. URL: <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1148410> (дата обращения: 07.08.2020).

Fedinec C., Csernicsko I. Language policy and national feeling in context Ukraine's Euromaidan, 2014–2016 // *Central European Papers*. 2017. Vol. 1. P. 81–100. URL: https://www.slu.cz/fvp/cz/web-сер/archiv-casopisu/2017-vol-5-no.1/csilla_fedinec_language-policy/ (дата обращения: 13.08.2020).

Fillippova O. Politics of Identity through School Primers: Discursive Construction of Legitimate Image of State, Nation and Society in Soviet and Independent Ukraine // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27. N 1. P. 29–36. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.961.2687&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 13.08.2020).

Fox J.E., Miller-Idriss C. Everyday Nationhood // *Ethnicities* 2008. Vol. 8. N 4. P. 536–563. URL: <https://doi.org/10.1177/1468796808088925> (дата обращения: 13.08.2020).

Friedman D.A. Our language: (re)imagining communities in Ukrainian language classrooms // *Journal of Language, Identity and Education*. 2016. Vol. 15. N 3. P. 165–179. URL: <https://doi.org/10.1080/15348458.2016.1166432> (дата обращения: 09.08.2020).

Giuliano E. Who Supported Separatism in Donbas? Ethnicity and Popular Opinion at the Start of the Ukraine Crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2018. Vol. 34. N 2–3. P. 158–178. URL: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1447769> (дата обращения: 07.08.2020).

Hansen H.E., Hesli V.L. National Identity: Civic, Ethnic, Hybrid, and Atomised Individuals // *Europe – Asia Studies*. 2009. Vol. 61. N 1. P. 1–28. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802532894> (дата обращения: 09.08.2020).

Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. N 6. P. 684–708. URL: <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1667845> (дата обращения: 07.08.2020).

Hosaka S. Hybrid Historical Memories in Post-Euromaidan Ukraine. // *Europe – Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N 4. P. 551–578. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1578863> (дата обращения: 08.08.2020).

Janmaat J.G. The ethnic 'Other' in Ukrainian history textbooks: the case of Russia and the Russians // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2007. Vol. 37. N 3. P. 307–324. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03057920701330180> (дата обращения: 07.08.2020).

Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. N.Y.: Macmillan, 1944. 735 p.

Korostelina K. Constructing nation: national narratives of history teachers in Ukraine // *National Identities*. 2013 c. Vol. 15. N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (дата обращения: 13.08.2020).

Korostelina K.V. Identity and power in Ukraine // *Journal of Eurasian Studies*. 2013 a. Vol. 4. N 1. P. 34–46. URL: <https://doi.org/10.1016/J.EURAS.2012.10.002> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Shaping unpredictable past: national identity and history education in Ukraine // *National Identities*. 2011. Vol. 13. P. 1–16. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14608944.2010.508817> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Mapping national identity narratives in Ukraine // *Nationalities Papers*. 2013 b. Vol. 41. N 2. P. 293–315. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.747498> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Conflict of National Narratives of Ukraine Euromaidan and Beyond // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 269–290. URL: <https://www.jstor.org/stable/24868496?seq=1> (дата обращения: 10.08.2020).

Korostelina K. 2013 d. Constructing Nation: National Narratives of History Teachers in Ukraine // *National Identities*. Vol. 15. N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (дата обращения: 10.08.2020).

Koshmanova T. National Identity and Cultural Coherence in Educational Reform for Democratic Citizenship. The Case of Ukraine // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2006. Vol. 1. N 1. P. 105–118. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1746197906060716> (дата обращения: 10.08.2020).

Kulyk V. Language and identity in Ukraine after Euromaidan // *Thesis Eleven*. 2016. Vol. 136. N 1. P. 90–106. URL: <https://doi.org/10.1177/0725513616668621> (дата обращения: 10.08.2020).

Kuzio T. National Identity in Independent Ukraine: An Identity in Transition // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1996. Vol. 2. N 4. P. 582–608. URL: <https://doi.org/10.1080/13537119608428487> (дата обращения: 11.08.2020).

Kuzio T. 2001. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the 'other' // *Ethnicities*. Vol. 1. N 3. P. 343–365. URL: <https://doi.org/10.1177/146879680100100304> (дата обращения: 11.08.2020).

Kuzio T. 2002 a. Nationalism in Ukraine: Towards a New Theoretical and Comparative Framework // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 7. N 2. P. 133–161. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13569310220137511> (дата обращения: 15.08.2020).

Kuzio T. *Ukraine and Nation-Building*. 2nd ed. New York: Taylor& Francis e-Library, 2002 b. 298 p.

Larsen C.A. Revitalizing the 'Civic' and 'Ethnic' Distinction. Perceptions of Nationhood across Two Dimensions, 44 Countries and Two Decades // *Nations and Nationalism*. 2017. Vol. 23. N 4. P. 970–993. URL: <https://doi.org/10.1111/nana.12345> (дата обращения: 15.08.2020).

Maksimovtsova K. Language Policy in Education in Contemporary Ukraine: A Continuous Discussion of Contested National Identity // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2017. Vol. 16. N 3. P. 1–25.

Mitchnik I. Making Donbas, Breaking Donbas: The Impact of Conflict Experience on Identity Shifts in the East of Ukraine // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18. N 4. P. 423–443. URL: <https://doi.org/10.1080/17449057.2019.1613059> (дата обращения: 15.08.2020).

Peacock E.A. National identity and language: class differences among youth in Western Ukraine // *Global Studies in Childhood*. 2015. Vol. 5. N 1. P. 59–73. URL: <https://doi.org/10.1177/2043610615573380> (дата обращения: 08.08.2020).

Pirie P.S. National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. N 7. P. 1079–1104. URL: <https://www.jstor.org/stable/153099?seq=1> (дата обращения: 08.08.2020).

Pohorila N. Political and National Identity in Ukraine's Regions: Where Does the Center Fit? // *Polish Political Science Review*. 2016. Vol. 4. N 1. P. 18–32. URL: <https://sciendo.com/article/10.1515/ppsr-2015-0033> (дата обращения: 08.08.2020).

Popson N. The Ukrainian history textbook: introducing children to the «Ukrainian nation» // *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 29. N. 2. P. 325–350. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/article/abs/ukrainian-history-textbook-introducing-children-to-the-ukrainian-nation/84CF47178227E972D3F031AB807C3A1D> (дата обращения: 08.08.2020).

Riabchuk M. «Two Ukraines» Reconsidered: The End of Ukrainian Ambivalence? // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2015. Vol. 15. N 1. P. 138–156. URL: <https://doi.org/10.1111/sena.12120> (дата обращения: 08.08.2020).

Rodgers P.W. (Re)inventing the past: the politics of 'national' history in the Ukrainian classroom // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008. Vol. 6. N. 2. P. 40–55. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2006.tb00148.x> (дата обращения: 08.08.2020).

Seliverstova O. 'Consuming' National Identity in Western Ukraine // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. N 1. P. 61–79. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1220363> (дата обращения: 09.08.2020).

Shulman S. National integration and foreign policy in multiethnic states // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1998. Vol. 4. N 4. P. 110–132. URL: <https://doi.org/doi.org/10.1080/13537119808428548> (дата обращения: 09.08.2020).

Smoor L. Understanding the Narratives Explaining the Ukrainian Crisis: Identity Divisions and Complex Diversity in Ukraine // *Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies*. 2017. Vol. 11. N 1. URL: <https://doi.org/10.1515/auseur-2017-0004> (дата обращения: 09.08.2020).

Törnquist-Plewa B., Yurchuk Y. Memory Politics in Contemporary Ukraine: Reflections from the Postcolonial Perspective // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. N 6. P. 699–720. URL: <https://doi.org/10.1177/1750698017727806> (дата обращения: 10.08.2020).

Zhurzhenko, T. A Divided Nation? Reconsidering the Role of Identity Politics in the Ukraine Crisis // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 249–267. URL: https://www.academia.edu/13764936/A_Divided_Nation_Reconsidering_the_Role_of_Identity_Politics_in_the_Ukraine_Crisis (дата обращения: 09.08.2020).

References

Barrington L.W., Herron E.S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // *Nationalities Papers*. 2004. Vol. 32. N 1. P. 53–86. URL: <https://doi.org/10.1080/0090599042000186179> (date of access: 15.06.2020).

Berger P., Luckmann P. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books, 1966. P. 219.

Bureiko N., Moga L.T. The Ukrainian – Russian linguistic dyad and its impact on national identity in Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N 1. P. 137–155. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1549653> (date of access: 08.08.2020).

Charnysh V. Analysis of Current Events: Identity Mobilization in Hybrid Regimes: Language in Ukrainian Politics // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. N 1. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.750288> (date of access: 16.07.2020).

Chernetsky V. Sofia Andrukhovych's Felix Austria: The Postcolonial Neo-Gothic and Ukraine's Search for Itself // *Canadian Slavonic Papers*. 2019. Vol. 61. N 4. P. 386–398. URL: <https://doi.org/10.1080/00085006.2019.1668337> (date of access: 07.08.2020).

Cleary L. Half Measures and Incomplete Reforms: The Breeding Ground for a Hybrid Civil Society in Ukraine // *Journal of Southeast European and Black Sea*. 2016. Vol. 16. N 1. P. 7–23. URL: <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1148410> (date of access: 07.08.2020).

Fedinec C., Csernicsko I. Language policy and national feeling in context Ukraine's Euro-maidan, 2014–2016 // *Central European Papers*. 2017. Vol. 1. P. 81–100. URL: https://www.slu.cz/fvp/cz/web-cep/archiv-casopisu/2017-vol-5-no.1/csilla_fedinec_language-policy/ (date of access: 13.08.2020).

Fillippova O. Politics of Identity through School Primers: Discursive Construction of Legitimate Image of State, Nation and Society in Soviet and Independent Ukraine // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27 N 1. P. 29–36. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.961.2687&rep=rep1&type=pdf> (date of access: 13.08.2020).

Fox J.E., Miller-Idriss C. Everyday Nationhood // *Ethnicities* 2008. Vol. 8. N 4. P. 536–563. URL: <https://doi.org/10.1177/1468796808088925> (date of access: 13.08.2020).

Friedman D.A. Our language: (re)imagining communities in Ukrainian language classrooms // *Journal of Language, Identity and Education*. 2016. Vol. 15. N 3. P. 165–179. URL: <https://doi.org/10.1080/15348458.2016.1166432> (date of access: 09.08.2020).

Giuliano E. Who Supported Separatism in Donbas? Ethnicity and Popular Opinion at the Start of the Ukraine Crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2018. Vol. 34. N 2–3. P. 158–178. URL: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1447769> (date of access: 07.08.2020).

Hansen H.E., Hesli V.L. National Identity: Civic, Ethnic, Hybrid, and Atomised Individuals // *Europe – Asia Studies*. 2009. Vol. 61. N 1. P. 1–28. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802532894> (date of access: 09.08.2020).

Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. N 6. P. 684–708. URL: <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1667845> (date of access: 07.08.2020).

Hosaka, S. Hybrid Historical Memories in Post-Euromaidan Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71 N 4. P. 551–578. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1578863> (date of access: 08.08.2020).

Janmaat J.G. The ethnic 'Other' in Ukrainian history textbooks: the case of Russia and the Russians // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2007. Vol. 37. N 3. P. 307–324. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03057920701330180> (date of access: 07.08.2020).

Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. N.Y.: Macmillan, 1944. 735 p.

Korostelina K. Constructing nation: national narratives of history teachers in Ukraine // *National Identities*. 2013 c. Vol. 15. N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (date of access: 13.08.2020).

Korostelina K.V. Identity and power in Ukraine // *Journal of Eurasian Studies*. 2013 a. Vol. 4. N 1. P. 34–46. URL: <https://doi.org/10.1016/J.EURAS.2012.10.002> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Shaping unpredictable past: national identity and history education in Ukraine // *National Identities*. 2011. Vol. 13. P. 1–16. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14608944.2010.508817> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Mapping national identity narratives in Ukraine // *Nationalities Papers*. 2013 b. Vol. 41. N 2. P. 293–315. URL: <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.747498> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K.V. Conflict of National Narratives of Ukraine Euromaidan and Beyond // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 269–290. URL: <https://www.jstor.org/stable/24868496?seq=1> (date of access: 10.08.2020).

Korostelina K. 2013 d. Constructing Nation: National Narratives of History Teachers in Ukraine // *National Identities*. Vol. 15 N 4. P. 401–416. URL: <https://doi.org/10.1080/14608944.2013.843515> (date of access: 10.08.2020).

Koshmanova T. National Identity and Cultural Coherence in Educational Reform for Democratic Citizenship. The Case of Ukraine // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2006. Vol. 1. N 1. P. 105–118. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1746197906060716> (date of access: 10.08.2020).

Kulyk V. Language and identity in Ukraine after Euromaidan // *Thesis Eleven*. 2016. Vol. 136. N 1. P. 90–106. URL: <https://doi.org/10.1177/0725513616668621> (date of access: 10.08.2020).

Kuzio T. National Identity in Independent Ukraine: An Identity in Transition // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1996. Vol. 2. N 4. P. 582–608. URL: <https://doi.org/10.1080/13537119608428487> (date of access: 11.08.2020).

Kuzio T. 2001. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the ‘other’ // *Ethnicities*. Vol. 1. N 3. P. 343–365. URL: <https://doi.org/10.1177/146879680100100304> (date of access: 11.08.2020).

Kuzio T. 2002 a. Nationalism in Ukraine: Towards a New Theoretical and Comparative Framework // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 7. N 2. P. 133–161. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13569310220137511> (date of access: 15.08.2020).

Kuzio T. *Ukraine and Nation-Building*. 2nd ed. New York: Taylor & Francis e-Library, 2002 b. 298 p.

Larsen C.A. Revitalizing the ‘Civic’ and ‘Ethnic’ Distinction. Perceptions of Nationhood across Two Dimensions, 44 Countries and Two Decades // *Nations and Nationalism*. 2017. Vol. 23. N 4. P. 970–993. URL: <https://doi.org/10.1111/nana.12345> (date of access: 15.08.2020).

Maksimovtsova, K. Language Policy in Education in Contemporary Ukraine: A Continuous Discussion of Contested National Identity // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2017. Vol. 16. N 3. P. 1–25.

Mitchnik I. Making Donbas, Breaking Donbas: The Impact of Conflict Experience on Identity Shifts in the East of Ukraine // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18. N 4. P. 423–443. URL: <https://doi.org/10.1080/17449057.2019.1613059> (date of access: 15.08.2020).

Peacock E.A. National identity and language: class differences among youth in Western Ukraine // *Global Studies in Childhood*. 2015. Vol. 5. N 1. P. 59–73. URL: <https://doi.org/10.1177/2043610615573380> (date of access: 08.08.2020).

Pirie P.S. National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. N 7. P. 1079–1104. URL: <https://www.jstor.org/stable/153099?seq=1> (date of access: 08.08.2020).

Pohorila N. Political and National Identity in Ukraine’s Regions: Where Does the Center Fit? // *Polish Political Science Review*. 2016. Vol. 4. N 1. P. 18–32. URL: <https://sciendocom/article/10.1515/ppsr-2015-0033> (date of access: 08.08.2020).

Popson N. The Ukrainian history textbook: introducing children to the «Ukrainian nation» // *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 29. N 2. P. 325–350. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/article/abs/ukrainian-history-textbook-introducing-children-to-the-ukrainian-nation/84CF47178227E972D3F031AB807C3A1D> (date of access: 08.08.2020).

Riabchuk M. ‘Two Ukraines’ Reconsidered: The End of Ukrainian Ambivalence? // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2015. Vol. 15. N 1. P. 138–156. URL: <https://doi.org/10.1111/sena.12120> (date of access: 08.08.2020).

Rodgers P.W. (Re)inventing the past: the politics of 'national' history in the Ukrainian classroom // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008. Vol. 6. N 2. P. 40–55. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2006.tb00148.x> (date of access: 08.08.2020).

Seliverstova O. 'Consuming' National Identity in Western Ukraine // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. N 1. P. 61–79. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1220363> (date of access: 09.08.2020).

Shulman S. National integration and foreign policy in multiethnic states // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1998. Vol. 4. N 4. P. 110–132. URL: <https://doi.org/doi.org/10.1080/13537119808428548> (date of access: 09.08.2020).

Smoor L. Understanding the Narratives Explaining the Ukrainian Crisis: Identity Divisions and Complex Diversity in Ukraine // *Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies*. 2017. Vol. 11. N 1. URL: <https://doi.org/10.1515/auseur-2017-0004> (date of access: 09.08.2020).

Törnquist-Plewa, B., Yurchuk Y. Memory Politics in Contemporary Ukraine: Reflections from the Postcolonial Perspective // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. N 6. P. 699–720. URL: <https://doi.org/10.1177/1750698017727806> (date of access: 10.08.2020).

Zhurzhenko, T. A Divided Nation? Reconsidering the Role of Identity Politics in the Ukraine Crisis // *Die Friedens-Warte*. 2014. Vol. 89. N 1/2. P. 249–267. URL: https://www.academia.edu/13764936/A_Divided_Nation_Reconsidering_the_Role_of_Identity_Politics_in_the_Ukraine_Crisis (date of access: 09.08.2020).

М.Е. Семенов

**ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ НА УКРАИНЕ:
РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В ПРОГРАММАХ КАНДИДАТОВ**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу президентских выборов на Украине 2019 г., ставших этапом в развитии украинской политической системы и обозначивших основные политические тенденции в политической жизни Украины при президенте В. Зеленском. Начиная с 2014 г. руководство страны выстраивало конфронтационную модель внешней политики в отношении России, что выражалось в закреплении на уровне национальных документов стратегического планирования статуса РФ как страны-агрессора из-за ее, как заявляло украинское руководство, вмешательства во внутренние украинские дела. На состоявшихся в 2019 г. президентских выборах обозначился определенный рубеж в пролонгации антироссийской политики Киева. Выборы главы государства позволили также составить панораму существующих в стране политических групп и партий в зависимости от их отношения к России. В статье рассматривается роль и место российского фактора в программах основных кандидатов в президенты Украины, включая предлагаемые ими форматы выстраивания отношений с Россией и модели урегулирования конфликта в Донбассе. Они объединены в четыре группы: выступающие за достижение мира на основе имеющихся договоренностей, поддерживающие мирное урегулирование конфликта с пересмотром Минских договоренностей, проводящие жесткую линию в переговорах с Россией и переход к новому формату урегулирования конфликта в Донбассе, а также сторонники войны до победного для Украины конца. На основе проанализированных источников делается вывод о схожести внешнеполитических программ Петра Порошенко и Владимира Зеленского и преемственности антироссийского внешнеполитического курса страны после 2019 г., при определенной трансформации этой политики.*

***Ключевые слова:** Украина; Россия; внешняя политика Украины; президентские выборы на Украине.*

Семенов Максим Евгеньевич – аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: semenovmaxim1812@gmail.com.

Semenov M.E. Results of the Ukrainian presidential election: Russian factor in the programs of candidates

***Abstracts.** The article is devoted to the analysis of the presidential elections in Ukraine in 2019, which became a stage in the development of the Ukrainian political system and outlined the main political trends in the political life of Ukraine under President V. Zelensky. Since 2014, the country's leadership has been building a confrontational model of foreign policy towards Russia, which was reflected in the consolidation of the status of the Russian Federation as an aggressor country at the level of national strategic planning documents because of its, as the Ukrainian leadership postulated, interference in internal Ukrainian affairs. The 2019 presidential elections marked a certain milestone in the prolongation of Kiev's anti-Russian policy. The head of the state election also made it possible to compile a panorama of the political groups and parties existing in the country, depending on their attitude towards Russia. The article examines the role and place of the Russian factor in the programs of the leading candidates for the presidency of Ukraine, including the formats they offer for building relations with Russia and models for resolving the conflict in Donbass. They are united into four groups: advocating peace based on existing agreements, supporting a peaceful settlement of the conflict with a revision of the Minsk agreements, pursuing a tough line in relations with Russia and the transition to a new format for resolving the conflict in Donbass, as well as supporters of war until a victorious end for Ukraine. Based on the analyzed sources, a conclusion is drawn about the similarity of the foreign policy programs of Petro Poroshenko and Vladimir Zelensky and the continuity of the country's anti-Russian foreign policy after 2019 – with a certain transformation of this policy.*

Keywords: Ukraine; Russia; foreign policy of Ukraine; Ukrainian presidential elections.

**Maxim Semenov – PhD student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: semenovmaxim1812@gmail.com.**

Состоявшиеся на Украине в марте-апреле 2019 г. выборы главы государства подвели черту под первыми пятью годами жизни страны после победы Евромайдана. Это время стало своего рода проверкой жизнеспособности и поддержки внешнеполитического курса президента Петра Порошенко населением Украины. Прошедшая избирательная кампания также позволяет определить тенденции и сформулировать прогноз относительно политики Украины в отношении России в период президентства Владимира Зеленского.

В связи с этим интерес для исследователя представляют результаты прежде всего первого тура президентских выборов. Это объясняется тем, что именно первый тур голосования, состоявшийся 31 марта 2019 г., продемонстрировал максимально полный срез общественного мнения и поддержку насе-

лением страны ключевых политиков и представителей элитных групп, в том числе – в вопросах урегулирования конфликта в Донбассе и выстраивания отношений с Россией.

Итоги российско-украинских отношений к 2019 г.

Силовая смена власти в Киеве в феврале 2014 г., присоединение Крыма к России и начало конфликта в Донбассе, в начале и стимулировании которого Украина обвиняет РФ, разрушили созданный за два десятка лет механизм российско-украинских отношений, отношения между странами вошли в стадию полномасштабного кризиса [Суздальцев 2018, с. 362].

В январе 2015 г. Верховная Рада Украины признала Россию страной-агрессором [Постанова Верховної Ради від 27.01.2015] и подтвердила этот статус в январе 2018 г. [Закон України від 18.01.2018]. Украинский парламент неоднократно призывал международное сообщество также признать РФ страной-агрессором и усиливать санкции против России, что, по замыслу украинского руководства, должно было привести к изменению российской политики в отношении Украины.

Национальные интересы Украины в отношении России после 2014 г. также изложены в двух документах стратегического характера. Закон «О национальной безопасности» [Закон України від 21.06.2018] выделяет три фундаментальных национальных интереса Украины, одним из которых определяется членство Украины в ЕС и НАТО, что в свою очередь негативно оценивается Россией [Указ президента от 30.11.2016].

Стратегия национальной безопасности Украины от 2015 г. [Стратегія національної від 26.05.2015] определяет, что «оккупация» Россией Крыма и Севастополя, равно как и «развязывание» войны на востоке Украины, имело целью воспрепятствовать реализации воли украинского народа в его стремлении к европейскому будущему.

Россия последовательно декларирует стремление к урегулированию внутриукраинского конфликта политико-дипломатическим путем [Указ президента от 30.11.2016], что подразумевает выполнение участниками конфликта на востоке Украины Минских договоренностей. При этом Киев, в силу сложившейся политической системы и двух избирательных кампаний 2019 г., в настоящее время уклоняется от выполнения политического блока Минских соглашений [Игнатов 2019].

Сценарии развития российско-украинских отношений

Закономерно, что украинское руководство предполагает выстраивание отношений с Россией в рамках ряда сценариев разного уровня конфронтационности. Автором этих сценариев является В.П. Горбулин [Горбулін,

Власюк, Кононенко 2015], в 2015 г., т.е. в момент их создания – глава Национального института стратегических исследований при президенте Украины и советник П. Порошенко. В программах кандидатов реализуются три из пяти сценариев.

Первый сценарий – это замораживание конфликта в Донбассе по примеру Приднестровского и Абхазского конфликтов. В. Горбулин называет такой вариант желаемым для России и негативным для Украины, поскольку создает для страны источник нестабильности [Горбулін, Власюк, Кононенко 2015, с. 63].

Второй сценарий – «ни мира, ни войны» – заключается в поддержании состояния перманентных боевых действий и затягивании переговоров. По мнению В. Горбулина, это способствует истощению сил республик Донбасса и России из-за санкционного давления и создает условия для наращивания военного потенциала Украины. Данный сценарий рассматривается в качестве оптимального для Украины, поскольку оставляет поле для маневров [Горбулін, Власюк, Кононенко 2015, с. 65].

Третий сценарий заключается в отсечении неподконтрольных Киеву территорий Донбасса и изоляции их с украинской стороны, а также минимизации связей с Россией. По мнению В. Горбулина, такой шаг будет способствовать укреплению единства страны [Горбулін, Власюк, Кононенко 2015, с. 66].

Четвертый сценарий – сценарий сателлитности. Он предусматривает сепаратное замирение с Россией (сепаратного относительно какой «третьей стороны» В. Горбулин не уточняет) на выгодных России условиях. Фактически, речь идет о выполнении взятых Украиной обязательств относительно Минских договоренностей. В. Горбулин рассматривает данный сценарий как наихудший для Украины, поскольку грозит ей «подчинением Кремлю» [Горбулін, Власюк, Кононенко 2015, с. 67].

Пятый сценарий заключается в переходе к милитаризации общества и тотальной войне с Россией, нагнетанию идеологической ненависти к РФ, ограничению свобод и войне в Донбассе до победного конца. В. Горбулин отмечает, что в случае перехода к этому сценарию, у Украины есть шансы победить в потенциальной войне с Россией [Горбулін, Власюк, Кононенко 2015, с. 68].

Анализ программ кандидатов

Рассматривая подходы кандидатов в президенты Украины к урегулированию конфликта в Донбассе и выстраиванию отношений с Россией, приходится констатировать, что лишь один из них выступал за скорейшее достижение мира на основе имеющихся договоренностей. Это Юрий Бойко, один из лидеров партии «Оппозиционная платформа – За жизнь».

В своей предвыборной программе Ю. Бойко выступал за переход к прямым переговорам со всеми сторонами конфликта, под которыми он подразумевал непризнанные республики Донбасса [Бойко Юрій 2019]. Россия при этом, по мнению кандидата, должна стать гарантом выполнения договоренностей со стороны Донецкой и Луганской народных республик [Бойко: Посредники 2019]. В своей программе Ю. Бойко декларировал готовность выполнить все международные обязательства, взятые на себя Украиной в рамках Минских соглашений. Ю. Бойко подчеркивал, что урегулировать конфликт на востоке страны возможно исключительно мирным путем.

Вопрос принадлежности и возврата Крыма не поднимается в программе Ю. Бойко, однако в одном из своих интервью накануне избирательной кампании он заявил, что «на Украине нельзя найти политика, который скажет, что Крым – это Россия», и добавил, что «рецепта по Крыму сейчас нет» [Бойко: Действия 2019].

В вопросах внутренней политики кандидат выступал за децентрализацию, самостоятельность регионов, невмешательство государства в дела церкви и право граждан учиться на родном языке.

Во внешней политике Ю. Бойко декларирует нейтралитет и внеблоковость страны, что, в свою очередь, является свидетельством отказа от декларируемого Украиной курса на вступление в НАТО. Что касается выстраивания отношений с Россией, то Ю. Бойко выступает за «преодоление противоречий со всеми странами-соседями, в том числе с Россией».

Накануне выдвижения Ю. Бойко в президенты, ряд украинских политиков, выступающих за нормализацию отношений с Россией, объединились вокруг него и создали партию «Оппозиционная платформа – За жизнь».

Публичную поддержку этой объединенной политической силе и соответственно Ю. Бойко дважды оказывала Россия. Первый раз в декабре 2018 г. Россия расширила санкционный список против украинских политиков. В него, в частности, попали политики из части «Оппозиционного блока», входящее в окружение олигарха Рината Ахметова. Считается, что таким образом Москва хотела наказать олигарха и ориентирующихся на него политиков за предполагаемое сотрудничество с президентом Порошенко, а также послать сигнал украинским избирателям о том, кого из кандидатов Кремль поддерживает на президентских выборах [Семенов 2018].

Вторым жестом публичной поддержки стал визит 22 марта 2019 г. Ю. Бойко и В. Медведчука в Москву, где они провели переговоры с премьер-министром России Дмитрием Медведевым и главой «Газпрома» Алексеем Миллером о возможности сохранения транзита газа через территорию Украины после 2019 г. и возобновления прямых поставок газа на Украину [Бойко и Медведчук 2019].

Позиция по выполнению Украиной взятых на себя обязательств в рамках Минского процесса, намерение урегулировать отношения с Россией и публичная поддержка со стороны РФ позволили Ю. Бойко получить 2,2 млн голосов избирателей на первом туре голосования 31 марта 2019 г. (11,6%) [Результаты першого 2019].

Рассматривая предложенные В. Горбулиным сценарии выстраивания отношений Украины с Россией, можно сделать вывод о том, что программа Ю. Бойко вписывается в «сателлитное подчинение Украины Кремлю», поскольку предусматривает выполнение Минских договоренностей и всего сопутствующего комплекса реформ внутри страны.

Ко второй группе кандидатов, которых можно выделить по их подходам к выстраиванию отношений с Россией, относится Александр Вилкул, народный депутат VIII созыва от фракции «Оппозиционный блок», принадлежащий к группе олигарха Рината Ахметова [Александра Вилкула 2019].

В ноябре-декабре 2018 г. «Оппозиционный блок» раскололся на группу Ю. Бойко, В. Медведчука и С. Лёвочкина и группу Р. Ахметова. В результате Россия, поддерживая первых и подозревая вторых в сотрудничестве с Петром Порошенко, ввела санкции против группы Р. Ахметова [Семенов 2018]. Закономерно, после такого шага, «ахметовской» части «Оппозиционного блока» стало труднее использовать «пророссийскую риторику».

При этом в вопросах внутренней политики программа А. Вилкула [Вілкул 2019], в целом, совпадала с подходом Ю. Бойко: децентрализация, увеличение роли русского языка, защита православной церкви. В вопросе внешней политики декларировался переход к внеблоковому статусу при одновременном усилении военного потенциала страны, создание контрактной армии и возобновление производства ракетных комплексов, что, впрочем, разнит позиции А. Вилкула и Ю. Бойко.

Программа А. Вилкула отличалась от взглядов Ю. Бойко форматом урегулирования конфликта. А. Вилкул предлагал ввести в Донбасс миротворческий контингент дружественных и нейтральных стран, к которым А. Вилкул относил Белоруссию, Казахстан, Азербайджан, Финляндию, Швецию и Австрию. После чего в регионе должны были пройти выборы по украинскому законодательству, а украинским властям следовало передать контроль над российско-украинской границей в районе Донбасса.

В первом туре выборов А. Вилкул получил голоса 784 тысяч избирателей (4,15%) [Результаты першого 2019]. Основным отличием программы А. Вилкула от Минских соглашений являлся вопрос о вводе в регион миротворцев. Исходя из предлагаемых В. Горбулиным сценариев выстраивания российско-украинских отношений, подход А. Вилкула вполне, таким образом, укладывался в сценарий заморозки конфликта.

Группа кандидатов в президенты Украины, выступающая за жесткую линию в переговорах с Россией и переход к новому формату урегулирования конфликта в Донбассе, оказалась наиболее представительна. Она состояла из нескольких подгрупп.

Первую подгруппу возглавлял президент Украины в 2014–2019 гг. Петр Порошенко [Порошенко Петро 2019]. Именно П. Порошенко отвечал за формирование внешней политики Украины в отношении России в первые пять лет после победы Евромайдана.

Вторая подгруппа состояла большей частью из украинской системной оппозиции, выступавшей за продолжение курса на вступление Украины в ЕС и НАТО и за разрыв с РФ, но критиковавшей по тем или иным причинам политику П. Порошенко. К подгруппе системных оппозиционеров принадлежат народный депутат и лидер партии «Батьківщина» Юлия Тимошенко [Тимошенко Юлія 2019], экс-министр обороны и лидер партии «Гражданская позиция» Анатолий Гриценко [Гриценко Анатолій 2019], а также и народный депутат и лидер «Радикальной партии» Олег Ляшко [Ляшко Олег 2019].

Третью подгруппу кандидатов, также критиковавших политику П. Порошенко и выступавших за новые подходы к урегулированию конфликта в Донбассе и проведение жесткой линии в отношении РФ, составляли несистемные кандидаты. Это выигравший выборы шоумен Владимир Зеленский [Зеленський Володимир 2019] и экс-глава Службы безопасности Украины (СБУ) Игорь Смешко [Смешко Ігор 2019].

Следует отметить, что внешнеполитические позиции кандидатов третьей подгруппы оказались весьма близки. Все политики декларировали отказ от переговоров в актуальном к моменту первого тура выборов Минском формате. Также все представленные в этой группе кандидаты отказывались от прямых переговоров и учета позиции представителей самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

Как уже отмечалось выше, отличия в программах кандидатов, в целом, незначительны. Для Зеленского, Порошенко, Тимошенко и Смешко Россия является «агрессором», а для А. Гриценко – «оккупантом». При этом только О. Ляшко прямо не формулировал свое отношение к РФ.

В вопросе выстраивания отношений с Западом позиции кандидатов также мало отличались. Зеленский, Порошенко, Тимошенко и Смешко выступали за вступление Украины в ЕС и НАТО. Мотивы для интеграции Украины в Североатлантический альянс у основных кандидатов из этой группы схожи.

Для В. Зеленского НАТО является «залогом украинской безопасности». По мнению П. Порошенко, «членство в ЕС и НАТО гарантирует независимость и обеспечит национальную безопасность». Ю. Тимошенко полагает, что членство в НАТО является «гарантией безопасности страны и каждой семьи» [Новий курс 2019]. Несмотря на незначительные стилистические

отклонения, для трех кандидатов, получивших больше всего голосов в первом туре выборов, членство в НАТО является одинаково приоритетным в обеспечении национальной безопасности Украины.

Схожей, хоть и менее конкретной позиции, придерживается и И. Смешко, выступающий за «уверенное продвижение в евроатлантическое сообщество». А. Гриценко в вопросе сотрудничества с НАТО ради обеспечения национальной безопасности выступал за проведение «ответственной и прогнозированной» для западных партнеров внешней политики Украины. Фактически это предусматривает прямое подчинение внешней политики страны иностранному влиянию.

В вопросах международно-правовых форматов урегулирования конфликта в Донбассе все вышеуказанные политики прямо или косвенно выступали в ходе выборов за отказ от Минских соглашений. Наиболее популярной была идея перехода к Будапештскому формату урегулирования, за что выступали В. Зеленский, Ю. Тимошенко, О. Ляшко и И. Смешко. Стоит отметить, что данный формат предусматривает подключение к урегулированию конфликта в Донбассе и нормализации отношений с Россией, США и Великобританией. Что касается П. Порошенко и А. Гриценко, то они прямо не заявляли в рамках какого именно формата они предлагают восстановление контроля Киева над Донбассом.

Для урегулирования конфликта в Донбассе кандидаты предлагали использование различных методов. Наиболее размытой представляется программа у победителя выборов В. Зеленского, который лишь задекларировал, что «сдача национальных интересов не может быть предметом переговоров».

Условно мягкую позицию занимали П. Порошенко и И. Смешко. Пятый президент Украины выступал за возврат Донбасса и Крыма политико-дипломатическими методами, а И. Смешко – дипломатическими и экономическими. При этом если И. Смешко не конкретизировал, что именно имеет в виду, то Порошенко озвучил данный аспект внешней политики достаточно четко. Впрочем об этом речь впереди.

Наиболее жесткую позицию по Донбассу и Крыму занимали Ю. Тимошенко и А. Гриценко, предлагавшие восстановить контроль Киева над этими территориями военно-дипломатическим путем. А. Гриценко также предлагал добиваться восстановления контроля над Донбассом еще и методами санкционного и экономического давления на РФ.

В вопросах внутренней политики наиболее «мягкую» позицию занимал В. Зеленский, заявляя об отказе от дискриминации по национальному и языковому принципу и призывая к равенству всех граждан Украины. В. Зеленский, а также П. Порошенко и Ю. Тимошенко выступали за объединение всех украинцев в рамках единого государства. При этом П. Порошенко и А. Гриценко заявляли об отказе от компромиссов в вопросах внутренней

политики и выступали за продолжение текущей политики в гуманитарной сфере. А. Гриценко, И. Смешко и О. Ляшко уклонялись от постановки культурно-гуманитарных вопросов в своих программах.

Сторонники жесткой линии в переговорах с Россией и перехода к новым форматам урегулирования конфликта на востоке страны получили большинство голосов избирателей. Совокупно В. Зеленский (30,24% и 5,7 млн голосов), П. Порошенко (15,95% и 3 млн), Ю. Тимошенко (13,4% и 2,5 млн), А. Гриценко (6,91% и 1,3 млн), И. Смешко (6% и 1,1 млн) и О. Ляшко (5,48% и 1 млн голосов) [Результаты первого 2019] получили поддержку 78%, или 14,6 млн избирателей.

Можно сделать вывод о том, что тройка лидеров первого тура выборов, В. Зеленский, П. Порошенко и Ю. Тимошенко – декларировали на выборах в целом схожий набор внешнеполитических подходов. Это признание России «агрессором», фактический отказ от Минских соглашений и вступление в НАТО. При этом Порошенко и Тимошенко занимали более жесткую позицию в вопросах давления на Россию. В этом они группировались с Гриценко, который вместе с Тимошенко, рассматривал военный путь урегулирования конфликта в Донбассе.

Используя предложенные Горбулиным сценарии, можно сделать вывод о том, что третья группа кандидатов, выступающих за урегулирование конфликта в Донбассе в новом формате и за жесткую линию в отношении РФ, фактически выбрала сценарий «ни мира, ни войны». То есть речь шла о максимальном затягивании переговоров и надежде на ослабление России и улучшение внешнеполитической обстановки.

Четвертую, наиболее радикальную по отношению к России группу кандидатов представлял только один политик, Руслан Кошулинский [Кошулинский Руслан 2019], заместитель главы националистической партии «Свобода».

Для Руслана Кошулинского Россия – «агрессор и оккупант», с которой идет «московско-украинская война». Политик выступал за разрыв дипломатических отношений и всех международных договоров Украины с РФ. Минские соглашения Р. Кошулинский считает «бесплодными» и выступает за отказ от них в пользу Будапештского формата.

В вопросах отношений с Западом, политик выступает за создание Балто-Черноморского союза, который, по его замыслу, должен стать новым вектором украинской геополитики. Помимо вступления в ЕС и НАТО, Кошулинский выступал за скорейшее заключение Украиной договора о полномасштабном военно-техническом сотрудничестве с США и Великобританией.

В вопросах внутренней политики Кошулинский также занимал крайне жесткую националистическую позицию, отказывая в автономии Донбассу, амнистии участникам конфликта на стороне непризнанных республик,

выступая за массовую проверку жителей республик Донбасса на предмет сотрудничества с «врагом». Также Кошулинский в своей программе предлагал лишать лицензии СМИ за «антиукраинскую пропаганду».

Представитель наиболее радикальной части украинской политической системы на выборах набрал 1,62% (307 тыс. голосов избирателей) [Результаты первого 2019]. По итогам выборов можно считать, что наиболее ярким выразителем крайне националистического курса, популярного на Западной Украине, в вопросах внешней, и внутренней политики, на выборах стал действующий на тот момент президент Петр Порошенко. Именно он, будучи главой государства и верховным главнокомандующим, отобрал голоса националистов, чем ослабил уровень поддержки Кошулинского.

В рамках сценариев Горбулина, позиция Р. Кошулинского укладывается в формат «тотальной войны», т.е. милитаризации общества, нагнетания идеологической ненависти, ограничения свобод и бескомпромиссной войны в Донбассе до «победного конца». По мнению В. Горбулина, этот сценарий, несмотря на весь его радикализм, в целом выгоден Украине, поскольку в предполагаемой войне с Россией, она, как утверждается, имеет хорошие шансы на победу.

Заключение

Наибольшую поддержку, почти 80% украинцев, в первом туре выборов получили кандидаты, выступающие за отказ от Минских соглашений, выстраивание новых форматов урегулирования конфликта в Донбассе и жесткую модель отношений с Россией.

Победитель выборов, Владимир Зеленский, в основных пунктах своей программы, выступал последовательным сторонником наиболее популярной модели, в частности жесткой политики в отношении России и вступления Украины в НАТО. При этом в вопросах внутренней политики он демонстрировал определенную мягкость и плюрализм в культурно-гуманитарной политике, что, вероятно, и позволило ему выиграть выборы.

Меньшей поддержкой, совокупно около 15%, пользовались кандидаты от юго-востока страны, выступающие или за прямое выполнение Минских соглашений, или за переформатирование «Минска-2» при сохранении ряда его положений.

Выразители наиболее радикальных идей формально пользовались минимальной поддержкой избирателей. Объясняется это, по-видимому, тем, что крупные популярные политики, вроде П. Порошенко, Ю. Тимошенко и А. Гриценко, выступали хоть и с крайне жестких позиций, но при этом открыто не заявляли о войне, чем оттесняли радикалов на обочину политической системы.

В результате первого тура президентских выборов 2019 г. стало ясно, что внешнеполитический курс Украины, в основном сформированный еще в 2014 г., получил поддержку народа Украины. Основой его стали проведение жесткой политики в отношении России, затягивание переговоров по урегулированию конфликта в Донбассе в ожидании улучшения внешнеполитической обстановки вокруг Украины, расширение внешней поддержки, включая наращивание санкций против России и в ожидании радикального ослабления РФ.

Несмотря на поражение пятого президента Петра Порошенко, итоги выборов продемонстрировали преемственность в политическом истеблишменте Украины по вопросам внешней политики в отношении России, что находит свое отражение в политике президента Владимира Зеленского.

Бібліографія

Александра Вилкула выдвинул в президенты «ахметовский» клан «Оппозиционного блока» // Страна. ua. 2019. 22 янв. URL: <https://strana.ua/news/182385-vybory-2019-aleksandr-vilkul-podal-dokumenty-v-tsik-dlja-rehistratsii-kandidatom-.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Бойко: Действия власти отдаляют Крым от Украины // Newsmir. 2018. 29 дек. URL: <https://newsmir.info/1539243> (дата обращения: 12.08.2020).

Бойко и Медведчук встретились в Москве с Медведевым и Миллером. «Газпром» готов обеспечить цену на газ для Украины на четверть ниже и сохранить транзит // Страна. ua. 22.03.2019. URL: <https://strana.ua/news/192169-dmitrij-medvedev-prinjal-v-moskve-jurija-bojko-i-viktora-medvedchuka.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Бойко: Посредники в переговорах по Донбассу важны, но лишь как дополнение // 112. ua. 29.03.2019. 29 март. URL: <https://112ua.tv/politika/boyko-posredniki-v-peregovorah-po-donbassu-vazhny-no-lish-kak-dopolnenie-485939.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Бойко Юрий Анатолійович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=216pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Василь Філіпчук // МЦПД. URL: <http://icps.com.ua/pro-tsentr/komanda/pravlinnya/vasyl-filipchuk/> (дата обращения: 12.08.2020).

Вилкул Олександр Юрійович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=224pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Горбулін В.П., Власюк О.С., Кононенко С.В. Україна і Росія: дев'ятий вал, чи Китайська стіна / Київ: Нац. ін-т стратег. дослідж. 2015. 129 с.

Гриценко Анатолій Степанович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=208pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Закон України «Про національну безпеку» від 21.06.2018 № 2469-VIII [Law of Ukraine «On National Security» of June 21, 2018 692469-VIII // Gov.ua. Державні сайти України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2469-19?lang=ru> (дата обращения: 12.08.2020).

Закон України «Про особливості державної політики щодо забезпечення державного суверенітету України на тимчасово окупованих територіях в Донецькій і Луганській областях» від 18.01.2018. № 2268-VIII // Gov.ua. Державні сайти України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2268-19> (дата обращения: 12.08.2020).

Зеленський Володимир Олександрович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=233pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Игнатов О. Не рвать и не выполнять. Есть ли шансы у Минска-2 после четырех лет переговоров // Московский центр Карнеги [Carnegie Moscow Center]. 2019. 12 дек. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78336> (дата обращения: 12.08.2020).

Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // OSCE (ОБСЕ). URL: <https://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true> (дата обращения: 12.08.2020).

Кошулинський Руслан Володимирович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=228pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Ляшко Олег Валерійович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=220pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Новий курс України. Треба діяти. План дій нової влади. Юлія Тимошенко // Батьківщина. URL: <https://ba.org.ua/treba-diyaty.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

Постанова Верховної Ради України «Про Звернення Верховної Ради України до Організації Об'єднаних Націй, Європейського Парламенту, Парламентської Асамблеї Ради Європи, Парламентської Асамблеї НАТО, Парламентської Асамблеї ОБСЄ, Парламентської Асамблеї ГУАМ, національним парламентам держав світу про визнання Російської Федерації державою-агресором» від 27.01.2015. № 129-VIII // GOV.ua. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/129-19> (дата обращения: 12.08.2020).

Порошенко Петро Олексійович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=295pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Результати першого туру виборів президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp300pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Семенов М. Огонь по своим или выверенный план? // Российский совет по международным делам. 2018. 28 дек. URL: <https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/columns/postsoviet/ogon-po-svoim-ili-vyverenny-plan/> (дата обращения: 12.08.2020).

Смешко Ігор Петрович. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=235pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Стратегія національної безпеки України від 26.05.2015 № 287/2015 // GOV. ua. Державні сайти України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/287/2015> (дата обращения: 12.08.2020).

Суздальцев А.И. Россия, Украина и Белоруссия / Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под общ. ред.: А.В. Лукин. М.: Международные отношения, 2018. С. 340–392.

Тимошенко Юлія Володимирівна. Вибори Президента України 2019 // Центральна виборча комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=225pt001f01=719.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» 30.11.2016 г. № 640 // Kremlin.ru. Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 12.08.2020).

References

Aleksandra Vilkula vy`dvinul v prezidenty` «axmetovskij» klan «Oppozicionnogo bloka» [Aleksandr Vilkula nominated for the presidency «Akhmetov's» clan of the «Opposition bloc»] // Strana.ua. 2019. 22 Yanv. URL: <https://strana.ua/news/182385-vybory-2019-aleksandr-vilkul-podal-dokumenty-v-tsik-dlja-rehistratsii-kandidatom-.html> (date of access: 12.08.2020).

Bojko: Dejstviya vlasti otdalyayut Kry`m ot Ukrainy` [Boyko: Actions of the authorities alienate Crimea from Ukraine] // Newsmir. 2018. 29 Dek. URL: <https://newsmir.info/1539243> (date of access: 12.08.2020).

Bojko i Medvedchuk vstretilis` v Moskve s Medvedevy`m i Millerom. «Gazprom» gotov obe-spechit` cenu na gaz dlya Ukrainy` na chetvert` nizhe i soxranit` transit [Boyko and Medvedchuk met in Moscow with Medvedev and Miller. Gazprom is ready to provide gas prices for Ukraine by a quar-ter lower and keep transit] // Strana.ua. 22.03.2019. URL: <https://strana.ua/news/192169-dmitrij-medvedev-prinjal-v-moskve-jurija-bojko-i-viktora-medvedchuka.html> (date of access: 12.08.2020).

Bojko: Posredniki v peregovorax po Donbassu vazhny`, no lish` kak dopolnenie [Boyko: Me-diators in the Donbas negotiations are important, but only as an addition]. 112. ua. 29.03.2019. 29 Mart. URL: <https://112ua.tv/politika/boyko-posredniki-v-peregovorah-po-donbassu-vazhny-no-lish-kak-dopolnenie-485939.html> (date of access: 12.08.2020).

Bojko Yuriy Anatolijovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 Boyko Yuriy Anatolijovich. Vibori of the President of Ukraine 2019 [Elections of the President of Ukraine 2019] / Central`na viborcha komisiya Ukraïni [Central Vibration Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=216pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Gorbulin V.P., Vlasjuk O.S., Kononenko S.V. Ukraïna i Rosiya: dev`yatij val chi Kitajs`ka stina [Ukraine and Russia: the ninth shaft or the Great Wall of China] / Kiïv: Nacz. in-t strateg. doslidzh., 2015. 129 p.

Gricenko Anatolij Stepanovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central`na viborcha komisiya Ukraïni Central Vibration Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=208pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Ignatov O. Ne rvat` i ne vy`polnyat`. Est` li shansy` u Minska-2 posle chety`rex let peregovorov [Do not tear or perform. Does Minsk-2 have a chance after four years of negotiations] // Moskovskij centr Karnegi [Carnegie Moscow Center]. 2019. 12 Dek. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78336> (date of access: 12.08.2020).

Kompleks mer po vy`polneniyu Minskix soglashenij [A set of measures for the implementation of the Minsk agreements] //OSCE (OBSE). URL: <https://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true> (date of access: 12.08.2020).

Koshulins`kij Ruslan Volodimirovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central`na viborcha komisiya Ukraïni [Central Vibration Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=228pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Lyashko Oleg Valerijovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central`na viborcha komisiya Ukraïni [Central Vibration Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=220pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Novij kurs Ukraïni. Treba diyati. Plan dij novoi vladi. Yuliya Timoshenko [New course of Ukraine. We need to act. Action plan of the new government. Yulia Timoshenko] // Bat`kivshhina. URL: <https://ba.org.ua/treba-diyaty.pdf> (date of access: 12.08.2020).

Postanova Verhovnoï Radi Ukraïni «Pro Zvernennya Verhovnoï Radi Ukraïni do Organizacziï Ob`ednanix Nacziy, Evropejs`kogo Parlamentu, Parlaments`koï Asambleï Radi Evropi, Parla-

ments'koï Asambleï NATO, Parlaments'koï Asambleï OBSC, Parlaments'koï Asambleï GUAM, naczial'nim parlamentam derzhav svitu pro viznannya Rosijs'koï Federacziï derzhavoyu-agresorom» vid 27.01.2015. N 129-VIII [Resolution of the Verkhovna Rada of Ukraine «On the Appeal of the Verkhovna Rada of Ukraine to the United Nations, the European Parliament, the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, the NATO Parliamentary Assembly, the OSCE Parliamentary Assembly, the GUAM Parliamentary Assembly, the National Parliaments of the World» 01/27/2015 N 129-VIII] // GOV.ua. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/129-19> (date of access: 12.08.2020).

Poroshenko Petro Oleksijovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central'na viborcha komisiya Ukraïni [Central Election Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=295pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Rezultati pershogo turu viboriv prezidenta Ukraïni 2019 [Results of the first round of the 2019 presidential election in Ukraine] // Central'na viborcha komisiya Ukraïni [Central Election Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp300pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Semenov M. Ogon' po svoim ili vy'verenny'j plan? [Friendly fire or vyvenezhny plan] // Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam [Russian Council on International Affairs]. 2018. 28 dek. URL: <https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/columns/postsoviet/ogon-po-svoim-ili-vyverenny-plan/> (date of access: 12.08.2020).

Smeshko Igor Petrovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central'na viborcha komisiya Ukraïni [Central Election Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=235pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Strategiya naczial'noi bezpeki Ukraïni vid 26.05.2015 N 287/2015 [National Security Strategy of Ukraine dated 26.05.2015 N 287/2015] // GOV. ua. Derzhavni sajti Ukraïni. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/287/2015> (date of access: 12.08.2020).

Suzdal'cev A.I. Rossiya, Ukraïna i Belorussiya [Russia, Ukraine and Belarus] / Novy'e mezhdunarodny'e otnosheniya: osnovny'e tendencii i vy'zovy dlya Rossii [New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia] / Pod obshh. red.: A.V. Lukin. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2018. P. 340–392.

Timoshenko Yuliya Volodimirivna. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central'na viborcha komisiya Ukraïni [Central Election Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=225pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» 30.11.2016 g. N 640 [Decree of the President of the Russian Federation «On Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation» on November 30, 2016 N 640]. // Kremlin.ru. Oficial'ny'j sayt prezidenta RF [Official website of the President of the Russian Federation]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (date of access: 12.08.2020).

Vasil' Filipchuk // MCzPD. URL: <http://icps.com.ua/pro-tsentr/komanda/pravlinnya/vasyl-filipchuk/> (date of access: 12.08.2020).

Vilkul Oleksandr Yuriyovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central'na viborcha komisiya Ukraïni [Central Election Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=224pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

Zakon Ukraïni «Pro naczial'nu bezpeku» vid 21.06.2018 N 2469-VIII [Law of Ukraine «On National Security» of June 21, 2018 692469-VIII] // Gov.ua. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2469-19?lang=ru> (date of access: 12.08.2020).

Zakon Ukraïni «Pro osoblivosti derzhavnoi politiki shhodo zabezpechennya derzhavnogo suverenitetu Ukraïni na timchasovo okupovanix teritoriyax v Donecz'kij i Lugans'kij oblastyax» vid 18.01.2018. N 2268-VIII [Law of Ukraine «On the peculiarities of state policy to ensure the state sovereignty of Ukraine in the temporarily occupied territories in Donetsk and Luhansk regions» from 18.01.2018. N 2268-VIII] // Gov.ua. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2268-19> (date of access: 12.08.2020).

Zelens'kij Volodimir Oleksandrovich. Vibori Prezidenta Ukraïni 2019 [Election of the President of Ukraine 2019] // Central'na viborcha komisiya Ukraïni [Central Election Commission of Ukraine]. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=233pt001f01=719.html> (date of access: 12.08.2020).

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2021.03.11

А.В. Репников, Л.В. Ланник

ИСТОРИК М.Н. ПОКРОВСКИЙ О МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

***Аннотация.** Брестскому миру посвящена обширная историография, однако до сих пор опубликованы далеко не все источники, в том числе ценные мемуарные свидетельства участников мирной конференции. Данная публикация содержит дневниковые записи историка М.Н. Покровского периода его участия в мирных переговорах в Брест-Литовске, сохранившиеся в его личном фонде в РГАСПИ. Известный историк и член большевистской партии в декабре 1917 г. неожиданно был включен в состав советской делегации. У Советского правительства не было четкого плана и концепции переговоров. Основные деятели делегации из числа профессиональных революционеров порой были не знакомы с элементарными правилами международной дипломатии. Покровский их в этом существенно превосходил, а потому не раз спорил с Л.Д. Троцким и А.А. Иоффе, а затем стремился отметить свои эмоции и вклад в исторические события. Наблюдения Покровского не сводятся к фиксации событий или к насмешкам в адрес коллег, они содержат элементы анализа и прогностики, дают портретные зарисовки ряда деятелей, принимавших участие в мирных переговорах. Его ирония, однако, не распространялась на сферу государственных интересов России, которые он намеревался отстаивать, несмотря на революционные убеждения. Впрочем, его усилия не были оценены по достоинству ни соратниками по партии, ни коллегами, особенно теми, кто критически относился к большевикам, а Покровского считал причастным к «брестскому позору». Крайне тяжелые условия мира Покровский не принял, а позднее примкнул к левым коммунистам, отрицавшим необходимость подписания договора. Лишь впоследствии историк признал правоту ленинской позиции, подчеркнув, что суть Бреста была не столько в мире с Германией, сколько в разрыве с Антантой. Его несогласие с Лениным стоило его дневникам длительного забвения.*

***Ключевые слова:** международные отношения; мирная конференция в Брест-Литовске; Брестский мир; дневники; М.Н. Покровский; Л.Д. Троцкий.*

**Репников Александр Витальевич – доктор исторических наук, доцент, начальник Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Россия, Москва.
E-mail: Repnikov@mail.ru**

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Repnikov A.V., Lannik L.V. Historian M.N. Pokrovsky about the peace conference in Brest-Litovsk

Abstract. *An extensive historiography is devoted to the Brest peace, but some sources have still not been published, including valuable memoirs of dozens of peace conference participants. This publication contains the historian M.N. Pokrovsky diaries from the period of his work during the peace negotiations in Brest-Litovsk, preserved in his fund in the RGASPI. The famous historian and the Bolshevik Party member was unexpectedly included in the Soviet delegation in December 1917. The Soviet government did not have a definite plan and concept for these negotiations. The main figures of the delegation were the professional revolutionaries. Sometimes they were not familiar with the basic rules and international diplomacy ethics. Pokrovsky had a clear advantage over them, and therefore rather often had to argue with L.D. Trotsky and A.A. Ioffe. Then he had sought to record his emotions and contribution to historical events. Pokrovsky's observations were not reduced to record events or ridicule on colleagues, contain elements of analysis and prognostication, and give portrait sketches of many figures from all countries that took part in the peace negotiations. His irony, however, did not extend to the sphere of state interests of Russia, which he intended to defend, despite his revolutionary beliefs. However, his efforts were not appreciated by either his party colleagues or colleagues, especially those who were critical of the Bolsheviks, and considered Pokrovsky to be involved in the «Brest disgrace». Pokrovsky did not accept the extremely hard terms of peace and later joined the left-wing communists against signing the Brest treaty. However, later, the historian recognized the correctness of Lenin's position, emphasizing that the essence of Brest was not so much in peace with Germany as in a break with the Entente. His disagreement with Lenin had caused a long period of oblivion of his diaries.*

Keywords: *international relations; the Peace conference in Brest-Litovsk; Treaty of Brest-Litovsk; diaries; M.N. Pokrovsky.*

Repnikov Aleksandr Vitalievich – Doctor of Historical Sciences,
associate professor, Head of the Department Centre of Documental
Publications of Russian State Archives of Social and Political
History (RGASPI). Russia, Moscow.
E-mail: Repnikov@mail.ru
Scopus Author ID: 38261476800

Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS). Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

В истории международных отношений было не так много периодов, когда дипломатию доверяли исключительно дипломатам, а решения о завершении или о начале военных действий – лишь военным. В эпоху тотальных войн и особенно в разгар порожденных ими революций прежние представления о пределах возможного и допустимого оказались подорваны в том числе и в довольно консервативной сфере официальных межгосударственных отношений. Хорошо известно, что с 1914 г. все чаще войной занимались политики и дипломаты, а дипломатией – военные, политики и финансисты. В последующей публицистике и историографии к этой проблематике не раз возвращались, благодаря поискам виновных или инициаторов трагических событий и роковых решений. Постепенно классические бинарные оппозиции – о «голубях»-дипломатах и «ястребах»-военных – сформировались и применительно к истории Великой войны и ее многочисленных последствий. Удобное противопоставление не только ведет к тенденциозности в подборке фактов, но и оставляет за рамками анализа тех акторов, кого к обеим категориям отнести невозможно. В первую очередь это касается политиков, в том числе тех, кто значительную часть своей деятельности провел вне органов власти, а на государственной службе оказался лишь на сравнительно короткий, пусть и ярчайший период своей биографии, как, например, Л.Д. Троцкий.

Однако в революционном вихре на важнейших государственных, военных и дипломатических постах оказывались и те, кого и к политикам можно отнести лишь с известными оговорками, в том числе деятели науки и искусства. На новом, увлекательном, хотя и не всегда желанном для себя поприще, они не могли и не стремились обрести манеры и этику своих коллег из числа кадровых специалистов, а оставались – в любой ситуации – в первую очередь представителями той среды, которая сформировала их и оставалась определяющей для их взглядов и кругозора. Тем интереснее оказывается анализ вклада в исторические процессы и события именно таких, едва ли не случайных действующих лиц, оказывавших тем не менее весьма существенное влияние на происходившее. Впоследствии на фоне более крупных фигур из военной, политической или дипломатической среды они были зачастую забыты или намеренно вычеркнуты из полотна официозной версии, однако к этому едва ли найдутся чисто научные основания. Яркие примеры такого непрофессионального участия в крупнейших исторических событиях особенно часты в ранней истории Советской России, а одним из наиболее интересных из них является деятельность историка и революционера Михаила Николаевича Покровского (1868–1932) в составе мирной делегации в Брест-Литовске зимой 1917–1918 гг.

М.Н. Покровский обладал многими достоинствами, которые были отмечены его революционными соратниками. Он отличался умением хорошо вес-

ти полемику, за что был назван «профессором с пикой», и славился непримиримостью к отступлениям от революционного марксизма [Чернобаев 1992]. Вместе с тем, как отметил А.В. Луначарский, Покровскому был «присущ ценнейший нравственный дар – это честность, честность наблюдателя, честность мыслителя и при этом честность самого высокого порядка» [Чернобаев 1992, с. 3]. Сделанные Покровским наблюдения и выводы не всегда были лицеприятными, в том числе относительно его товарищей по партии. Это нашло отражение и в оценке им действий российской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске.

Вечером 3 (16) декабря 1917 г. М.Н. Покровский, который проводил заседание президиума Моссовета, получил две телеграммы от главы НКВД Л.Д. Троцкого, переданные по радио и по телеграфу, с просьбой выехать в Брест-Литовск, поскольку «ваше присутствие совершенно необходимо» (здесь и далее см. ниже текст дневника М.Н. Покровского). Это стало для него полной неожиданностью. Покровский отбыл из Москвы в Петроград, надеясь получить более подробные инструкции, но Троцкий его ожиданий в этом отношении не оправдал. Личная беседа показала, что «никакого плана у Троцкого не было». 4 (17) декабря 1917 г. В.И. Ленин подписал Покровскому удостоверение о назначении его членом советской мирной делегации в Брест-Литовск и в этот же день побеседовал с Покровским в связи с его предстоящим отъездом, сообщив ему инструкции СНК для советской делегации на мирной конференции [Владимир Ильич Ленин 1974, с. 108]. С одной стороны, Покровский был состоявшимся историком, специалистом по международным отношениям, но с другой – в ходе беседы с ним, как записал Покровский, Ленин высказывал сожаление, «что поеду я, человек мягкий», поскольку «надо бы послать какого-нибудь нахала, который отбрил бы немцев» и добился разрыва переговоров в 24 часа. Покровский верно отметил, что фундамент надежд Смольного, «заложенный фальшиво», «заклучался в уверенности, что немцам мир с Россией необходим до зарезу. Этим объясняется, например, “легкое” отношение к эксперименту с разрывом переговоров: возобновить их, по мнению Ленина и Троцкого, очевидно (это не их слова, а мое заключение), ничего не стоило – только пальчиком помани немцев, они сейчас же опять прибегут».

Ни о каком единодушии среди членов советской делегации не было и речи. В ходе работы Покровскому приходилось спорить с Л.Д. Троцким и с А.А. Иоффе, которого Покровский характеризовал в записях, как «бесцветного». Для Иоффе же, судя по записям, историк был «неприятный человек». Наблюдения Покровского вообще достаточно саркастичны, но не в силу какой-то особой желчности его характера, а скорее в силу острой и нелицеприятной наблюдательности, например в отношении дипломатических способностей бывшей террористки А.А. Биценко, в ходе дискуссий «по

обыкновенно, ничего не понявшей». При этом искренние симпатии в ходе переговоров Покровский испытывал к К.Б. Радеку и своему старому знакомому генерал-майору А.А. Самойло, который впоследствии воздал историку должное: «Я глубоко обязан за то, что он помог мне ориентироваться в ходе переговоров, без чего я, вероятно впал бы в крупные ошибки» [Самойло 1963, с. 214]. В своих воспоминаниях Самойло описывал визит от имени советской делегации к Леопольду Баварскому вместе с Покровским. Перед поездкой Самойло снял с себя знаки различия, которые были упразднены советской властью. Когда визитерам была подана «шикарная карета с гербами», в нее сели Покровский и Самойло «в своем общипанном виде, очевидно, все же довольно жалком, потому что Покровский полушутя сказал:

– Не горюйте, Александр Александрович, сейчас это необходимо. Поверьте мне, придет время, и мы вернем вам и чины, и ордена!» [Самойло 1963, с. 216].

Из отдельных эпизодов видно, что ирония, хорошо заметная в тексте дневника Покровского, пропадала, если дело касалось интересов России. Не случайно известный своими мемуарами о Брестской конференции Д.Г. Фокке отмечал, что Покровский, по его мнению, больше других членов советской делегации заботился об интересах России. 13 (26) декабря Иоффе и Покровский дискутировали с Кюльманом по вопросу восстановления товарообмена между Россией и Германией. Покровский отметил, что «полная свобода торговли явилась бы помехой к планомерной разработке русского народного хозяйства в общегосударственном масштабе, благодаря слишком большому наплыву товаров из-за границы, из Германии. Принцип “взаимного благоприятствования” предполагает, что на рынке представлена не одна только заинтересованная сторона, но все нации. Если нет выбора, значит, некому пользоваться преимуществами» [Мирные переговоры 1920, с. 19]. Состоялась масса других выступлений в ходе переговоров о границах, по политическим, экономическим и прочим вопросам. Утром 14 (27) декабря 1917 г. на совещании, где присутствовали А.А. Иоффе, Л.Б. Каменев и М.Н. Покровский, с одной стороны, и Кюльман, Чернин и Гофман – с другой, историк проявил себя неожиданно эмоционально. Макс Гофман писал, что во время совещания «со слезами ярости Покровский объявил, что нельзя же говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают чуть ли не 18 губерний» [Гофман 2015, с. 196]. Этот же эпизод приводит Д.Г. Фокке, вынесший слова «Покровский плачет» в подзаголовок главы своих воспоминаний [Фокке 2017, с. 237–238]. Можно говорить о том, что эмоциональная реакция историка действительно имела место, причем это не было ораторским приемом или игрой на публику.

Покровский стремился придать переговорному процессу более упорядоченный и оформленный характер. Недавние революционеры-подпольщики и

политические эмигранты, представлявшие на переговорах Советскую Россию, не обладали элементарными навыками делопроизводства и дипломатии. В частности, Покровский обратил внимание на то, что у членов советской делегации не было письменных полномочий заключить мирный договор от имени Советского государства, а те бумаги, которые члены советской делегации получили в канцелярии Смольного, удостоверяли только их личности. Получалось, что делегаты и те, кто их направил, или не знают азов дипломатии, или вовсе не собираются заключать мир. После этого замечания в Петрограде были срочно оформлены и переданы в Брест-Литовск документы, в которых отмечалось, что члены делегации (поименно) уполномочены СНК для заключения мира с другими государствами. Покровский также обратил внимание на то обстоятельство, что в мандатах, удостоверявших полномочия членов делегации, должны быть указаны «имя, отчество и фамилия, – именно фамилия, а не литературный псевдоним», т.е. Троцкий должен быть обозначен Бронштейном и т.д.

Покровский вернулся в состав переформированной делегации с 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.), когда В.И. Ленин подписал удостоверения членам советской делегации А.А. Биценко, А.А. Иоффе, Л.Б. Каменеву, Л.М. Карахану, М.Н. Покровскому и Л.Д. Троцкому о том, что они уполномочены СНК вести переговоры в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и государствами Четверного союза, а также удостоверения В.М. Альтфатеру, В.В. Липскому, В.С. Мицкевичу-Капсукасу, Ф.А. Морозу и К.Б. Радеку, включенным в состав делегации в качестве консультантов [Владимир Ильич Ленин 1974, с. 153].

28 января (10 февраля) на вечернем заседании политической комиссии под председательством Р. фон Кюльмана советская делегация во главе с Л.Д. Троцким окончательно отказалась принять германские условия мирного договора. После эмоциональной речи Троцкий огласил свое знаменитое заявление, основанное на крайне дискуссионной формуле «ни мира, ни войны» (см. его текст: [РКП (б). Съезд 7-й. Петроград. 1962, с. 283]). Весьма сложной была реакция не только контрагентов, но и товарищей Троцкого по делегации. Покровский писал в дневнике: «Я не стал разбираться, что тут больше, наивности или трусости (было достаточно и того и другого), но тоже с откровенностью заявил, что этого, я этого во всяком случае не подпишу. Не без воркотни Троцкий согласился прибавить наискромнейшую формулу протеста: “отказываясь подписать аннексионистский договор”». А.А. Чернобаев, ссылаясь на запись Покровского, отмечает: «Покровский не поставил свою подпись под заявлением Троцкого» [Чернобаев 1992, с. 119], оговариваясь, что в официальной публикации текста заявления [Мирные переговоры 1920, с. 208] подпись Покровского значится [Чернобаев 1992, с. 223]. Действительно, Покровский не соглашался с изначальным вариантом заявления Троцкого,

но после дополнения в тексте, принял формулировку итогового заявления и подписал ее, как и сам Л.Д. Троцкий, а также А.А. Иоффе, А.А. Биценко и В.А. Карелин.

Дальнейшие события многократно описывались, поэтому необходимо лишь отметить роль в них М.Н. Покровского, участие которого в Брестской конференции завершилось. Заявление Троцкого и последующий отъезд советской делегации (11 февраля) были восприняты Германией как разрыв мирных переговоров, а потому в полдень 18 февраля (здесь и далее начиная с 14 февраля 1918 г. все даты приводятся по новому стилю), по истечении семидневного срока, предусмотренного на такой случай договором о перемирии, германские войска двинулись в наступление, почти не встречая сопротивления. 22 февраля 1918 г., на заседании ЦК РСДРП (б) Л.Д. Троцкий сообщил о предложении Франции и Великобритании содействовать Советской России в войне с Германией и огласил ноту французской военной миссии. По поводу военной помощи прошла острая дискуссия, так что мнения разделились почти пополам. В итоге ЦК РСДРП (б) шестью голосами против пяти постановил принять предложение Великобритании и Франции. В.И. Ленин на заседании не присутствовал, прислав записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма» [Ленин ПСС, Т. 50. с. 45; Протоколы ЦК РСДРП (б) 1958, с. 206–208]. К протоколу заседания ЦК РСДРП (б) было приложено коллективное заявление группы членов ЦК и народных комиссаров из состава ЦК, подписанное в том числе М.Н. Покровским, об их несогласии с решением подписать мир с Центральными державами.

Даже после заключения договора в Брест-Литовске вечером 3 марта споры о том, следует ли соглашаться с такой капитуляцией далеко не окончились. В ночь с 4 на 5 марта проходила общегородская конференция Московской организации РСДРП (б), где докладчиком по вопросу о мире выступал Зиновьев, а содокладчиком – Покровский. Точка зрения Зиновьева в поддержку позиции ЦИКа, принявшего германский ультиматум, собрала 65 голосов. Позиция Покровского, которая в целом не отвергала курс большинства ЦИКа на принятие германских условий, была поддержана 46 голосами. 4 марта 1918 г. проходило и собрание Московского Совета. Покровский выступил по вопросу о войне и мире, изложив прежние и нынешние германские условия мира: «Новые германские условия преследуют единственную цель – задушить русскую революцию, и только с этой точки зрения и можно рассматривать домогательства немцев». Высказываясь против подписания такого мира, он говорил, что вместо передышки мы получим деморализацию и «если сейчас пролетариат и крестьянство встанут на борьбу, немцы не смогут с ними справиться» [цит. по: Ксенофонов 1991, с. 367]. Выступая в прениях, Покровский говорил, что перед нашей мирной делегацией еще в

январе стоял вопрос – порвать с войной или революцией, и выход из войны без подписания аннексионистского мира стал попыткой порвать с ней, не порывая с революцией. Решительный поворот в сторону ратификации Брестского мира произошел под давлением Ленина на съезде РСДРП (б) 7 марта 1918 г., а ратификацию удалось провести 14–15 марта на IV Всероссийском съезде Советов.

Покровскому, как историку, было интересно принять участие в столь значимом событии и «не пропустить ни одного момента переговоров», но как верно отметил А.А. Чернобаев, участие в этом процессе не принесло ему ни славы, ни почета. Даже наоборот. Историк Ю.В. Готье записывал о коллеге в своем дневнике: «Мирные условия подписаны М.Н. Покровским (Неверная информация. В последнем этапе переговоров Покровский не участвовал и мира не подписывал. – *А.Р., Л.Л.*) – вот истинно позорное имя в русской истории и позор для школы московских русских историков... Подлец и изменник, способствовавший преданию своего отечества на поток и разграбление немцам... Проклятый, влюбленный в себя квазимодо, к которому я всегда чувствовал какое-то гадливое ощущение. Не сделавшись ничем другим, он стал Геростратом или, вернее, одним из Геростратов России. Что ж! Суд истории его рассудит» [Готье 1997, с. 117–118]. Дневник Покровского показывает, что историк-революционер вовсе не был бесчувственным исполнителем чужой воли, хладнокровно наблюдавшим за экспансионистскими действиями немцев на переговорах. Покровский был противником подписания «похабного мира», однако в итоге он признал, что Ленин был прав, настаивая на его заключении, обозначив, что «суть Бреста была не столько в мире с Германией, сколько в разрыве с Антантой» [Покровский 1928, с. 270]. Оценивая прошлое, Покровский сравнивал Советскую Россию в период Брестских переговоров с человеком, стоящим на шестом этаже горящего здания с дилеммой сгореть заживо или броситься вниз из окна. «При таких условиях многие из нас впадали в “левый” коммунизм, потому что другого выхода нет» [Покровский Октябрьская революция и Антанта, с. 14]. Подробнее данная тема раскрыта в письмах Покровского из Брест-Литовска к жене, которые вскоре планируется опубликовать.

Данный материал является частью работы по специальному проекту, посвященному проблематике Брестского мира. В конце 2020 г. Научным советом РГАСПИ был рекомендован к публикации сборник документов «Брестский мир: пролог, заключение, итоги» (ответственный составитель А.В. Репников; составитель А.В. Борисова, при участии Л.В. Ланника и Б.С. Котова), в котором на основе документов представлены основные темы, связанные с подготовкой, заключением и последствиями Брест-Литовского мирного договора. В настоящее время сборник готовится к печати в издательстве «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Представленные ниже дневниковые записи, сделанные М.Н. Покровским в ходе Брест-Литовских переговоров в перерыве между заседаниями политической комиссии, хранятся в его личном фонде в РГАСПИ наряду с перепиской [РГАСПИ, Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–57, 61–65]. О последнем дне переговоров и событиях 11–13 февраля 1918 г. написано после возвращения в Петроград [см.: Первые шаги, с. 152–160]. Все авторские выделения, подчеркивания и зачеркивания отдельных слов сохранены. Для републикации текста А.В. Репниковым были заново сверены тексты дневника, исправлены опечатки, допущенные в публикации 1993 г., подготовлены новые комментарии А.В. Репникова и Л.В. Ланника.

**Дневниковые записи М.Н. Покровского
о переговорах в Брест-Литовске
(Начало 1918 г.)**

Вернувшись в Москву днем, в воскресенье, 3 декабря [1917], я застал там очень смутные и тревожные настроения. Только что, в тот самый день, разыгались манифестации, аналогичные питерской предыдущего воскресеньяⁱ. Поворачивая с Кузнецкого на Петровку, чтобы Столешниковым пройти к Совмину, я видел хвост этой манифестации и на каждом шагу встречал отщепившиеся от нее маленькие митинги. В Совмине говорили о 30–40, даже 70 тысячах участников, ожидали чуть не кадетской и правоэсеровской революции и тому подобного. Вечером должно было состояться заседание президиумаⁱⁱ – повестки уже сейчас не помню. Моя роль сводилась к докладу о заседаниях большевистской секции Учредительного собрания.

В самом начале доклада, едва я успел произнести несколько слов, принесли сразу две телеграммы Троцкогоⁱⁱⁱ – радио и по Юзу¹. Текст обоих был тождественный – мне предлагалось немедленно выехать для присоединения к брест-литовской мирной делегации. «Ваше присутствие совершенно необходимо», – добавляют телеграммы. Предлагалось «захватить секретаря» – отмечаю эту мелочь, потому что она очень усложнила наше личное существование, поведши к совершенно ненужной поездке Л.Н. Покровской^{iv} в Питер.

В Питере, перед отъездом в Москву, я условился с Троцким, что поеду на переговоры в Стокгольм² v числа 10-го – 12-го, сформировав в Москве комиссию экспертов. С одним из них, Кузовковым^{vi}, я уже успел сговориться за воскресенье. К выезду в Брест я был так же готов, как к путешествию в Китай. Я не имел никакого понятия, что делала там наша делегация – не знал точно даже ее состава. По-немецки (я знал, что брестские переговоры ведутся на этом языке) я почти не говорю. А главное, из всей политической литературы – я собирался, разумеется, подготовиться за неделю, до 10 декабря, и кое-какие материалы мне уже указали – я не успел прочесть ни строчки.

1. Л.Д. Троцкий – М.Н. Покровскому. Телеграмма (3 декабря 1917 г.).

В[есьма] экстренно. Совет солдатских и рабочих депутатов – Покровскому.

Президиум Совдепа, Москва. Принята 3.12.1917 г. – д[ом] генерал-губернатора.

Весьма экстренно, вне очереди.

Настоятельно прошу немедленно выезжать [в] Петроград для участия [в] мирных переговорах [в] Брест-Литовск[e]. Открывается [во] вторник. Ваше участие абсолютно необходимо. Захватите секретаря.

48 – Троцкий.

РГАСПИ.Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 66. Опубликовано: Первые шаги большевистской дипломатии. С. 161.

2. Здесь и далее в тексте все подчеркивания слов сделаны М.Н. Покровским.

Словом, никогда ни один дипломат не выезжал в такую колоссальной возможности командировку более налегке. Здравый смысл говорил, что ехать не следует. Но телеграммы были так настойчивы. Одна из них, радио, была, конечно, подхвачена всеми станциями Европы (потом я узнал, что немцы именно из нее и узнали о моем прибытии – сообщить им комиссариат иностранных дел не догадался). Не поехать значило учинить скандал. Не стану скрывать (в этих записях я стараюсь быть точным, насколько это возможно), что фраза: «Ваше присутствие совершенно необходимо», – льстила моему самолюбию.

Мое, скромного историка, присутствие необходимо для заключения мира между Россией и Германией, а может быть и общего мира после величайшей войны, какую видела вселенная! Только очень крепкая голова могла бы совсем не закружиться от подобной вести. Напишу, и как историку, мне интересно было не пропустить ни одного момента переговоров. Стокгольм, правда, был мне обеспечен – но первая встреча империалистической и социалистической дипломатии должна была произойти в Бресте (переговоры о перемирии велись с военными властями)^{vii}. В Стокгольме я застал бы уже второй акт. Среди присутствовавших в заседании президиума никто не сомневался, что я поеду. Решение – «поехать» – было принято в две минуты. Скомкав кое-как свой доклад, я стал «собираться» – т.е. разыскивать автомобиль (мой багаж остался в Питере, и его я рассчитывал захватить по дороге в Брест). Но Москва не дает мне забыть настроения, охватившего меня по приезде. На очередь встал вопрос о том, как реагировать на утреннюю манифестацию. Мне пришлось остаться, обсуждать вопросы об арестах кадетского комитета и стачечного комитета городских служащих (первый провалился, второй прошел благодаря давлению слева городских рабочих), потом внеочередное заявление командующего войсками. До сих пор звучат у меня в ушах слова т. Муралова^{viii}: «Скажите в Питере, что Рада обезоруживает наши полки!». Почувствовалось что-то зловещее, легла какая-то тень: но что, по видимому, было общего между нахальством Рады и тем, чем я был занят в эту минуту? Кому пришло бы в голову, что слова Муралова могли бы служить эпиграфом ко всему этому рассказу^{ix}?

Питер встретил меня тем, чем проводила Москва. «Сегодня ночью мы предъявили ультиматум Раде»^x, – была одна из первых фраз Троцкого, когда я вошел в его кабинет около 4 часов на другой день. Я опять отнесся к этому, как к чему-то для меня совершенно постороннему. Плохо я держал экзамен на дипломата в этот день! Моя голова была занята исключительно предстоящей поездкой в Брест. Выехав, как видно из предыдущего, из Москвы дипломатически совершенно нагишом (почти нагишом и во всех других смыслах – в том пиджаке, который был на плечах, не захватив даже лишней рубашки: в мою квартиру мне не удалось заглянуть в памятное воскресение),

я старался хотя сколько-нибудь экипироваться в Питере. Прежде всего, возникал вопрос об «инструкциях» – не мог же я, отправляясь «делать мир», не знать, как представляет себе этот мир «мое правительство». Я был уверен, что у Троцкого я найду готовый план переговоров, в который меня сейчас же и посвятят. Тут меня постигло первое из моих разочарований: если только этот план не скрывался от меня нарочно (а это, по всей ситуации, было бы совершенно нелегко), то оставался один вывод – никакого плана у Троцкого не было. И не было потому, что он относился к миру приблизительно так же, как я к конфликту с Украиной – как к чему-то весьма для него постороннему. «Мы должны держать курс на европейскую революцию» – в этой фразе можно резюмировать всю суть «инструкций» комиссара по иностранным делам. Так как революция должна вспыхнуть не сегодня-завтра (тут мне было сообщено несколько явно неправдоподобных сведений о настроениях в германской армии), то нам выгодна всякая оттяжка. Наши представители в Бресте – особенно Каменев^{xi} – подозревались в наклонности спешить с заключением мира – я должен был им в этом противоборствовать. Особенно ценным представлялся Троцкому и Ленину – временный разрыв^{xii} переговоров. Помимо выигрыша времени, этот разрыв должен был стимулирующим образом действовать на германских левых, подкисших, по сведениям Смольного, при известии о том, что большевики идут на компромисс с германским империализмом. С этой точки зрения разрыв должен был быть возможно эффектным, и Ленин высказывал сожаление, что поеду я, человек мягкий: «надо бы послать какого-нибудь нахала, который отбрил бы немцев» и в 24 часа добился бы разрыва. Это произвело бы отличное впечатление.

Насколько основательны были ожидания близкого взрыва в германской армии, показывает простое сопоставление дат: мой разговор с Троцким и Лениным происходил 4 декабря 1917 года, сегодня, когда я пишу, 26 января 1918-го, – прошло более 6 недель, за это время наша армия почти растаяла, и немецкая не стоит на своем месте, несмотря на прокатившуюся в промежутке по Австрии и Германии волну забастовок. Эти забастовки, конечно, оправдали до некоторой степени надежду на «левых», но нужно сказать, в степени минимальной. Надежды Смольного не были, однако же, только легкомыслием: под ними, несомненно, был известный фундамент, заложенный фальшиво – в этом была главная беда. Фундамент этот заключался в уверенности, что немцам мир с Россией необходим до зарезу. Этим объясняется, например, «легкое» отношение к эксперименту с разрывом переговоров: возобновить их, по мнению Ленина и Троцкого, очевидно (это не их слова, а мое заключение), ничего не стоило – только пальчиком помани немцев, они сейчас же опять прибегут. Снова приходится сказать, что доля основательности и здесь была: доказательством служила венская забастовка^{xiii}, вспыхнувшая, как только на горизонте обозначилась простая возможность разрыва. Но доля

была гомеопатическая, а надежды строились аллопатические. По-видимому, тут кружил голову неожиданный Смольным успех перемирия. Вопреки мнению очевидцев (например, Радека^{xiv}), я думаю, что в Смольном были не очень уверены в наклонности немцев вообще разговаривать с большевиками. Когда немцы пошли не только на переговоры, а даже и на кое-какие уступки (не перебрасывать войск^{xv} и тому подобное), переход от почти безнадежного положения к успеху породил иллюзии.

Раз дело шло о том, чтобы «тянуть», а при удобном случае и «разорвать» – то, очевидно, деловая сторона переговоров не могла интересоваться. Каменеву ставили в вину его, якобы, увлечение «реальной политикой». Мое предложение взять с собой хотя бы из Питера кое-каких «специалистов» (в комиссариате по ин[остранным] делам мне указывали на Доливо-Добровольского^{xvi} и Коростовца^{xvii}, по собственной инициативе я пригласил т. Вельтмана^{xviii}) было встречено кисло: присутствие специалистов могло повести к дальнейшим искушениям вести «реальную политику». Торопили только как можно скорее выехать – ибо опасались, что съезжающие в Брест, по газетам, «светила» дипломатического мира, – Кюльман^{xix}, Чернин^{xx}, возвращался и великий визирь Талаат-паша^{xxi}, почему-то особенно обращавший на себя внимание, – будут «импонировать» нашим делегатам и навяжут им в несколько дней мир. Это предложение, к слову сказать, было уже совершенно не основательно – «оттягивательная» тактика брестскими делегатами даже преувеличивалась: но об этом ниже. Как бы то ни было, я выехал из Питера экстренным поездом на Двинск через несколько часов после моего приезда. Не успел захватить даже за своим багажом в «Асторию» – кое-какое белье купила мне О.Д. Каменева^{xxii}, делавшая вообще закупки для делегации. От нее же я узнал, что у меня в Бресте будет «начальство», в виде председателя делегации А.А. Иоффе^{xxiii}. Очутиться под началом, мне, давным-давно от начальства отвыкшему, да еще у совершенно незнакомого человека, было не особенно приятно; но отказываться ехать из-за этого было бы смешно.

Путешествие до Двинска было так банально, как только может быть путешествие в министерском «салоне» – нечем вспомнить. Ничего примечательного не было и в самом Двинске, где нас – т.е. меня, Вельтмана, стенографа Я.В. Хлебникова^{xxiv} и писаря-машиниста – встретил комиссар 5-й армии Собакин. Но за Двинском уже начались «впечатления». Предшествующих делегатов довозили поездом до 514 версты, т.е. почти до окопов. Собакин предложил нам проехаться в автомобиле прямо от Двинска до нейтральной зоны (17 верст). Предложение было заманчиво – погода дивила, из автомобиля больше увидишь, чем из вагона. Первым «впечатлением» были батарея артиллерии, ехавшая на позиции кого-то, очевидно, сменять. Это, как будто, свидетельствовало, что «все в порядке». Но дальнейшие впечатления поправили первые. Скоро мы подъехали к большой массе пехоты, располо-

жившейся, по-видимому, биваком. Для комиссара встреча была, как будто, неожиданной – он забеспокоился и стал опрашивать: «Товарищи, какого полка?» Он раз десять повторил этот вопрос, пока автомобиль медленно проезжал сквозь тысячную – по крайней мере – толпу. Ответа я не слышал – сидел я рядом с Собакиным. Сомнений быть не могло – перед нами был типичный образчик «расползания» армии. Окопы, расползавшиеся не менее самой армии, дополнили это впечатление: осыпавшиеся брустверы, разрушающиеся землянки, порванные – и не восстанавливавшиеся – проволочные заграждения явно свидетельствовали, что под Двинском воевать больше не собираются. С русской стороны, по крайней мере. И этого впечатления не исправляла лестная для нас параллель – нашего молодежавшего рослого часового, в своем полушубке и папахе так живо напоминавшего дружинников 1905 года^{xxv}, и мухортого немецкого ландштурмана, раздавленного своей тяжелой траншейной каской, настоящим средневековым шлемом (немецкая каска чуть ли не вдвое массивнее того, что я видал на головах французских и английских пехотинцев – но, говорят, только такие шлемы и достигают цели^{xxvi}). Люди у нас есть, конечно – только захотят ли они драться?

Мне очень хотелось бы перенести на бумагу настроения, на которые навела «зона» – необъятная пелена гигантского кладбища (нам сообщили, что тысячи трупов, оставшиеся от старых боев, так и лежат неубранными), с одинокой телефонной будкой посередине, где бок о бок отделенные тонкой, даже не сплошной, тесовой перегородкой, жили вчерашние «неприятели»: наши военные телеграфисты, с одной стороны, немецкие – с другой. Но, боюсь, это было бы только скучно. Десятки раз, верно, это описано или будет описано. Немецкие окопы дали нам, наконец, картину траншейного мира не в состоянии разрушения. Но эту картину мы увидели не сразу: благодаря тому, что, как я уже говорил, Смольный не догадался известить Брест о посылке человека, присутствие которого «совершенно необходимо»^{xxvii} для переговоров, на зоне нас не ждали – и «зона» два часа разговаривала по телефону с Брестом. Выручила нас радиотелеграмма, принятая, конечно, и немецкими станциями: из «перехвата» германский штаб узнал о моей поездке – оставалось только отождествить меня с одним из прибывших на зону русских. Это и было поручено посланному нам навстречу офицеру – но так как тот должен был выехать совершенно невзначай, то слегка задержался, и нам пришлось, дожидаясь его, два часа продежурить на морозе, не очень, правда, сильном. Не зная всей этой закулисной стороны и наслышавшись о любезности немцев, мы с Вельтманом были немножко удивлены «холодностью приема»: и тут в первый раз в моей голове появилась смутная ассоциация нашей одиссеи – с украинцами. Кажется, на нее навело найденное нами в валявшемся у наших телефонистов номере немецкой газеты сообщение о выезде в Брест украинской делегации. Кажется – ибо наверно этого не

помню. Но вот что помню совсем отчетливо: когда, наконец, после длинного ожидания (под конец уже по ту сторону немецких траншей) подъехал немецкий автомобиль, и из него выскочил высокий лейтенант, одной из первых фраз, услышанных нами, было: «На днях я, как раз, сопровождал трех украинских делегатов, проехавших в Брест»^{xxviii}. Германский фронт встречал нас тем же, чем встретил Питер – и проводила Москва. Через двести лет воскресла история Мазепы...

Дорога от Двинска до Бреста была чуть-чуть богаче впечатлениями, нежели от Питера до Двинска. Первое «впечатление» давал сам лейтенант Юст, показавшийся мне в первую минуту чрезвычайно накрахмаленным и противным, а по ближайшем знакомстве обнаруживший много добродушия. Мне кажется, он сначала сомневался не самозванцы ли мы. Дело в том, что Смольный снабдил своих «дипломатов» совершенно необычными, для подобного случая, бумагами: мне, например, буквально, было выдано, «удостоверение», что я – такой-то и принадлежу к составу брестской мирной делегации³. По существу дела, для границы, особенно русской (документ, разумеется, был написан на этом языке), этого было вполне достаточно, но человек, привыкший к обычному типу «дипломатических паспортов», нашел бы, чему удивиться. Лейтенант не без иронии спросил: «Это действительно

3. М.Н. Покровский – Л.Д. Троцкому.

7. XII. 1917 г.

Дорогой Лев Давидович!

За невозможностью говорить с Вами по Юзу (Юз испортился, посылаем к Вам сегодня курьера, который в субботу, авось, будет в Питере). Мое положение оказалось нелепее, чем я думал – меня здесь встретили, на основании Вашей радиогаммы, которую приняли, разумеется, и немецкие аппараты, – как особоуполномоченного для заключения мира, между тем у меня не только «особых», но и никаких вообще полномочий нет.

Написанное канцелярией Смольного «удостоверение» годится именно только как «удостоверение личности», не больше. Если я правильно понял принца Леопольда, и другие члены делегации не в лучшем положении – полномочий для заключения мира и у них нет. Немцы имеют полное право с нами не разговаривать – и если делают это, то от великой любезности. Необходимо заготовить бумаги, где черным по белому было бы написано: «Совет Народных Комиссаров назначает такого-то (имя, отчество и фамилия, – именно фамилия, а не литературный псевдоним) уполномоченным для заключения мира с...».

В договоре будет, конечно, как всегда, оговорено, что все, нами сделанное, подлежит ратификации Совета (или Учредительного Собрания – это уже Вы решите в Питере), и без этого силы не имеет.

Сердечный привет!

М. Покровский.

[РГАСПИ.Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 60–60 об; опубликовано: Первые шаги большевистской дипломатии. С. 161.]

сам г. Троцкий подписал?» Убедившись из разговора, что мы, если и не профессиональные дипломаты, то во всяком случае люди интеллигентные и едущие, действительно, для участия в мирных переговорах, он переменял обращение – и в Бресте мы расстались друзьями. До Бергофа мы опять доехали в автомобиле – и на этот раз, под вечер, я уже серьезно продрог. В Бергофе нас посадили в старый прусский вагон – типа, в котором я ездил⁴ в Германии в 1898 году, только тот был III класса, а этот первого и мы получили первый предметный урок того, до чего расхлябаны железные дороги даже в Германии. Впрочем, тут могло играть роль и то обстоятельство, что германская сеть благодаря территориальным захватам выросла не на один, вероятно, десяток тысяч километров. Следующим впечатлением была еда. Тут было вне всякого сомнения, не без «обстановочки». Но как бы ни было, нет сомнения, что хлеб пекли не специально для нас – и что такого хлеба я не ел с незапамятных времен, ибо даже «военный» французский хлеб, не говоря о российском, был, сравнительно, жалким суррогатом. Не специально для нас готовили и обед на виленском вокзале – ибо тогда пришлось бы предположить, что специально было напечатано и меню, лежавшее на столе, а это уже для всякой «обстановочки» было бы слишком. А на этом меню значилось, что обед стоил три марки (по биржевому курсу тех дней почти три же рубля): в Питере такого обеда дешевле восьми рублей получить бы не удалось. После я узнал, что масса населения и в Вильне и в Варшаве страдает от голода жестоко, что наблюдаемая нами пищевая благодать явление чисто классовое – что хорошее ест только буржуазия. Но так как мы были в царстве империализма, а не социализма, то это было не удивительно – на лицо же был тот факт, что с деньгами, причем отнюдь не сумасшедшими, в «голодной» Германии можно было быть сытым лучше, нежели в России. В Берлине, как уверял нас прежде всего сопровождавший нас лейтенант (это потом подтверждалось неоднократно и из других источников) отношения ровные – ибо Берлин (это уже не лейтенант говорил, а мое собственное заключение), это нечто вроде колоссального коллективного «буржуа», эксплуатирующего всю остальную Германию и, прежде всего, все оккупированные области. Как бы то ни было, как уверенность, что Германии мир необходим «до зарезу», так и надежды на германскую революцию *à la russe*⁵ на почве голода, видимо, подлежали серьезнейшему ограничению.

Везли нас через Пруссию – прямой поезд на Брест ушел утром – причем, нам пришлось пересаживаться первый раз недалеко от Кёнигсберга, в Коршены. Никаких попыток изолировать нас, помешать что-нибудь видеть – не делалось. Когда на второй пересадке нам дали вагон с наглухо закрытыми

4. Так в тексте.

5. В русском стиле (франц.).

окнами, наш спутник выражал негодование – опять едва ли подстроенное, ибо он сразу же предложил нам перейти в свое купе, где окна были открыты и можно было любоваться пейзажем литовских болот и лесов. Ехали медленно – и только к часу пополудни на следующий день мы были в Бресте. От встретившего нас на вокзале Л.М. Карахана^{xxix} мы узнали, что не только Кюльмана, Чернина и проч., но даже и нашего «начальства» в Бресте нет – Иоффе и Каменев уехали в Варшаву^{xxx}. Сразу же стало ясно, что так торопиться не было никакого смысла – что я отлично мог бы выехать из Москвы, по крайней мере, сутками позже и несколько менее «налегке» во всех смыслах. И тот же опять зазвучал «лейтмотив»: первое, что мне с негодованием рассказали Карахан и Биценко^{xxxi}, было «выступление» украинского делегата Любинского^{xxxii} на утреннем, в этот же день, совещании с немцами об обмене военнопленными. Вопрос не заключал в себе ровно ничего «политического» – тем характернее, что Любинский даже и здесь нашел нужным отмежеваться от «кацапов» притом в нелепо-демонстративной форме. Видимо, ему было приказано из Киева во что бы то ни стало проявить свою самостоятельность – а умнее способа он не нашел.

Сразу же обнаружились и еще кое-какие досадные мелочи. К числу «досадных» нельзя, конечно, отнести то, что меня поместили в комнату, где застрелился Скалон^{xxxiii} – это только наводило на грустные размышления: след, оставленный пулей на стене, служил одним из самых выразительных *memento mori*⁶, какое я видел в моей жизни. Но были вещи, наводившие на неприятные размышления уже другого порядка. Завтрак нам дали еще в нашей квартире (Bloc7, на северной стороне старой николаевской крепости, служившей теперь цитаделью) – но предупредили, что обедать придется идти в «казино»⁷. Нужно было обладать или очень большой моральной толстокожестью, или очень слабым характером, чтобы пойти на те условия питания, в какие поставили нас немцы. Заявив, что в Бресте только одна кухня (это вздор, их было, по крайней мере, две), ибо, собственно, города нет (это была правда, от Бреста-города стояли одни руины, едва ли можно было найти дюжину обитаемых домов, нет, значит, ни гостиниц, ни ресторанов и тому подобного, немцы убедили наших, что питаться можно только «коллективно» – с ними, немцами, вместе. В виде «почета» наших водили есть в маленькое «казино», где питалась главная квартира принца Леопольда Баварского^{xxxiv}: было еще большое («казино III»), где ело гарнизонное офицерство. Для «почета» же нас сажали вместе с принцем и генералами – строго придерживаясь

6. *Помни о смерти (лат.).*

7. *Определение не несет современного нам значение игорного дома. Под офицерским казино подразумевалось место, аналогичное офицерскому или полковому собранию.*

чинопочитания: по мере того, как съезжались дипломаты, гофмаршалу принца приходилось заново и заново перерешать трудную задачу пересадки гостей «по чинам». Выше всех сажали, как председателя, Иоффе, затем Каменев, затем альтернативно я и Биценко (кого из последних сажать выше, гофмаршал, видимо, так и не мог окончательно решить), затем Карахан и Любинский. Для экспертов, кроме состоявших в генеральских чинах, адмирала Альтфатера^{xxxv} и генерала Самойло^{xxxvi} (сменившего покойного Скалона), за «генеральским» столом места уже скоро не стало хватать – и тов. Вельтмана, например, стали отсаживать в соседнюю комнату, к адъютантам. Уже этого было бы достаточно, чтобы спросить себе отдельную комнату, где мы были бы все вместе: аргумент «от кухни» тут нельзя было бы применять. Но наши шефы, игравшие в дипломатов с увлечением гимназистов, впервые приглашенных учителями в свою среду, ничего не замечали, упоенные возможностью беседовать с «самим» Кюльманом, «самим» Черниным, «самим» Гофманом. Надо было видеть, с какой неподражаемой важностью Иоффе при Каменеве рассказывал после обеда об этих беседах. «Сегодня мне Кюльман говорит такую шутовину», – начинал, например, Каменев. А на другой день Иоффе имел свой реванш: «Ну-с, нынче у меня был разговор с Черниным»... Обратной стороной всех этих «шутовин» было то, что немцы – нам разумеется, ничего не выдавшие: они прекрасно помнили, что дипломату язык дан для того, чтобы скрыть свои мысли – имели возможность по два раза в день «изучать пульс» русской делегации^{xxxvii}. Тут был уже практический вред всей системы: и если рассаживание «по чинам» не коробило представителей социальной революции по нравственной толстокожести – качество, для дипломата, скорее, выгодное – то не замечать практического неудобства «братания в казино» можно было лишь по толстокожести умственной: качество именно для дипломата уже безусловно отрицательное.

Может явиться вопрос: что побудило Смольный поставить во главе делегации таких людей⁸. Ответ дан выше: мир считали лежащим в кармане.

Чтобы поднять вещь, валявшуюся на полу, нет нужды в больших талантах. В то же время человек более или менее крупный, талантливый, при наклонности к интриге (а кто же из партийных лидеров к ней не склонен, более или менее?) легко мог себе приписать честь находки – и использовать

8. Формально, председателем был Иоффе, как я говорил уже. Но немцы обращались безразлично и к нему, и к Каменеву, к последнему даже предпочтительно, подвергая тем самолюбие Иоффе жестокому испытанию. Причиной могла быть большая болтливость и покладистость Каменева – но могла быть и специальная причина, столь характерная, что ее стоит отметить: при первом же разговоре, Леопольд Баварский счел нужным выяснить, правда ли что Каменев – зять Троцкого. Я подтвердил, к видимому удовлетворению его высочества. – Прим. М.Н. Покровского.

свое участие в переговорах для конкуренции с «вождями». Все это побуждало отправить в Брест людей, которые конкурентами Ленина и Троцкого ни в каком случае выступить не могли бы.

Что во всем этом расчете могла быть опять-таки доля правды, показывали бурные аплодисменты, какими широкие собрания встречали Каменева. Быть может, потому именно председателем и назначили не его, а совсем уже бесцветного Иоффе. Характерно, что после наиболее яркого триумфа Каменева, на съезде Советов в январе^{xxxviii}, он в Брест более не вернулся.

Мы с Вельтманом приехали в Брест в среду 6-го декабря (старый стиль). Иоффе и Каменев вернулись из Варшавы 7-го, в тот же вечер появился за обедом Чернин, на другой день Кюльман, а 9-го, в субботу, было первое заседание конференции, в специально отделанной зале Casino III (которую с места в карьер пришлось переделывать, ввиду невозможной акустики – за десять мест от оратора ничего не было слышно). Это первое заседание могло бы подкрепить предрассудок о том, что «немцам мир нужен до зарезу»: слова принца Леопольда о *mächtige Russische Republik*⁹ прозвучали очень приятно в ушах нас, людей 1905 года^{xxxix}, и, конечно, не по внутреннему влечению сорвались с языка баварского принца, помнившего еще Александра II. Нам льстили – но тут же и показывали, что дальше формальностей эта лесть не пойдет и что по существу с нами церемониться не предполагают. Имея некоторые сведения по дипломатической истории и некоторый опыт в собраниях, не только партийных, я накануне возбудил вопрос о председательстве в заседаниях конференции – к вопросу о председательстве так часто сводится, ведь, вопрос об инициативе. Мне с уверенностью людей, уже богатых дипломатическим опытом (Каменев и Иоффе вели переговоры о перемирии), ответили, что все предусмотрено, порядок заседаний давно установлен – словом, что «новичкам» нечего тут соваться и подавать советы. В результате, когда Кюльман, вовсе не считаясь с «опытом» делегации, заключившей перемирие, и правильно рассуждавший, что перемирие одно, а мир другое, что мирная конференция отнюдь не есть продолжение перемирной, поставил вопрос о председательстве, мы оказались совершенно не подготовленными, и немцы (у них, наоборот, все было готово) в пять минут провели план, отдававший 4/5 инициативы в их руки. Они предложили рассматривать все пять делегаций (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Россия, Турция), как равные, и предоставить им председательство по очереди в алфавитном порядке, читая их названия по-французски. Фактически, четыре раза председательствовал немец, один раз русский – причем мы не догадались даже на образование *Senioren-Conventa*, Совещания председателей, которое устанавливало бы по-

9. *Могущественной Российской республике (нем.)*.

рядок дня. Благодаря этому, четыре раза из пяти – а в действительности, все разы, кроме последнего, торжественного, заседания, мы отправлялись разговаривать с немцами, совершенно не представляя себе, о чем, собственно, будут говорить – значит совершенно лишенные возможности сколько-нибудь подготовиться. Всякое заседание – и уже для нас всех – повторяло мою поездку в Брест.

29. I / 11. II.¹⁰ Не писал два дня – вчера, наконец, мы «разорвали», несколько на манер Подколесина^{xi}, – но об этом будет речь по череду. Сегодня мы уезжаем. Когда мне приходится уезжать навсегда из места, не бывшего для меня только ночевкой, мне бывает жалко оставляемого навеки кусочка моей жизни. Здесь, в Бресте, я прожил два месяца – не самых пустых и ничемных в моей личной истории. И никакого чувства у меня нет! Одеревенели я с годами – или очень уж тяжело пережитое здесь?

Хотел отложить рассказ о «последнем дне» до соответствующего места. Но не лучше ли это теперь же сделать? Когда-то еще выберется свободный день! Предпоследнее (sic!¹¹) заседание конференции я «прогулял»: утром за завтраком услыхав от самого Троцкого, что немцы перенесли «политическую комиссию»^{xii} на вечер, я соблазнился чудесной погодой и прошел верст 8. Вернувшись уже к полудню, с газетами, я, когда оные были прочтены, удивился царствующей в доме тишине. Не спят же люди в этот час? Пошел в противоположную квартиру, сообразив, что может быть, у нас маленькое «свое» заседание перед немцами (собирались мы на половине Троцкого, через площадку). Но и тут нашел тишину и пустоту. И только писари в канцелярии Карахана, в свою очередь удивленные моим появлением, объяснили мне, в чем дело: только что я вышел из дому, как немцы позвонили по телефону и, с извинениями, сваливая вину на австрийцев, сообщили, что восстановлен старый час заседания – 11 утра. Я посмотрел на часы – было ½ первого, а в час мы завтракали. Идти к шапочному разбору не стоило.

Вернувшиеся к завтраку наши рассказали, что по существу ничего особенного не происходило (Радек и Бобинский^{xiii} читали декларацию от имени поляков) [см.: Мирные переговоры 1920, с. 171–176] – но что **тон**¹² немцев был достопримечательный – так грубы они еще никогда не были. Кюльман сказал Чернину на одном месте декларации, почти вслух: «какое бесстыдство!». Завтра нам предъявят ультиматум – было общее мнение. Известно было,

10. Выделено в тексте.

11. Так (лат.).

12. Выделено в тексте.

что мир с украинцами, если и не подписан, то решен окончательно – торгуются о последних мелочах.

Назавтра был не ультиматум, а никчемное, как всегда, «турецкое» заседание. Это была пятница. На утро субботы наши (немецкие) «ордонансы» рассказали нам, что ночью немецкое офицерство праздновало в казино мир с Украиной. На 11 часов субботы (9-го ст. ст.) было назначено общее собрание, где Кюльман обещался «резюмировать» итоги переговоров. Резюме было короткое, бесцветное – и вовсе не такое грубое, как я ожидал, настроенный предыдущими рассказами. Троцкий отвечал – по обыкновению длинно, по обыкновению красиво, и по обыкновению же, я бы через полчаса не был в состоянии даже вкратце «резюмировать» слышанное. Такая уже моя судьба по отношению к речам Троцкого – но так как все сие благоговейно сохранено стенограммами и напечатано в «Правде», то беды большой нет^{xliii}. Позже нам сообщили (кажется, Чернин) о подписании мира с Украиной, что оказывается, было не вчера вечером, а лишь в субботу же утром – немцы праздновали в кредит. Под совершенно надежное обеспечение, впрочем: накануне, когда мы плели турецкую канитель, мимо нас провели в «совещательную» комнату украинцев, и по их перекошенным и вытянутым лицам видно было, что эти люди только что перешли какой-то рубикон. Субботнее заседание кончилось на предложении Кюльмана: образовать подкомиссию для окончательного изучения намеченной гофмановским проектом пограничной черты^{xliv} (краткую характеристику ей Троцкий дал в заранее заготовленной декларации, которая дожидалась своей очереди уже вторую неделю) [см.: Мирные переговоры 1920, с. 188–205]. Нами предложение было принято.

Так как все делегации назначили в подкомиссию своих «спецов», в качестве «дипломатических» представителей – немцы Розенберга^{xlv}, австрийцы Гратца^{xlvi}, Ф. Визнер почему-то впал в немилость^{xlvii} – или был специально прикомандирован к украинцам: именно он их вел, когда мы сидели с турками; возможно, впрочем, что тут просто соблюдалось равновесие между двумя половинами империи: Гратц (бывший венгерский министр), то я был уверен, что от нас пойдет Иоффе. Так как подкомиссия, к тому же и ничего интересного не обещала, то я и на нашем предварительном совещании держался зрительной роли. Ораторствовал больше всех Иоффе – меньшевистская природа которого тут выразилась во всем блеске. Он настоял, чтобы, даже получив отказ на Моонзунде^{xlviii} (что, по мнению наших военных экспертов, решало дело), наши представители отнюдь не рвали, а продолжали беседовать с немцами дальше. Так как было совершенно определенно решено, что без Моонзунда мы не подписываем, то дальнейшая беседа могла иметь лишь один смысл: хотя бы на несколько часов отдалить роковую минуту, когда мы должны были сказать: «Нет». Но еще более опасные тенденции обнаружились, когда мы перешли к обсуждению возможности, что на Моонзунде немцы

сдадут. «Допущение» было почти академическое – но австрийцы уже несколько дней забегали с заднего крыльца, первый раз приходил даже сам Чернин, с Гратцем, позже один Гратц, видно было, что они страшно жаждут соглашения, вопрос сводился к авторитетности австрийцев. Если немцы на них не совсем плюют, то, быть может, они что-нибудь и выторговали? Как бы то ни было, решено было обсудить и случай, что нам придется идти и дальше Моонзунда. Проект военного ведомства стоял тут на этнографическом принципе: Латвию «нам» – Литву «им». Граница получалась, с военной точки зрения, нелепой до последней степени: нечто вроде блаженной памяти «Царства Польского», повернувшего на 180° внутри. В военном министерстве, видимо, или коварно «саботировали», или очень холопски старались угодить новым господам^{xlix}. А так как задача подкомиссии и заключалась в рассмотрении границы именно с военной точки зрения, то нашим экспертам выпадала тут на долю задача защиты вопиющей стратегической нелепости. Альтфатер, всеми силами души ненавидящий «самоопределение национальностей» – как всякий хороший ремесленник ненавидит то, что портит ему чистоту работы – немедленно же ухватился за дефект «военной» программы и стал проводить свою стратегическую границу, на мой взгляд, едва ли очень много лучшую, однако не столь нелепую – но имевшую ту особенность, что она резала пополам и Латвию, и Литву. Латвия была уже разрезана немецким проектом, тут нового не было, но целость Литвы нарушалась впервые, и нарушалась нами. Тут и произошел эпизод, ради которого стоит обо всем этом писать: когда литовский представитель Мицкявичус-Капсукас горячо возопил¹³ против операции, проводимой Альтфатером над его родиной, Троцкий заявил, что для Литвы даже выгоднее быть разрезанной, ибо тогда русская половина станет революционным очагом для немецкой. После того, как мы два месяца во всякое время дня и ночи отстаивали «право всякого народа на самоопределение», это был, нужно сказать, довольно новый принцип.

Под конец заседаний не совсем ожидажно¹⁴ для меня, считавшего вопрос решенным, возник разговор о «дипломатическом» члене подкомиссии¹. Альтфатер назвал меня. У меня не было ни малейшей охоты путаться под самый конец в дело, где я до сих пор ограничивался созерцанием, я отказался – сославшись на то, что мои исторические познания тут не при чем, а мой стратегический дилетантизм явно излишен при наличии профессиональных военных. Затем я ушел из комнаты, где нервничавший Троцкий запретил читать газеты (их только что привез курьер из Питера). За обедом Иоффе мне говорит: «Так значит, М[ихаил] Н[иколаевич], Вы идете завтра в подкомиссию?» Я ответил недоумением, спросил подошедшего тем временем Троцко-

13. Так в тексте.

14. Так в тексте.

го – но тот уклонился от ответа. Видимо Иоффе был взбешен, что военные предпочитают меня – а Троцкий не хотел обижать своего «Санчо-Пансо»¹⁵. Меня споры в нашем совещании несколько подогрели, я понимал, что наступает момент, когда нужно «держаться» – [что^{li}] – и что на это Иоффе сейчас способен меньше, чем когда бы то ни было. Тем не менее иметь вид «вторгшегося» совсем не входило в мои планы. После обеда я пошел в комнату, где собрались над картами наши военные, нагнал как раз на ее пороге Иоффе и при военных спросил его, кто же из нас пойдет? Тут уж он потерял всякое самообладание и завопил в истошный голос, какой я неприятный человек, вечно со мной возня (никогда никакой возни со мной не было, особенно для Иоффе) и тому подобное. Смысл был тот, что он не пойдет ни в каком случае, должен идти я непременно. Сказано было это публично, при тех самых, с кем я должен был идти – мне этого было довольно.

Отчасти под впечатлением этого¹⁶ инцидента, отчасти из-за болтавших всю ночь поляков, я совсем не спал. От бессонницы, однако, получился тот хороший результат, что я обдумал окончательно планы Альтфатера – и решил, что этнографическому принципу изменять ни в каком случае не следует. Тем более, что по альтфатеровскому же выражению, это был явный «херувим» более чем очевидно было, что не только половины Литвы, но и кусочка Латвии немцы нам не дадут. В то же время это позволяло поставить вопрос о белорусах^{lii}. У военных был тоже теперь свой стратегический «херувим» – Альтфатер и Липский¹⁷, после долгого спора сошлись на линии Немана. Как и следовало ожидать, немцы остановили нас задолго до этого. Заседание подкомиссии – их было два: утром в воскресенье в 10 часов, и в 4 – были с внешней стороны, полным нашим торжеством: утром Альтфатер положил на обе лопатки Гофмана, весьма убедительно доказав, что гофмановские границы отнюдь не оборонительные, как утверждал автор (совершенно, видимо, не нашедший нужным готовиться к этому заседанию), но явно наступательные, а вечером та же удача досталась мне, на вопросе о белорусах (подробностей не выписываю, ибо все это есть в стенограммах) [см.: Мирные переговоры 1920, с. 188–205]. Между утром и вечером немцы пошли на огромную экономическую уступку (свободный транзит и соиспользование Либавы, Виндавы и Риги) – но так как Моонзунд остался в прежнем положении, и немцы прекрасно понимали, что этим дело кончится, то Гратц оборвал разговор, в сущности, на полуслове (опять очень удачно для нас – как раз на белорусах: протест против покушения на

15. Так в тексте.

16. Так в тексте.

17. В публикации в «Вестнике РАН» ошибочно «Ленский». Есть там и ряд других неточностей; в комментарии № 20 к публикации ошибочно указано на самоубийство В.М. Альтфатера. Правильно – В.Е. Скалона.

право самоопределения русского народа остался поздним нашим заявлением, как финальный аккорд), заявив, что им ничего не остается, как передать своим делегациям, что почва для соглашения не найдена.

Вернувшись, я нашел уже готовой нашу ответную декларацию: после утреннего заседания положение было столь безнадежно, что не стоило дожидаться результатов вечернего. (Тем паче, что в 2 часа к Троцкому снова забежал Гратц и сообщил ему, что немцы «не уступают»). Заявление мне не понравилось кое-какими, не столько марксистскими, сколько толстовскими фразами^{liii} – и слишком категорическим обещанием демобилизации. Я бы предпочел, чтобы протест был резче, а обещания туманнее, но в общем это был красивый документ обычного «троцкистского» типа. На заявление Троцкого, что это надо подписать, я несколько удивленно возразил, что по-моему, это дело правительства, а не делегации – но получил ответ, что делегация уполномочена была подписать договор, значит, может подписать и протест. В конце концов, документа этого рода все ожидали – объявить «революционную войну» я бы не взял на свою ответственность, словом, серьезных оснований уклоняться от подписи у меня не было.

Я вошел в соседнюю комнату, через пять минут Карахан меня позвал подписывать. Я немного изумился, что так быстро успели переписать довольно длинный документ, подошел, с удивлением увидел очень короткий текст, стал читать – и вместо протеста прочел голое заявление, что Россия прекращает войну и демобилизует свою армию!^{liv}.

Смысл дела был ясен: протест говорили «через окно» – предназначали для русских, немецких, польских рабочих. А германскому правительству говорилось весьма откровенно: «вы не обращайтесь на все эти фразы внимание – воевать мы больше не будем».

Я не стал разбираться, что тут больше, наивности или трусости (было достаточно и того и другого), но тоже с откровенностью заявил, что этого, я этого¹⁸ во всяком случае не подпишу. Не без воркотни Троцкий согласился прибавить наискромнейшую формулу протеста: «отказываясь подписать аннексионистский договор»^{lv}. Этого было, конечно, мало – но час общего собрания уже наступил, спорить было некогда, надо было довольствоваться хоть этим.

Мне пришлось еще выдержать сильную сцену с А.А. Биценко, по обыкновению, ничего не понявшей, и по обыкновению ж, обидевшейся за это не на того, кто ей втер очки, обругать мимоходом трусливейшего в

18. Так в тексте.

мире представителя «революционной Украины» – и мы пошли на «торжественное заседание»¹⁹.

13. II (31. I) – последний раз приходится отмечать старый стиль!

На последнем заседании Троцкий объявил, что мы все немедленно уезжаем из Бреста. Начались переговоры о поезде, которые к 10 часам вечера кончились заявлением немцев: все сейчас уехать не могут, ибо ранее 30 часов не может быть готов экстренный поезд (явный вздор – на составление его всегда требовалось 5–6 часов, мы же не настаивали на отъезде немедленно, и готовы были ждать до утра понедельника). С обычным же утренним поездом они могут отправить не более 4 (сначала говорилось даже только о 3, потом смиростивились на 5, под конец снова урезали одного) – опять-таки. Совершеннейший же вздор, поезд мог увезти по меньшей мере десяток. Очевиднейшим образом, выжидались результаты совещания четырех спорных делегаций (читай Кюльмана с Гофманом) и готовились заложники за Мирбаха и К^olvi на случай разрыва. Вопрос: кто поедет, стал, конечно, сейчас же очень жгучим. Я сразу от него устранился – мне хотелось отдохнуть, собраться с мыслями, пописать, словом просидеть лишний день, два в Бресте. Устранившись, я завалился спать очень рано и всю трагедию проспал. Остальная

19. См. документ, характеризующий состояние М.Н. Покровского в данной ситуации:

М.Н. Покровский. Проект заявления. 10 февраля 1918 г. (Черновик)

Народному Комиссару по иностранным делам тов. Троцкому.

Члена мирной делегации Покровского.

Заявление.

Уважаемый товарищ!

Ввиду состоявшегося сегодня постановления мирной делегации – остаться в Брест-Литовске на неопределенное время не ради определенной работы, а в ожидании решения, которое будет принято центральными учреждениями относительно новых германских предложений, я, как явившийся в Брест-Литовск именно для определенной работы и не делегированный центральными учреждениями, должен заявить, что для себя лично я не вижу никакой необходимости оставаться здесь далее – не жели интересы работы – т.е. ход переговоров по экономическим и другим вопросам – этого потребуют. И мои другие обязанности – представителя московского Совета Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов], члена Учредительного собрания и др., мои личные дела не позволяют мне проводить целые месяцы (я уехал из Москвы по Вашему настоятельному приглашению 3 декабря 1917 г.) за границей «без определенных занятий».

И ввиду этого, если со стороны центральных учреждений не последует специального предписания (На этом месте текст обрывается. – А.Р., Л.Л.)

[РГАСПИ.Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 67–67 об; опубл.: Первые шаги большевистской дипломатии. С. 161.

компания, после всенощной истерики, решила (т.е. решил, собственно, Троцкий), что в первую голову поедут два народных комиссара, как, очевидно, наиболее ценные члены делегации. Радек, как подвергающийся наибольшей опасности в случае разрыва, и стенограф Хлебников – этот уж не знаю, почему.

Четверо «избранных» уехали в понедельник рано утром. Немного попозже Криге^{lviii} позвонил Иоффе, прося позволения зайти после их конференции «проститься с людьми, с которыми он так привык работать вместе». Ясно было, что он должен был неофициально передать нам решение конференции. Криге пришел после обеда, видел одного Иоффе, просидел с ним 3 с половиной часа, говорил совершенно *unverbindlich*²⁰, и сообщил, что перед конференцией были три решения: разрыв и возобновление военных действий (чистая бессмыслица – очевидно, за это стоял один Гофман), продление перемирия *ad infinitum*²¹ и параллельное заявление германской стороны, что они также считают войну прекращенной. Какая из двух последних версий будет выбрана, Криге не знал – это должен решить Берлин. Форма газетного извещения о происшедшем, которую мы прочли на другой день, говорит, как будто, в пользу 3-го извода – он, действительно, самый выгодный для немцев, т.е. перемирие ставит их в зависимость от добросовестности противника (который может всегда возобновить военные действия, предупредив за 7 дней) и стесняет переброску войск на западный фронт.

~~На другой день~~²² В 10 часов вечера был, наконец, подан экстренный поезд. Мы трогательно простились с нашими «ордонансами» (метр д'Бри держал к нам речь, где говорил, что никогда рука немецкого рабочего не поднимется больше против русских – пишу со слов Иоффе, ибо сам речи не слышал, был уже внизу) – и оставили Брест, после двухмесячного почти сидения надо надеяться навсегда. Дорогой прочли текст договора с Украиной – разговоры об этом заполнили всю вторую половину пути. Немцы исправили полотно уже до самой «зоны», так что нам не пришлось пересаживаться ни в «трамвай» [см.: Фокке 2017, с. 42–43], ни в сани. Но пришлось часа три просидеть на зоне, так как там в это время происходил обмен пленных-инвалидов (с русской стороны, рассказывали немцы, для приема ничего не было приготовлено – даже носилок не было), а поезд потом из Двинска за нами никак не мог прийти. От нечего делать наши ходили смотреть пустые, брошенные окопы и находили там не только стаканы шрапнелей, неразорвавшиеся немецкие снаряды, и тому подобные «остатки», но и совсем новенькие стальные

20. Ни о чем (нем.).

21. Бесконечно (лат.).

22. Зачеркнуто в оригинале.

щиты бойницы, брошенные как хлам. В Питере не без удивления встретили настоящую зиму, от которой начали уже отвыкать в Бресте. Около часу дня мы с Иоффе поехали в Смольный. К моему удивлению мы застали Троцкого – и, особенно, Ленина в большой ажиотации. Они не знали о результатах понедельничной немецкой конференции – и боялись немецкого наступления. Когда Иоффе передал свою беседу с Криге (не преминув вернуть, что Криге звал его в Берлин не как «форменного посланника», разумеется – хитрый немецкий кот, бывший на пятидесяти конференциях, знал, чем польстить Иоффе), страх сменился ликованием, я даже осторожно полил холодной водицы, напомнив, что украинский хлеб немцам все же таки нужен – но на мое замечание никто не обратил внимания. Между прочим, у Л[енина] вырвалась характерная фраза: «А если они все-таки пойдут на нас, мы перережем эстляндских баронов»^{lviii}. Когда я на другой день прочел в газетах о решении ревельского совдепа, я понял в чем дело.

На другой же день, зайдя в комиссариат иностранных дел, я узнал, что немцы «срочно», как выразился Альтфатер, отозвали Мирбаха и К°. В Смольный в этот день я не ездил и на Ленина посмотреть не мог. Но из газет узнал позже, что инцидент с эстляндскими баронами был немедленно ликвидирован. Вечером был доклад Троцкого в ЦИК – нудный и малосодержательный^{lix}. Еще нуднее и бессодержательнее был дополнительный доклад Карелина (его никто не слушал). Возражения правых с. р. были совершенно пусты, Мартов говорил что-то поумнее, но был совсем без голоса. В заключительном слове Троцкий нашел себя – более ярко. Выступал какой-то бритый чиновник, оказавшийся анархистом Ге^{lx}. Твердым голосом и довольно складно говорил общие места – настолько общие, что не отрекомендуйся он анархокоммунистом, никто не догадался о его партийной принадлежности.

РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–57^{lxi}, 61–65.

Библиография

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924: В 22 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918. 740 с.

Ганин А.В. «Я больше жить не могу...»: Генерал Владимир Скалон застрелился в начале переговоров, на которых обсуждались условия Брестского мира // Родина. 2016. № 8. С. 31–35.

Готье Ю.В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. 592 с.

Гофман М. Главный противник – Россия. Воспоминания и дневники Максимилиана Гофмана о Первой мировой войне / Пер. комм. и вступ. ст. В.Л. Телицына. М.: Принципус, 2015. – 528 с.

Ксенофонов К.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: Документальный репортаж. М. Политиздат, 1991. 416 с.

- Ленин В.И. Записка в ЦК РСДРП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. (издание 5-е) Т. 50. М.: Госполитиздат, 1970. 623 с.
- Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1. Пленарные заседания, заседания политической комиссии / Под ред. и с прим. А.А. Иоффе (В. Крымского), с пред. Л.Д. Троцкого. М.: Издание Народного Комиссариата Иностранных Дел. 1920. 268 с.
- Михутина И.В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М.: Европа, 2007. 288 с.
- Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М.Н. Покровского / Публ. А.В. Есиной // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2. С. 152–163.
- Покровский М.Н. Империалистская война. Сборник статей. 1915–1927 гг. М.: Госиздат, 1928. 304 с.
- Покровский М.Н. Октябрьская революция и Антанта. М.; Л.: Госиздат, 1927. 45 с.
- Протоколы ЦК РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958. 307 с.
- РКП (б). Съезд 7-й. Петроград. 1918. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат. 1962. 401 с.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 147 (Покровский Михаил Николаевич). Оп. 1. Д. 7.
- Самойло А.А. Две жизни. Л.: Лениздат, 1963. – 348 с.
- Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик: Судьба профессионального революционера / Пер. с нем. А.А. Ждановской. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». М., 2013. 304 с.
- Фокке Д.Г. Брестский мир: На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) / Предисл. А.В. Лучникова, В.В. Хасина; прим. В.Е. Климанова. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.
- Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М.: «Лит», 1992. 234 с.

References

- Chernobaev A.A. «Professor s pikoi», ili Tri zhizni istorika M.N. Pokrovskogo [«Professor with a Pike», or Three Lives of the historian M.N. Pokrovsky]. M.: «Lit», 1992. 234 s. (In Russ.)
- Fokke D.G. Brestskii mir: Na stsene i za kulisami Brestskoi tragikomedii. (Memuary uchastnika Brest-Litovskikh mirnykh peregovorov) [The Brest Peace: On stage and behind the scenes of the Brest Tragicomedy. (Memoirs of a participant in the Brest-Litovsk peace negotiations)] / Predisl. A.V. Luchnikova, V.V. Khasina; prim. V.E. Klimanova. M.: Kuchkovo pole, 2017. 384 s. (In Russ.)
- Ganin A.V. «Ya bol'she zhit' ne mogu...». General Vladimir Skalon zastrelilsya v nachale peregovorov, na kotorykh obsuzhdalis' usloviya Brestskogo mira [«I can't live anymore...»: General Vladimir Skalon shot himself at the beginning of the negotiations, which discussed the terms of the Brest peace] // Rodina. 2016. N 8. S. 31–35. (In Russ.)
- Goffman M. Glavnyi protivnik – Rossiya. Vospominaniya i dnevniki Maksimiliana Goffmana o Pervoi mirovoi voine [The main enemy is Russia. Memoirs and diaries of Maximilian Hoffmann about the First World War] / Perevod, komm. i vstup. st. V.L. Telitsyna. M.: Printsipum, 2015. 528 s. (In Russ.)
- Got'e Yu.V. Moi zametki [My notes]. M.: TERRA, 1997. 592 s. (In Russ.)
- Ksenofontov K.N. Mir, kotorogo khoteli i kotoryi nenavideli: Dokumental'nyi reportazh. [The world that was wanted and hated: A documentary report]. M. Politizdat, 1991. 416 s. (In Russ.)

Lenin V.I. Zapiska v CzK RSDRP (b) [The note for CK RSDLB (b)] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy (izdanie 5-e) [Collected works. The 5th edition] T. 50. M. Gospolitizdat, 1970. 623 s. (In Russ.)

Mirnye peregovory v Brest-Litovske s 22/9 dekabrya 1917 g. po 3 marta (18 fevralya) 1918 g. T. 1. Plenarnye zasedaniya, zasedaniya politicheskoi komissii [Peace negotiations in Brest-Litovsk from December 22/9, 1917 to March 3 (February 18), 1918 Vol. 1. Plenary sessions, meetings of the political Commission] / Pod red. i s prim. A.A. Ioffe (V. Krymskogo), s pred. L.D. Trotskogo. M.: Izdanie Narodnogo Komissariata Inostrannykh Del, 1920. 268 s. (In Russ.)

Mixutina I.V. Ukrainskij Brestskij mir: put' vy'xoda Rossii iz Pervoj mirovoj vojny i anatomiya konflikta mezhdu Sovnarkomom RSFSR i pravitel'stvom Ukrainskoj Central'noj Rady [The Ukrainian Brest Peace: the Way of Russia's exit from the First World War and the Anatomy of the conflict between the Council of People's Commissars of the RSFSR and the government of the Ukrainian Central Rada]. M.: Evropa, 2007. 288 s. (In Russ.)

Pervye shagi bol'shevistskoi diplomatii. Dnevnikovye zapisi akademika M.N. Pokrovskogo [The first steps of Bolshevik diplomacy. Diary entries of Academician M.N. Pokrovsky] / Publ. A.V. Esinoy // Vestnik RAN. 1993. T. 63. N 2. S. 152–163. (In Russ.)

Pokrovskii M.N. Imperialistskaya voyna. Sbornik statei. 1915–1927 gg. [The imperialistic war. Collected articles] M.: Gosizdat, 1928. 304 s. (In Russ.)

Pokrovskii M.N. Oktyabr'skaya revolyutsiya i Antanta [The October Revolution and the Entente]. M.; L.: Gosizdat, 1927. 45 s. (In Russ.)

Protokoly ZK RSDRP (b). Avgust 1817 – fevral' 1918. [Minutes of the Central Committee of the RSDLP (b). August 1917 – February 1918]. M.: Gospolitizdat, 1958. 307 s. (In Russ.)

RKP (b). S"ezd 7-i. Petrograd. 1918. Stenograficheskii otchet. [RCP (b). The 7th. Congress. Petrograd. 1918. Verbatim report]. M.: Gospolitizdat. 1962. 401 s. (In Russ.)

Rossiiskij gosudarstvennyj arxiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 147 (Pokrovskij Mixail Nikolaevich). Op. 1. D. 7.

Samoilo A.A. Dve zhizni [Two lives]. L.: Lenizdat, 1963. 348 s. (In Russ.)

Ul'rikh Yu. Lev Kamenev – umerennyi bol'shevik: Sud'ba professional'nogo revolyutsionera [Lev Kamenev – moderate Bolshevik: The fate of a professional revolutionary] / Per. s nem. A.A. Zhdanovskoi. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM». M., 2013. 304 s. (In Russ.)

Vladimir Il'ich Lenin. Biograficheskaya khronika [The biographical chronicle]. 1870–1924: v 22 t. M.: Politizdat, 1974. T. 5. Oktyabr' 1917 – iyul' 1918. 740 s. (In Russ.)

Примечания

- i. Имеется в виду 12 (25) ноября 1917 г. – день выборов в Учредительное собрание.
- ii. 14 ноября 1917 г. в Президиум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов были избраны 15 человек (11 большевиков, 3 левых эсера и 1 объединенец). Председателем президиума стал М.Н. Покровский.
- iii. *Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович* (1879–1940) – государственный, военный и политический деятель. В первом составе СНК занял пост наркома по иностранным делам. Председатель советской делегации на втором этапе переговоров в Брест-Литовске, сменив на этом посту А.А. Иоффе. В марте 1918 г. ушел с поста главы НКВД, один из создателей Красной Армии, народный комиссар по военным и морским делам (1918–1925), председатель Реввоенсовета Республики (1918–1925).
- iv. *Покровская Любовь Николаевна* (урожд. *Зарайская*) (1877–1955) – юрист, жена М.Н. Покровского (с 1901).
- v. Из соображений политического престижа (чтобы избежать видимости победного для Центральных держав мира) большевики выдвинули предложения о проведении переговоров о мире в одной из нейтральных стран (например, в Стокгольме), но добиться этого не удалось. Центральные державы ссылались на то, что такой вариант был бы приемлем лишь в случае присоединения к мирным переговорам других членов Антанты.
- vi. *Кузовков Д.В.* (1885–?) – в 1917–1920 гг. член коллегии финансового и жилищно-земельного отделов Моссовета.
- vii. 20–22 ноября (3–5 декабря) 1917 г. между Россией, с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, было достигнуто соглашение о временном перемирии на 10 дней. 2 (15) декабря 1917 г. заключено перемирие на 28 дней (с 17 декабря 1917 по 14 января 1918 г.). Было принято решение об созыве мирной конференции. По условиям соглашения перемирие могло быть прервано после предупреждения договаривающихся сторон за семь дней до возобновления военных действий. На Румынском фронте было заключено отдельное перемирие в Фокшанах 9 декабря 1917 г.
- viii. *Муралов Николай Иванович* (1877–1937) – политический деятель, в ноябре 1917 г. назначен командующим войсками Московского Военного округа.
- ix. Намек на роль делегации Центральной рады во время переговоров.
- x. Имеется в виду «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде», утвержденный на заседании СНК РСФСР 3 (16) декабря 1917 г. Ультиматум содержал требования отказа от дезорганизации линии обороны на Восточном фронте, от помощи контрреволюционному движению на Дону, прекращения разоружения регулярных войск, поддерживающих Советское правительство, и рабочей Красной гвардии на Украине. Положительного ответа от правительства Центральной рады получено не было, однако на I Всеукраинском съезде Советов 11 (24) декабря 1917 г., состоявшемся в Харькове, Украина была провозглашена Советской республикой. Съезд объявил о свержении власти Центральной рады. СНК РСФСР признал Украинское Советское правительство единственным законным представителем украинского народа и постановил оказывать ему всестороннюю поддержку. В разгоревшейся на территории Украины гражданской войне Центральная рада потерпела ряд поражений и лишилась почти всей контролируемой территории. 26 января (8 февраля) 1918 г. Киев был занят советскими войсками бывшего полковника Муравьева.
- xi. *Каменев (Розенфельд) Лев Борисович* (1883–1936) – государственный и политический деятель, член советской делегации, заключившей перемирие на Восточном фронте 2 (15) декабря 1917 г. С середины января 1918 г. только формально являлся членом делегации на переговорах, так как по заданию партии совершил поездку в Англию и Францию. См.: *Ульрих Ю.* Лев Каменев – умеренный большевик: Судьба профессионального революционера. М., 2013. С. 129–130.

xii. М.Н. Покровский оправданно сближает тогдашние позиции Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина по данному вопросу, что важно с учетом последующих попыток советской историографии их категорически противопоставлять.

xiii. 26–28 января 1918 г. в ряде городов Австро-Венгрии вспыхнула всеобщая забастовка. В Вене под лозунгом «хлеба и мира» бастовали арсенал, оборонные и другие заводы. Непосредственной причиной выступления послужило ухудшение продовольственного положения населения, а также агитация ультралевых активистов, призывавших заставить заключить мир в Брест-Литовске путем срыва военного производства. Волнения перекинулись на армию и флот, а в последние дня января прокатились выступления и в ряде городов Германии. Хотя антивоенные акции были быстро подавлены, они вызвали серьезные иллюзии в большевистских кругах, полагавших, что это – предвестие мировой революции. Что касается правящих кругов Австро-Венгрии, то это подтолкнуло их к заключению мира на компромиссных условиях, включая сепаратное соглашение с Советской Россией.

xiv. *Радек (Кароль Собельсон) Карл Бернгардович* (1885–1939) – политический и государственный деятель. С началом Первой мировой войны занимал интернационалистские позиции, входил в Циммервальдское объединение социал-демократов-интернационалистов. С 31 марта 1917 г. член Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. С начала 1918 г. заведующий отделом внешних сношений ВЦИКа и заведующий отделом Центральной Европы в НКИДе. С декабря 1917 по февраль 1918 г. член советской делегации на Брест-Литовских переговорах о мире, в качестве консультанта по национальным отношениям. Выступал на переговорах от имени трудящихся Польши, был против заключения мира на германских условиях. Один из лидеров «левых коммунистов».

xv. Речь идет об отказе от переброски германских войск с Русского фронта на Западный фронт, однако это условие так и не было выполнено, несмотря на неоднократные протесты с советской стороны.

xvi. *Доливо-Добровольский Александр Иосифович* (1866–1932) – дипломат, юрист, искусствовед. Консул в Черновцах (Австро-Венгрия) в 1906–1914 гг. С марта 1917 г. вице-директор Правового департамента МИДа. После октября 1917 г. призывал чиновников отказаться от саботажа. При Л.Д. Троцком работал в правовом отделе НКИДа до переезда комиссариата в Москву. Позже – на культурно-просветительской работе.

xvii. Возможно, *Коростовец Иван Яковлевич* (1862–1933) – дипломат, посланник Российской империи в Пекине и в Тегеране. Сыграл крупную роль в установлении над Монголией российского протектората. Впоследствии эмигрировал.

xviii. *Вельтман Михаил Лазаревич (Павлович Михаил Павлович)* (1871–1927) – российский публицист, историк-востоковед, специалист по международным отношениям. До революции жил в Европе. Летом 1917 г. вернулся в Россию. В 1918 г. вступил в РКП(б). С 4 (17) декабря 1917 по февраль 1918 г. – консультант советской делегации в Брест-Литовске. Позже – создатель и ректор Московского института востоковедения.

xix. *Кюльман Рихард, фон (Kühlmann Richard v.)* (1873–1948) – германский дипломат, промышленник, императорский действительный тайный советник. В 1900 г. начал дипломатическую карьеру в качестве атташе германского посольства в Петербурге. В 1904–1909 гг. – поверенный в делах в Танжере, в 1909–1914 гг. – советник посольства в Лондоне. После начала Первой мировой войны – в Константинополе. В 1915 г. назначен посланником в Гааге. В 1916 г. – послом в Константинополе. С августа 1917 по июль 1918 г. – статс-секретарь по иностранным делам Германской империи. Возглавлял делегацию Германии на переговорах в Брест-Литовске.

xx. *Чернин фон унд цу Худениц Оттокар (Czernin von und zu Chudenitz Ottokar)* (1872–1932) – граф, министр императорского и королевского дома и иностранных дел (1916–1918). На дипломатической службе с 1899 г. Был близким советником эрцгерцога Франца-Фердинанда. Возглавлял делегацию Австро-Венгрии в Брест-Литовске. В середине апреля 1918 г. был вынужден уйти в отставку, чтобы снять с

императора Карла I ответственность за неудачные попытки зондирования сепаратного мира с Францией уступками за счет Германии.

xxi. *Талаат-паша Мехмед* (1874–1921) – великий визирь, глава турецкой делегации на переговорах в Брест-Литовске. Из семьи помаков (болгар-мусульман). В 1893 г. арестован за политическую деятельность. После освобождения был через два года выслан в Салоники, где возглавил местное отделение младотурецкой партии. После свержения Абдул-Хамида II стал министром внутренних дел и позднее великим визирем. Поддерживал широкие аннексионистские проекты, особенно на Кавказе и в Туркестане. 7 октября 1918 г. признал крах политики младотурок и вышел из состава правительства. Бежал в Германию. Чрезвычайным военным трибуналом в 1919 г. в Константинополе заочно приговорен к смертной казни за военные преступления и «уничтожение армянского населения империи». Застрелен армянским террористом С. Тейлиряном в Берлине 15 марта 1921 г.

xxii. *Каменева Ольга Давидовна* (урожд. *Бронштейн*) (1883–1941) – сестра Л.Д. Троцкого, жена Л.Б. Каменева. После прихода к власти большевиков занимала ряд должностей, в том числе заведовала театральным отделом Наркомата просвещения РСФСР, затем художественным подотделом Моссовета.

xxiii. *Иоффе Адольф Абрамович* (*В. Крымский*) (1883–1927) – советский дипломат и политический деятель. 11 (24) ноября 1917 г. назначен председателем делегации Советской России на переговорах. Примерно с 23 декабря 1917 г. стал членом делегации Советской России. С 24 февраля по март 1918 г. – консультант делегации (снижение статуса). В 1918 г. стоял на позициях «левых коммунистов». В апреле – декабре 1918 г. полпред в Германии, в 1922–1924 гг. в Китае, Японии, в 1924–1925 гг. в Австрии. В 1925–1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции, был уволен с дипломатической службы. 17 ноября 1927 г. покончил с собой якобы в связи с обострением неизлечимой болезни, но скорее всего под влиянием разгрома троцкистской оппозиции.

xxiv. *Хлебников Я.В.* – стенографист русской делегации в Брест-Литовске. Также стенографировал тексты В.И. Ленина, например первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти».

xxv. То есть участников революционных дружин 1905 г.

xxvi. Такое мнение было довольно распространено в годы Великой войны, однако затем опровергнуто рядом военных специалистов.

xxvii. М.Н. Покровский иронично цитирует слова из телеграммы Л.Д. Троцкого.

xxviii. Имеется в виду делегация Украинской Центральной рады на переговорах в Брест-Литовске. В состав делегации входили: статс-секретарь В.А. Голубович, М. Левицкий, Н.М. Любинский, М.Н. Полозов, А.А. Севрюк. Официальная украинская мирная делегация прибыла в Брест (после первой поездки в декабре 1917 г.) 1 января 1918 г., а официально о готовности вести с ней переговоры германский рейхсканцлер Гертлинг заявил 4 января 1918 г. После возобновления переговоров с большевистской делегацией, теперь во главе с Л.Д. Троцким, 9 января им было заявлено, что советская делегация готова признать правомочность украинской, хотя к этому моменту между войсками Советской России и Центральной рады уже шли боевые действия. См. подробнее: *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. СПб., 2007.

xxix. *Карахан* (наст. фам. *Караханян*) *Лев (Леон) Михайлович* (1889–1937) – советский дипломат, революционер. В октябре 1917 г. член Военно-революционного комитета. Член ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Примерно с 23 декабря 1917 г. стал членом советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. Секретарь советской делегации. С 24 февраля 1918 г. вновь вошел в состав советской делегации. Впоследствии много лет был заместителем главы НКВД, репрессирован.

xxx. В ожидании приезда в Брест-Литовск делегаций от союзников Германии возникла пауза и 4 (17) декабря 1917 г. А.А. Иоффе с Л.Б. Каменевым в сопровождении лейтенанта Мюллера и советника Эденбея выехали в Варшаву под предлогом инспекции лагерей российских военнопленных под Варшавой, хотя планировали ряд агитационных мер и общую разведку обстановки в тылу Центральных держав.

xxxі. *Биценко Анастасия Алексеевна* (урожд. *Камеристая*) (1875–1938) – террористка, политический деятель. В 1905 г. состояла в летучем Боевом отряде, от имени которого 22 ноября того же года застрелила генерал-адъютанта В.В. Сахарова, усмирившего аграрные беспорядки в Саратовской губернии. Приговорена к бессрочной каторге, освобождена по личному распоряжению А.Ф. Керенского 3 марта 1917 г. 30 ноября 1917 г. избрана в состав организационной комиссии ЦК ПЛСР. Входила в состав советской делегации на переговорах в Брест-Литовске с 23 декабря 1917 (5 января 1918 г.). В марте–июне 1918 г. участвовала в работе Совнаркома Москвы и Московской области, являясь товарищем (заместителем) председателя М.Н. Покровского.

xxxіі. *Любинский Николай Михайлович* (1891–1938) – украинский языковед, политический деятель. С 1917 г. член Украинской партии социалистов-революционеров. Член Украинской Центральной рады. В марте–апреле 1918 г. министр иностранных дел УНР.

xxxііі. *Скалон Владимир Евстафьевич* (1872–1917) – генерал-майор (1916). К началу Первой мировой войны – начальник 5-го делопроизводства управления генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего; с июля 1914 г. – исполняющий должность генерала для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Главкомверхе; с ноября 1917 г. – генерал-квартирмейстер Ставки Главкомверха. Как знаток немецкой армии направлен на переговоры в Брест-Литовск в качестве представителя Ставки русской армии. 29 ноября 1917 г., во время обсуждения вопроса о демаркационной комиссии, вышел из зала заседания и покончил с собой выстрелом из револьвера в голову. В предсмертной записке супруге писал: «Прощай дорогая, ненаглядная Анюта, не суди меня, прости, я больше жить не могу, благословляю тебя и Надюшу, твой до гроба Володя». Д.Г. Фокке считал, что решение о самоубийстве возникло спонтанно (накануне Скалон отметил свой день рождения, и ничто не предвещало трагедии). Причину отнесли к нервному расстройству. Генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский 30 ноября 1917 г. выразил советской делегации свои соболезнования. См.: *Ганин А.В.* «Я больше жить не могу...»: Генерал Владимир Скалон застрелился в начале переговоров, на которых обсуждались условия Брестского мира // *Родина*. 2016. № 8. С. 31–35.

xxxiv. *Леопольд Баварский (Leopold von Bayern, Wittelsbach)* (1846–1930) – принц Баварский, германский военный деятель, генерал-фельдмаршал Баварии (18 января 1904) и Пруссии (1 августа 1916). Сын принца-регента Баварии, брат последнего баварского короля Людвига III. В августе 1916 г. сменил Пауля фон Гинденбурга на посту главнокомандующего германскими вооруженными силами на Востоке. Занимал этот пост до окончания войны. Был организатором и руководителем деятельности делегации Германии на мирных переговорах в Брест-Литовске зимой 1917–1918 гг.

xxxv. *Альтфатер Василий (Василий-Михаил) Михайлович* (1883–1919) – русский и советский военноморской деятель, контр-адмирал (1917). После Октябрьской революции 1917 г. одним из первых адмиралов перешел на службу Советской власти. Входил в советскую делегацию на первом этапе мирных переговоров в Брест-Литовске с 9 по 15 декабря 1917 г. в качестве военно-морского эксперта. Во время переговоров познакомился с Л.Д. Троцким и в феврале 1918 г. назначен помощником начальника Морского Генштаба. 12 мая 1918 г. назначен членом коллегии Народного комиссариата по морским делам. 14 мая 1918 г. введен в состав Высшего военного совета. 12 октября 1918 г. назначен командующим морскими, озерными и речными силами Республики и членом Реввоенсовета Республики.

xxxvi. *Самойло Александр Александрович* (1869–1963) – генерал-майор Генерального штаба. В декабре 1917 – январе 1918 г. – член военной комиссии на переговорах в Брест-Литовске. С февраля 1918 г. служил в РККА.

xxxvii. На этот факт неоднократно обращает внимание в своих воспоминаниях и Д.Г. Фокке.

xxxviii. Имеется в виду III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший в Петрограде с 10 по 18 января (23–31 января) 1918 г.

xxxix. То есть участников революции 1905–1907 гг.

xl. Герой комедии Н.В. Гоголя «Женитьба».

хli. То есть заседание политической комиссии.

хlii. *Бобинский Станислав Янович* (1882–1937) – польский и российский революционный деятель. Секретарь Польского бюро ЦК РКП(б), член Исполкома Коминтерна. Консультант советской делегации в Брест-Литовске по национальным делам. На переговорах представлял интересы социал-демократии королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). 25 января (7 февраля) 1918 г. зачитал в ходе переговоров «Декларацию представителей трудящихся Польши», призвав к «немедленному выводу оккупационных войск и очищению Польши от всех правительственных органов, учрежденных оккупационными властями».

хliii. Отчеты о работе мирной конференции в Брест-Литовске и стенограммы заседаний публиковались в газете «Известия Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских, Рабочих и солдатских депутатов» в январе-феврале 1918 г.

хliv. После длительных бесплодных дебатов вокруг принципа самоопределения народов и расшифровки понятия «без аннексий и контрибуций» под жестким давлением из германского Верховного Главнокомандования (и лично Э. Людендорфа) начальник штаба германского Главнокомандования на Востоке генерал-майор М. Гофман 12 января категорически заявил об отказе от восстановления границ 1914 г. на основе буквального понимания формулы «мир без аннексий и контрибуций», а затем предъявил карту, на которой были обозначены конкретные территориальные требования к российской стороне. Эти события были быстро мифологизированы, так что заявлялось будто бы «генерал Гофман стучал кулаком по столу». В действительности таких (по форме, а не по содержанию) демаршей Гофман себе ни 12, ни 18 января (когда обсуждались предъявленные условия) не позволял.

хlv. *Розенберг Фредерик, фон* (*Rosenberg Frederic v.*) (1874–1937) – барон, германский дипломат, императорский посланник и полномочный министр, доктор, представитель внешнеполитического ведомства Германии. Ротмистр резерва. Изучал право и камеральные науки (управление государственным имуществом) в университетах Бонна, Женева и Берлина. Находился на дипломатической работе в Бельгии и Германии. Легационный советник. Член германской делегации в Брест-Литовске (секретарь). 9 (22) декабря 1917 г., в отсутствие генерала Гофмана, взял на себя председательство на переговорах. В 1922–1923 гг. – статс-секретарь по иностранным делам Веймарской республики.

хlvi. *Грац (Гратц) Густав* (*Gratz Gustav*) (1875–1946) – венгерский политик, министр финансов Венгрии в июне–сентябре 1917 г. В ходе переговоров в Брест-Литовске, а затем в Бухаресте возглавлял экономическую секцию австро-венгерской делегации; затем посланник в Вене в 1919–1921 гг., недолгое время был министром иностранных дел Венгрии (1921), ушел в отставку после поддержанной им неудавшейся попытки реставрации монархии.

хlvii. *Фридрих фон Визнер* (*Wiesner Friedrich v.*) (1871–1951) был одним из видных чинов австро-венгерского МИДа и нередко замещал О. фон Чернина. Покровский иронизирует насчет тяжести ведения заседаний с участием украинской делегации, в том числе из-за языковых проблем, ведь к дебатам на украинском языке не были готовы представители ни одной из договаривающихся сторон, кроме собственно украинской.

хlviii. Военные члены советской делегации, особенно флотские офицеры, попытались настоять на выводе германских войск с захваченных ими в октябре 1917 г. Моонзундских островов, что позволило бы существенно повысить безопасность Петрограда с моря. Требования обосновывались стремлением к постепенной деэскалации напряженности на Восточном фронте в целом. Несмотря на ряд дискуссий это предложение было категорически отвергнуто германской стороной, хотя германские дипломаты готовы были рассматривать его как один из вариантов компромисса.

хlix. То есть большевикам.

1. По предложению Кюльмана на заседании политической комиссии 27 января (9 февраля) 1918 г. было принято решение рассмотреть вопрос о границах в территориальной подкомиссии в составе дипломатического представителя и специалистов по военным и морским делам с каждой стороны.

ii. Далее в тексте тщательно вымарано несколько слов.

lii. По проекту, предложенному германской делегацией на заседании Политической комиссии 5 (18) января 1918 г., граница должна была проходить к востоку от Моонзундского архипелага и г. Рига, западнее г. Двинск (г. Видзы) и далее к Брест-Литовску. Таким образом, территория будущей Латвии оказалась рассечена. Россия лишалась и части современной Белоруссии (Виленский, Трокский и Лидский уезды Виленской губернии и западная часть Гродненской губернии). На заседании комиссии соглашения достигнуто не было.

liii. Отсылка к Л.Н. Толстому – ироничный намек на непротивленчество и уступчивость.

liv. См.: Заявление, сделанное [Л.Д.] Троцким на заседании политической комиссии в Брест-Литовске 28 января (10 февраля) 1918 г. // РКП(б). Съезд 7-й. Петроград. 1918. Стенографический отчет. С. 282–283.

lv. «Именем Совета Народных Комиссаров, правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту» // РКП(б). Съезд 7-й. Петроград. 1918. Стенографический отчет. М., 1962. С. 283.

lvi. *Мирбах-Харфф Вильгельм, фон (Mirbach-Harff, Wilhelm v.)* (1871–1918) – граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. – посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве. 6 июля 1918 г. убит левыми эсерами Я.Г. Блюмкиным и Н. Андреевым по решению ЦК партии левых эсеров с целью спровоцировать возобновление войны с Германией.

lvii. *Криге Иоганн (Kriege Johannes)* (1859–1937) – юрист, кадровый дипломат, директор правового департамента германского ведомства иностранных дел. Член германской делегации в Брест-Литовске. Впоследствии сыграл важнейшую роль в подготовке Добавочного договора между Германской империей и Советской Россией от 27 августа 1918 г.

lviii. В связи с быстрым обострением обстановки в Лифляндии и Эстляндии после большевистского переворота местные органы власти приняли решение об объявлении помещиков из остзейских немцев вне закона. Сотни «баронов» были арестованы, оказавшись в заложниках. Вскоре началась их депортация в Енисейскую губернию, однако даже тех, кого большевики успели вывезти до быстрого захвата Германией Прибалтики 18 февраля – 4 марта 1918 г., по требованию германской стороны быстро репатриировали.

lix. Имеется в виду заседание Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 14 февраля 1918 г.

lx. *Ге (Голберг) Александр Юльевич* (1879–1919) – публицист, политический деятель. В годы Первой мировой войны занял интернационалистическую позицию, выразив ее в «Открытом письме П.А. Кропоткину». Вернулся из эмиграции в Россию в начале декабря 1917 г. Один из лидеров «Петроградской федерации анархистских групп» представлял анархистов-коммунистов во ВЦИКе 3-го и 4-го созывов. Критиковал политику большевистского правительства за заключение Брестского мира и красный террор.

lxi. Л. 1–2об. дела представляют собой тезисные записи событий, которые далее описаны Покровским подробно.

Г.А. Дробот

**КАК ВОСХОЖДЕНИЕ КИТАЯ ОТЛИЧАЕТСЯ
ОТ ПРЕДЫДУЩЕЙ СМЕНЫ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ?**

***Аннотация.** Данная статья основана на теории международного транзита энергии. Он апеллирует к особенностям смены мировых лидеров, опираясь на исторические и сравнительные материалы. Автор акцентирует внимание на трех исторических примерах смены власти – смене руководства между Великобританией и США, неудачной попытке смены руководства между Японией и США и результате холодной войны между СССР и США. Статистика показывает, что за 500 лет экономика великих держав изменилась, как и мировая политика, сопровождаемая постоянными конфликтами и войнами. Но история также показывает мирный переход руководства. Примером этого являются Великобритания и Соединенные Штаты. Конфликт между «дружественными державами» произошел не во время смены мирового руководства. Такие факторы, как общие нормы, идеология, культурные традиции и политические принципы, способствуют мирному переходу власти. В статье анализируется противостояние СССР и США, а также сравниваются отношения этих двух держав с Китаем. Конкуренция между США и СССР демонстрирует простой факт: несмотря на то, что СССР был немного сильнее США, прежде всего в области ядерного вооружения, он проиграл игру с огромной ценой и долгосрочными последствиями для мировой политики. Советский Союз был сильной, богатой страной; однако по сравнению с Соединенными Штатами он был «сильной страной с бедным населением» в терминах ВВП на душу населения. В этом смысле СССР посылает послание Китаю: путь, которым шел бывший Советский Союз не является пригодным для Китая.*

***Ключевые слова:** транзит международной власти; конфликты; перемена мирового лидерства; отношения между КНР и США.*

Дробот Галина Анатольевна – доктор политических наук,
профессор, старший научный сотрудник МГУ
имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: grobot@mail.ru

Drobot G.A. How climbing China is different from the previous one global changes leader?

Abstract. *This article is based on the theory of international transit of power. It appeals to the peculiarities of changing world leaders based on historical and comparative materials. The author focuses on three historical examples of the change of power – the change of leadership between the United Kingdom and the United States, the failed attempt to change the leadership between Japan and the United States and the result of the Cold War between the USSR and the United States. Statistics show that for 500 years, the economies of the great powers have changed, as has world politics, accompanied by the economies of the great powers, have changed, as has world politics, accompanied by constant conflicts and wars. However, history also shows the peaceful transit of leadership. An example of this is the United Kingdom and the United States. The conflict between the «friendly powers» did not happen during the change of world leadership. Factors such as standard norms, ideology, cultural traditions and political principles contribute to the peaceful transit of power. As the example of the 19th-Century Japanese-Chinese Wars has shown many times, industrialisation plays a significant role. Factors such as common norms, ideology, cultural traditions and political principles contribute to the peaceful transit of power. As the 19th-Century Japanese-Chinese Wars example has shown many times, industrialisation plays a significant role. The article analyses the confrontation between the USSR and the United States and compares the relations between the two powers and China. The competition between the United States and the USSR demonstrates a simple fact: even though the USSR was a little stronger than the United States, especially in nuclear weapons, it lost the game with a vast price and long-term consequences for world politics. The Soviet Union was a strong, rich country; however, it was a «strong country with a poor population» in terms of GDP per capita compared to the United States. In this sense, the former Soviet Union sends a message to China: the path the former Soviet Union was taking is not suitable for China.*

Keywords: *Transit of international power; conflicts; change of world leadership; relations between China and the United States.*

**Drobot Galina Anatolievna – Ph.D in Politics, professor of political sciences, senior researcher of Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: gdrobot@mail.ru**

Выбор исторических примеров, основанных на изменении роли в мировой экономике

История изобилует примерами, которые показывают нам, что происходило ранее, так что мы можем сделать обзор прошлого и оценить, как и когда мы будем двигаться вперед. Без изучения мировой политики достойный анализ современных событий едва ли возможен. Это особенно верно в отношении восхождения Китая.

К сожалению, человеческая история полна конфликтов и войн. Это не пессимистический взгляд на мир, а рациональное утверждение. Иначе говоря, войн можно избежать, если смена мировых лидеров будет происходить мирно. Однако анализ периодов истории, когда войны происходили одновременно со сменой мирового лидера, помогает понять смену лидерства в других исторических условиях. В работе корейского ученого Джина Кая, основанной на статистических данных, показано, что мировая экономика разделена между странами соотношением, которое меняется в различные исторические периоды [Kai Jin 2017, p. 57]. Особенно это характерно для конца 1500-х годов, когда происходит значительное изменение в рейтинге валового внутреннего продукта (ВВП) стран мира, параллельно меняется силовой паритет, а смена мировых лидеров, сопровождается конфликтами и даже войнами. Такие совпадения наблюдались в XX в., когда окрепшая Япония оккупировала Китай, когда Соединенные Штаты окончательно переняли мировое лидерство у Великобритании, а в 1980-х годах японская экономика бросила вызов экономике США [Kai Jin 2017, p. 58].

Ученые, занимающиеся статистикой мирового развития, показывают, что доля в мировой экономике великих держав, таких как Франция, Великобритания, Пруссия, Китай и Япония значительно менялась, и мировая политика последних 500 лет демонстрирует постоянные конфликты и даже войны между этими державами (за исключением Японии). Китай особенно прошел через серию перемен и кризисов в этот период касательно своей доли в мировой экономике, а также соответствующего мирового статуса. Например, во второй половине XIX в. китайская империя была вовлечена в две Опиумные войны с Великобританией и Японией. Относительно недавно, в 1990-е годы, возникла идея китайской угрозы; по этому поводу Китай вел дискуссии с современными великими державами. Другим примером является стремительный рост японской экономики в 1980-е годы и сопутствующее экономическое соперничество между Соединенными Штатами и Японией, а также борьба за лидирующую роль в мировой политике между ними [Kai Jin 2017, p. 57–58].

Таким образом, хотя с помощью ВВП невозможно оценивать сравнительную национальную мощь, получить представление о ресурсах нации в определенный период времени вполне реально. В прошедшие несколько столетий, когда доля в мировой экономике или силовой паритет довольно быстро менялись, часто происходили конфликты и даже войны между великими державами. Можно выделить следующие периоды международного транзита власти: японо-китайская война 1890-х годов, мирный транзит власти между Великобританией и Соединенными Штатами в 1940-е годы, экономическое соперничество между Японией и США в 1980-е годы, коллапс СССР. На последних трех примерах мы остановимся подробнее.

В последнее время в западной литературе приобрела популярность теория транзита власти [Дробот 2020]. Согласно этой теории, ответственность великих держав в мировой политике ликвидирует возможность возникновения конфликта или даже войны. Речь, таким образом, идет о снижении вероятности возникновения войны. Многие сторонники теории транзита власти приводят многочисленные примеры из истории войн, подтверждающие данное утверждение. Например, Вузанд Ким анализировал причины возникновения войн в западном мире преимущественно между 1648 и 1975 гг. и пришел к выводу, что силовой паритет уменьшает вероятность войны, особенно среди неудовлетворенных держав. Однако несмотря на силовой паритет, значительная неудовлетворенность является важным, если не центральным, пунктом теории транзита власти.

Мирный транзит власти: смена мирового лидерства – Великобритания и Соединенные Штаты

Транзит власти может быть мирным, независимо от того носит он региональный или глобальный характер. Так, по мере того как Соединенные Штаты постепенно опережали Великобританию по национальной мощи, между этими двумя державами не возникало военных столкновений. Как правило, вероятность конфликта в подобных ситуациях бывает достаточно высока. Однако никаких столкновений между двумя «дружественными державами» не произошло.

Как именно смог произойти такой мирный путь глобальной передачи власти? Возможны различные объяснения. Например, исходящая от Германии и Японии общая угроза устраняла противоречия, которые в другой международной ситуации могли бы возникнуть и привести к войне за передел мира. На самом деле большой вклад в мирный транзит власти сыграли общие нормы, идеология, культурные традиции и политические принципы.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. показала, что индустриализация усиливает потенциальные возможности государства. Действительно, Соединенные Штаты в конце 1940-х годов превзошли Великобританию по показателям индустриального развития. Простое сравнение между угледобывающими отраслями Великобритании и Соединенных Штатов показывает превосходство США в конце 1940-х годов. Динамика этого процесса имела предысторию: уже к 1920 г. Британия произвела 9067 млн т стали, в то время как США – 46 183 млн т [McKercher 2004].

Пример японо-китайской войны 1894–1895 гг. ярко свидетельствует о том, что индустриализация играет исключительно важную роль в формировании силового потенциала во внешней политике. Действительно, Соединенные Штаты превзошли Великобританию в промышленном производстве задолго до того, как США стали мировым лидером – это произошло только в конце 1940-х годов.

Однако даже тогда, когда США достигли силового паритета с Великобританией (и фактически превосходили его), транзит власти немедленно не состоялся. Смена лидерства произошла только в конце Второй мировой войны. В те годы американский изоляционизм сильно снижал роль США в мировой политике.

Хотя Соединенные Штаты в Первой мировой войне были союзниками с Великобританией, только после унижительных для США бомбардировок Перл-Харбора в 1941 г. решение вступить во Вторую мировую войну они приняли и действительно лидировали в ряде военных сражений в Европе и Юго-Восточной Азии. С этого времени в мировой политике появилась истинно великая держава, кардинально изменив динамику мирового процесса.

Вопросы возникают у тех, кто сомневается в истинных намерениях «самоизоляции» США на столь протяженном отрезке времени – до 1941 г. Американский ВВП превзошел британский задолго до 1941 г. Фактически ВВП Британии на протяжении военных лет в 1939, 1941, 1943 и 1945 гг. соответственно составлял (в долл. США) 23,0, 27,1, 31,9, и 33,2 трлн, в то время как ВВП Соединенных Штатов в тех же единицах измерения составлял 90,5, 124,5, 191,6, 211,9 [McKercher 2004, p. 323].

Экономическое соревнование между Соединенными Штатами и Японией [McKercher 2006]

Когда в 1950–1980-х годах японская экономика развивалась быстрыми темпами, широкое распространение получила теория «японской угрозы».

Теория роста Японии требовала, чтобы развитые страны поддерживали Японию в ущерб быстро развивающимся странам периферии. В результате к началу 1980-х годов японская экономика превзошла американскую. Однако после феноменального экономического подъема в 1960–1980-х годах японский экономический рост в 1980-х годах до 1990-х годов существенно снизился – с 4,7% в год до 1,3% [Kai Jin 2017, p. 69]

Тем не менее в 1970–1980-х годах японская экономика представляла собой серьезный вызов экономике Соединенных Штатов, которая хотя и вошла в стадию зрелости, но среднегодовой рост которой в среднем оказался ниже, чем у Японии в означенный период.

Хотя Соединенные Штаты были озабочены и даже опасались японского экономического «вторжения», страх, возникший вследствие экономического вызова со стороны Японии, не мог сравниться с более поздними опасениями относительно подъема Китая. Структурно Япония была встроена в доминирующую систему Запада и жестко поддерживала американскую внешнюю политику. Япония и США разделяли нормы, ценности и институты, несмотря на то, что Япония бросала вызов Соединенным Штатам в экономической

сфере. Исходя из этого становится понятно, почему Япония не стала противостоять США ни в каких других областях, кроме экономики. Фактически, после Второй мировой войны, военной оккупации и изменений в политической и экономической сферах, Япония стала демократическим членом международного сообщества [Ronald 2006, p. 37]. Отношения между Японией и США, хотя и претендовали на трансфер власти, носили структурно ограниченный и миролюбивый характер.

Что касается американо-китайских отношений, то очевидно, что Соединенные Штаты способствовали американо-китайскому экономическому соревнованию США и КНР. При этом реальная проблема состоит в том, что Китай и США не являются союзниками и подъем Китая скорее может рассматриваться как всеобъемлющий вызов США, чем как просто экономическая конкуренция.

Ситуация между Соединенными Штатами и Китаем с начала нового тысячелетия складывается таким образом, что Китай является лидером по концентрации мировой валюты, а США – крупнейшим кредитором. Китай занимает второе место в мире по размерам экономики после США (без учета ППС), несмотря на то, что в последние годы темпы роста китайской экономики несколько снизились. Вне всяких сомнений, Соединенные Штаты постепенно приближаются к росту Китая [Ronald 2000, p. 21].

Альянс есть формальное или неформальное отношение между двумя или большим количеством суверенных государств в сфере безопасности. В Северо-Восточной Азии существует два альянса – между США и Японией и США и Южной Кореей. Тем не менее практика создания альянсов в Северо-Восточной Азии не сказывается на кооперации между США и Китаем в региональных и глобальных экономических, экологических вопросах и вопросах безопасности. Новый тип всеобъемлющих отношений с Китаем, вероятно, есть то, в чем Соединенные Штаты нуждаются в добавление к своим близким отношениям с северо-восточными партнерами. Причины очевидны. Экономическая взаимозависимость между США и Китаем были глубже и многограннее, чем любые экономические связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) с 1980-х годов, включая Японию. Китай как великая региональная держава играет уникальную роль во многих региональных и глобальных вопросах. Несмотря на это, в настоящее время между Китаем и Соединенными Штатами существует глубокое недоверие.

Распад СССР и непримиримая конфронтация

Хотя Китай и утверждал внесоюзническую внешнюю политику, он был стратегическим партнером бывшего Советского Союза и Соединенных Штатов в попытке сбалансировать их позиции в стратегической и политической

сферах. Следует отметить, что Китай и США поддерживали отношения даже в беспокойном 1989 г. [Childress 2007]. Вопрос заключается в том, рассматривает ли Китай Соединенные Штаты как неизбежного противника? Начнет ли Китай новую холодную войну против Запада, возглавляемого Соединенными Штатами?

Несомненно интересно проанализировать, как складывались отношения между СССР и США до падения Берлинской стены. В 1960–1970-е годы ВВП на душу населения в СССР составлял приблизительно 34% от ВВП на душу населения в США. Этот показатель упал до 27,1% в 1991 г. В 1970 г. бывший СССР обладал 1694 ядерными боеголовками по сравнению с 1710 боеголовками США. В 1990 г. СССР обладал 10 117 боеголовками, а Соединенные Штаты только 7816 [Miller 1998, p. 160].

Конкуренция между США и СССР демонстрирует простой факт: несмотря на то, что СССР был немного сильнее США, прежде всего в области ядерного вооружения, он проиграл игру с огромной ценой и долгосрочными последствиями для мировой политики. Советский Союз был сильной, богатой страной, но по сравнению с США он был «сильной страной с бедным населением» в терминах ВВП на душу населения. В этом смысле бывший СССР посылает послание Китаю: путь, которым шел бывший Советский Союз не является пригодным для Китая.

Конфронтация между Соединенными Штатами и Советским Союзом отличалась от стратегической конкуренции между США и восходящим Китаем. США и СССР возглавляли два идеологически и стратегически противоположных блока, в то время как конкуренция США и Китая происходит в рамках американоцентричного мира, в котором Китай является признанным членом с тех пор, как инициировал исторические реформы в конце 1970-х годов, а в 1979 г. стал постоянным членом Совета Безопасности ООН.

С точки зрения экономического развития Китай и Запад были тесно связаны друг с другом, особенно потому, что растущий китайский рынок нуждался в инвестициях и технологиях с Запада, в том числе США как одного из ведущих партнеров. В этом экономически взаимосвязанном мире неверно рассматривать Китай как потенциального разрушителя экономической и политической систем. Китай не создал своего рода Пекинской Торговой Организации наподобие созданной Советским Союзом Организации Варшавского Договора. Напротив, он стал членом Всемирной торговой организации (ВТО) многих других международных институтов во главе с США. В целом непримиримая конфронтация между бывшим Советским Союзом и Соединенными Штатами ушла в прошлое, и что-то подобное вряд ли может возникнуть между Китаем и США.

Можно назвать два важных проявления, связанные с непримиримой конфронтацией США и СССР, касающейся современного Китая. Во-первых, Китай

не пойдет по пути отчаянной конкуренции с США. Китай считается сильной и богатой страной, США признают это и не желают попасть в «ловушку Фукидида». Мощный Китай должен стать сильной страной с богатым населением, что и было объявлено основной задачей на последнем съезде КПК. Приоритет, таким образом, был отдан мирной окружающей среде, а не балансированию на грани войны, независимо от того, считают ли Соединенные Штаты Китай стратегическим соперником или даже потенциальным врагом. США не только не рассматривают Китай как новую версию Советского Союза, но и не подталкивают Китай к этому сценарию, который нанесет вред обеим сторонам.

Во-вторых, признанный великой державой, Китай фокусируется на создании всеобъемлющей национальной мощи, особенно подчеркивая роль «мягкой силы», нежели подготовку к войне с Соединенными Штатами. Фактически, подчеркивая миролюбивый характер своей внешнеполитической концепции, Китай отмечает губительность напряженного противостояния между великими державами. С одной стороны, Китай определенно нуждается в большем времени, чтобы научиться быть «ответственной державой» в международном сообществе. С другой стороны, Соединенные Штаты инициировали процесс изучения Китая, а не изоляции растущей державы и восприятия ее как угрозы американскому лидерству. США и Китаю следует искать общие интересы, а не то, как разделить мир на Западной и Восточной блоки периода холодной войны.

Библиография

- Дробот Г.А. Иерархический мир: обзор зарубежных теорий транзита власти // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 7. С. 152–157.
- Childress D. Gorge H.W. Bush. Minneapolis: Twenty-First Century Books, 2006. P. 112.
- Kai Jin. Rising China in a Changing World. Power Transition and Global Leadership. 2017. Yonsei University. Republic of Korea. P. 171.
- McKercher J.C. The Asian Ascent: Opportunity for Peace or Precondition for War? // International Studies Perspectives. 2006. Vol 7. N 1. P. 36–42.
- McKercher J.C. Transition of Power: Britain's Loss of Global Preeminence of to the United 1930–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 403.
- Miller D. The Cold War: A Military History. London: Pimlico edition 2001. P. 133.
- Ronald L. Tammen and Jacek Kugler. «Power Transition and China-US Conflicts» // Chinese Journal of International Politics, 2006. Vol. 1. P. 35–55.
- Tammen R.L., Kugler J., Lemke D., Alsharabati C., Efird B., Organski A.F.K. Power Transitions: Strategies for the 21st Century. New-York, Seven Bridges Press, LLC / Chatham House 2000. P. 244.

References

- Drobot G.A. Ierarhicheskiy mir: obzor zarubeznyh teoriy tranzita vlasti. Ekonomika I upravlenie: problem, reshenia [Drobot G.A. Hierarchical World: An overview of foreign theories of transit power]. Economy and governance: problems, solution. 2020. Vol. 2. N7. P. 152–157.

Childress Diana. Gorge H.W. Bush. Minneapolis: Twenty-First Century Books, 2006. P. 112.

Kai Jin. Rising China in a Changing World. Power Transition and Global Leadership. 2017. Yonsei University. Republic of Korea. P. 171.

McKercher J.C. The Asian Ascent: Opportunity for Peace or Precondition for War? // International Studies Perspectives. 2006. Vol 7. N 1. P. 36–42.

McKercher J.C. Transition of Power: Britain's Loss of Global Preeminence of to the United 1930–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 403.

Miller David. The Cold War. A Military History. London: Pimlico edition 2001. P. 133.

Ronald L. Tammen and Jacek Kugler. «Power Transition and China-US Conflicts» // Chinese Journal of International Politics, V. 1, 2006. P. 35–55.

Tammen R.L., Kugler J., Lemke D., Alsharabati C., Efird B., Organski A.F.K. Power Transitions: Strategies for the 21st Century. New-York, Seven Bridges Press, LLC / Chatham House 2000. P. 244.

Д.С. Телегин

**ЕВРАЗИЙСТВО КАК ИДЕЙНАЯ ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

***Аннотация.** Статья посвящена истокам и истории евразийства и евразийского движения, анализируются причины, по которым идеи евразийства не только не потеряли свою актуальность в начале XXI в., но и являются действенной основой интеграционных процессов как в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), так и в рамках более масштабного проекта «Большая Евразия». Евразийцы делили Евразию на срединный континент и два периферийных мира, считали, что Россию нельзя сравнивать с государствами Европы, так как в основе России лежит не национальное, а пространственное единство, более того, что Россию населяет особый этнический тип. Все это указывает на причины того, почему евразийская идея является основой интеграции на Евразийском пространстве в XXI в.*

Кроме того, данный идеологический концепт имеет точки соприкосновения с ценностными ориентирами АСЕАН, который находится в затруднительном положении из-за противостояния США и Китая. В ближайшем будущем лидеры стран – членов АСЕАН будут вынуждены выбирать между сотрудничеством с Китаем и традиционным взаимодействием с США. АСЕАН потребуется некая третья сила, которой представляется Россия. В статье подробно рассмотрены причины, по которым сотрудничество России и АСЕАН является взаимовыгодным. Уже сейчас существует эффективный способ сопряжения АСЕАН и «Большой Евразии». Таким мостом может стать Северный Морской путь. Именно он является тем ключевым проектом, который соединит политические цели и экономические потребности АСЕАН и «Большой Евразии».

Подобное сопряжение позволит наполнить практическим содержанием концепт «Аркто – Пацифика».

***Ключевые слова:** евразийство; ЕАЭС; «Большая Евразия»; интеграция; АСЕАН; Северный морской путь; Аркто-Пацифика.*

Телегин Дмитрий Сергеевич – аспирант факультета
глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: dmitry.dt13@gmail.com

Telegin D.S. Eurasianism as an ideological basis for integration in the Eurasian space

Abstract. *The article is devoted to the origins and history of Eurasianism and the Eurasian movement, analyzes the reasons why the ideas of Eurasianism not only did not lose their relevance at the beginning of the XXI century but also are an effective basis for integration processes both within the framework of the Eurasian Economic Union and within the larger project «Greater Eurasia». The Eurasians divided Eurasia into a middle continent and two peripheral worlds. They believed that Russia could not be compared with the states of Europe since Russia was based not on a national but a spatial unity. Moreover, that a particular ethnic type inhabited Russia. All this points why the Eurasian idea is the basis of integration in the Eurasian space in the XXI century.*

In addition, this ideological concept has points of contact with the values of ASEAN, which is in a difficult position due to the confrontation between the United States and China. In the near future, the leaders of the ASEAN member states will have to choose between cooperation with China and traditional interaction with the United States. Therefore, ASEAN will need a third force, which Russia represents. The article discusses in detail the reasons why cooperation between Russia and ASEAN is mutually beneficial. There is already an effective way to link ASEAN and Greater Eurasia. The Northern Sea Route can become such a bridge. It is the key project that will connect ASEAN's political goals and economic needs and the «Greater Eurasia». Such a combination will allow us to fill the concept of «Arcto – Pacifica» with practical content.

Keywords: Eurasianism; EEU; Greater Eurasia; integration; ASEAN; The Northern Sea Route; Arcto-Pacific.

Telegin Dmitry Sergeevich – postgraduate of the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University.
Russia, Moscow.
E-mail: dmitry.dt13@gmail.com

29 марта 1994 г., выступая с лекцией в стенах Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев произнес следующие слова: «Назрела необходимость в переходе на качественный уровень взаимоотношений наших стран [стран – членов СНГ] на основе нового межгосударственного объединения, сформированного на принципах добровольности и равноправия. Таким объединением мог бы стать Евразийский Союз» [Назарбаев 2012, с. 32]. Так впервые прозвучала идея о создании качественно нового интеграционного объединения на Евразийском пространстве [Ильин, Леонова 2017, с. 161].

Спустя 20 лет, 1 января 2015 г., вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого между странами – членами данного Договора (Республика Беларусь, Республика Казахстан,

Российская Федерация, Республика Армения и Кыргызская Республика) обеспечивалась свобода движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала [Вступил в силу 2015]. 17 июня 2016 г. во время проведения Петербургского экономического форума, лидеры России и Казахстана предложили расширить Евразийскую интеграцию, объединив Европу и Азию в единое экономическое пространство [Пленарное 2016]. Позже данная инициатива получила название «Большая Евразия».

25 апреля 2019 г. во время интервью китайскому изданию «Жэньминь Жибао» В.В. Путин разъяснил как он представляет себе проект «Большая Евразия»: «Имею в виду планы по формированию Большого евразийского партнерства, или, иными словами, широкой сети региональных интеграционных объединений, развивающихся скоординировано на основе принципов равноправия, открытости, взаимного уважения и учета интересов друг друга. Ведь, по сути, создание “Большой Евразии” – это сопряжение Евразэс и концепции “Один пояс, один путь”» [Интервью 2019]. Таким образом, можно сделать вывод, что проект «Большая Евразия» является качественно новым проектом, который объединит в себе все или большинство интеграционных проектов в Евразии, т.е. речь идет о так называемой «интеграции интеграций». Данная цель является частью выполнения более масштабной задачи, которая нашла отражение в Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г.: «упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира» [Концепция 2016].

Однако, говоря об «интеграции интеграций», необходимо учитывать взаимодействие с уже существующими интеграционными объединениями в Евразии. На данный момент самым успешным таким объединением является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), с рядом членов которой ЕАЭС уже подписал договоры о Зоне свободной торговли (ЗСТ). Кроме того, именно подключение АСЕАН к проекту «Большая Евразия» сможет способствовать серьезному укреплению как позиций Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и имиджу возглавляемого Россией интеграционного проекта.

Тем не менее для решения столь масштабной задачи необходимо понимать не только экономическое и геополитическое наполнение общеевразийской интеграции, но и идейные основы интеграции в Евразии.

По мнению подавляющего большинства авторов, идейной основой интеграционных процессов на евразийском пространстве является евразийство [Большая 2017]. Евразийство – это идейно-политическое течение, возникшее среди русской эмиграции, представители которого пытались не только осмыслить революцию октября 1917 г., но и определить место и роль России в мировом развитии. Следует отметить, что о дате появления данного движения в литературе нет единой точки зрения. Так, ряд авторов (В.Я. Пашенко

[Пашенко 2000, с. 224] и др.) считают 1920-й год датой основания евразийства, когда в Софии вышла книга князя Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», следует, однако, отметить тот факт, что в самой книге автор не упоминает термин «евразийство». Другие авторы (М.Г. Вандалковская [Вандалковская 1997, с. 3–6], Н.И. Толстой [Толстой 1995, с. 5–6] и др.) связывают появление евразийства с выходом в 1921 г. в Софии сборника статей П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Г.В. Флоровского и Н.С. Трубецкого «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», в котором разъясняется не только сам термин, но и основы нового взгляда на историческое развитие России. Отдавая должное вкладу книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» в становление концепции евразийства, автор данной статьи разделяет точку зрения Н.И. Толстого, что «она (книга Н.С. Трубецкого “Европа и человечество”. – *Д.Т.*), строго говоря, еще не евразийская: она лишь предвестница работ Н.С. Трубецкого, своего рода первотолчок» [Толстой 1995, с. 6].

Среди вышеперечисленных исследователей следует отметить наиболее видных евразийцев: философа Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938) и экономиста-географа Петра Николаевича Савицкого (1895–1968), которых А.Г. Дугин называет «евразийскими Марксом и Энгельсом» [Преодоление 1997]. Также к евразийцам принадлежали Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, А.П. Карсавин, Д.П. Святополк-Мирский, Я.А. Бломберг, Н.П. Толь и др.

В течение 1920-х годов евразийское движение активно расширяется, создаются евразийские издательства в ряде европейских столиц: Праге, Париже, Берлине; активно печатаются сборники евразийцев: «На путях. Утверждение евразийцев» (1922), «Евразийский временник. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1923), «Россия и Латинство» (1923), «Евразийский временник» (Париж, 1927) и др. Однако уже в 1928 г. в своем письме Н.С. Трубецкой пишет: «С прискорбием отмечая факт раскола и сильно опасаясь, что оттолкнувшиеся друг от друга евразийские течения ... могут дойти до противоположенных крайностей, я в то же время признаю невозможность, по крайней мере в ближайшее время, восстановить то внутреннее единство и равновесие евразийства, при которых я только и мог бы принимать участие в евразийской работе» [Трубецкой 1929, с. 23].

Среди основных причин раскола исследователи истории евразийского движения указывают как на разногласия между евразийцами в стремлении легитимизировать режим большевиков в России и безудержно восхвалять успехи Советской власти [Жданова 2004, с. 16], так и на разочарование политикой Сталина в отношении НЭПа [Жданова 2004, с. 17]. В 1938 г., по мнению «евразийского Энгельса» П.Н. Савицкого, евразийское движение прекратило свое существование в связи со смертью Н.С. Трубецкого и началом Второй мировой войны [Урханова 1991].

Дав краткую характеристику евразийскому движению, необходимо ответить на следующие вопросы: в чем заключалась евразийская идея и почему она является идейной основой интеграции на евразийском пространстве в XXI в.

Во-первых, евразийцы считали, что Россию населяет особый этнический тип, который не относится ни к славянским народам, ни к туранским, хотя и является близким этим народам [Савицкий 1997, с. 39]. Из этого также следует, что «культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она – совершенно особая, специфическая культура» [Савицкий 1997, с. 39].

Во-вторых, говоря о географических категориях, евразийцы делили Евразию не на Европу и Азию, а на срединный континент (Евразию) и два периферийных мира: азиатский и европейский; при этом границы Евразии с периферийными мирами примерно совпадают с границами бывшей Российской империи [Савицкий 1997, с. 43]. Более того, именно этот срединный континент, «лежащий к востоку от границ Европы и к северу от “классической” Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все» [Савицкий 1997, с. 296].

В-третьих, большое значение придавалось особенностям географических условий Евразии: огромные равнины (Восточно-Европейская, Западно-Сибирская и Туранская), а также широтное (по выражению П.Н. Савицкого, «флагоподобное» [Савицкий 1997, с. 298]) расположение природно-климатических зон, которые простираются на тысячи километров с запада на восток, постепенно сменяя друг друга от тундры на севере до пустынь на юге, – способствуют культурному, экономическому, политическому объединению, что резко отличает Евразию от западных и юго-восточных окраин континента со сложным рельефом и резкой сменой, «мозаичностью» природно-климатических зон.

В-четвертых, по мнению евразийцев, Россию нельзя сравнивать с государствами Европы, так как в основе России (России-Евразии) лежит культурно-материальное единство, а не национальное [Савицкий 1997, с. 45]. При этом Россия может сближаться с Европой, оставаясь духовно и материально независимой от нее [Орлик 2009, с. 9].

Таким образом, евразийство, исходя из географических и культурных особенностей региона, с одной стороны, подчеркивает его уникальность, а с другой – акцентирует внимание на равноправности и единстве народов, населяющих евразийское пространство, о чем неоднократно говорили Президент Российской Федерации В.В. Путин: «По большому счету была найдена та модель, которая помогла сберечь мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы» [Новый 2011], и первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «Интеграционизм, который не будет базироваться на принципе равенства, будущего не имеет» [Назарбаев 2012, с. 43].

Из всего вышеизложенного следует, что евразийство представляет собой не просто оригинальную идейно-политическую теорию, дающую новый взгляд на историю и место России в мире, но и необходимый идейный фундамент для развития интеграции на евразийском пространстве.

Кроме того, данный идеологический концепт имеет точки соприкосновения с ценностными ориентирами такого интеграционного объединения, как АСЕАН.

Так, главы стран – членов АСЕАН видят своей главной целью создание многонационального сообщества, единого в своем многообразии [Малетин 2007, с. 271], что перекликается с указанным выше представлением евразийцев о культурно-материковом единстве. Более того, сами эти проекты – «Большая Евразия» и АСЕАН – имеют общие фундаментальные основы: они были созданы в первую очередь для реализации политических целей, а также являются воплощением идей федерализма и интеграции «сверху», в соответствии с которыми создаются политические институты, стимулирующие экономическое сближение участников интеграционных процессов [Малетин 2007, с. 271].

После рассмотрения идейных основ проекта «Большая Евразия» необходимо попытаться ответить на вопрос: «Как именно можно подключить к данному интеграционному проекту АСЕАН?».

Следует учитывать тот факт, что АСЕАН находится сейчас в очень сложном положении из-за противостояния США и Китая. Лидеры государств – членов АСЕАН в ближайшем будущем будут вынуждены выбирать между экономическим сотрудничеством с Китаем и традиционным военно-политическим взаимодействием с США. Так как интересы США и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) диаметрально противоположны, АСЕАН потребуется некая третья сила, которая, с одной стороны, разделяет позицию Ассоциации о центральной роли АСЕАН в АТР, а с другой – способна придать устойчивость самой АСЕАН. Российская Федерация представляется именно такой третьей силой.

Во-первых, Российская Федерация разделяет позицию АСЕАН о необходимости укрепления роли асеаноцентричных объединений в АТР [Вступительное слово 2019].

Во-вторых, Российская Федерация уже имеет статус стратегического партнера с АСЕАН [Саммит 2018], и уже заключены договоры о ЗСТ между Сингапуром и ЕАЭС [Free trade 2019] и Вьетнамом и ЕАЭС [Free trade 2016].

В-третьих, несмотря на экономическое отставание от Китая и США, Российская Федерация является военным и политическим полюсом глобального мира. Один только Тихоокеанский флот ВМФ России по количеству основных кораблей занимает пятое место в регионе, а по количеству стратегических атомных подводных лодок уступает только ВМС США [Крамник 2019].

Учитывая полный контроль ВМФ России над Северным морским путем, Россия может в любой момент передислоцировать необходимое количество кораблей и подводных лодок Северного флота.

В-четвертых, страны – члены АСЕАН заинтересованы в развитии сотрудничества с Россией в таких областях, как энергетика, ВПК, сельское хозяйство, инфраструктурные проекты [Россия 2019].

Из этого следует, что существует целый ряд точек соприкосновения в политико-экономической сфере, которые дополняют близкие взгляды на природу интеграционных процессов.

Кроме того, уже сейчас существуют не только объективные точки совпадения интересов АСЕАН и Российской Федерации, но и эффективный способ сопряжения АСЕАН и «Большой Евразии». Таким мостом может стать Северный морской путь.

Прежде всего, как это было отмечено выше, страны АСЕАН заинтересованы в российских энергоресурсах. В то же время, крупнейшие энергетические компании Российской Федерации активно разрабатывают месторождения, находящиеся на крайнем Севере. Более того, именно данные проекты являются наиболее приоритетными для российских энергокомпаний [«Роснефть» 2019]. Инвестируя в проекты в российской Арктике, страны АСЕАН смогут удовлетворить свои запросы в углеводородных энергоресурсах. Следует отметить, что для российских компаний развитие нефтяных и газовых месторождений в Арктике напрямую связано с развитием Северного морского пути, по которому эти энергоносители могут быть доставлены кратчайшим и наиболее выгодным путем для потребителей: стран АСЕАН.

Более того, учитывая заинтересованность стран – членов АСЕАН в развитии сотрудничества с Российской Федерацией в области атомной энергетики, инвестиции в Северный морской путь смогут улучшить взаимодействие и в этой сфере, так как именно для реализации Северного морского пути в России строятся плавучие атомные теплоэлектростанции (ПАТЭС) типа «Академик Ломоносов» [Энергия 2020]. Следовательно, развивая вместе с Россией Северный морской путь, страны АСЕАН будут развивать и ПАТЭС, а учитывая, что большинство стран – членов АСЕАН имеет выход к морю, для них проекты типа «Академик Ломоносов» будут весьма привлекательны.

Кроме того, сами страны – члены АСЕАН, активно развивающие торговые отношения с Европой, заинтересованы в диверсификации торговых маршрутов, особенно учитывая милитаризацию Южно-Китайского моря из-за противостояния между США и Китаем.

Таким образом, инвестируя в развитие Северного морского пути, члены АСЕАН будут способствовать дальнейшему экономическому развитию своих стран.

Российская Федерация, в свою очередь, заинтересована в привлечении иностранных инвестиций в Арктику для ускорения социально-экономического развития данного региона [Указ Президента Российской Федерации 2020].

Из этого следует, что в развитии Северного морского пути заинтересованы как Российская Федерация, так и страны – члены АСЕАН. Таким образом, именно Северный морской путь является тем ключевым проектом, который соединит идейные основы, объективные политические цели и экономические потребности АСЕАН и «Большой Евразии». Сопряжение же АСЕАН и проекта «Большая Евразия» позволит наполнить практическим содержанием такой перспективный геополитический концепт, как «Аркто-Пацифика» [Куприянов 2020].

Библиография

Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 349 с.

Вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-01-2015-1.aspx> (дата обращения 15.09.2020).

Вступительное слово министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Министерском совещании Россия–АСЕАН, Бангкок, 31 июля 2019 года URL: https://www.mid.ru/asean//asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3745864 (дата обращения 15.09.2020).

Дугин А. Преодоление Запада (эссе о Николае Сергеевиче Трубецком) URL: <http://arcto.ru/article/937> (дата обращения 15.09.2020).

Жданова Г.В. Евразийство. История и современность. Калуга: Эйдос, 2004. 117 с.

Ильин И.В., Леонова О.Г. Политическая глобалистика. М.: Юрайт, 2017. 216 с.

Интервью китайскому изданию Жэньминь Жибао URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60344> (дата обращения 15.09.2020).

Кашин А.Г., Кефели И.Ф., Мальмберг С.А. Информационный потенциал Арктической зоны Российской Федерации // Вестник Московского Университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. № 4. С. 23–35.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 15.09.2020).

Кофнер Ю. Большая Евразия. Принципы евразийской интеграции в исторической перспективе URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/33611/> (дата обращения 15.09.2020).

Крамник И. Военно-морские возможности России на Тихом океане критически отстают от потребностей URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voenno-morskies-vozmozhnosti-rossii-na-tikhom-okeane-kriticheski-otstayut-ot-potrebnostey/> (дата обращения 15.09.2020).

Куприянов А. Конструируя Аркто-Пацифику URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konstruiyua-arkto-paczifiku/> (дата обращения 15.11.2020).

Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития, М.: МГИМО-Университет, 2007. 312 с.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

- Назарбаев Н.А. Когда мысль – материальна. М.: Художественная литература, 2012. 306 с.
- Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня URL: <https://iz.ru/news/502761> (дата обращения 15.09.2020).
- Орлик И.И. Евразийство: история и современность. М.: Ин-т экономики, 2009. 46 с.
- Пашенко В.Я. Идеология евразийства. М.: Издательство МГУ, 2000. 445 с.
- Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения 15.09.2020).
- Покрытан П.А. Евразийский транспортный коридор в контексте торговых разногласий США и Китая // Вестник Московского Университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 1. С. 65–72.
- «Роснефть» покоряет Арктику URL: https://www.ng.ru/economics/2019-04-01/100_194001042019.html (дата обращения 15.09.2020).
- Россия и АСЕАН. Стороны определили ключевые направления сотрудничества URL: <https://tass.ru/ekonomika/6871694> (дата обращения 15.09.2020).
- Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
- Саммит Россия – АСЕАН. Владимир принял участие в пленарном заседании саммита Россия – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59120> (дата обращения 15.09.2020).
- Толстой Н. Н.С. Трубецкой и евразийство // Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М.: Прогресс: Универс. 1995. С. 5–28.
- Трубецкой Н.С. Письмо в редакцию газеты «Евразия» // Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. О газете «Евразия». Париж: [Imp. de Navarre], 1929. С. 23.
- Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения 27.10.2020).
- Урханова Р.А. К критике западной культуры в творчестве евразийцев // Философия России XIX – начала XX вв.: преемственность идей и поиски самобытности. М.: ИФАН, 1991. С. 120–145.
- Щерба К.Д. Политические особенности формирования интеграционных институтов Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 3. С. 75–86.
- Энергия для Арктики: какую пользу принесут России плавучие атомные электростанции. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/748847-rosatom-plavuchaya-atomnaya-elektrostantsiya> (дата обращения 15.09.2020).
- Free trade agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Сингапур/EAEU-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (дата обращения 15.09.2020).
- Free trade agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/EAEU-VN_FTA.pdf (дата обращения 15.09.2020).

References

- Dugin A. Preodolenie Zapada (esse o Nikolae Sergeeviche Trubeckom) [Overcoming the West (essay on Nikolai Sergeevich Trubetskoy)] URL: <http://arcto.ru/article/937> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Energiya dlya Arktiki: kakuyu pol'zu prinesut Rossii plavuchie atomnye elektrostancii [Energy for the Arctic: what benefits will floating nuclear power plants bring to Russia]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/748847-rosatom-plavuchaya-atomnaya-elektrostanciya> (date of access: 27.10.2020). (In Russ.)

Free trade agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Сингапур/EAEU-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (date of access: 15.09.2020).

Free trade agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/EAEU-VN_FTA.pdf (date of access: 15.09.2020).

Il'in I.V., Leonova O.G. Politicheskaya globalistika [Political globalistics]. Moscow: Yurayt, 2017. 216 p. (In Russ.)

Interv'yu kitajskomu izdaniyu Zhen'min' Zhibao [Interview to the Chinese edition People's Daily] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60344> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Kashin A.G., Kefeli I.F., Mal'mberg S.A. Informacionnyj potencial Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Information capacity of the Arctic zone of the Russian Federation] Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika. [Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics.]. 2018 N 4. P. 23–35. (In Russ.)

Kofner Y.U. Bol'shaya Evraziya. Principy evrazijskoj integracii v istoricheskoy perspektive [Greater Eurasia. Principles of Eurasian Integration in Historical Perspective] URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/33611/> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 noyabrya 2016 g.) [The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on November 30, 2016)] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Kramnik I. Voenno-morskie vozmozhnosti Rossii na Tikhom okeane kriticheski otstayut ot potrebnostej [Russian naval capabilities in the Pacific are critically lagging behind the needs] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voenno-morskie-vozmozhnosti-rossii-na-tikhom-okeane-kriticheski-otstayut-ot-potrebnostey/> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Kupriyanov A. Konstruiruya Arkto-Pacifiku [Constructing the Arcto-Pacific] URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konstruiruya-arkto-paczifiku/> (15.11.2020). (In Russ.)

Maletin N.P. ASEAN: chetyre desyatiletia razvitiya [ASEAN: four decades of development], Moscow: MGIMO-University, 2007. 312 p. (In Russ.)

Nazarbaev N.A. Kogda mys' – material'na [When thought is material]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 2012. 306 p. (In Russ.)

Novyj integracionnyj proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya [A new integration project for Eurasia – the future that is being born today] URL: <https://iz.ru/news/502761> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Orlik I.I. Evraziystvo: istoriya i sovremennost' [Eurasianism: history and modernity]. Moscow: In-t ekonomiki, 2009. 46 p. (In Russ.)

Pashchenko V.Ya. Ideologiya evraziystva. [The ideology of Eurasianism]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2000. 445 p. (In Russ.)

Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Pokrytan P.A. Evrazijskij transportnyj koridor v kontekste torgovyh raznoglasij SShA i Kitaja [THE EURASIAN transport corridor in the context of trade disputes the United States and China]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika. [Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics.]. 2019. N 1. P. 65–72. (In Russ.)

«Rosneft» pokoryaet Arktiku [Rosneft conquers the Arctic] URL: https://www.ng.ru/economics/2019-04-01/100_194001042019.html (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Rossiya i ASEAN. Storony opredelili klyuchevye napravleniya sotrudnichestva [Russia and ASEAN. The parties identified key areas of cooperation] URL: <https://tass.ru/ekonomika/6871694> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Sammit Rossiya – ASEAN Vladimir Putin prinyal uchastie v plenarnom zasedanii sammita Rossiya – Asociaciya gosudarstv Yugo-Vostochnoj Azii (ASEAN). [Russia – ASEAN summit Vladimir Putin took part in the plenary session of the Russia – Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) summit.] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59120> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Savickij P.N. Kontinent Evraziya [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf, 1997, 461 p. (In Russ.)

Tolstoj N. N.S. Trubeckoj i evrazijskoe. Trubeckoj N.S. Istoriya, kul'tura, yazyk [Trubeckoj N.S. History, culture, language]. Moscow: Progress: Univers, 1995. P. 5–28. (In Russ.)

Trubeckoj N.S. Pis'mo v redakciyu gazety «Evraziya» [Letter to the editor of the newspaper «Eurasia»]. Alekseev N.N., Il'in V.N., Savickij P.N. O gazete «Evraziya» [About the newspaper «Eurasia»]. Paris: [Imp. de Navarre], 1929, 31 p. (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 26.10.2020 g. N 645 O Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda [Decree of the President of the Russian Federation N 645 of 26.10.2020. On The strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2035] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45972> (date of access: 27.10.2020). (In Russ.)

Urkhanova R.A. K kritike zapadnoj kul'tury v tvorchestve evraziycev [To the criticism of Western culture in the work of the Eurasians]. Filosofiya Rossii XIX – nachala XX vv.: preemstvennost' idej i poiski samobytnosti [Philosophy of Russia XIX – early XX centuries: continuity of ideas and the search for originality]. Moscow: IFAN, 1991. P. 120–145. (In Russ.)

Shherba K.D. Politicheskie osobennosti formirovaniya integracionnyh institutov Evrazijskogo je-konomicheskogo sojuza [Political features of the formation of integration institutions of the Eurasian Economic Union]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika. [Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics.]. 2019 N 3. P. 75–86. (In Russ.)

Vandalkovskaya M.G. Istoricheskaya nauka rossijskoj emigracii: «evrazijskij soblazn» [Historical science of Russian emigration: «the Eurasian temptation»]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1997. P. 349. (In Russ.)

Vstupil v silu Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (EAES) [The Treaty on the Eurasian Economic Union entered into force] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-01-2015-1.aspx> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Vstupitel'noe slovo ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova na Ministerskom soveshchanii Rossiya – ASEAN, Bangkok, 31 iyulya 2019 goda [Opening remarks by Russian foreign Minister Sergey Lavrov at the Russia-ASEAN Ministerial meeting, Bangkok, July 31, 2019] URL: https://www.mid.ru/asean/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3745864 (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Zhdanova G.V. Evrazijskoe. Istoriya i sovremennost' [Eurasianism. History and modernity]. Kaluga: Ejdos [Kaluga: Ejdos], 2004. 117 p. (In Russ.)

А.В. Манойло, А.А. Спасов

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАЦИЙ НАТО
В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ¹**

***Аннотация.** В статье рассматриваются военные операции НАТО в Республике Северная Македония в контексте стремления республики интегрироваться в ЕС и НАТО. Столь значимые события позволяют иначе взглянуть на цели военного блока в период проведения военных операций в Северной Македонии и оценить их действия по урегулированию конфликта в стране. НАТО принимало участие в конфликте (между албанцами и македонцами) в Республике Северная Македония в роли одного из посредников. В период проведения военных операций и в ходе переговоров, начиная с 2001 г., НАТО оказывало существенное влияние на процесс урегулирования конфликтной ситуации. Однако необходимость и эффективность проведенных операций со стороны НАТО, равно как и целесообразность вовлечения в конфликт, носит неоднозначный характер.*

Особенно это стало очевидно с течением времени, когда албанские группировки развернули масштабные боевые действия против полиции и армии в Республике Северная Македония даже несмотря на присутствие в стране натовских контингентов, а недоговоренности на государственном уровне между этносами привели к политической дестабилизации, что, в частности, нашло свое отражение в боевых действиях в 2015 г. в Куманово.

Авторы отмечают, что недостаточная выверенность решений, принятых Североатлантическим альянсом в период урегулирования в этой стране острого этнополитического конфликта, и выстраивание диалога между противоборствующими сторонами с применением тактики «выкручивания рук» привели к совершенно неоднозначным результатам, которые, в свою очередь, продолжают сказываться на политической жизни страны и сегодня, особенно после того, как Северная Македония стала членом НАТО. В настоящее время Республика Северная Македония нацелилась на интеграцию в Европейский союз. Это стало закономерным шагом для республики после подписания документа о вступлении в Североатлантический альянс. В период проведения военных операций, представители ЕС, находясь под защитой натовского контингента, оказывали консультативную помощь в рамках реализации Охридского соглашения, финансировали Северную Македонию и поддерживали албанскую оппозицию. Однако со временем стало очевидно, что действия Евросоюза

1. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», АСИО и гранта РФФ № 21-18-00068.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

(при поддержке НАТО) были направлены на создание управляемого государства, а не на урегулирование этнополитического конфликта.

Ключевые слова: Республика Северная Македония; конфликт; НАТО; военные операции; албанские группировки; посредничество в конфликте.

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных региональных проблем ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru.

Спасов Александр Андреевич – аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: s4267@yandex.ru

Manoilo A.V., Spasov A.A. Political and military aspects of NATO's operations in the Republic of North Macedonia

Abstracts. The article examines NATO military operations in the Republic of North Macedonia in the Republic's desire to integrate into the EU and NATO. Such significant events allow us to take a different look at the goals of the military bloc during the period of military operations in Northern Macedonia and assess their actions to resolve the conflict in the country. NATO took part in the conflict (between Albanians and Macedonians) in the Republic of North Macedonia as one of the mediators. During the period of military operations and negotiations, since 2001, NATO has had a significant influence on resolving the conflict situation. However, the necessity and effectiveness of the operations carried out by NATO, and the feasibility of getting involved in the conflict are ambiguous. This case became especially evident over time, when Albanian groups launched large-scale military operations against the police and army in the Republic of North Macedonia, even despite the presence of NATO contingents in the country and the lack of agreements at the state level between ethnic groups led to political destabilization, which, in particular, was reflected in the fighting in 2015 in Kumanovo. The authors of the article note that the lack of verification of decisions taken by the North Atlantic Alliance during the settlement of an acute ethno-political conflict in this country and the building of a dialogue between the warring parties using the tactics of «hand-twisting» led to completely ambiguous results, which, in turn, continue to affect the political life of the country today, especially after North Macedonia became a member of NATO. At the present stage, the Republic of North Macedonia is aiming at integration into the European Union. This moment was a natural step for the Republic after signing the document on joining the North Atlantic Alliance. During military operations, EU representatives, under the protection of the NATO contingent, provided advice in the implementation of the Ohrid agreement, financed North Macedonia and supported the Albanian opposition. However, over time, it became obvious that the actions of the European Union (with the support of NATO) were aimed at creating a governed state and not at resolving an ethno-political conflict.

Keywords: *The Republic of North Macedonia; conflict; NATO; military operations; Albanian groups; mediation in the conflict.*

Manoil Andrei Viktorovich – Doctor of Political Science,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor,
Leading Researcher, Department of Europe and America,
Central Research Institute of Global and Regional Problems,
INION RAS. Russia, Moscow.
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Spasov Alexander Andreevich – Post-graduate student
of the Department of Russian politics, faculty of Political
Science, Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: s4267@yandex.ru

Конфликт в Республике Северная Македония, о котором пойдет речь в настоящей статье, по своей природе сложный и крайне противоречивый внутренний этнополитический конфликт. Современные конфликты этнического и этнополитического характера, как правило, трудноразрешимы, поэтому для их урегулирования зачастую привлекаются посредники. Роль посредника в подобных случаях, может закрепляться за наднациональными институтами, военными блоками или иными организациями, находящимися за пределами государства, где возникает конфликт. Также в процессе конфликта и его урегулирования формируются группы влияния, которые разными методами воздействуют на конфликт в собственных интересах.

Факторы внешнего воздействия и участие посредника могут сыграть решающую роль в урегулировании разногласий противоборствующих сторон. Однако стоит отметить, что, если участие в конфликте посредника обуславливается желанием получить исключительно собственную выгоду, то и результаты подобного воздействия приводят к тому, что конфликтующие стороны не достигают каких-либо договоренностей и становятся более зависимыми от самого конфликта.

Во внутреннем конфликте в Северной Македонии одним из таких посредников стало НАТО. Так, в 1996 г. между Республикой Северная Македония и НАТО было подписано соглашение о статусе вооруженных сил. Подобное соглашение (СОФА – Status of Forces Agreement) было выведено в рамках программы «Партнерство ради мира» [Партнерство 2003]. Для македонцев размещение сил Североатлантического альянса на территории страны и достигнутые договоренности с военным блоком должны были обеспечить сохранение политической стабильности внутри страны.

Подобные действия не лишены логики, поскольку конфликты в Боснии и Герцеговине и в Косове, протекавшие в форме открытого вооруженного

противоборства, показали, что точно такая же ситуация может сложиться и вблизи границ Северной Македонии. В свою очередь, партнерство с Североатлантическим альянсом должно было обезопасить македонцев от каких-либо открытых столкновений с косовскими албанцами, в том числе в случае вторжения боевиков на территорию страны. В связи с этим Республика Македония не только заключает с НАТО соглашение о сотрудничестве, но и участвует в оказании помощи по логистической поддержке международным силам безопасности в Косове [История отношений 2020].

Однако после завершения «малой войны» в Косове, албанские военизированные группировки, заручившись поддержкой своих лидеров и снабдив боевиков значительным количеством оружия, стали совершать периодические атаки на северные территории Македонии, невзирая на установленные договоренности между НАТО и правительством страны. С января 2001 г. в стране нарастают процессы политической дестабилизации в связи с ведением открытых боевых действий между албанскими группировками и полицией страны [Киреев 2012]. В этот период Североатлантический альянс, имея собственные воинские контингенты в Косове, мог незамедлительно отреагировать на возникшие боевые действия, но предпочел остаться в стороне.

Соглашение, подписанное в 1996 г. между НАТО и Республикой Северная Македония, и размещение в 1999 г. в республике штаба Североатлантического альянса (для «оказания логистической поддержки») привели к тому, что македонцы сочли, что их границы достаточно защищены и, следовательно, нет необходимости наращивать численность и техническую оснащенность армии и полиции на севере страны. Этот просчет привел к резкой эскалации конфликта, когда косовские боевики, не встречая должного сопротивления, беспрепятственно перешли границу и вступили в бой с неподготовленной полицией и армией Северной Македонии. Так, бои в районе Тетова показали, что албанские группировки готовы оказывать сопротивление и вести бои даже в условиях артиллерийского обстрела [Македония в огне 2001].

Стоит отметить, что на территории Косова с 1999 г. присутствовал Североатлантический альянс, который должен был ликвидировать албанские группировки. Военная операция «Союзная сила», проводимая НАТО в Косове, была нацелена на ликвидацию албанских и сербских боевиков [История конфликта 2013]. Однако действия НАТО не привели к их уничтожению, поскольку АНО (Армия национального освобождения), которая одна из первых вступила в бой с армией и полицией Республики Северная Македония, была сформирована албанскими боевиками на территории Косова [Чугунов 2004, с. 4–6]. Их боевые отряды комплектовались по аналогии с АОК (Армией освобождения Косова) под руководством Али Ахмети. 22 января 2001 г. АНО вступила в бой с частями армии Северной Македонии и к марту того же года

боевикам удалось установить контроль над северными и западными районами республики. Албанская группировка была остановлена в 20 км от Скопье.

Следом за АНО, боевики АОПМБ (Армии освобождения Прешева, Медвежи и Буяновца) стали переходить к открытым боевым действиям на северных территориях республики. Часть этой группировки ранее была задействована в боях в Косове и входила в состав АОК. Тактика ведения боевых действий АОПМБ также была заимствована у АОК. Как правило, албанская группировка вела бои только против полиции Северной Македонии и брала в заложники мирных жителей [Коренев 2017, с. 92–98]. Боевики АОПМБ были оснащены снайперскими винтовками, минометами, противотанковыми гранатами и противопехотными минами. Численность военизированной группировки в 2001 г. достигала 2000 боевиков [Oliver 2005, p. 94].

В июле 2001 г. несколько позже, чем АОПМБ и АНО была сформирована АНА (Албанская национальная армия), целью которой являлось создание «Великой Албании». Идеологическая составляющая группировки сводилась к объединению всей территории, на которой проживают албанцы. Боевая организация отличалась от предыдущих тем, что ее деятельность помимо Косова и Северной Македонии распространялась и на Сербию. Стоит отметить, что ранее члены Албанской национальной армии входили в состав АОПМБ, АНО и АОК. Районы компактного проживания албанского населения на северных территориях Республики Македония из-за военных действий Албанской национальной армии стали «горячей точкой». К 2007 г. численность Албанской национальной армии достигала 12 тыс. боевиков [Албанские боевики 2007].

Итак, Североатлантический альянс в Косове не смог уничтожить албанских боевиков. Это привело к формированию АОПМБ и АНО, которые частично были укомплектованы боевиками из числа АОК. А появление Албанской национальной армии, сформированной уже после вторжения АНО на территорию Северной Македонии (боевики АНО провели первые атаки в январе 2001 г. Албанская национальная армия была сформирована в июле того же года), стало следствием медленного реагирования НАТО на возникшие боевые действия в республике. Таким образом, до января 2001 г. в Косове создавался плацдарм для албанских группировок, которые готовились к вторжению на северные территории Республики Македония.

После первых столкновений с албанскими группировками тогдашний Президент Республики Северная Македония Борис Трайковский был вынужден выстраивать отношения с Североатлантическим альянсом на новых условиях. Натовские представители сначала потребовали проведения переговоров между правительством республики и боевиками, а затем настояли на подписании Охридского договора сторонами конфликта. Только после выполнения этих требований, Североатлантический альянс согласился на проведение

военных операций. Таким образом, если в 1996–1999 гг. договоренности строились на основе партнерских отношений между Северной Македонией и НАТО по вопросам реформирования и безопасности страны, то теперь македонской стороне приходилось выполнять требования Североатлантического альянса в условиях открытого противоборства с албанскими группировками. Такие действия натовских представителей указывают на применение тактики «выкручивания рук».

Только после достижения договоренностей между правительством Северной Македонии и боевиками по Рамочному соглашению, силы Североатлантического альянса провели военные операции. Так, 13 августа было подписано Рамочное соглашение, и к 17 августа новые подразделения Североатлантического альянса вступили на территорию Северной Македонии.

Стоит отметить, что взаимодействие НАТО с Республикой Северная Македония вызвало негативную реакцию мирного населения. К примеру, 24 июля 2001 г. произошло несколько нападений на западные посольства. Именно так граждане выразили протест против вмешательства НАТО во внутренние дела страны [Миссии 2001]. Во время протестных демонстраций премьер-министр Л. Георгиевский намеревался ввести военное положение в стране, но его не поддержали [Пономарева 2010. С. 138–172].

Тем не менее невзирая на протесты, 27 августа 2001 г. была проведена первая военная операция НАТО под кодовым названием «Богатый урожай», целью которой было разоружение боевиков. В полномасштабной операции были задействованы 3500 военнослужащих с использованием средств тылового обеспечения. За месяц НАТО удалось изъять 3,3 тыс. единиц оружия, в том числе мины и взрывчатые вещества, которые должны были применяться албанскими группировками в боях против армии Северной Македонии. После проведения операции в стране оставалось 300 военнослужащих Североатлантического альянса [Операция НАТО 2001].

Процесс разоружения албанских группировок занял почти месяц (операция «Богатый урожай» началась 22 августа и завершилась 27 сентября). В период проведения военной операции воинский контингент НАТО действовал быстро, не теряя личного состава, что указывает на значительную военную подготовленность Североатлантического альянса. Поэтому не приходится предполагать, что установленный надзор НАТО в Косове, который не привел к стабилизации пограничной территории с Республикой Северная Македония, был следствием дезорганизации военного контингента.

Однако военная операция «Богатый урожай» не дала того результата, на который рассчитывали македонцы. Разоружение боевиков привело к кратковременной передышке противоборствующих сторон, поскольку албанские группировки беспрепятственно отступали в Косово через северные территории Республики Македония, где преимущественно проживает албанское

население. За пределами республики боевики перевооружались, рекрутировали новобранцев и, вновь пересекая границу, вступали в бой. К слову, подтверждением провальных действий НАТО на территории Косова служат слова Гуннара Ланге, датского генерал-майора, руководителя операции «Богатый урожай», который в момент боевых действий НАТО в республике заявил: «Надо держать ухо востро. Иначе все получится, как это было в Косово» [Гуннар Ланге 2006].

Перед началом военной операции «Богатый урожай» тогдашний премьер-министр Республики Македония, Любчо Георгиевски, утверждал, что у НАТО ложные данные о численности оружия у албанских сепаратистов. Также он отметил: «То, что предлагает НАТО, не только смешно, но и оскорбительно для Македонии» [В Македонии начинается 2001]. В период планирования операции «Богатый урожай» служба разведки Республики Македония предполагала, что боевики имеют до 60 тыс. единиц различного вооружения [В Македонии погиб 2001]. А представители НАТО перед началом операции на пресс-конференции в Скопье утверждали, что у боевиков имеется около 3,3 тыс. единиц оружия. Схожая цифра фигурировала в докладах НАТО после проведения операции, но речь шла об уже изъятом оружии.

Изначальное расхождение мнений о вооружении боевиков стало следствием нескоординированных действий НАТО и разведывательной службой Республики Македония в ходе подготовки военной операции «Богатый урожай». Поэтому, с точки зрения правительства Северной Македонии, Североатлантический альянс задействовал недостаточное число военнослужащих для разоружения боевиков, оперируя исключительно своими данными о численности стрелкового оружия у группировок.

Стоит отметить, что в момент проведения военной операции военнослужащие НАТО не имели права проверять и досматривать боевиков. Это привело к тому, что далеко не все сепаратисты оказались разоружены. Большая часть боевиков не желала следовать требованиям НАТО и оставляла автоматы, мины и гранатометы при себе. Таким образом, отсутствие права досмотра боевиков и заниженные цифры о предполагаемом количестве стрелкового оружия, ставят под сомнение серьезность намерений НАТО содействовать Республике Северная Македония в борьбе с албанскими группировками.

После проведения «Богатого урожая», тогдашний Президент республики Борис Трайковский просил НАТО вновь оказать военную поддержку, поскольку первая военная операция не привела к разоружению боевиков. Он предложил НАТО направить в страну новый контингент войск как для обеспечения охраны представителей ЕС и ОБСЕ, так и для стабилизации северных территорий. Отметим, что представители Евросоюза и ОБСЕ должны были контролировать процесс мирного урегулирования конфликта, поскольку

ранее предпринятые действия НАТО не привели к установлению правительственного контроля над северными территориями республики.

27 сентября 2001 г. была проведена операция «Янтарная лиса» по трехмесячному мандату, командование операцией осуществлялось Германией. В ходе операции были задействованы 1085 солдат, которые взяли под защиту представителей ОБСЕ и ЕС. Тогдашний советник федерального канцлера по внешней политике Михаэль Штайнер заявил, что для осуществления действий Североатлантического альянса потребуется около 76 млн марок [Вераян 2012, с. 147–154].

Военная защита НАТО представителей ЕС и ОБСЕ, в период проведения военной операции «Янтарная лиса», позволила международным наблюдателям провести встречи с правительством Северной Македонии и оказать помощь в реализации Рамочного соглашения. Однако албанские группировки остались незамеченными Североатлантическим альянсом, что позволило боевикам подготовиться к очередным атакам на северные территории республики, которые и последовали после завершения операций «Янтарная лиса» и «Эллайд хармони».

Отметим, что в ходе подготовки военной операции «Янтарная лиса» тогдашний министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер заявил: «Важнейший урок войны в Косово гласит, что мы должны реагировать не только тогда, когда уже слишком поздно, а напротив, действовать превентивно, долго, основательно и всеобъемлюще, прилагая все силы для того, чтобы окончательно и бесповоротно разорвать порочный круг насилия, угнетения и нестабильности...» [Вераян 2012, с. 147–154]. Однако это заявление не соответствовало действительности. Операция «Янтарная лиса» не привела к стабильности в стране, поскольку не были ликвидированы албанские группировки, а значит сохранялась угроза потери территориальной целостности. Это вынудило правительство республики вновь обратиться к НАТО с просьбой проведения очередной военной операции.

Так, 16 декабря 2002 г. началась военная операция «Эллайд хармони». Натовские контингенты вновь должны были обезопасить международных наблюдателей и оказать консультативную помощь правительству республики для разрешения этнополитического конфликта [Бурлинова 2008, с. 256–264]. Однако, как и в предыдущих операциях, цели НАТО не были достигнуты в полной мере. Безусловно, безопасность международных наблюдателей была обеспечена (за все время проведения военной операции не пострадал ни один представитель ЕС и ОБСЕ), но после завершения операции, албанские военизированные группировки возобновили боевые действия против полиции и армии Северной Македонии. К примеру, в 2003 г. Албанская национальная армия взяла на себя ответственность за обстрел ракетой казармы, в которой находились македонские солдаты. После обстрела боевики заявили, что они

хотели ослабить военную мощь армии Северной Македонии, поскольку ее действия приводили к насилию и геноциду албанского населения [Казармы 2003]. В 2007 г. произошли столкновения с албанскими бандформированиями в районе села Бродец. Армия Северной Македонии провела спецоперацию по захвату арсенала оружия у сепаратистов. В ходе операции были уничтожены шесть боевиков и еще 13 сдались вооруженным силам республики. Одним из главарей сепаратистов был Лирим Якупи, которому ранее удалось бежать из Косовской тюрьмы [В Македонии проведена 2007]. В 2010 г. вооруженными силами Северной Македонии была проведена еще одна операция. Им удалось изъять у боевиков взрывчатое вещество, которое, предположительно, должно было использоваться для теракта в Скопье. Также были изъятые мобильные телефоны, с помощью которых террористы планировали привести в действие детонатор взрывчатки [ОНА 2010].

Помимо периодических столкновений вооруженных сил Северной Македонии с албанскими группировками, конфликт в стране осложнялся из-за масштабной вербовки боевиков на приграничных с Косовым территориях республики. Так, в 2003 г. ГИС (Глобальная информационная система) заявила, что на «албанской земле», охватывающей Косово, часть Македонии и Албанию, ведется вербовка новых членов «Аль-Каиды». Прикрытием для вербовки выступает «Албанская национальная армия», часть которой расположена в районе Тетова. Участники данной организации были задействованы в подготовке трех взрывов в Скопье [Терроризм 2003].

На протяжении долгого времени вербовка боевиков только набирала обороты. В 2016 г. на границе Косова с Албанией и Северной Македонией находилось пять тренировочных лагерей ИГИЛ («Исламское государство» – организация, запрещенная на территории РФ). В каждом из лагерей были террористы, которые решали, что делать с подготовленным новобранцем. Их, как правило, либо отправляли на войну, либо делали из них террористов-смертников. В подготовительных лагерях будущим террористам тщательно «промывали мозги» и заставляли изучать арабский язык. После вводилась «боевая практика», подготовкой занимались бывшие члены АОК (Армии освобождения Косова) [ISIS 2016].

Таким образом, идеологическая подпитка военизированных группировок и появление лагерей террористов в Косове на границах с Северной Македонией способствовали военному усилению боевиков. Вербуя албанское население посредством распространения радикальных идей, военизированные группировки наращивали свои ресурсы, чтобы поддерживать боеспособность. Поэтому можно сказать, что установленный надзор НАТО в Косове, скорее, создал благоприятную почву для усиления военизированных группировок и их лидеров.

Очевидно, что албанские группировки даже с учетом возможности пополнения личного состава путем вербовки молодого населения, не смогли бы долго существовать, если бы натовские контингенты приступили к их ликвидации. Вместо реальных мер направленных на борьбу с боевиками, Североатлантический альянс провел псевдомиротворческую операцию в Косове.

Отметим, что Европейский союз также активно принимал участие во внутривнутриполитических делах в Косове после ввода войск НАТО. К примеру, все институты власти в Косове в 2008–2012 гг. подчинялись МГП (Международному гражданскому представителю), который назначался управляющей группой, поддерживающей отделение края от Сербии [Сербия 2008]. В состав управляющей группы входили представители стран Евросоюза. МГП обладал правом аннулировать законы, влиял на принятие важных политических решений и мог отправлять в отставку главных должностных лиц в Косове [Совет безопасности 2007, с. 8]. Однако присутствие МГП в Косове никак не сказалось на боеспособности албанских группировок. Таким образом, Косово после вмешательства ЕС и НАТО стало представлять собой квазигосударство с «аномальным криминалитетом международного масштаба» [«Независимое Косово» 2012]. По-прежнему неясно, каким образом западные страны, входящие в состав Европейского союза и осуществляющие контроль в Косове, смогли допустить подобное [Овчинский, 2008; с. 28].

Итак, отсутствие реальных мер по ликвидации албанских боевиков в Косове привело к тому, что группировки вторглись в Северную Македонию. Риски потери территориальной целостности страны позволили НАТО оказывать давление на правительство республики в тот момент, когда албанские группировки успешно продвигались в глубь страны. Северная Македония была готова пойти на условия НАТО, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение боевиков. Так, под давлением НАТО правительство страны подписало Рамочное соглашение, поскольку полиция и армия Северной Македонии были разбиты в первых столкновениях с боевиками. Поэтому, можно сказать, что Североатлантический альянс выстраивал диалог с правительством республики с позиции силы и формировал военную зависимость государства от натовского контингента. К примеру, это отразилось на том, что в 2008 г. правительство Республики Северная Македония признало суверенитет Косова, показав свою лояльность к НАТО.

Можно сказать, что военные операции НАТО были эффективны только в рамках предоставления защиты представителям ЕС, поскольку никто из них не пострадал от действий боевиков в Северной Македонии. Представители Европейского союза, в период проведения операций НАТО, давали рекомендации по реформированию институтов власти республики и содействовали реализации Рамочного соглашения. Более того, еще до начала атак албанских группировок на северные территории республики, ЕС оказывал финансовую

поддержку правительству Северной Македонии. Например, Европейская комиссия в 1996–1999 гг. выделила 105 млн евро по двум направлениям: на программу, предусматривающую сотрудничество с Грецией, и программу приграничного сотрудничества. В период боснийского кризиса Евросоюз выделил 45 млн евро и в период «малой войны» в Косове 50 млн евро [Cards..., 2006; р. 20]. Стоит сказать, что финансовая помощь ЕС играла ключевую роль в реализации Охридского договора [Поскребышева 2013, с. 321–325].

Однако спустя несколько лет, после вмешательства ЕС во внутренние дела страны, стало ясно, что оказанная помощь в реализации Рамочного соглашения не привела к должным результатам. Отметим, что один из пунктов Рамочного соглашения включал прекращение военных действий [Поскребышева 2013, с. 321–325]. Но на протяжении нескольких лет, после подписания Рамочного соглашения, албанские группировки продолжали вступать в открытое противоборство с полицией и армией республики. Поэтому помощь ЕС в реализации Охридского соглашения, которая должна была привести к стабилизации государства, в действительности показала лишь нежизнеспособность достигнутых договоренностей.

Помимо неразрешенного этнополитического конфликта на дестабилизацию государства повлияли и экономические проблемы. Действия правительства республики при поддержке ЕС, направленные на открытие заводов в беспощинной зоне и на привлечение иностранного капитала, не дали ощутимых результатов [Коцева, 2016, с. 122–123]. Северная Македония, несмотря на помощь Евросоюза осталась в десятке самых бедных стран Европы по уровню ВВП на душу населения [Экономический регресс 2020]. Из-за высокого уровня безработицы и бедности, часть албанского населения легко поддавалась вербовке военизированных группировок и вступала в их ряды. Поэтому можно сказать, что действия Европейского союза не способствовали экономическому росту и социальному благополучию, а, скорее, привели к дестабилизации государства. Это, в свою очередь, позволяло членам ЕС вмешиваться и дальше во внутриполитические дела республики под предлогом оказания помощи.

Так, с 2015 г. ЕС стал поддерживать продвижение албанского оппозиционера Зорана Заева на пост премьер-министра. Македонский политолог Мария Цветановска, высказываясь о зарубежном вмешательстве во внутриполитические дела страны, справедливо отметила: «Иностранные послы давно перешагивают свои политические полномочия и выступают в роли политических наблюдателей, высказывают свое мнение... Послы определенных стран – Великобритании, США, Германии, Нидерландов, посол ЕС – они уже, по сути, наделили себя правом голоса, и свой голос отдали македонской оппозиции. Они откровенно голосуют за то, чтобы Зоран Заев и те силы, которые он представляет, пришли на смену Николе Груевскому...» [Эксперт:

готовность 2016]. Политолог Мартин Макколи, говоря о поддержке оппозиции, также подметил, что, продвигая албанскую платформу, ЕС сознательно пытается создать в стране правительство, которым будет легче управлять [Битва 2017].

Стоит отметить, что тогдашний премьер-министр Н. Груевский отказывался от смены конституционного названия страны после возникшего спора с Грецией (член Евросоюза). Правительство Греции считало, что конституционное название «Республика Македония» (так страна называлась в 1991–2019 гг.) является узурпацией имени ее исторической провинции. Европейский союз и НАТО настаивали на том, чтобы республика пошла на перемирие с Грецией и изменила свое конституционное название. Таким образом, отказ Н. Груевского от изменения конституционного названия страны был истолкован как нелояльность премьер-министра, поскольку это мешало интеграции страны в Евросоюз и вступлению в НАТО [Эксперт: Евросоюз 2016].

Для того, чтобы снять с поста премьер-министра Н. Груевского, албанская оппозиция при поддержке ЕС подготовила провокацию. Так, в 2015 г. оппозиционеры заявили о том, что действующая власть занималась незаконным прослушиванием телефонов албанских политиков и журналистов [Ситуация в Македонии 2016]. Также они указали на то, что глава спецслужбы Сашо Миялков и министр внутренних дел Гордана Янкуловская пытались взять под свой контроль судебную власть. Дипломаты ЕС поддержали заявления албанской оппозиции и отметили, что нежелание правительства республики расследовать эти случаи указывает на отсутствие демократических ценностей в стране [Скандал 2015].

После провокации албанской оппозиции в стране прошли митинги. Протестующие требовали немедленной отставки премьер-министра Н. Груевского. В ходе митингов албанское население закидывало правительственные здания и памятники шариками с краской. Вероятно, помощь в организации протестов оказывалась извне. Директор белградского Центра стратегических альтернатив Душан Пророкович отметил: «Албанцы в данной ситуации – просто исполнители, речь идет о гораздо более глобальных интересах» [Македония перед 2015].

Стоит сказать, что граждане, поддерживающие правительство Республики Северная Македония, также вышли на улицы Скопье. Это стало ответной реакцией на провокацию оппозиции и начавшиеся волнения в стране. 90 тыс. человек пытались отстоять интересы государственной власти. Н. Груевский в ответ на провокацию оппозиции также заявил, что Зоран Заев хочет прийти к власти незаконным путем [Митинг в поддержку 2015].

Однако действия оппозиции при поддержке Европейского союза вынудили Н. Груевского сесть за стол переговоров. Посредниками в переговорном процессе выступали европейские дипломаты. В ходе переговоров с оппози-

цией Н. Груевский согласился покинуть пост премьер-министра. В 2017 г. новым премьер-министром был назначен прозападный албанец Зоран Заев (занимал пост до января 2020 г.).

В 2018 г. Зоран Заев провел встречу с Генсеком Североатлантического альянса, где обсуждался вопрос о смене конституционного названия страны для того, чтобы устранить разногласия с Грецией, однако предполагается, что главный вопрос заключался в скорейшем вступлении Республики Македония в НАТО, о чем заявил Сергей Лавров, глава МИД РФ: «Что касается оживившихся усилий по решению проблемы названия Македонии... Эти усилия были долго в полуспящем состоянии и активизировались только тогда, когда США решили, что Македония должна быть в НАТО... Суть происходящего все понимают – речь идет совсем не о том, чтобы учесть какие-то общие специфические черты двух близких народов, а о том, чтобы одну из этих стран обязательно сделать членом НАТО» [«Не исключен» 2018].

Итак, устранив разногласия с Грецией по вопросам конституционного названия страны, в феврале 2019 г. правительство Республики Северная Македония подписало договор о вступлении в Североатлантический альянс, и к марту 2020 г., после ратификации закона, страна присоединилась к военному блоку [North Macedonia 2020]. Стоит отметить, что вопрос изменения конституционного названия страны был довольно болезненным для граждан, что привело к массовым демонстрациям в Скопье. Протестующие заявляли, что Зоран Заев преследует антигосударственные интересы. Также недовольство граждан было вызвано тем, что премьер-министр не предпринял каких-либо действий для роста доходов населения [Македонцы не хотят 2018]. Но, несмотря на демонстрации, правительство выполнило условия НАТО и ЕС для того, чтобы вступить в военный блок и создать предпосылки для интеграции в Евросоюз. Членство в Североатлантическом альянсе рассматривалось как необходимое предварительное условие для достижения еще одной долгосрочной цели – македонской внешней политики – вступления в ЕС [Stojanovski, Marolov 2017, p. 281–294].

Но путь евроинтеграции оказался сложнее, чем вступление в НАТО. Так, в 2019 г. Франция выступила против переговорного процесса с Северной Македонией о вступлении в ЕС, сославшись на высокий уровень коррупции в стране. В связи с этим Зоран Заев объявил о проведении досрочных выборов в стране, а временное правительство возглавил Оливер Спасовский (бывший министр внутренних дел). Но Республика Северная Македония будет продолжать свой путь евроинтеграции, о чем заявил Зоран Заев перед своим уходом с поста премьер-министра: «Мы не падаем духом и не отказываемся от борьбы, несмотря на определенное разочарование. Мы не сдаемся, мы будем бороться храбро и настойчиво» [ЕС отказался 2019].

Можно заключить, что военные операции НАТО не привели к уничтожению военизированных группировок как в Косове, так и в Северной Македонии, что позволяло Североатлантическому альянсу выстраивать диалог с правительством республики с позиции силы. Правительство Северной Македонии, боясь утраты территориальной целостности республики, соглашалось на все условия, которые диктовал Североатлантический альянс, что привело к подписанию нежизнеспособного Рамочного соглашения. Военные операции НАТО были эффективны лишь в рамках обеспечения защиты представителей ЕС и ОБСЕ. Евросоюз, находясь под защитой НАТО, оказывал помощь в реализации Рамочного соглашения, но это не привело к урегулированию этнополитического конфликта, а, скорее, способствовало дестабилизации государства. После такой «помощи» Европейский союз вмешался во внутривнутриполитические дела страны, поддержав албанскую оппозицию. Так, в 2015 г., в ходе митингов албанского населения, ЕС поддержал прозападного оппозиционера Зорана Заева, который в 2017 г. стал премьер-министром и занимал этот пост до января 2020 г. В период премьерства Зорана Заева правительство республики подписало договор о вступлении в НАТО и взяло курс на интеграцию с ЕС. Соответственно, сегодня принимая важные государственные решения, Северная Македония вынуждена оглядываться на страны ЕС, чтобы не пойти вразрез с их мнением и не сойти с пути Евроинтеграции. Это уже отразилось на том, что страна сменила свое конституционное название, а Зоран Заев покинул пост-премьер министра после сорвавшихся переговоров о вступлении в ЕС из-за заявлений Франции о коррупции в стране. Таким образом, в действительности военные операции Североатлантического альянса и вмешательство представителей ЕС (находящихся под защитой НАТО) во внутренние дела страны были направлены на формирование военной и политической зависимости государства от посредников, принимающих участие в урегулировании этнополитического конфликта.

Библиография

Албанские боевики в Косово угрожают войной // Взгляд. 2007.13.11. URL: <https://vz.ru/news/2007/11/13/124414.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Киреев Д. Албанцы бьют македонцев // Euromag. 2012.13.03. URL: <https://www.euromag.ru/articles/albancy-bjut-makedoncev/> (дата обращения: 14.02.2020).

Тихонов Р. Битва за Македонию: почему ЕС поддерживает албанское меньшинство // Russia today. 2017.06.04. URL: <https://russian.rt.com/world/article/375678-makedoniya-albaniya-krizis> (дата обращения: 20.05.2020).

Бурлинова Н.В. ЕС и НАТО: Кризисные менеджеры Европы? // Безопасность Евразии. 2008. № 3. С. 256–264.

В Македонии начинается Натовская операция «основной урожай». Намерения НАТО Георгиевский назвал «смехотворными» // Pravda. ru. 2001.27.08. URL: <https://www.pravda.ru/world/>

803856-v_makedonii_nachinaetsja_natovskaja_operacija_osnovnoi_urozhai/ (дата обращения: 20.04.2020).

В Македонии погиб военнослужащий британских вооруженных сил из состава НАТО // NEWSru. 2001.27.08. URL: <https://www.newsru.com/world/27aug2001/operation1.html> (дата обращения: 20.04.2020).

В Македонии проведена масштабная антитеррористическая операция // NEWSru. 2007.25.09. URL: <http://txt.newsru.co.il/world/09nov2007/macedon928.html> (дата обращения: 04.05.2020).

Веранян А.Г. Роль Германии в урегулировании этнических конфликтов в Косово и Македонии в 1998–2001 гг. и изменение положения ФРГ в НАТО // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений: Сборник научных статей. 2012. Вып. 3. С. 147–154.

Гуннар Ланге // Peoples. 2006.24.02. URL: https://www.peoples.ru/military/general/gunnar_lange/ (дата обращения: 20.04.2020).

ЕС отказался говорить о членстве Северной Македонии. Это называют ошибкой // BBC. Русская служба. 2019.19.10. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50110904> (дата обращения: 07.06.2020).

История отношений Северной Македонии и НАТО // ТАСС. 2020.27.03. URL: <https://tass.ru/info/8102757> (дата обращения: 15.02.2020).

История конфликта в Косово // РИА Новости. 2013.22.01. URL: <https://ria.ru/20130122/919218079.html> (дата обращения: 20.02.2020).

Казармы Македонской армии обстреляли албанские экстремисты // РИА Новости. 2003.18.05. URL: <https://ria.ru/20030518/381281.html> (дата обращения: 04.05.2020).

Коцева З. Экономическая ситуация в Македонии и уровень развития ее компаний // Символ науки. 2016. № 12–1. С. 122–123.

Корнев Е.С. Албанский фактор региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е годы // Вестник Саратовского университета. Международные отношения. 2017. № 1. С. 92–98.

Миссии стран – членов НАТО атакованы македонцами // РБК. 2001.25.07. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/07/2001/5703b2699a7947783a5a1d54> (дата обращения: 06.04.2020).

Македония в огне // PRESS обозрение. 2001.17.03. URL: <https://press.try.md/item.php?id=4584> (дата обращения: 19.02.2020).

Македонцы не хотят смены названия страны и требуют отставки правительства // Regnum. 2018.4.06. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2426087.html> (дата обращения: 27.05.2020).

Македония перед «майданом»: недовольство премьером или давление извне? // РИА Новости. 2015.17.05. URL: <https://ria.ru/20150517/1064958063.html> (дата обращения: 04.06.2020).

Митинг в поддержку правительства стал крупнейшим в истории Македонии // РИА Новости. 2015.18.05. URL: <https://ria.ru/20150518/1065239056.html> (дата обращения: 07.06.2020).

«Не исключен вариант гражданской войны»: уступит ли Македония Афинам в давнем споре о названии страны // Russia today. 2018.17.01. URL: <https://russian.rt.com/world/article/471069-makedoniya-peregoovry-imya-nato> (дата обращения: 13.05.2020).

«Независимое Косово»: патологический криминал глобального уровня // Военное обозрение. 2012.31.08. URL: <https://topwar.ru/18312-nezavisimoe-kosovo-patologicheskij-kriminal-globalnogo-urovnya.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики. Аналитический доклад. М.: ИНФРА–М. 2008. 30 с.

Операция НАТО завершилась в Македонии // NEWSru. 2001.25.09. URL: https://www.newsru.com/world/25sep2001/nato_makedonia.html (дата обращения: 16.04.2020).

«Партнерство ради мира» // НАТО. РФ. 2003.10.03. URL: https://нато.рф/ru/partnership_for_pease.html (дата обращения: 10.02.2020).

Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства // Политическая наука. МГИМО. 2010. № 1. С. 138–172.

Поскребышева Е.С. Охридское соглашение по Македонии в контексте этноконфессиональной политики Евросоюза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2013. № 5 (1). С. 321–325.

Сербия предлагает концепцию «функционального разделения» Косова // Интерфакс. 2008.18.03. URL: <https://www.interfax.ru/russia/5782> (дата обращения: 22.03.2020).

Ситуация в Македонии чревата хаосом и гражданской войной // РИА Новости. 2016.18.04. URL: <https://ria.ru/20160418/1414208735.html> (дата обращения: 01.06.2020).

Совет Безопасности ООН. Письмо генерального секретаря от 26 марта 2007 года на имя Председателя Совета Безопасности // Guskova.info. 2007.26.03. 9 с. URL: <http://www.guskova.info/misc/docs/2007-03-26.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).

Скандал с прослушкой привел к отставкам в Македонии // BBC. Русская служба. 2015.12.05. URL: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/05/150512_rm_macedonia_resign (дата обращения: 02.06.2020).

Чугунов К.В. Терроризм с «европейским лицом» // Российская газета. 2003.25.09. URL: <https://rg.ru/2003/09/25/Terrorizmseuropejskimlitsom.html> (дата обращения: 02.05.2020).

Чугунов К.В. Балканский рай для террористов // Незвестная разведка. 2004. № 1. С. 4–6. Экономический регресс: рейтинг самых бедных стран Европы // Инфографика. 2020.20.03. URL: <https://infographics.ru/all/samye-bednye-strany-evropy/> (дата обращения: 22.05.2020).

Эксперт: готовность оппозиции Македонии использовать силу беспокоит // РИА Новости. 2016.22.04. URL: <https://ria.ru/20160422/1417128432.html> (дата обращения: 25.05.2020).

Эксперт: Евросоюз потребует от Македонии «правительства единства» // РИА Новости. 2016.21.04. URL: <https://ria.ru/20160421/1416374911.html> (дата обращения: 27.05.2020).

Cards assistance programme. Former Yugoslav Republic of Macedonia 2002–2006 // European Commission. Belgium: European commission. External relations directorate general. 2006.22.06. 72 p. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/financial_assistance/cards/publications/fyrom_strategy_paper_en.pdf (date of access: 30.05.2020).

ISIS-Daesh Training Camps in Kosovo, Recruitment of Terrorists by NGOs // Global research. 2016.24.07. URL: <https://www.globalresearch.ca/isis-daesh-training-camps-in-kosovo-recruitment-of-terrorists-by-ngos/5537652> (date of access: 17.04.2020).

North Macedonia joins NATO as 30 th Ally // NATO. 2020.27.03. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_174589.htm (date of access: 23.05.2020).

Oliver I. War and Pease in the Balkans: the diplomacy of conflict in the former Yugoslavia London; New York: Tauris in assoc. with New Europ. 2005. XVI. 179 p.

ОНА одговorna за pucnjavu u Makedoniji // Mondo. 2010.02.05. URL: <http://mondo.rs/a169706/Info/Ex-Yu/ONA-odgovorna-za-pucnjavu-u-Makedoniji.html> (date of access: 04.05.2020).

Stojanovski S., Marolov D. Republic of Macedonia, the 30 th Member of NATO? // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research (IJSBAR). 2017. N 1. P. 281–294.

References

Albanske boeviki v Kosovo ugrozhayut vojnoj [Albanian militants in Kosovo threaten with war]// Vzglyad. 2007.13.11. URL: <https://vz.ru/news/2007/11/13/124414.html> (date of access: 02.04.2020).

Burlinova N.V. ES i NATO: Krizisny'e menedzhery' Evropy' [EU and NATO: Europe's Crisis Managers?] // Bezopasnost' Evrazii [Safety of Eurasia]. 2008. N 3. S. 256–264.

Cards assistance programme. Former Yugoslav Republic of Macedonia 2002–2006 // European Commission. Belgium: European commission. External relations directorate general. 2006.22.06. 72 p. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/financial_assistance/cards/publications/fyrom_strategy_paper_en.pdf (date of access: 30.05.2020).

Chugunov K.V. Balkanskiy raj dlya terroristov [Balkan Paradise for Terrorists] // Neizvestnaya razvedka. 2004. N 1. S. 4–6.

Chugunov. K. Terrorizm s «evropejskim liczom» [Terrorism with a «European face»] // Rossijskaya gazeta. 2003.25.09. URL: <https://rg.ru/2003/09/25/Terrorizmsevropejskimlitsom.html> (date of access: 02.05.2020).

E'konomicheskij regress: rejting samy'x bedny'x stran Evropy' [Economic regression: ranking of the poorest countries in Europe] // Infografika. 2020.20.03. URL: <https://infografics.ru/all/samye-bednye-strany-evropy/> (date of access: 22.05.2020).

E'kspert: Evrosoyuz potrebuot ot Makedonii «pravitel'stva edinstva» [Expert: The European Union will demand a «unity government» from Macedonia] // RIA Novosti. 2016.21.04. URL: <https://ria.ru/20160421/1416374911.html> (date of access: 27.05.2020).

E'kspert: gotovnost' oppozitsii Makedonii ispol'zovat' silu bespokoit [Expert: the readiness of the Macedonian opposition to use force worries] // RIA Novosti. 2016.22.04. URL: <https://ria.ru/20160422/1417128432.html> (date of access: 25.05.2020).

ES otkazalsya govorit' o chlenstve Severnoj Makedonii. E'to nazy'vayut oshibkoj [The EU declined to talk about North Macedonia's membership. This is called a mistake] // BBC. Russkaya sluzhba. 2019.19.10. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50110904> (date of access: 07.06.2020).

Gunnar Lange // Peoples. 2006.24.02. URL: https://www.peoples.ru/military/general/gunnar_lange/ (date of access: 20.04.2020).

ISIS-Daesh Training Camps in Kosovo, Recruitment of Terrorists by NGOs // Global research. 2016.24.07. URL: <https://www.globalresearch.ca/isis-daesh-training-camps-in-kosovo-recruitment-of-terrorists-by-ngos/5537652> (date of access: 17.04.2020).

Istoriya konflikta v Kosovo [History of the conflict in Kosovo] // RIA Novosti. 2013.22.01. URL: <https://ria.ru/20130122/919218079.html> (date of access: 20.02.2020).

Istoriya otnoshenij Severnoj Makedonii i NATO [History of relations between North Macedonia and NATO] // TASS. 2020.27.03. URL: <https://tass.ru/info/8102757> (date of access: 15.02.2020).

Kazarmy' Makedonskoj armii obstrelyali albanskiye e'kstremisty' [Albanian extremists fired on barracks of the Macedonian army] // RIA Novosti. 2003.18.05. URL: <https://ria.ru/20030518/381281.html> (date of access: 04.05.2020).

Kireev D. Albancy b'yut makedoncev [Albanians beat macedonians] // Euromag. 2012.13.03. URL: <https://www.euromag.ru/articles/albancy-bjut-makedoncev/> (date of access: 14.02.2020).

Koceva Z. E'konomicheskaya situatsiya v Makedonii i uroven' razvitiya ee kompanij [The economic situation in Macedonia and the level of development of its companies] // Simvol nauki. 2016. N 12–1. S. 122–123.

Korenev E.S. Albanskiy faktor regional'noj strategii NATO na Balkanax v 1990–2000-e gody' [Albanian factor of NATO regional strategy in the Balkans in 1990–2000] // Vestnik Saratovskogo universiteta. Mezhdunarodny'e otnosheniya. 2017. N 1. S. 92–98.

Makedoncy ne xotyat smeny' nazvaniya strany' i trebuyut otstavki pravitel'stva [Macedonians do not want to change the name of the country and demand the resignation of the government]. Regnum. 2018.4.06. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2426087.html> (date of access: 27.05.2020). (In Russ.)

Makedoniya pered «majdanom»: nedovol'stvo prem'erom ili davlenie izvne? [Macedonia before the «Maidan»: dissatisfaction with the prime minister or outside pressure?]. RIA Novosti. 2015.17.05. URL: <https://ria.ru/20150517/1064958063.html> (date of access: 04.06.2020). (In Russ.)

Makedoniya v ogne [Macedonia on fire] // PRESS obozrenie. 2001. 17.03. URL: <https://press.try.md/item.php?id=4584> (date of access: 19.02.2020). (In Russ.)

Missii stran – chlenov NATO atakovany` makedonczami [Missions of NATO member states attacked by Macedonians]. RBK. 2001.25.07. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/07/2001/5703b2699a7947783a5a1d54> (date of access: 06.04.2020). (In Russ.)

Miting v podderzhku pravitel'stva stal krupnejshim v istorii Makedonii [The rally in support of the government became the largest in the history of Macedonia]. RIA Novosti. 2015.18.05. URL: <https://ria.ru/20150518/1065239056.html> (date of access: 07.06.2020). (In Russ.)

«Ne isklyuchen variant grazhdanskoj vojny`»: ustupit li Makedoniya Afinam v davnem spore o nazvanii strany` [«The Variant of Civil War is Not Excluded»: Will Macedonia Concede to Athens in the Long-Term Dispute over the Name of the Country]. Russia today. 2018.17.01. URL: <https://russian.rt.com/world/article/471069-makedoniya-peregoovry-imya-nato> (date of access: 13.05.2020). (In Russ.)

«Nezavisimoe Kosovo»: patologicheskij kriminal global'nogo urovnya [«Independent Kosovo»: pathological crime of the global level] // Voennoe obozrenie [Military Review]. 2012.31.08. URL: <https://topwar.ru/18312-nezavisimoe-kosovo-patologicheskij-kriminal-globalnogo-urovnya.html> (date of access: 30.03.2020). (In Russ.)

North Macedonia joins NATO as 30 th Ally. NATO. 2020.27.03. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_174589.htm (date of access: 23.05.2020).

Oliver I. War and Peace in the Balkans: the diplomacy of conflict in the former Yugoslavia London; New York: Tauris in assoc. with New Europ. 2005. XVI. 179 p.

ONA odgovorna za pucnjavu u Makedoniji. Mondo. 2010.02.05. URL: <http://mondo.rs/a169706/Info/Ex-Yu/ONA-odgovorna-za-pucnjavu-u-Makedoniji.html> (date of access: 04.05.2020).

Operacija NATO zavershilas` v Makedonii [NATO operation ended in Macedonia]. NEWSru. 2001.25.09. URL: https://www.newsru.com/world/25sep2001/nato_makedonia.html (date of access: 16.04.2020). (In Russ.)

Ovchinskij V.S. «Nezavisimost`» Kosovo v zerkale tenevoj politiki. Analiticheskij doklad «Independence» of Kosovo in the Mirror of Shadow Politics]. M.: INFRA–M. 2008. 30 c. (In Russ.)

«Partnerstvo radi mira» [«Partnership for Peace»]. NATO. RF. 2003.10.03. URL: https://nato.rf/ru/partnership_for_peace.html (date of access: 10.02.2020).

Ponomareva E.G. Respublika Makedoniya: nastuplenie albanskogo men'shinstva [Republic of Macedonia: the offensive of the Albanian minority]. Politicheskaya nauka [Political Science]. MGIMO. 2010. N 1. S. 138–172.

Poskreby'sheva E.S. Oxridskoe soglasenie po Makedonii v kontekste e'tnokontfessional'noj politiki Evrosoyuza [The Ohrid Agreement on Macedonia in the context of the ethno-confessional policy of the European Union]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Mezhdunarodny'e otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie [Bulletin of Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky. International relationships. Political science. Regional studies]. 2013. N 5 (1). S. 321–325.

Serbiya predlagaet koncepciyu «funkcional'nogo razdeleniya» Kosova [Serbia proposes the concept of «functional division» of Kosovo]. Interfaks. 2008.18.03. URL: <https://www.interfax.ru/russia/5782> (date of access: 22.03.2020).

Situaciya v Makedonii chrevata kaosom i grazhdanskoj vojnoj [The situation in Macedonia is fraught with chaos and civil war]. RIA Novosti. 2016.18.04. URL: <https://ria.ru/20160418/1414208735.html> (date of access: 01.06.2020).

Skandal s proslushkoj privel k otstavkam v Makedonii [Wiretapping Scandal Leads to Resignations in Macedonia]. BBC. Russkaya sluzhba. 2015.12.05. URL: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/05/150512_rm_macedonia_resign (date of access: 02.06.2020).

Sovet Bezopasnosti OON. Pis'mo general'nogo sekretarya ot 26 marta 2007 goda na imya Predsedatelya Soveta Bezopasnosti [UN Security Council. Letter from the Secretary General dated March 26, 2007 to the President of the Security Council]. Guskova.info. 2007.26.03. 9 s. URL: <http://www.guskova.info/misc/docs/2007-03-26.pdf> (date of access: 22.03.2020).

Stojanovski S., Marolov D. Republic of Macedonia, the 30 th Member of NATO? International Journal of Sciences: Basic and Applied Research (IJSBAR). 2017. N 1. P. 281–294.

Tixonov R. Bitva za Makedoniyu: pochemu ES podderzhivaet albanskoe men'shinstvo [The Battle for Macedonia: Why the EU Supports the Albanian Minority]. Russia today. 2017.06.04. URL: <https://russian.rt.com/world/article/375678-makedoniya-albaniya-krizis> (date of access: 20.05.2020).

V Makedonii nachinaetsya Natovskaya operaciya «osnovnoj urozhaj». Namereniya NATO Georgievski nazval «smexotvorny'mi» [NATO operation «main harvest» begins in Macedonia. Georgievsky called NATO's intentions «ridiculous»] // Pravda. ru. 2001.27.08. URL: https://www.pravda.ru/world/803856-v_makedonii_nachinaetsja_natovskaja_operaciya_osnovnoi_urozhai/ (date of access: 20.04.2020).

V Makedonii pogib voennosluzhashhij britanskix vooruzhenny'x sil iz sostava NATO [A member of the British armed forces from NATO was killed in Macedonia]. NEWSru. 2001.27.08. URL: <https://www.newsru.com/world/27aug2001/operation1.html> (date of access: 20.04.2020).

V Makedonii provedena masshtabnaya antiterroristicheskaya operaciya [Large-scale anti-terrorist operation carried out in Macedonia] // NEWSru. 2007.25.09. URL: <http://txt.newsru.co.il/world/09nov2007/macedon928.html> (date of access: 04.05.2020).

Veranyan A.G. Rol' Germanii v uregulirovanii e'tnicheskix konfliktov v Kosovo i Makedonii v 1998–2001 gg. i izmenenie polozheniya FRG v NATO [The role of Germany in the settlement of ethnic conflicts in Kosovo and Macedonia in 1998–2001 and the change in the position of the FRG in NATO] // Germaniya na perekrestkax istorii. Problemy' vnutrennej i vneshnej politiki v kontekste transformacij mezhdunarodny'x otnoshenij. Sbornik nauchny'x statej [Germany at the crossroads of history. Domestic and foreign policy problems in the context of transformations of international relations. Collection of scientific articles]. 2012. Vy'p. 3. S. 147–154.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.31249/rsm/2021.03.15

М.В. Ковалев

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЛАЗАМИ ВЕНГЕРСКОГО ИСТОРИОГРАФА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ДЮЛЫ СВАКА

***Аннотация.** Представленный очерк посвящен аналитическому разбору новой книги венгерского ученого Дюлы Свака. Рецензируемая работа включает восемь очерков, написанных профессором в период с 1978 по 2017 г. и отражающих широкий диапазон и динамику его научных интересов. В книге представлены этюды о концепциях российского феодализма в историографии, об осмыслении опричнины советскими учеными, об образах Ивана Грозного и Петра Великого в исторической памяти. Автор рецензии отмечает, что для венгерского исследователя чрезвычайно важна связь между историческим и историографическим процессами. В центре последних всегда находится человек, а не безликий и абстрактный нарратив. В приведенном аналитическом обзоре основное внимание уделяется размышлениям профессора Свака о путях развития советской / российской и венгерской исторической науки, о поиске общего и особенного между ними. В связи с этим плодотворным представляется метод сравнительного описания жизненных траекторий и ученых карьер отечественных и венгерских специалистов, как это проделано автором рецензируемой книги на примерах Й. Перени и Р.Г. Скрынникова.*

***Ключевые слова:** Д. Свак; историография; Россия; Венгрия.*

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Россия, Москва.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747-2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

Kovalev M.V. Russian historiography through the eyes of a Hungarian historiographer: Reflections on the book by Gyula Szvák

***Abstract.** The presented essay is devoted to the analysis of new book of Gyula Szvák, a Hungarian scientist. This reviewed work includes eight articles written by the professor between 1978 and 2017, reflecting the dynamics of his scientific interests, as well as their wide range. The book presents essays on the concepts of Russian feudalism in historiogra-*

phy, on the interpretation of the oprichnina by Soviet scientists, on the images of Ivan the Terrible and Peter the Great in historical memory. The author of the review notes that the connection between historical and historiographic processes is extremely important for the Hungarian researcher. In the center of his studies there is always a person, and not a faceless and abstract narrative. In the above analytical review, the main attention is paid to the reflections of Professor Szvák on the ways of development of Soviet / Russian and Hungarian historical science, on the search for common and special between them. In this regard, the method of comparative description of the life trajectories and scientific careers of Russian and Hungarian specialists seems to be fruitful, as was done by the author of the book under review using the examples of J. Perényi and R.G. Skrynnikov.

Keywords: Gy. Szvák; historiography; Russia; Hungary.

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747-2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

Имя венгерского историка, профессора Дюлы Свака не нуждается в специальном представлении российским коллегам. Он хорошо известен не только как яркий и самобытный исследователь, но и как прекрасный научный организатор, создавший в Будапештском университете Центр русистики, как сторонник развития и укрепления российско-венгерских научных контактов. Работы ученого многократно публиковались в России [Свак 2000; 2010; 2018; 2021; и др.], а его творчество уже становилось предметом научных рефлексий со стороны отечественных специалистов [Тараторкин, Юрганов 2011; Репина 2018; Болдин, Ширинянц 2019]. Потому нельзя обойти вниманием и недавно вышедшую в Москве книгу профессора Свака, посвященную узловым проблемам российской историографии [Свак 2019]. Она включает восемь очерков, написанных венгерским учеными в период с 1978 по 2017 г., и отражающих динамику его научных интересов, равно как и их широкий диапазон. В книге представлены исследования профессора Свака о концепциях российского феодализма в историографии, об осмыслении опричнины советскими учеными, об образах Ивана Грозного и Петра Великого в исторической памяти, об эволюции взглядов на творчество Ивана Пересветова. Каждый из очерков, безусловно, заслуживает особого внимания. Однако автор этих строк хотел бы в своем обзоре остановиться на том, каким видится именитому ученому историографическое исследование, и как оцениваются им перспективы сравнительных российско-венгерских историографических штудий.

Историографические сюжеты важны Сваку не сами по себе, но в контексте преломления сквозь них узловых событий русской истории, во взаимосвязи с метаморфозами российской исторической памяти. Отсюда, например, пристальное внимание к эпохам Ивана Грозного и Петра Великого и к их отражению в интеллектуальной культуре¹. Свой исследовательский подход профессор Свак определяет как «микроисториографический». Читателям он поясняет: «В “историях исторической науки” русская историческая наука обычно анализируется горизонтально, а в предлагаемых работах – вертикально, то есть их автор старается сложить образ русской исторической науки из историографических мозаичных элементов, путем изучения определенных проблем» [Свак 2019, с. 7]. Предлагаемый подход отнюдь не равнозначен переносу внимания с больших нарративов на малые, и не связан со смещением акцентов от общего к частному. Свак говорит, что некогда пытался найти «макроответы с помощью “микрометодов”» [Свак 2019, с. 9], однако постепенно осознал малую продуктивность такой задачи. Он обосновывает потребность изучать разные, порой находящиеся в противоречии друг другу историографические сюжеты и явления, избегать ненужных и неоправданных обобщений. Для него чрезвычайно важна связь между историческим и историографическим процессами. В центре последних всегда находится человек, а не безликий и абстрактный нарратив. Потому профессор Свак с полным основанием утверждает, что невозможно понять труды историка без глубокого проникновения в его биографию: «Достигнутые ученым результаты в их полноте никогда не могут быть поняты без знакомства с его личностью и окружавшим его (макро- и микро-) миром» [Свак 2019, с. 234].

Признавая специфику российского исторического, а значит, и историографического процесса, профессор Свак отнюдь не пытается доказать обособленность и непохожесть России. Потому и ее историческая наука – это «европейская историческая наука, европейская по своим источникам, поднимаемым вопросам и попыткам ответить на эти вопросы» [Свак 2019, с. 7]. Дюла Свак подмечает, что российская историческая наука, несмотря на свою драматическую судьбу в XX в. и на пережитые интеллектуальные разрывы, все же представляет собой единое целое. В понимании венгерского ученого, между дореволюционной, советской и постсоветской наукой обнаруживается немало сквозных линий. Так, идеализация Ивана Грозного, по верному замечанию автора книги, не была изобретением сталинской эпохи, а имела глубокие корни еще в историографии XIX в.

1. Остается сожалеть, что на русский язык до сих пор не переведена фундаментальная книга Д. Свака об образах Ивана Грозного и Петра Великого в русской интеллектуальной культуре [Szvák 2001].

Чрезвычайно важны сравнительные наблюдения Свака за путями развития советской и венгерской исторической науки. Он замечает, что в социалистической Венгрии историческая наука «находилась на хорошем, быть может, даже первоклассном уровне и успешно лавировала между Сциллой национальной замкнутости и Харибдой международного государственного марксизма» [Свак 2019, с. 13–14]. Груз догматического марксизма там был куда слабее, чем в СССР, что давало возможность иных интеллектуальных поисков. Одновременно у венгерских историков была возможность широкой работы с российским историческим материалом. Например, в венгерской марксистской историографии сложился своего рода консенсус вокруг понимания исторического феномена централизованного государства. Подобное государство непременно считалось сословным, но в то же время не всякое сословное государство рассматривалось как централизованное. Централизация выводилась из сословности, а это противоречило «мысли о возникновении Русского централизованного государства в конце XV в.» [Свак 2019, с. 122–123]. Венгерская наука была интегрирована в общую систему социалистической науки, но в то же время у нее был свой особенный путь и свои возможности вести дискуссии. Добавим здесь, в продолжение мыслей профессора Свака, что в венгерской послевоенной интеллектуальной среде гораздо сильнее, нежели в советской, было выражено стремление к свободе научного поиска. Это было связано с тем, что период репрессий в Венгрии, пришедшийся на конец 1940-х – 1950-е годы, хоть и был ожесточенным, но не имел столь разрушительных последствий, как аналогичные процессы в СССР в 1920–1930-х годах. В то же время в венгерской интеллектуальной культуре существовала своя особенная марксистская традиция, живым воплощением которой был Дьёрдь Лукач и Будапештская школа. Венгерской научной интеллигенции удалось сохранять довольно высокую степень самостоятельности и оппозиционности.

Д. Свак убеждает читателей, что интеллектуальная революция победила в Венгрии еще до падения социализма: «Это время можно назвать героическим периодом, в котором сделало свое дело и сообщество историков, которое по праву может гордиться этим. Историки испытывали тогда приподнятые чувства. Мы стали свидетелями, участниками и летописцами осуществления наших исторических идеалов». Однако, признает он, эта победа оказалась Пирровой [Свак 2019, с. 16]. Восприятие автором тенденций развития современной венгерской исторической науки кажется если не пессимистичным, то довольно критичным. Он с опасением говорит о новой исторической политике, которая проводится под жестким контролем государства, и выражается в создании специальных учреждений для «правильного» изучения национальной истории, в ограничении автономии Академии наук и университетов, в возврате к историческим концептам эпохи «хортизма». Свака

явственно пугает этнизация и огосударствление исторического знания, разжигание мемориальных войн, особенно на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Опасения венгерского ученого в том, что история снова становится «служанкой политики», могут найти многочисленные подтверждения по всему миру. По его мнению, возврат к «фактографии старого доброго позитивистского прошлого» [Свак 2019, с. 20] снова может стать способом ухода от политического и идеологического давления, как справа, так и слева.

Как же тогда профессор Свак оценивает положение российской исторической науки на рубеже XX–XXI вв.? Он вполне обоснованно заверяет, что если англо-саксонская русистика в это же самое время вырвалась далеко вперед, то российской историографии пришлось держать оборону [Свак 2019, с. 17]. Она в должной мере не смогла противостоять внешнему влиянию и сохранить за собой ту степень влияния, которая была у советской историографии, даже невзирая на ее идеологизированность. Большой интерес со стороны профессора Свака вызывает опыт создания новой государственной концепции истории России, в том числе путем написания учебников. Эти действия он рассматривает как заключительный этап поисков идентичности, во главе которого стоят элиты, осуществившие в 1990-х годах смену общественного строя. С одной стороны, он видит в этих процессах возрождение утраченных «мест памяти», но, с другой – обнаруживает и многочисленные тревожные сигналы, каким стала, например, установка в Орле в 2016 г. первого в российской истории монумента Ивану Грозному. Образ первого русского царя, как хорошо известно, не появился даже на знаменитом памятнике Тысячелетию России в Новгороде. Думается, профессор Свак недалек от истины, когда замечает, что в начале XXI в. исторические дискуссии в России, по сути, вернулись к старому – славянофильскому и западническому – пониманию истории.

Российско-венгерские историографические параллели пронизывают текст книги Дюлы Свака. Он пытается выявить общие и особенные тенденции в их развитии. Отметим, что биография венгерского профессора прочно вписана в этот перекрестный культурный контекст: в 1981–1984 гг. он обучался в заочной аспирантуре Ленинградского государственного университета, по окончании которой защитил диссертацию об историографических оценках Ивана Грозного. Наставником Дюлы Свака был профессор Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009). Закономерно, что одно из центральных мест в рецензируемой книге занимает очерк об этом именитом ученом, творчество которого, по словам Д. Свака, бесспорно стало частью мировой историографии. Вглядываясь в биографию своего научного руководителя, венгерский историк убеждается, что понять ее можно лишь при условии глубокого погружения в послевоенную советскую действительность.

Р.Г. Скрынникова он описывает как представителя поколения, которое начало научные карьеры с большими обновленческими надеждами, но которое надломили неоправдавшиеся грезы Оттепели. В итоге многие ученые попытались уйти от теоретических обобщений в своих исследованиях и обратиться к относительно безопасной фактографии. Они «с кошачьей ловкостью обходили всевозможные запреты и удалялись в добровольную ссылку в “антикварную” историю» [Свак 2019, с. 235]. Скрынников в изображении Дюлы Свака, конечно, не выглядит научным вольнодумцем и бунтарем. Он принимал установки советской исторической науки, но все же толковал их в «духе строгой фактографии» и «избегал методологических ловушек» [Свак 2019, с. 242]. Гораздо более важным представляется Сваку постижение жизненного мира профессора Скрынникова и особенно его личностных качеств. Автор книги не без иронии сетует, что понятие «человечность» крайне редко используется для характеристики ученого, но именно без этого качества невозможно понять образ Р.Г. Скрынникова. Уместно привести в связи с этим пространное разъяснение венгерского историка, раскрывающее его подход к пониманию биографий многих советских историков: «Жил однажды мягкий и тихий советский профессор, который старался привить ученикам навыки настоящего ученого, учил их научной честности, не прибегая при этом к авторитарным методам, апеллируя к документам и разуму учеников, считая последних своими партнерами и далеко выходя за обычные пределы преподавательской компетенции. Даже в советскую эпоху он сохранил пламя, переданное дореволюционной интеллигенцией, живым примером доказывая своим ученикам, что и в СССР можно честно служить науке, причем оставаясь при этом честным человеком. Тем самым постсоветские историки, да и вся современная русская интеллигенция многим обязана ему: его пример предостерегает новые поколения от желания отречься от собственной предыстории, бездумно выкинуть на свалку истории 70 лет советского прошлого» [Свак 2019, с. 248].

Можно ли говорить о том, что Дюла Свак идеализирует фигуру Р.Г. Скрынникова? Думается, что нет, хотя образ его рисуется с явной и нескрываемой симпатией. Для автора книги важно не просто написать портрет своего научного руководителя, но сделать это на групповом фоне иных советских историков. Потому для него так важно попытаться понять личные и деловые коммуникации Руслана Григорьевича с коллегами. Задача эта, разумеется, непростая. Однако венгерскому историку удалось довольно беспристрастно проследить крайне непростые взаимоотношения Р.Г. Скрынникова и И.Я. Фроянова. Первый предстает «демократичным преподавателем и медиативной личностью», второй – «очень жестким руководителем и импульсивным человеком» [Свак 2019, с. 241]. Их сложные взаимодействия являют собой не столько примеры научной конкуренции или тем более личной не-

приязни, сколько разные стили научной работы и разные стили жизни. Дюла Свак не пытается обвинить или оправдать кого-то из них. Если Фроянова венгерский ученый ценит за его «типичную русскость», то Скрынникова – за его «европейскость» [Свак 2019, с. 241].

Параллельные жизнеописания ученых вообще привлекают Дюлу Свака. Оттого он вводит в повествование еще одного важного героя – своего венгерского учителя, профессора Йожефа Перени (1915–1981), в чьей биографии в полной мере отразились крутые виражи послевоенной истории. Примечателен пассаж о том, как Перени пострадал за «буржуазный объективизм» в конце 1940-х годов. Переводя на венгерский язык фундаментальный труд Б.Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.», он высказал сомнения в правильности некоторых толкований маститого советского ученого, за что едва не распрощался с работой. Однако уже вскоре, когда сотрудникам Института истории Венгерской академии наук понадобилось обратиться с официальным запросом к Грекову об организации социалистического соревнования в исторической науке, они вспомнили о Перени. Тот знал академика со времени своей работы в посольстве в Москве в первые послевоенные годы. Борис Дмитриевич откликнулся и даже прислал в Будапешт «Указания академика Б.Д. Грекова венгерским историкам» [Свак 2019, с. 252–254].

Профессору Сваку важно показать, как общее и особенное в биографиях Скрынникова и Перени, демонстрирует сходство и различие между реалиями исторических наук в СССР и Венгрии. Мировоззрение Руслана Григорьевича складывалось под прямым воздействием официальных советских историографических концептов. Что же касается Йожефа Перени, то он хоть и придерживался социал-демократических убеждений, не разделял постулатов «вульгарного марксизма», активно насаждаемого в послевоенной Венгрии. Ему, как и многим представителям его поколения, догматизм нанес «экзистенциальные обиды», породил глубокие разочарования и вместе с тем вселил предельную осторожность. Оттого, как вспоминает Д. Свак, даже в личных разговорах с ним Й. Перени никогда не критиковал советскую историческую науку «и не отказывался от таких шаблонных утверждений, как, например, что в Средние века историческое развитие России и Венгрии было структурно одинаковым, ссылаясь лишь на то, что крестьяне и там и тут одинаково пахали землю» [Свак 2019, с. 260]. Таким образом, обрисованные Д. Сваком примеры еще раз наглядно показывают важность компаративного изучения истории науки (и не только исторической!) в СССР и странах Восточной Европы. Сравнение советского и венгерского материалов в связи с этим создает исключительно благодатную почву. Остается надеяться, что подобные сюжеты будут подхвачены современными исследователями. Россию и Венгрию связывают многовековые и неразрывные исторические взаимоотношения,

наполненные как достижениями и успехами, так и трагическими потрясениями. Потому сегодня для успешного развития двухсторонних отношений необходимо совместное преодоление исторических травм, а равно – поиск общих «мест памяти», примеров успешного и взаимовыгодного сотрудничества. Тем важнее беспристрастно взглянуть на опыт двухстороннего научного сотрудничества в области исторической науки.

Книга профессора Свака, вне всякого сомнения, сослужит добрую службу российским историкам. Ведь его исследования всегда отличали научная глубина и исследовательская прозорливость, которые дают читателям возможность посмотреть на, казалось бы, привычные исторические и историографические сюжеты в непривычном ключе.

Библиография

Болдин В.А., Ширинянц А.А. Опыт профессора Дюлы Свака (к выходу в свет книги: Дюла Свак. Опыт микроисториографии) // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 401–409.

Репина Л.П. Стимулирующая «микроисториография» профессора Свака // Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Ред. и сост. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2018. С. 27–33.

Свак Д. «Дурно» ли говорить о «русском феодализме»? (к историографии вопроса) // Труды Института российской истории РАН. 2000. Т. 2. С. 5–55.

Свак Д. Русская парадигма: Русофобские записки русофила. СПб.: Алетейя, 2010. 176 с.

Свак Д. «Открытое письмо» как историографическое средство диалога // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 361–383.

Свак Д. Опыт микроисториографии. М.: Аквилон, 2019. 288 с.

Свак Д. «Русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?»: микроисториографический этюд // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 1. С. 23–54.

Тараторкин Ф.Г., Юрганов А.Л. Русская парадигма венгерского профессора // Россия XXI. 2011. № 5. С. 142–151.

Szvák Gy. IV. Iván és I. Péter utóélete. Budapest: ELTE Ruzsisztikai Intézet, 2001. 256. old.

References

Boldin V.A., Shirinyanc A.A. Opyt professora Gyuly Svaka (k vyhodu v svet knigi: Dyula Svak. Opyt mikroistoriografii) [The experience of professor Gyula Szvák (to the publication of the book: Szvák Gyula. Experience of microhistoriography)]. Dialog so vremenem [The Dialogue with Time]. 2019. Vol. 69. P. 401–409. (In Russ.)

Repina L.P. Stimuliruyushchaya «mikroistoriografiya» professora Svaka [Stimulating «microhistoriography» of Professor Szvák]. Idei i dela. K 65-letiyu professora Gyuly Svaka i 30-letiyu izucheniya istoricheskoy rusistiki v Budapeshte [Ideas and deeds. To the 65th anniversary of Professor Gyula Szvák and the 30th anniversary of the study of historical Russian studies in Budapest]. Moscow: Akvilon, 2018. P. 27–33. (In Russ.)

Szvák Gy. «Durno» li govorit' o «russkom feodalizme»? (k istoriografii voprosa) [Is it «bad» to talk about «Russian feudalism»? (to the historiography of the issue)]. Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Proceedings of the Institute of Russian History, RAS.]. 2000. Vol. 2. P. 5–55. (In Russ.)

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Szvák Gy. IV. Iván és I. Péter utóélete. Budapest: ELTE Ruszisztikai Intézet, 2001. 256. old.

Szvák Gy. Russkaya paradigma: Rusofobskie zapiski rusofila [Russian paradigm: Russophobic notes of a Russophile]. St. Petersburg: Aletejya, 2010. 176 p. (In Russ.)

Szvák Gy. «Otkrytoe pis'mo» kak istoriograficheskoe sredstvo dialoga [«Open Letter» as a Historiographic Means for Dialogue]. Dialog so vremenem [The Dialogue with Time]. 2018. Vol. 64. P. 361–383. (In Russ.)

Szvák Gy. Opyt mikroistoriografii [The Experience of Microhistoriography]. Moscow: Akvilon, 2019. 288 p. (In Russ.)

Szvák Gy. «Russkuyu istoriyu dolzhny pisat' russkie, i zachem v eto delo vmeshivayutsya vengry?»: mikroistoriograficheskij etyud [«The Russians should write Russian history, and why do Hungarians interfere in this matter?»: A microhistoriographic study]. Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. N 1. P. 23–54. (In Russ.)

Taratorkin F.G., Yurganov A.L. Russkaya paradigma vengerskogo professora [Russian paradigm of the Hungarian professor]. Rossiya XXI [Russia XXI]. 2011. N 5. P. 142–151. (In Russ.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

**ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ
«РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»**

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Россия и современный мир № 3 – 2021 (112)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И . К . Л е т у н о в а

Корректор

О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 09.09.2021 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,5 Уч.-изд. л. 16,5

Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 54

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У